

КРИМ • КЪЫРЫМ

КРЫМ 3 [34] 2013

Литературно-художественный журнал

Симферополь



*Крым*

**КРЫМ**

**КРЫМ**

Главный редактор

**Валерий Басыров**

Заместитель главного редактора

**Вячеслав Килеса**

Редколлегия:

**Аблязиз Велиев, Михаил Вишняк,  
Валерий Воронин, Даниил Кононенко,  
Диявер Османов,**

**Виктор Стус, Риза Фазыл,  
Борис Финкельштейн**

Одна из особенностей детства в том, что у него нет прошлого и принадлежащее ему время направлено исключительно на завтрашний день. Отсюда его бескомпромиссность — в первую очередь относительно себя. Попадая в неловкие, смешные для взрослых ситуации, ребенок воспринимает их как трагедию, где мир рушится и нужно успеть выбраться из развалин. И рука взрослого не всегда воспринимается такой, что протянута для помощи: тем более что взрослый ум чаще всего в первую очередь думает о наказании.

Именно поэтому содержание третьего номера журнала «Крым» будет восприниматься по-разному. С одной стороны, в нем напечатано множество вызывающих улыбку историй, — тогда как обратная сторона наглядно демонстрирует разность детского и взрослого сознания, способного при пересечении стать источником непонимания и даже конфликта. Одна и та же ситуация измеряется разными точками зрения и тогда то, что у взрослого человека вызывает смех, у ребенка становится поводом для слез.

Лучше всех это понимал классик крымской литературы для детей Владимир Натанович Орлов: гамлетовский шут, слишком умный для взрастившего его времени, о котором он писал так:

*Король на всех делил пирог:  
Кому-то — лакомый кусок,  
Кому-то — крошек малость,  
Кому-то — запах от него,  
Кому-то — вовсе ничего,  
Кому-то — что осталось.*

Что поделаешь — времена не выбирают — и литературная слава делалась слепой и квалификационно-неграмотной чиновничьей фортуной подобно разбрасывающему зерна сеятелю: кому что попадет. Писатель должен был соответствовать канонам тогдашней идеологии, зачастую теряя из-за этого оригинальность творчества. «Выпрямляли мишке лапы, чтобы не был косолапый. Он теперь сидит без лап, но зато не косолап», — грустно шутил Орлов. И возвращался в мир детства, где можно было смеяться над всем.

*В лужице хрюшку увидела хрюшка:  
— Это, конечно, не я, а подружка!  
Ну и грязнуля подружка моя!  
Просто прекрасно, что это не я!*

Английский мыслитель и политический деятель 18 века Эдмунд Берк писал: «История — это союз между умершими, живыми и еще не родившимися». Именно такую связь и создают стихотворения евпаторийского поэта Сергея Овчаренко, пронизывая сегодняшний день воспоминаниями о прошлом — и, привстав на цыпочки, заглядывают в будущее.

*Когда это было? И было ли это? —  
дорога, ведущая в жаркое лето,  
песчаные пляжи без камня и глины...  
Для нас времена те — почти что былинные.*

Одна страна, один город, одна компания... Та самая, дворовая, научившая тебя гораздо большему, чем школа и родители. И создавшая память, принципам которой ты навсегда верен.

*Плечо к плечу, спина к спине —  
Закон суровый,  
Хоть здесь не так, как на войне —  
До первой крови.  
И мы за правду лезем в бой,  
Не зная страха,  
Для нас ужаснее порой  
Порвать рубаху.*

Но улетают листки календаря и вот уже твои дети сидят на скамейках твоего детства. А у тебя остается записная книжка с исчезающими телефонами друзей, улыбки при встречах и воспоминания — иногда самое ценное, что мы накопили за годы странствий, встреч и разлук.

*Но память, но память — упрямая штука,  
напомнит, подскажет, возьмёт на поруки  
и спросит, и спросит: — Так было ли это?  
Какие тут, к чёрту, быть могут секреты?  
А ну-ка, — прикажет, — встряхнись, имяреки!  
Возьмите в кенасах себе чебуреки,  
и выпьем за то, что все песни не спеты,  
за то, что всё было! Да, было всё это!*

Профессия накладывает отпечаток на творчество, поэтому стихотворения симферопольского педагога Юрия Полякова в значительной мере посвящены школьной тематике. Его стихи помещены в учебнике 2012 года для 1 класса общеобразовательных школ Украины с русским языком обучения, а также вошли в школьные учебники по чтению и русскому языку, изданные в 2013 году по новым образовательным стандартам Украины.

Понимая, что для детей самыми близкими и понятными существами — после сверстников — являются животные, Юрий Поляков воспитывает на их примере младшее поколение, объясняя, почему козлик вдруг решил пойти в школу.

*Знает козлик:  
Несомненно,  
Чтобы ЧЕЛОВЕКОМ стать,  
Надо школу ежедневно,  
Ежедневно,  
Ежедневно,*

*Еже-  
еже-  
еже-  
дневно  
Непрерывно  
Посещать!*

А какие загадочные истории случаются в школе, когда там поселяется домовая! Да, напрасно «однажды отличница Маша Петрова на первый урок принесла... Домового!»... Ох, напрасно! Разве что для того, чтобы он послушал, с каким «р-р-рвением занимались пением» в школе льявята!

В школе всегда интересно, но еще интереснее во время каникул. Тогда можно обзавестись лягушкой, терпеливо ожидая, когда она превратится в царевну, погулять по окрестностям — и, поставленному в угол ничего не понимающими родителями, с наслаждением вспоминать о подробностях этой прогулки. Ну, а если случайно попадешь мячом в окно бабы Груши, то сразу вспомнятся школьные соревнования по бегу.

Но все хорошее почему-то заканчивается, и вот

*В день последний августа  
С вокзала  
Ветреное Лето  
По привычке  
Тихий городок мой покидало  
Без билета  
В душной электричке.*

Поэт, прозаик, журналист и психолог Лидия Огурцова — автор многих замечательных произведений для детей. В своих стихотворениях она касается многих тем, но основной является взаимоотношение между детьми и родителями. Что поделаешь: иногда миры взрослых и детей очень далеки друг от друга, и тогда возникает непонимание.

*Родителям ничем не угодишь!  
Сажу на стуле — «Ты не так сидишь».  
Молчу — мне говорят: «Опять молчишь!»  
Кричу — ругают: «Ты зачем кричишь?»  
Совсем непросто мне ребенком быть:  
Родителям так трудно угодить.*

Процесс формирования личности сложен и стихотворения Лидии Викторовны помогают понять этот процесс, научить родителей их контролировать. Ревность детей друг к другу, их тяга к ролевым играм, всплеск фантазии, способы, какими дети компенсируют недостаток внимания родителей к своим проблемам — все это наглядно демонстрируют создаваемые поэтом ситуации и образы.

*Мы с сестрой делили маму.  
Я кричу: «Моя, моя!»  
— Нет, моя! — ревет упрямо  
Рядом младшая сестра.  
Мама весело смеялась,  
Мама нежно улыбалась,  
Обнимала нас: — Глупышки!  
Обе вы мои малышки!*

Ограниченное число страниц, отведенное для предисловия, не позволяет подробно рассказать об остальных авторах журнала — но они расскажут о себе сами: своими произведениями. Никого не оставит равнодушным прекрасная проза Нузэта Умерова, Бориса Финкельштейна, Галины Грановской, Ольги Ивановой, юмористические рассказы Эдуарда Угулавы и Владимира Горбаня, пародии Владимира Клерман-Вильямса, — так же как и великолепные стихи Татьяны Корниенко, Людмилы Гусельниковой, Любви Сивельниковой, Леонарда Кондрашенко и Инны Козеевой. По традиции в журнале опубликован рассказ самого юного автора — шестнадцатилетней евпаторийки Шасне Сулеймановой — и произведения гостей журнала: одесского писателя Александра Мардань и проживающего в Германии поэта Виктора Вилека... А любителей литературоведения ждут статьи кандидата филологических наук Александра Маленко и кандидата технических наук Валерия Мешкова.

Не менее интересны разделы журнала, отведенные для произведений украинских и крымскотатарских авторов. Среди них много известных в Крыму имен, порадующих читателей своими новыми произведениями. И посему: приятного вам чтения!



*Вячеслав Килеса,  
заместитель главного редактора журнала «Крым»*



**Нузэт УМЕРОВ**  
(г. Симферополь)

*Родился 13 ноября 1931 г. в г. Симферополе. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Автор многих сборников стихов и прозы для детей и взрослых.*

*Академик Крымской литературной академии.*

## БЕЙБАРС — СУЛТАН ЕГИПТА

Роман

*(Продолжение. Начало в № № 1–2 (№ № 32–33) за 2013 г.)*

### ПОДГОТОВКА

Вода медленно и неумолимо отступала от предместий Мансуры. Уже первый отряд рыцарей совершил круг по периметру крепости, испытывая, выдержит ли земля тяжесть закованных в железо всадников. Выдержала. Зейнур следил со стены, как конники то удаляются от стены, то подъезжают вплотную к покрытым плесенью камням. Дни стали жарче, вода уходила, а вместе с ней уходил и неприятный болотный запах. Вдали, насколько хватало глаз, расстиралась зеленая пойма, которую пересекали две дороги, ведущие в Эль-Кахиру. Как только вода оголила дороги, на них сразу появились пешеходы, ослики и верблюды, первые всадники. Вода отступала быстро, словно стремилась успеть вернуться в привычное русло реки.

Рыцари, засидевшиеся в тесных стенах, не торопились вернуться в город. Они разделились на две группы и выехали на полоски земли,

ведущие в Эль-Кахиру. Было ясно: Великий магистр готовится к выступлению. У купца, приведшего из Дамьетты джалбу с продуктами, Зейнур узнал, что его последнее послание дошло до Бейбарса. Теперь всё решало, кто одержит победу на пути к Эль-Кахиру: вышедшие на дорогу или те, кто перегородил её. Ему казалось, что именно от результата первого столкновения будет зависеть дальнейший ход событий. Интересно, чем сейчас занят Бейбарс? Понял ли он и те, кто сидит в Цитадели, серьезная опасность угрожает Мисру? Сумеют ли они подготовиться? Великий магистр спешил, он мечтал до возвращения короля выступить в поход и открыть дорогу к сердцу Мисра Эль-Кахира. Один из самых богатых и влиятельных людей королевства, он имел под рукой собственную гвардию — тысячу рыцарей, тысячу верных вассалов, которые рвались в бой, зная, что победа принесет им и богатство, и славу.

Вечером в домик у крепостной стены, который занимали братья Шатильонские, пришли трое рыбаков. Рыцарь долго беседовал с ними за плотно закрытыми дверьми. Рыбаки ушли. Вернулись они на рассвете четвертого дня. Теперь они сидели за стеной дома. Один из рыбаков, самый старший, взяв в руки прутик, что-то чертил на земле и объяснял. Рыцарь кивал головой. Время от времени двое, что помоложе, выхватывали из рук старшего прутик и вносили в чертеж свои коррективы. После того, как рыбаки, получив за работу кисет с монетами, ушли, рыцарь позвал Зейнура и попросил его помочь перенести на бумагу каждую черточку, каждый штрих, записывая на бумаге по памяти названия бродов, сухих лужаек, топей. Когда чертеж был готов, рыцарь еще раз сверил его с оригиналом на земле и, убедившись, что не допущено ни одной ошибки, ботинком стер с земли нарисованное и отправился с докладом к Великому магистру.

Три последних дня ни один местный житель не вышел из крепости, ни один путник не ступил на дороги, ведущие к Эль-Кахире. За день перед выступлением крестоносцев две небольшие группы всадников еще раз прошли по дорогам, проверяя, не поджидают ли вассалов Великого магистра засады.

Из всех ворот Мансуры выезжали рыцари и их оруженосцы. По правой, более широкой дороге отправилась гвардия Великого магистра, по левой, более узкой, — остальные во главе с Людовиком Наваррским, графом Пуатье, графом Менским, герцогами Алансонским, Першским, Шартрским. Группа тяжеловооруженных воинов и легкая пехота шли в головной части первой колонны. Рыцарь, его брат, Зейнур отпра-

вились по левой дороге. Так решил сам Великий магистр. Обе группы должны были соединиться там, где дороги сливались в одну широкую, ведущую к Эль-Кахире. Дальше, справа, — Нил. Со стороны реки Великий магистр не ждал нападения: в море и на реке франки были полными хозяевами. У египтян флота не было. Слева начиналось просторное плато — здесь он мог построить своё войско сотня к сотне, как это делают мамлюки, и тогда рыцарскую броню не пробить никакой силой. Так думал Великий магистр.

Солнце стремительно поднималось ввысь. Жаркие солнечные лучи, пробившись сквозь латы и толстые слои фетра, приятно согревали напряженные спины. Голова колонны уже вышла на простор, вышла первая группа рыцарей во главе с Великим магистром. Свежий ветерок с Нила распрявил полотно знамени. Крест на полотне выпрямился и затрепетал над шлемами крестоносцев. И в это время из болотных зарослей со стороны Нила по всей длине колонны ударил ливень стрел! Дикое ржание лошадей переплелось со звоном железа. Часть рыцарей, прикрывшись щитами, повернуло коней в сторону невидимого врага, но те, кто успел повернуть коней, очень скоро увязли в жиже, затаившейся под зеленым платком травы. Кони перестали слушаться поводыев, ища спасения от острых свистящих жал, ринулись к левой стороне, но ливень ударил и с этой стороны, смешав на полотне дороги рухнувших на землю и тех, кто пытался вырваться из этого ада. И справа, и слева невидимые из-за густых зарослей лучники и арбалетчики, сменяя друг друга, били в упор по податливой живой стене. Часть рыцарей во главе с Великим магистром бросилась догонять ушедшую вперед пехоту, и мамлюк-



ские сотни ринулись в разрыв, отделив отставших от тех, кто ушел вперед.

И снова гремели удары железа о железо. На помощь мамлюкам спешила бедуинская верблюжья конница, выставив вперед копыта-багры. Центр колонны прочно завяз, превратившись в груды копошащихся в грязи конских и человеческих тел. Хвостовая часть колонны повернулась было вспять, казалось, им удастся вырваться и вернуться под защиту крепостных стен, но и тут по всей ширине дороги вспыхнуло зарево, огненной стеной преградив путь коням. С треском, разбрасывая огненные искры, горел сушняк, аккуратными снопами сложенный на дороге на высоту человеческого роста.

И снова справа и слева ливень стрел смешал мчащихся на огонь рыцарей в одну судорожно копошащуюся у подножья огненной стены полуживую массу. С громкими криками выскакивали по тропам, проложенным в болоте, лучники и арбалетчики, но теперь в руках у них были короткие копыта, топоры на длинных рукоятках, цепи. Босиком, налегке прыгали они по грудам тел, добывая тех, кто всё еще пытался сопротивляться, извлекая из-под коней живых, на чьих шлемах висели пучки разноцветных перьев, — нападающие знали, что за этих можно будет получить солидный выкуп.

Такой же крошечный ад творился на второй дороге, отделенной от первой широкой болотной полосой в полтора лье. И там вырвавшуюся на простор часть колонны встретили мамлюки Фариса Октая, воины халка и легкая туркменская кавалерия. Братья и Зейнур находились в конце своей колонны. Старший из братьев Саркин сразу был сражен наповал стрелой из арбалета, младший

ранен в плечо, конь под Зейнуром пал. Он выволок Гийома из-под коня, рухнувшего в грязь вместе с седоком, затащил в заросли и стал осторожно пробираться назад по поясу в густой жиже, волоча за собой хозяина. Едва они выбрались на сухую полянку, как навстречу им бросились два воина с копьями в руках. Тот, что бежал впереди, вдруг остановился, отбросил копье и схватился обеими руками за рукоять кинжала, вонзившегося ему в горло. Второй подхватил старшего товарища и опустил его на землю. Зейнур вынул из ножен хозяина меч и засыл в ожидании. Молодой, не дойдя до него, остановился в нерешительности. Зейнур сделал несколько шагов ему навстречу, воткнул меч в землю, стянул с пальца кольцо и спросил у опешившего парня по-арабски:

— Ты когда-нибудь видел эмира Бейбарса в лицо?

Юноша кивнул. Зейнур бросил ему кольцо, юноша на легу подхватил его и снова схватился за копье.

— Отнесешь это кольцо эмиру Бейбарсу, только ему! Скажешь, что видел индуса. Скажешь, что я в крепости. Скажешь, что завтра приплывает главный. Пусть эмир очистит ему дорогу. Всё понял?

Юноша кивнул.

— Ступай, не оборачивайся. Это очень важно. Эмир наградит тебя.

Юноша, пятясь, отступил назад, провалился в яму, наполненную жижей, выбрался из нее и, выйдя на тропинку, бросился прочь. Зейнур вернулся к хозяину, снял с него доспехи, выдернул из плеча обломок стрелы. Покопавшись в траве, сорвал несколько зеленых перьев, разжевал, смешал с желтым комком глины и залепил рану. Гийом пришел в себя, оглянулся удивленно:

— А где наши?

— Ушли вперед...

— А Саркин?

Зейнур махнул рукой:

— Он там.

Только к вечеру добрались они до ворот Мансуры. Прислонив рыцаря к стене, Зейнур постучал в ворота. У воинов, открывших ему, спросил:

— Кто-нибудь оттуда вернулся?

Оба воина ответили разом:

— Нет, никто не вернулся. Вы первые.

\* \* \*

Бейбарс приказал пропустить к нему юношу, задержанного мамлюками. Парень доказывал им, что у него сообщение для самого эмира. Он подошел к эмиру вплотную и медленно разжал кулак. Бейбарс сразу узнал свой перстень. Юноша попросил Бейбарса нагнуться и, припав к уху, слово в слово повторил то, что услышал от Зейнура. «Значит, завтра приплывает из Дамииетты король с очередной партией крестоносцев. — Бейбарс почесал горевшее ухо. — Очистить дорогу... Что еще предлагает ему этот человек? Какую очередную загадку? Очистить дорогу... очистить дорогу... Может, он предлагает встретить короля с оркестром?»

Он опять взялся за мочку горящего уха и, довольный тем, что наконец разгадал послание Зейнура, подозвал к себе стоящего в стороне юношу и протянул ему кисет:

— Держи, это тебе награда за хорошую новость.

Молодой человек снова раскрыл кулак и протянул ладонь с перстнем эмиру. Бейбарс сжал ему пальцы:

— Оставь себе. Когда-нибудь, когда тебе будет очень плохо, приходишь и покажешь его мне.

## ВТОРАЯ ВОЛНА

«Очистить дорогу... очистить дорогу королю...». Бейбарс представил себе, как через несколько дней королевский флот доставит в Мансуру еще одну армию и уйдет, а ему, Бейбарсу, придется брать крепость штурмом. Если бы у него был флот, он блокировал бы все подступы к городу, и через полгода они, как тараканы, один за другим выползли бы оттуда. Осада... тот, кто осаждает, всегда теряет в три-четыре раза больше воинов. «Очистить дорогу...» Это значит, дать возможность королю вывести из Мансуры на дорогу ведущую к Эль-Кажире вторую, еще более крупную волну крестоносцев. Вывести беспрепятственно... Почему-то в памяти всплыла книга из библиотеки султана в Цитадели. Это была книга об Александре Македонском. Кто-то из тех, кто читал эту книгу сделал пометки на полях. Сколько раз Александр Македонский давал Дарию Ахемениду возможность собрать новую огромную армию и каждый раз громил его войска. Стремительные переходы, новая тактика войны... Пока он, Бейбарс, будет осаждать Мансуру, на помощь королю будут приходить новые отряды крестоносцев... Нужна одна большая победа... Значит, нужно выманить короля из крепости и навязать ему свою тактику войны. Нужно уничтожить их главные силы и королевский флот... Очистить дорогу!

Едва сражение закончилось, Бейбарс вместе с Туран-шахом, эмирами тысяч объехал обе дороги и отдал приказ убрать тела погибших рыцарей и оруженосцев, очистить следы битвы, чтобы ничто не напоминало о поражении. Даже золу там, где огонь перегородил рыца-

рям дорогу назад, приказал смыть и засыпать свежей землей.

На совещании в шатре Тураншаха Бейбарс подвёл итоги первого сражения:

— Крестоносцы потеряли свыше полутора тысяч рыцарей и большую часть пехоты. Все, кто остался в живых, взяты в плен. В Мансуру не вернулся ни один свидетель сражения, — о Зейнуре Бейбарс умолчал. — Наши потери небольшие. Королевский флот через день будет в Мансуре, и под рукой у короля снова окажется около двух тысяч рыцарей и не меньше двух туменов пехоты. Брат Мансуру приступом не имеет смысла: у нас нет флота, и они каждый раз будут получать из Дамиетты подкрепление. Под стенами крепости мы можем потерять немало воинов. Не нужно забывать и о тех, кто ушел в сторону Иерусалима. Я предлагаю пустить слух, что армия Великого магистра движется в сторону Эль-Кахиры, что оставшиеся силы мамлюков попытаются перегородить дорогу, чтобы не дать королю возможности соединиться с братом и разделить с ним славу покорителя Мисра. Завтра дорога будет очищена, и первая же разведка донесет, что путь в Эль-Кахиру пытаются перекрыть остатки мамлюков и еще несколько тысяч «верблюжатников», как они называют нашу бедуйскую конницу. У нас есть время. Мы успеем подтянуть силы, подготовиться. Нужно выманить короля и его рыцарей и на полпути к Эль-Кахире дать генеральное сражение.

Никто не возразил Бейбарсу. И Тураншах, и мамлюкские эмиры понимали, что затяжка войны обессилит страну, приведет к поражению.

На другой день к полудню обе

дороги были очищены. Только на нижней оставили несколько трупов. Вернулись из болот стрелки из лука, арбалетчики, копьеносцы, предварительно затерев за собой следы засад.

## МАНСУРА

Два дня шла разгрузка пришедших в Мансуру больших и малых кораблей. Два дня в замке ждали сообщений от Великого магистра. Конный отряд во главе с герцогом Бургундским, ушедший на разведку, вернулся. Герцог сказал, что оба пути на Эль-Кахиру свободны. Даже на выходе на большую караванную дорогу не видно следов сражения. Только в конце нижней дороги они обнаружили трупы павших рыцарей и их оруженосцев. Судя по всему, хвостовая часть колонны наткнулась на засаду. Король и весь двор вышли посмотреть на погибших. Трое рыцарей и пятеро оруженосцев были поражены стрелами. В доспехах рыцарей все еще торчали концы арбалетных стрел.

На королевский совет позвали и Гийома с оруженосцем. Рыцарь, бледный, все еще без кровинки на лице, с перевязанным плечом сидел неподалеку от короля. Говорить пришлось Зейнуру. Он объяснил, почему они с хозяином замыкали колонну на малой дороге. Рассказал, что отряд двигался ровным шагом, не нарушая интервала между рядами. Сидящие в засаде выскочили на обочину дороги и в упор расстреляли из луков и арбалетов идущих в конце колонны. Их было немного, человек пятнадцать-двадцать. Постреляли и исчезли в зарослях.

— Нас, видно, посчитали погибшими и не стали задерживаться.

Когда я выбрался из-под коня, дорога была почти пуста. Я увидел вдали спины идущих в атаку рыцарей. Те, кто был легко ранен, поспешили вслед. Мне не хотелось оставлять хозяина в грязи, под крупом коня. Я вытащил его на обочину дороги и, сняв с него доспехи, убедился что он, слава Всевышнему, жив, — закончил свой рассказ Зейнур.

Комендант крепости сообщил, что в Мансуру стали приходить торговцы из окрестных сел. Каждого из них, прежде чем пропустить в крепость, он расспросил. Те, что пришли из селений, расположенных вдоль караванной дороги, в один голос говорят, что видели, как рыцари врезались в ряды мамлюков и погнались их в сторону Эль-Кахиры.

Все сообщения сходились: Великий магистр прорвал оборону мамлюков и движется к сердцу Египта. Это была победа. Король призвал каждого из присутствующих высказать своё мнение. Как им поступить дальше: ждать сообщения от графа или выступить на соединение с ним?

Первым поднялся коннетабль. До прибытия короля по приказу графа он оставался в крепости главным.

— Ваше Величество! Выступая в поход, его светлость Великий магистр поручил мне сообщить Вам, что если на пути он встретит сильное сопротивление, то остановится и будет ждать вашей помощи. Просил предать, что надеется на скорейшую встречу и что, объединив силы, вы, Ваше Величество, возглавите поход. Согласно сообщениям, полученным нами из Эль-Кахиры, после окончания сорокадневных поминок султаном объявили царевича Туран-шаха, последний год он

правил в Дамаске. Это тот самый наследник, которому султан Салих не доверял.. Что касается единой власти, то её не существует. Я думаю, что нам, не ожидая донесений, необходимо выступить в поход и не дать арабам собраться с силами.

— Ваше Величество, — поднялся младший брат короля Альфонс, — все сообщения, которые дошли до нас, говорят о том, что Великий магистр, прорвав на выходе оборону мамлюков, движется к столице Египта. Чем скорее мы с ним соединимся, тем несокрушимее будет наша мощь. Во время Вашего отсутствия пришло немало сообщений от тех, кто ушел в сторону Иерусалима. Они еще нигде не встретили серьезного сопротивления. Города и крепости сдаются. У мамлюков просто не хватает сил дать нам настоящий отпор. Я согласен с коннетаблем: чем скорее мы выступим, тем скорее добьемся желанной победы.

Поднялся герцог Бургундский, отчаянный рубака и драчун. Мало кто мог устоять против него в кулачном бою.

— Ваше Величество! Если вы сейчас исторгнете из вашего сердца клич: «В поход!», — через час я и мои отважные рыцари будем стоять под окнами вашего замка. Вы знаете, как они рвутся бой. Так не дадим же духу победы остыть в их отчаянных душах. — Герцог поднял над головой увесистый кулак. — Я призываю вас, Ваше Величество, скрестить наши острые мечи с этими хвастунами! Сам Папас призвал и благословил нас. Так пусть же Господь дарует нам долгожданную победу! Мы не имеем права выпускать из рук удачу: упустим, и она отвернет от нас своё гордое обличье. В поход, Ваше Ве-

личество! Пусть эта победа прославит на века имя Людовика Девятого!

«В поход! В поход! В поход!» — гремело под потолком зала.

Король дал своим необузданным вассалам толику времени прийти в себя, успокоиться. Он смотрел на их возбужденные лица. Нет, не только мечты о сказочных богатствах Востока, не одно лишь желание стать владельцами земель, дающих по три урожая в год, хозяевами райских садов толкнуло их сюда. Неистребимая человеческая тяга к таинственной дали, к приключениям, стремление узреть то, о чем ты слышал в песнях бардов, в рассказах путешественников, повествованиях сказочников. Почувствовать, как снова стучит утомленное сердце, когда твой корабль ударяется о берег неведомой земли. Жажда вечной молодости, жажда бессмертия... Что делать, если Господь сотворил нас такими необузданными, безоглядными, а теперь пытается смирить нашу гордыню. Почему мы часто забываем о черте, заходить за которую опасно и грешно? Что в нас от Господа, и что от дьявола? Почему мы не всегда чувствуем предел нашей алчности и не можем вовремя остановиться? Может, мы разучились воспринимать божественные внушения? Они приходят к нам, как вещие сны, но мы не всегда запоминаем их и не всегда верим... Господи, прости мне прегрешения мои... Король пытался зажечься энтузиазмом горящих глаз, устремленных на него. Пытался и не мог. Что его удерживало? Может быть, сон, который он видел на борту корабля, отплывая от берегов Кипра? Он видел себя в ладье, которая плывет по широкой прозрачной реке, и стайки серебряных рыб сопровождают её. Он

плывет и знает, что впереди его ждет водопад. Он уже слышит грохотание падающей в бездну воды, но шум притягивает к себе с такой силой, что он не в состоянии повернуть ладью к берегу. Куда влечет его река? В прозрачную бездну бессмертия или в ад? Король стряхнул с себя видение. Прости, Господи, меня грешного и помилуй. Он невольно перекрестился, и все повторили его жест, воспринимая его как бесповоротное решение.

— Разгрузку закончили? — спросил король у коннетабля.

— Закончили, Ваше Величество. Тысячу девятьсот шестьдесят рыцарей, три тысячи тяжеловооруженных воинов, шестнадцать тысяч пехоты. Все отлично вооружены, сведены в десятки, сотни, тысячи. Готовы завтра же выступить.

— Сколько воинов в крепости?

— Сто пятьдесят рыцарей, две тысячи тяжеловооруженных воинов, пять тысяч пехоты.

— Какие силы необходимы для защиты крепости?

— Я думаю, тридцать рыцарей, сто воинов обеспечат охрану и покой королевской семьи, — ответил коннетабль.

— Тогда с Богом!

Гул одобрения ударил в дубовое перекрытие комнаты. Ударил раз, ударил в второй, когда мижордом объявил, что всех присутствующих ждет пир в соседнем зале. Перед трапезой под сводами зала зазвучала благодарственная молитва, её подхватили все, и звучала она теперь, как гимн будущей победе...

Ночью король занемог. У него поднялся жар, но приказа своего он не отменил. На рассвете, после торжественной мессы, две тысячи сто рыцарей, около пяти тысяч тяжеловооруженных воинов, двадцать

тысяч пехоты под общим командованием коннетабля Франции выступали из ворот Мансуры. Король велел позвать к себе сэра Гийома и поручил ему командование охранной крепости. Поручил по прибытии из Дамьетты галеры с золотом рассчитаться с капитанами наёмных кораблей и разрешить им вернуться к себе. Что касается королевского флота, то он должен был отплыть в Дамьетту и ждать там вестей с Кипра от короля Луизьяна.

### ПОХОД НА ЭЛЬ-КАХИРУ

За несколько дней жара еще дальше отгеснила воду от верхней дороги. Дорога стала шире, тверже, по ней теперь могли пройти даже двадцать рыцарей в ряд. Коннетабль не стал рисковать: он выстроил колонну по пятнадцать в ряд, приказал строго соблюдать интервал между рядами. Возглавлял колонну он сам. Следом шли со своими отрядами Вильгельм Фландрский, граф Петр Бретанский, граф Валуа, герцоги Орлеанский, Брабантский, Бурбонский, Нормандский. Замыкал колонну герцог Бургундский.

Дорога была пуста. Коннетабль внимательно вглядывался в густые заросли. Ему почему-то казалось, что там, в глубине кустарников, чей-то зоркий взгляд неотрывно сопровождает колонну. Выйдя на простор, коннетабль перестроил войско. Теперь впереди выступали тяжеловооруженные воины, за ними пошли рыцари, по флангам шла пехота на случай набега легкой вражеской конницы. Замыкал колонну обоз с продовольствием, который шел под защитой тяжеловооруженных воинов. Дорога от

Мансуры до Эль-Кахиры протянулась на пятьдесят лье. Это семь-восемь дней пути. Коннетабль был уверен, что где-то на половине пути они соединятся с Великим магистром.

Уже к вечеру первого дня впереди замаячили небольшие отряды легкой конницы египтян. Они приблизились к колонне на расстояние полета стрелы и, увидев выставленный им навстречу лес копий, умчались, подняв столб пыли. На ночь коннетабль выставил усиленную охрану. К полуночи вынырнувшие из мглы призраки выпустили по лагерю град стрел, нанеся урон ране, покалечив часть лошадей, подняв на ноги рыцарей. Появились на миг — и исчезли, нарушив сон. И так каждую ночь. Несмотря на усиленную охрану, они умудрялись неслышно приблизиться к лагерю, и туча стрел с шумом падала на спящих на земле воинов, на палатки, на крупы лошадей, которые с диким ржанием бросались врассыпную, сбивая с ног охрану. Одно радовало коннетабля: по пути к ним примкнули слуги ушедших вперед рыцарей Великого магистра. По их словам, мамлюки дважды пытались задержать крестоносцев, но не смогли.

На исходе третьего дня вырвавшаяся из зарослей тяжелая конница мамлюков врезалась в головную часть колонны, но, пока рыцари пересаживались на боевых коней, мамлюки исчезли, нанеся ощутимый урон идущим впереди воинам.

В полдень четвертого дня утомленное от жары и ночных бдений войско коннетабля оказалось перед египетской армией. Огромная дуга, две гигантские клешни, составленные из тяжелой мамлюкской конницы, конницы халка, легкой кавалерии курдов, туркмен, конной

и верблюжьей кавалерии бедуинов. Между конными туменами — лучники с тяжелыми луками и рядом с каждым на поводу конь... Сколько же их? Сорок, пятьдесят тысяч? И впервые за эти дни сердце старого воителя дрогнуло. Он подумал о том, что вряд ли Великий магистр и его рыцари могли беспрепятственно пройти через такую стену... Коннетабль стер со лба пот и перекрестился. Ему стало страшно. Не мешало бы дать войску несколько часов отдыха... Может, они не решатся вот так, сходу, начать сражение... Но надежда не сбылась. Загрохотали боевые барабаны, завывли медные трубы, тонко и тоскливо запели свирели.

Огромные клешни всколыхнулись, тронулись с места и, медленно набирая движение, пошли вперед. Используя краткий миг, отпущенный ему на окончательное решение, коннетабль перестроил войска: шестьдесят рыцарей в ряд и тридцать вглубину поставил он, чтобы наполовину перекрыть захват клешней. Вывел вперед всех тяжеловооруженных воинов, оставив на флангах пехоту. Шесть сотен рыцарей во главе с герцогом Нормандским замкнули тыл. Коннетабль рассчитывал прорваться по центру. В глубине души он надеялся, что Великий магистр задержался в пути и ждет соединения двух армий. Вероятно, он где-то недалеко, в тылу египтян, и в любую минуту может ударить им в спину. Едва коннетабль закончил построение, как на первые ряды налетела конница лучников и сотня за сотней, осыпая воинов тяжелыми свистящими стрелами, промчалась мимо. Грохот ударяемых о щиты стрел заставил воинов согнуться и вжать головы в плечи. Вслед за лучниками в ряды ворва-

лась конница мамлюков, рассекая единый строй на части. Выставив вперед копьа, приготовились к атаке рыцари, но мамлюки развернулись и бросились наутек! Не ожидая сигнала, рыцари устремились вслед. Мамлюки доскакали до выстроенных вдоль поля тяжелых телег и скрылись за ними. Телеги тут же развернули, выставив вперед щиты. Рыцарская конница, налетев на неожиданное препятствие, остановилась на мгновение. И именно в это мгновение из прорезей в щитах по коням, по рыцарям непрерывно, один за другим последовали залпы из арбалетов! Лучшие стрелки стояли у щитов, остальные заряжали.

Удары стрел последовали справа, слева! Интервал между рядами нарушился, набравшие скорость рыцарские тяжеловесы сгрудились в центре, и тут на головы рыцарей обрушились с неба камни, горящая пакля, известь. Все старые металлические машины, отремонтированные «Хранителем черпалок», были расставлены Бейбарсом за телегами и пущены в нужный момент в ход. Крестonosцы, повернув коней, бросились кто вправо, кто влево, спасаясь от стрел, от черной горячей пакли, известковой пыли, мелкого каменного дождя. Но и там, куда они вырвались из огненного круга, их уже поджидали конницы мамлюков и воинов халка. Из проходов между телегами снова вырвались сотня за сотней мамлюки и бросились преследовать отступающих крестonosцев. На помощь атакующим уже спешила бедуинская конница с копьями-баграми в руках, туркмены, курды. Брошенные на помощь отступающим шесть сотен резерва коннетабля смешались с отступающими и, прижаты к реке, завязли в илистой жел-

той жиже. Подоспевшая конная лава лучников снова обрушила на их головы град стрел.

К вечеру битва закончилась. Оставшихся в живых рыцарей, а их было не больше двухсот, тяжело-вооруженных воинов и пехотинцев согнали в один круг и оставили под стражей лучников. Два дня войны с помощью жителей близлежащих селений собирали погибших, складывали на связки хвороста, соломы, трав, сжигали, предварительно сняв с них доспехи и одежду. Погибших мамлюков, воинов халка, туркмен, курдов после отпевания хоронили в ямах, выкопанных в стороне от реки. Раненых, погрузив на уцелевшие телеги, отправили в Эль-Кахиру. Узнали от плененного коннетабля, что объединенный флот ждет в Мансуре полного расчета, а сам король — вестей о победном движении крестоносцев к Эль-Кахире, чтобы отправить радостные вести не только в Рим Папасу Иннокентию, но и правителям государств, чьи рыцари участвуют в победном походе. Еще коннетабль сообщил, что после окончательного расчета часть кораблей вернется в свои гавани, а эскадра короля будет ждать в Дамиетте вести от короля Кипра и отправится за очередной группой рыцарей.

Вечером на баржи, доставившие к месту сражения «черпалки», загрузили мамлюков, воинов халка, лучников, и маленькая флотилия взяла курс на Дамиетту. Бейбарс спешил: он надеялся застать Рыжего Лиса и его флот в Дамиетте.

### ФЛОТ КОРОЛЯ

Два дня Бейбарс ждал возвращения эскадры из Мансуры в Дами-

етту. Только на исходе второго дня там, где желтое течение Нила сталкивается с голубой морской водой, и две стихии, проникая одна в другую, образуют широкое полотно причудливой взвеси, появились боевые триеры, за ними пузатые купеческие нефы. Большие и малые корабли шли один за другим, и казалось, им не будет конца. Самыми последними, замыкая армаду, словно погонщики стада белокрылых гусей, появились пиратские галеры. Бейбарс облегченно вздохнул: среди них была и галера Рыжего Лиса. Красным кровавым пятнышком алел над черным крестом платок.

Вырвавшись на морской простор, корабли повернули к пристани, и казалось, это не корабли, а дельфины, плотно, тело к телу, несутся к земле и врезаются острыми носами в долгожданный берег. Пиратские корабли, как и в прошлый раз, заняли окраину пристани. Бейбарсу пришлось изрядно поработать руками, протискиваясь сквозь толпу горожан, вышедших посмотреть на прибытие королевской армады. Он облегченно вздохнул, поставив ногу на знакомые сходни. Но тут четверо молодых пиратов преградили ему дорогу. Их, вероятно, удивило, что этот человек ступает по трапу не как гость, а как хозяин.

— Ты куда лезешь, дылда?! — задал вопрос самый маленький из охраны.

Бейбарс усмехнулся: так его давно никто не называл.

— Пойди, главный помощник капитана, и скажи Рыжему Лису, что пришел Меченый.

Малыш повернул голову и крикнул:

— Капитан! Тут тебя спрашивает какой-то длинный торгаш, говорит, что он меченый.



Видно, Рыжий Лис был недалеко. Он подскочил к трапу, растолкал молодежь и, увидев Бейбарса, аж присел от удивления:

— Ангелы небесные! Жив! Жив! Кашалот ты непотопляемый!

Он даже не в состоянии был тронуться с места. Так и стоял, раскинув руки.

Бейбарс сделал шаг вперед, подхватил друга. Оторвал его от досок и вынес на палубу. А когда поставил Лиса на ноги, тот не дал ему двинуться с места:

— Стой! Я должен убедиться, что ты не дух небесный, не медуза царя морского, — он обошел Бейбарса, тыча корявым пальцем в упругую плоть. — Живой, Слава Всевышнему, — вытащил из-за пояса кисет, сунул его в руку малышу, — Беги, племянник, в портовую мечеть и скажи мулле, чтобы он двенадцать раз прочёл молитву во имя спасения моего лучшего друга Мансура сына Саида, — затем повернулся, взял Бейбарса за пояс, — Пошли, чудо морское в купеческих штанах! — заталкивая его в капитанскую каюту, бросил через плечо слуге, — Тащи самый большой кувшин с подарком французского короля!

Они сидели и глядели друг на друга, как смотрят два брата-близнеца после долгой разлуки. С лица Лиса сползла улыбка:

— Решил вернуться ко мне? Бежать пришлось?

— От кого бежать?

— Как от кого?! От Великого магистра. Кочерга ему в задницу! Такую силищу собрали... Чингисхана бы на них... Ну, что глядишь, рассказывай... С кем еще можешь ты разделить горечь?

— Во-первых не говори всуе о Великом магистре, о славно погибших плохо не говорят... Царство

ему небесное... Если душа его жива, то сейчас она обливается горячими слезами над могилой своих рыцарей и их оруженосцев.

Глаза Лиса широко раскрылись, челюсть медленно поползла вниз, и струйка густого королевского вина пролилась мимо кружки.

— Когда мы отплывали, король и его девки забрались на крепостную стену и ждали гонца с победной вестью... Неужели ты... ты... Полянишься, что это правда!

Бейбарс достал из-за пазухи бархатный треугольник, приложил его к губам, ко лбу и спрятал на место.

— Эскадра ему больше не понадобится. Возвращаться некому.

Бейбарс подробно рассказал обо всем, что произошло за последний месяц. Ему тоже нужно было поделиться тем, что копилось в нем день за днём и ложилось невысказанным грузом на душу. Он залпом выплеснул в себя содержимое глиняной кружки, сжал её в огромной ладони так, что она хрустнула, и положил перед Лисом горку мелких осколков.

— Ах ты, выдумщик, меченый Богом! Я-то думал, что все эти хитрости осеняли тебя только у нас... Ну, ты голова! Клянусь Аллахом, пусть меня кастрируют, если в нашу следующую встречу я не услышу, что передо мной сидит не кто-нибудь, а сам султан Мисра! Я-то, грешный, подумал было, что ты плюнул на все и смылся!

Бейбарс смеялся от души. Давно не было ему так легко. Легкость эту он ощущал во всем теле. Отдыхала душа. Отдыхало сердце. И где? В этой тесной, убогой пиратской каморке.

— Смылся, говоришь? Впрочем, ты прав, смылся, но ненадолго. Я решил снять грех с твоей души,

дать возможность сполна рассчитаться с «любимым королём», с его прекрасными женщинами, братьями, графами и баронами.

— И что же ты еще придумал такого, о чем даже Папас римский не догадывается?

— Король с тобой полностью рассчитался?

— До последней медной монеты.

— И ты ему ничем не обязан?

— Не мотай душу, выкладывай, что еще внушили тебе небеса?

Бейбарс кивнул в сторону эскадры:

— Когда уберутся отсюда эти?

— Через пару дней. Запасутся водой, набьют трюмы здешними товарами.

— Королевский флот остается?

— Сказали, что остается. Будут ждать радостной вести от короля Людовика, а затем снова отправятся на Кыбриз, за новой партией тяжеловесов.

— Твоя флотилия вся здесь?

— Ты хочешь нанять нас на службу новому султану?

— Ты почти догадался. Но сначала нам с тобой предстоит одно самое большое, самое главное дело...

Рыжий Лис удивленно поднял брови:

— Самое большое и самое главное? Ты хочешь выкрасть короля и его женщин?

— Зачем его красть? Он и так у нас в руках. Ему теперь до конца дней своих не выбраться из Мансуры. Но для этого мы с тобой должны уничтожить его флот. Чтобы сюда, на землю Мисра, больше не ступала нога этих дьяволов.

— Ты думаешь, мы управимся с этим? У меня на кораблях воинов не так уж много.

— Зато у меня на том берегу Нила ждут своего часа три тысячи

мамлюков и пять сотен отборных стрелков.

— Ну, если ты после всего, что натворил, отправив к господу Богу за прощением верных слуг Папаса, успел добраться и до меня со своими головорезами... Давай выпьем за матушку-удачу. Пусть она сопутствует тебе во всех твоих делах!

Они сидели до последних звезд, обговаривая тонкости предстоящей операции. Лис уже совсем отрезвел и, как круглые кремневые камешки, по порядку откладывал в мозг все, что он должен сделать. Он хорошо знал, что у эмира в любом деле не бывает мелочей, что у него для каждого гвоздя, даже самого мелкого, заранее сделано углубление.

Рыбаки, владельцы барж и плотгоны принесли в Дамьетту весть о том, что крестоносцы разбиты, что многие из них погибли, в том числе и брат короля Людовика, Великий магистр Франции граф Роберт д'Артуа. В крепости не поверили, посчитали, что слухи эти идут из самой Эль-Кахиры, куда крестоносцы еще не добрались. Смущало то, что Мансура до сих пор молчит. Прошло несколько дней после ухода из Дамьетты кораблей Пизы, Генуи, Венеции. Ушли пиратские корабли, корабли императора Никеи.

В первую ночь новолуния случилось страшное. Свидетели, оказавшиеся в порту, рассказывали, что часть ушедшей эскадры вернулась. Корабли с крестами на парусах вошли в гавань и пришвартовались рядом с кораблями короля. В это же время в гавани появились мамлюки. На королевских судах вспыхнул огонь, завязались схватки. Барабаны забили тревогу. Но очень скоро пираты и мамлюки раз-

делались с охраной. На помощь кораблям из крепости вышли тяжелооруженные воины, но их встретил град стрел, несколько сотен конных мамлюков. Больше половины вышедших на подмогу в крепость не вернулись.

К утру на пристани догорали свыше трех десятков кораблей. Нападавшие с моря ушли, уведя с собой часть плененного флота. В порту остались две галеры и пять грузовых неф, на которых командовали мамлюки. В то же утро из Мансуры пришло горестное известие, что армия крестоносцев разбита, что король и оставшиеся в живых высокородные рыцари заперты в крепости.

Триера, две галеры и восемь неф достались при дележе Рыжему Лису и его пиратам. Разгоряченный победой Лис предложил Бейбарсу осадить крепость.

— Зачем, — пожал плечами Бейбарс, — зачем гнать своих людей на верную смерть. Придет время, они сами выкинут белый флаг. Мы еще заставим их выплатить выкуп. Как ты думаешь, сколько можно потребовать от них за разбой?

Рыжий Лис подумал немного:

— Я думаю, не меньше двухсот тысяч золотом. Сто за голову короля и сто за мудрую голову его мамы. Остальных можно отпустить бесплатно.

— Думаешь, дадут столько?

— А куда им деваться? Ты же им ни одной лазейки не оставил.

На прощание Бейбарс сказал Лису:

— То, что тебе досталось, это половина долга. Пришлешь в Эль-Кахиру своего человека, и султан Туран-шах выплатит вторую половину. Сумму назначишь сам.

— Нет, эмир, — Рыжий Лис, кажется, впервые назвал его эми-

ром, — до сегодняшнего дня я был твоим должником. Я вернул тебе и твоим воинам свой долг. После сегодняшнего совесть моя чиста. Клянусь тебе от имени всего нашего братства, впредь ни один корабль с флагом Мисра на мачте не станет нашей добычей. Пусть знают об этом ваши купцы. Я благодарю Аллаха за то, что он свел наши судьбы, удостоил меня твоей дружбы. Я расскажу о тебе своим сыновьям, своим внукам, чтобы имя твое упоминалось в каждой их молитве. — Они обнялись на прощание. Рыжий Лис, взяв Бейбарса за ухо, притянул к себе и, жарко дыша, добавил, — Когда я узнаю, что ты стал султаном и строишь флот, я примчусь к тебе в Цитадель, встану на колени и буду просить сделать меня адмиралом!

— И ты им будешь, — пообещал другу Бейбарс.

## ТАЙНАЯ КАЗНА

Бейбарс возвращался в Эль-Кахиру. Предстояли переговоры с королем о размере выкупа и возвращении Дамьетты и Мансуры под флаг Мисра. Издали город казался угрюмой серой громадой, словно неведомая сила, затаившаяся глубоко под землей, возмущенная творящейся на ней несуразицей, вытолкнула на поверхность коросту накопившейся за тысячу лет боли и снова затаилась, храня показное безразличие и покой, стараясь не слышать, не ощущать, не возмущаться. Но ближе к предместью города чувство неприязни улетучилось, как только Бейбарс увидел вдаль уголок крепостной стены Цитадели. Там была Фатима. И уже одно то, что она существовала в этом мире, как огонек светлячка в ноч-

ной траве, как Венера в предутреннем небе его детства, наполняло Бейбарса радостью предстоящей встречи.

Проезжая мимо стен хранилища, конь вдруг повернул голову и заржал. Может, он почувствовал запах свежего сена? Бейбарс потянул повод, и он послушно пошагал к воротам. «Зайду, поблагодарю старика за помощь, за луки, арбалеты, за «черпалки». Наверно, благодаря таким людям, как Хранитель, Аллах еще не смёл с лица земли род людской, погрязший в пороках алчности и звериной ненависти друг к другу. Видит ли Аллах с бесконечных высот голубого неба всё это? Так ли бесконечно его терпение? Катая в ладонях податливую глину и вылепив из неё Адама и Еву, создав для них реки, озера, моря, леса, сады и пашни, создав зверей и птиц, Всевышний, наверное, мечтал наполнить глаза Адама и Евы, их потомства красотой этой благодати, чтоб жили они, храня и умножая её, жили на земле, творя добро и радость...».

Старик умирал. Он лежал в своей камерке недвижимый, сложив на груди руки в ожидании, когда дверь в камерку чуть слышно скрипнет и войдет «она». Дверь распахнулась с шумом, старик открыл глаза и, увидев вошедшего Бейбарса, попытался поднять голову, улыбнуться долгожданному гостю:

— Как хорошо, что ты пришел... Значит, Господь, услышал мою просьбу. Значит, дошли до него мои молитвы.

Бейбарс опустил рядом на скамеечку, сжал в ладонях ледяные пальцы. На глазах старика выступили слезы.

— Разве я мог проехать мимо? Ты столько сделал для нашей победы. Спасибо тебе за воинов, за луки,

за арбалеты, за метательные машины... Спасибо тебе за все, отец...

— Спасибо и тебе, сынок. Спасибо за любовь к нашей безгрешной земле... Храни тебя Аллах, я и там буду молить за тебя.

Грудь старика поднялась и опала. По лицу его медленно прошла светлая улыбка покоя. Бейбарс закрыл замершие глаза и, толкнув дверь, позвал эмира сорока:

— Хамид, приведи людей — пусть старика обмоют, зашьют в саван и отвезут в мечеть. Похороните его за Цитаделью — там, где похоронены воины.

Цитадель была пуста. Эмир охраняны сказал, что все, кроме султаныши, отправились к войскам, что там должны встретить посольство от короля франков Людовика.

Покои Шаджарат ад-Дурр находились в стороне от гарема. Султан Салих постарался отгородить новорожденного сына и его мать от лишних глаз, от лишнего шума. Бейбарс уже повернулся было в ту сторону, но вдруг остановился. Сначала он сходит в баню, сбросит с себя пропахшую конским потом кожаную куртку и ставшие уже ненужными саблю и кинжал.

Шаджарат поднялась ему навстречу. Черное шелковое платье заструилось по её девичьей фигуре, выпячивая заострившиеся груди. Бейбарс сразу уловил блеск в её глазах, ему показалось, что он чувствует, как упирается в тонкий шелк её маленькое сердце. Она заставила его подробно рассказать всё, до мелочей, временами перебивая, останавливая, прося повторить. Так его никто никогда не слушал, разве что бабушка. Порой лицо его заливала краска, и он казался себе не воином, а болтливым юношей. Её почему-то развеселила история с пиратами и гибель королевского

флота. Она даже переспросила, сколько сгорело кораблей и, услышав, покачала головой:

— Жалко. Ведь корабли были совсем новыми... Они бы нам пригодились.

— Зато теперь король и все его родственники никуда от нас не сбегут! А насчет кораблей, вы правы, султаньем... — Он давно уже пытался так назвать её: «султаньем — моя царица» — но почему-то слово это раньше застревало в горле. — Нам очень нужен свой флот. Если б у меня были деньги, я, не раздумывая, завтра же отдал бы приказ восстановить верфи Салах ад-Дина в Александрии, Дамиетте, Мансуре, — сказал и вспомнил глядящие на него с укоризной глаза и обвисшие крашенные усы. — Нашему бедному визирию войны, наверное, каждую ночь снятся пустые сундуки султанской казны.

Она улыбнулась, выказывая на щеках мягкие ямочки:

— Он мне уже жаловался на тебя, эмир. И знаешь, что сказал? — Она не только повторила слова визирия, но и изобразила, как он это сделал: — «Этот верзила, этот безбожник, опустошил до последнего медяка султанскую казну. Если бы мне кто-нибудь сказал, что он потратил на себя хоть один золотой, я бы оторвал ему голову!»

Они смеялись, смеялись от души, смеялись, как дети, за спиной у которых никто не стоит. Потом пришла няня и привела Халиля. Бейбарс преклонил перед ним колени:

— Я приветствую тебя Шах-заде! Желаю тебе вырасти настоящим воином!

Подбородок, губы, лоб были у него от отца, султана Салиха, и только глаза... глаза Фатимы... Мальчишка обошел Бейбарса, по-

трогал плечи, щеки, усы, потрогал руки, подёргал за пальцы и, довольный осмотром, сказал:

— Какой ты большой и сильный! Хочешь быть моим отцом? Я же тоже султан, я могу ей приказать.

Он упирался, не хотел уходить, но няня уговорила его:

— Шах-заде, все настоящие султаны уже спят, вам тоже пора.

Уходя, мальчишка обернулся и кольнул Бейбарса в грудь двумя изумрудами:

— Ты, эмир, подумай. Я же султан, я ничего зря не говорю.

Шаджарат долго глядела сыну вслед:

— Его тянет к мужчинам. Отца ему не хватает. Он часто спрашивает меня о нём, — и вдруг спохватилась, — Я забыла тебе сообщить! Король франков прислал к Тураншаху гонца с просьбой принять посольство и обговорить сумму выкупа. Мамлюки уговорили султана встретить посольство на виду у всей армии. Пусть увидят и донесут своему королю, что сил у нас еще немало, есть кому постоять за землю Мисра. Через день они будут здесь. Надо хорошенько подумать о величине выкупа.

— Чтобы хватило и казну наполнить, султаньем, и корабли построить...

Она поднялась и как-то озорно, по-ребячьи, повела плечами:

— Хочешь, эмир, я тебе что-то покажу. Но это должно остаться тайной. Пошли!

Они вошли в соседнюю комнату, наполненную игрушками Халиля. Она взяла в руки светильник и, подойдя к тяжелому ковру, занимающему почти всю стену, попросила:

— Подними, эмир, край.

Он поднял. Она поднесла к стене светильник и, что-то нащупав,

с силой надавила. Кусок стены отошел в сторону, и из подземелья так дохнуло сыростью, что едва не задуло пламя. Она взяла его за руку, осторожно шагнула на покрытые плесенью ступеньки, поскользнулась и едва не выронила плошку. Бейбарс невольно, как тогда, много лет тому назад на причале Дамиетты, подхватил её на руки и понёс.

— Здесь, — сказала она на повороте у каменного выступа, и он бережно опустил её на землю. Отмерив от камня несколько шагов, она нащупала на стене шов и, прижав его ладонь к едва ощутимому выступу, приказала, — Толкай!

— Осторожно, здесь три ступеньки! — предупредила она и поднесла огонек к стене. Вспыхнул факел, озарив причудливым светом стоящие рядами сундуки, кадки, плетеные корзины, кувшины. Она прошлась между ними, откидывая крышки и подбрасывая, словно камешки, золотые монеты. Глянула на Бейбарса, приглашая его принять участие в этой давно забытой детской игре. Они подошли к груди шитых золотом халатов, она жалобно улыбнулась и зябко повела плечами. Он обнял её, почувствовал сквозь шелк упругую грудь, ощутив, как она сливается с ним, наполняя его волной желания.

Никогда ни одну женщину не желал он так, как её, и она, чувствуя это, изогнулась всем телом, принимая его целиком, всего без остатка. Потом они лежали, едва переводя дыхание. Он касался губами её лба, глаз, ямочки на щеке, твердых сосков, живота, снова, возбуждая в ней желание, гладил упругое бедро:

— У тебя нежная кожа... Я бы хотел всю жизнь быть с тобой. Ты по ночам приходишь ко мне во сне,

но каждый раз, когда я протягиваю руку, исчезаешь.

Она прижалась щекой к его груди и услышала, как гулко бьется сердце.

— Ты плачешь? — он почувствовал, как упала и покатилась по груди горячая слезинка — одна, за ней другая...

— Мне хорошо с тобой. Ты сделал меня женщиной... Так со мной никогда не было. Когда я вижу тебя, я забываю обо всем. Мне бывает так трудно...

Уже перед выходом из хранилища она сказала тихо-тихо, словно боялась, что кто-то может их подслушать:

— Об этой секретной казне никто не знает. Меня привёл сюда султан Салих за несколько дней до твоего поединка. Это тайное хранилище создал Салах ад-Дин, и каждый султан перед смертью передавал секрет следующему. Туран-шах о нем не знает. На кладе лежит заклятие. Им можно воспользоваться только в самом крайнем случае, в самую тяжелую минуту. Я передаю ключ от этой тайны тебе.

## КОНТРИБУЦИЯ

Младший брат короля франков, граф д'Эвре, коннетабль, граф Фландрский, Гийом и переводчик вместе с султаном Туран-шахом и его свитой примчались в Эль-Кахиру. Они еще не знали, что королевский флот уничтожен, что в Дамиетте остатки крестоносцев заперты в крепости.

Вечером собрались в диване войны. Встреча с посольством была назначена на следующий день. Предстояло определить сумму контрибуции и условия освобождения пленников Дамиетты и Мансуры.

Подробный рассказ Бейбарса об уничтожении флота снял угрозу появления в Дамiette еще одной армии крестоносцев и настроил всех благодушно.

— И сколько же мы должны пиратам за эту помощь? — спросил Туран-шах.

— Мы разделили с ними корабли, оставшиеся целыми. Нам достались две боевые галеры и пять грузовых неф... И еще — клятвенное обещание не трогать торговые корабли под флагом Мисра.

— И ты, эмир, поверил этим разбойникам?! — не сдержался визирь войны.

— Вот когда построим собственный флот, тогда и проверим, чего стоит их клятва.

Слова о новом флоте сразу настрожили визиря. Он тут же прикинул, во что может обойтись султанской казне намек эмира.

— Какой флот?! Я всё до последней монеты отдал на содержание ваших головорезов. Знаете, во сколько обошлась казне ваша победа?

— Во сколько, дядя? — спросил Туран-шах.

Старик, воодушевленный признанием султана их кровного родства, набрав в грудь воздуха, выкрикнул:

— Почти в сто тысяч золотых!

— И ты, дядя, предлагаешь оценить в эту сумму размер выкупа?

Старика уже трудно было удерживать. Истинный казначей заговорил в нём в полный голос:

— Как бы ни так! Я считаю, что эту сумму нужно удвоить.

— Двести тысяч золотом? — удивленно переспросил Котуз.

Сумма по тем временам была огромная. Даже Шаджарат задумалась о возможности получения такого выкупа.

Визирь войны воспользовался паузой:

— Пусть в следующий раз, прежде чем затевать с нами игру в походы, семь раз пересчитают не только деньги Папаса, но и свои собственные! Пусть скажет эмир Бейбарс, он больше всех израсходовал!

Смеялись все. Бейбарс задумался, вернее, он вспомнил слова Рыжего Лиса: «По сто тысяч золотых за голову короля и за голову мудрой женщины, которая его родила».

— А если они откажутся? — этот вопрос задал Фарис Октай, и все разом глянули на Бейбарса.

— Тогда мы их всех похороним на кладбище Мансуры, и с каждого франка, приехавшего поклониться праху короля и его близких, визирь войны будет собирать по золотому!

Никто не понял, шутка это или угроза. Туран-шах спросил:

— Как ты считаешь, эмир, какова должна быть сумма выкупа?

— Столько, сколько назвал визирь войны и ни на динар меньше! Визирь прав. Насколько мне известно от александрийских купцов, Папас Римский серьезно болен, и он вряд ли сможет помочь королю. Те рыцари, которые ждут в Кыбризе королевский флот, вряд ли доберутся до нас.

— Пусть будет так, — поставил точку султан.

Все поднялись и готовы были покинуть диван, но их остановил визирь:

— Пойдите, пойдите! А про Дамiette и Мансуру вы забыли? Собираетесь сделать королю франков подарок?!

— Если он, дядя, добавит к тому, что ты требуешь, еще столько, подарим! — пошутил Туран-шах.

Визирь на выходе нагнал Бейбарса, тронул его за плечо:

— Эмир, если бы я был богат, я бы сделал тебя своим наследником.

— Неужели в большом сундуке султанской казны гуляет ветер?

— Пятьсот золотых я, пожалуй, смогу наскрести, — пошутил визирь.

— Тогда я согласен, назначайте. На эти деньги я куплю еще одну боевую галеру и дам ей ваше имя!

— Считай, что мы договорились! Остается последний пункт завещания.

— Какой?

— Я сам велю отлить из золота своё имя. Тебе останется лишь прикрепить его к борту галеры.

— Только не забудьте, что это нужно будет сделать в двух экземплярах, на оба борта.

Старик обнял Бейбарса:

— Считай, эмир, что мы с тобой похоронили султанскую казну!

\* \* \*

Послов принимали в тронном зале. Граф д'Эвре зачитал послание Людовика IX к султану Туран-шаху Айюбу. Он не извинялся за урон, нанесенный Египту, он спрашивал, какой выкуп хочет получить султан за освобождение короля и его окружения. Выслушав послание, Туран-шах сказал:

— Обе армии крестоносцев нами уничтожены. Королевского флота больше не существует. Что касается третьей армии, которая движется к Иерусалиму, то её ждет та же участь. Вы сами убедились, что наши вооруженные силы не понесли больших потерь и нам под силу освободить занятые крестоносцами города и крепости. Сумму выкупа мы определили в двести тысяч ливров. Сумма огромная, но именно во столько мы оценили урон, нанесен-

ный крестоносцами нашей стране. Кроме того, Дамиетта и Мансура должны быть покинуты вами в день выплаты выкупа. Таковы наши условия.

Зейнур слово в слово перевел сказанное султаном Туран-шахом. Послы задумались. Видно, гибель королевского флота, на который они возлагали большие надежды, воинственный вид тысяч и тысяч мамлюков, воинов халка, туркменов, курдов, бедуинской конницы, лучников и арбалетчиков, посаженных на коней, грозный вид боевых слонов, которые так и не были введены в сражение, окончательно сломили франков. Они поняли, что торговаться не имеет смысла. По голосу султана чувствовалось, что египтяне не уступят ни одного ливра.

— Высокородный султан Египта! Я, граф д'Эвре, заявляю от имени короля Франции Людовика IX: мы принимаем ваши условия. Мы привезли договор, подписанный Его величеством. Внесем сумму в соглашение, и вы, султан, собственноручно скрепите его своей подписью и печатью. У нас единственное условие: для сбора таких денег понадобится не меньше шести-семи месяцев. Мы должны побывать во Франции...

Бейбарс хотел поговорить с Зейнуром, но не получилось: рыцарь не отпускал того ни на шаг. Во время ответного слова графа Бейбарсу удалось встретиться с Зейнуром взглядами. Тот сомкнул веки и чуть наклонил голову.

Только через год, в мае 1250 года, граф доставил в Эль-Кахиру двести тысяч ливров. Король франков Людовик IX, его мать, жена, братья, оставшиеся в живых знатные рыцари и крестоносцы были



## ГИБЕЛЬ ТУРАН-ШАХА

освобождены. Всех их доставили из Мансуры в Дамиетту, а оттуда в сопровождении боевых галер в Акру. Три года пришлось ждать королю и его окружению прибытия нанятых в Пизе кораблей, чтобы вернуться во Францию...

В тот день, когда галера с королем и его свитой отбывала из Дамиетты в Акру, Гийом заметил, что его верного оруженосца и переводчика среди отплывающих нет.

\* \* \*

Семь дней звучали во всех мечетях и храмах Мисра благодарственные молитвы в честь великой победы. Семь дней праздновала победу Эль-Кахира. Семь дней длились торжества и бесплатные угощения для народа, семь дней резали жертвенных животных. И всё это за счет султанской казны. И хотя визирь войны клялся, что казна пуста, денег на празднества он не пожалел.

На восьмой день, когда султан Туран-шах, Шаджарат ад-Дурр, раис мамлюков Ойбек Туркмони, Котуз, Октай, Бейбарс и другие эмиры собрались в диване войны обсудить время выступления в поход для освобождения занятых крестоносцами городов и крепостей, из Бейрута пришло тревожное сообщение: отряды монголов стали открыто появляться на расстоянии полета стрелы от стен Бейрута — Султан Сурии Насир Айюб просил помощи. Поход отложили до получения выкупа и освобождения от крестоносцев Мансуры и Дамиетты. Тысячу мамлюков, три тысячи воинов халка и тысячу лучников выделил в помощь султану Насиру Тураншах. Возглавил войско эмир Бейбарс.

Он долго не мог уснуть. Ворочался. Глядел по сторонам, ему казалось, что в одном из темных углов притаился тот, который ждал его эти два года. Туран-шах поднялся, зажег светильник. Тонкий язычок пламени высветил темные углы и разогнал сгустившиеся тени. Султан сел на ковер поближе к огоньку, скрестил ноги и устало опустил плечи. Даже радостный дрожащий огонек светильника был не в силах снять с него навалившуюся тяжесть. Почему ему так неудобно и тоскливо в этой Цитадели? Он же теперь не мальчишка, которого каждый мог толкнуть локтем. Он султан, и от него теперь зависит, кого казнить, а кого помиловать... Прочёл молитву. Раз, другой, третий... Стало легче. Может, эта тяжесть оттого, что он сегодня обидел Шаджарат?

Когда визирь и эмиры ушли, когда они остались вдвоём, она осторожно коснулась рукава его халата: «Султан, вам нужно чаще бывать с мамлюками, чаще бывать в войсках, не сторониться острова, ведь Ойбек вам не враг. Они должны привыкнуть к тому, что вы султан, что теперь от вас зависит, кого приблизить, а кого...». Она разговаривала с ним, как старшая, а ведь они одного возраста. Что вызвало в нем вспышку ярости? Её голос, назидательный тон? Он нагрубил ей, накричал. Она не стала с ним спорить, повернулась и ушла. Он вспомнил, как во время заседания он наткнулся на взгляд тысячника Исмета, и тот ухмыльнулся, точно так же, как он делал это на острове, в школе, во время учений, когда у Туран-шаха не всё ладилось. Почему же он никогда не обижается на Бейбарса? И сам себе ответил: «Потому что Бейбарс учит».

Туран-шах восстановил в памяти день за днем подготовку к встрече с крестоносцами. Сначала эмир подробно объяснил им суть своего плана. Потом на деле заставлял их «вводить в бой» сотни, тысячи, меняться местами, уходить в тыл, вырываться вперед, запомнить точно момент начала и конца каждой операции. Командовать правым крылом, правой клешней он поручил Муиззу Ойбеку. Левым — Туран-шаху, себе взял центр. Одного Туран-шах понять не мог: почему войск на его на левом крыле вдвое меньше, чем у Ойбека? Он всё порывался спросить, но решил дожидаться, когда сам эмир раскроет ему секрет. Войска уже заняли отведенные им позиции и ждали появления крестоносцев. Бейбарс прискакал, соскочил с коня рядом с Туран-шахом и, подобрав с земли веточку, начертил на застывшем иле:

— Смотри, султан, сначала они пойдут по центру: они надеются, что за спиной у нас затаился Великий магистр и его рыцари, надеются на его помощь. Я их остановлю. Вот тогда на них всей силой обрушится Ойбек. Куда они двинутся? Двинутся на твою клешню, потому что у тебя вдвое меньше воинов. И вот когда они повернутся к тебе, ты отдашь приказ мамлюкам и лучникам уйти вправо и перекрыть рыцарям дорогу назад. Сам с воинами халка прижмешься к моему плечу. Мы полностью освободим им берег реки. Они попытаются прорваться. Больше им пути нет. Когда они навалятся на твою клешню, я уже буду у тебя за спиной. Здесь, на берегу Нила, мы утопим их в грязи.

Туран-шах задержался с отходом. Он дождался, когда мамлюки и лучники отойдут влево и пере-

кроют рыцарям путь назад. Время он упустил, навстречу им уже неслись рыцари уцелевшего резерва коннетабля. И вышло так, что вместо того чтобы повернуть своих застоявшихся коней и умчаться вправо, тумен халка устремился навстречу рыцарям. Рыцари двигались сплошной стеной, и воины халка не смогли прорвать её. Теперь получилось, что крестоносцы шаг за шагом прижимали их к илистому берегу реки. И Туран-шах впервые испугался. Положение спас Бейбарс. Он ударил рыцарям в спину, рассек стену в нескольких местах и прорвался к Туран-шаху, который с несколькими воинами с трудом отбивался от наседавших на них рыцарей. Туран-шах оглянулся и в это время почувствовал удар по голове.

Он уже не видел и не слышал, как на помощь Бейбарсу мчалась лавина мамлюков правого крыла Ойбека. Рыцари попытались уйти вправо, но тут их уже поджидали лучники Фариса Октая. Свободным оставался путь к реке, и рыцари устремились туда. Когда Туран-шах пришел в себя, всё было кончено. Спас его шлем и фетровая прокладка. Голова еще кружилась, но он уже мог держаться в седле. Потом в шатре у Бейбарса был разбор битвы. Бейбарс всех похвалил и ни слова в упрек Туран-шаху не сказал...

Туран-шах наполнил чашу вином, осушил её, лег и забылся в тяжелом предутреннем сне.

Утром они погрузились на отнятую у короля галеру, подняли парус и поплыли к войскам. Пришвартовались к деревянному причалу, шагнувшему в реку. Поле битвы было не узнать. Его расчистили, заполнили палатками и шатрами. По укрепленному перед

каждым шатром флагу можно было узнать, чья это тысяча. Туран-шах подумал о том, что пройдет сто лет, и ни одна душа не вспомнит об этой битве, о них самих и о тех, чьи души, наверное, уже летают над головами. А может, и вспомнят. Вспоминают же они об Эскендере Двурогом, о Салах ад-Дине...

Войска выстроились. Четкими рядами стояли мамлюки, воины халка, туркменская конница, конница курдов. Выше всех были бедуины на своих рослых верблюдах. Замыкали парад арбалетчики и лучники. Глядя на них, Туран-шах улыбнулся — видно, они решили не портить общую картину и оседлали своих скакунов. Отдельно стояли эмиры оркестров, каждый во главе своих сорока барабанщиков, трубачей и дудочников. Единый вопль тысяч и тысяч глоток слился с грохотом барабанов, воем труб, писком свирелей.

После парада Бейбарс отобрал тысячу мамлюков, три тысячи воинов халка, пятьсот стрелков. Воинов и их коней погрузили на нефы, и под грохот барабанов, в сопровождении боевой галеры флот двинулся к морю. Им предстоял путь в Дамаск на помощь султану Насиру.

На другой день был устроен праздник для всей армии. На деньги, выделенные Туран-шаху визирем войны, в окрестных селах резали и свеживали баранов, быков, верблюдов. Туши грузили и везли на поле победы, где уже пылали костры, в огромных котлах закипала вода. Жители старались изо всех сил: им было сказано, что шкуры жертвенных животных, головы и внутренности остаются им.

Султану и эмирам место выбрали на берегу Нила. Деревянную пристань над водой застелили ков-

рами. Отвели место музыкантам. Под причалом жарили на вертелах туши баранов, выкапывали из песка кувшины с вином, кумысом, шербетом. Раскладывали на плетеных подносах лепешки, овощи, фрукты. После многих дней напряжения в наступившей прохладе после первой чаши вина, военачальники, сбросившие с себя боевые шлемы, латы, щиты, мечи, сабли, чувствовали себя ангелами. Назначенный султаном виночерпий, шутник и балагур, хранитель золотой ключки султана эмир Акмаль, наполняя чаши, объявлял: «Эту чашу, источающую волшебный аромат лучших виноградников франков, по поручению султана Туран-шаха, я преподношу эмиру наших отважных стрелков из лука, каждая стрела которых пронзала не только броню, но и самих рыцарей вместе с их жирными конями, оруженосцами, слугами, графами и баронами!» Потом следовала шутка в адрес эмира копьеносцев: «Эта чаша во имя нашей славной бедуинской конницы, от одного вида верблюдов которых откормленные кони рыцарей падали в обморок и давили своих завернутых в железо хозяев! Поэтому на копье каждого бедуинского всадника по приказу эмира Бейбарса приделали еще и острый крюк, чтобы тот мог уволочь рыцаря с дороги и продать его, почти живого, королю франков!»

Каждый эмир в силу своих способностей отвечал такой же шуткой. Так, эмир бедуинов ответил, что он предложил своим воинам всё собранное за рыцарей золото передать в казну визиря войны, чтобы тому было что считать. И только эмир мамлюков, толстяк Идрис, взяв из рук виночерпия чашу, принялся хвалить воинов своей тысячи, эмиров сотен, эмиров сорока,

вознося до небес их храбрость, отвагу, бесстрашие, доказывая, что благодаря его тысяче, первой врезавшейся в железные ряды крестоносцев, была завоевана победа. Туран-шах попытался его урезонить:

— Эмир, оставьте частицу славы и тем, до кого еще не дошла золотая чаша!

— Другие подождут! Слава не мешок с золотом, которое можно делить на всех! Пусть сначала заслужат эту славу! Научатся крепко держать в руках саблю, доставшуюся им от отцов!

Это уже было оскорбление. Нарочно эмир произнес эти слова или умышленно, намекая на то, что султан участвовал в этой битве как равный им тысячник. Все притихли, прохладный ветерок с реки заставил их отрезветь, и взоры разом обратились к султану.

— Толстяк, ты еще не забыл, сколько динаров заплатили за тебя на рынке Александрии? Ты еще не забыл, чей ты раб? Видно, вино размочило тебе мозги, и ты запамятовал, кто сделал из тебя эмира, дал тебе коня, дом, женщин! Ты забыл, на чьей земле ты живешь... Помнить, кто ты есть, держать себя достойно — это не фляжку с вином таскать из-под подушки евнуха.

Мамлюки притихли. Слова, которые султан бросил в лицо одного из них, жгли им уши. Толстяк поднялся на непослушных ногах:

— Ты, сын шлюхи... Если бы не султанша Шаджарат, ты бы подох там, у себя в Дамаске! Ты султан, пока сидишь у нас на плечах... Не будь нас, ты лизал бы пятки у этих... с крестами на заднице!

Туран-шах вскочил, выдернул саблю из ножен. Стало слышно, как на середине реки ворочает веслом лодочник. Кто-то из стоящих за спиной толстяка сунул ему в ла-

донь рукоять кинжала... Султан взмахнул саблей и сделал шаг навстречу своей смерти: нож, брошенный тяжелой рукой толстяка, вонзился в грудь султана. Туран-шах качнулся и стал падать. Толстяк подхватил его, оторвал от земли и выбросил за перила причала. Тело султана с шумом ударилось о воду и поплыло, медленно исчезая в желтой мути. Все видели, как из зарослей метнулось длинное зеленое тело, и султан исчез под водой. Когда Исмет возвращался к себе в шатер, на пороге его настигла тонкая длинная стрела.

Много разных легенд ходило потом по Эль-Кахиру. Одни говорили, что султан решил искупаться в Ниле и его уволок священный крокодил; вторые, что пьяный, он набросился с саблей в руках на мамлюков и сам напоролся на клинок; третьи уверяли, что, преследуемый мамлюками, он забрался на смотровую башню и, когда пламя коснулось площадки, бросился на подставленные копьа...

Ровно восемьдесят дней правил Мисром султан Туран-шах. Вернувшись в Эль-Кахиру, Котуз рассказал обо всем Ойбеку. Об одном он умолчал: кто вложил в руки Исмета кинжал...

## ВО ДВОРЦЕ ПАПАСА

Папас Иннокентий IV с нетерпением ждал вестей из Дамиетты и Мансуры. Едва корабли Пизы причалили к родному берегу, монах-доминиканец, сменив одеяние, пересел на коня и поспешил в Рим. Ему хотелось первым сообщить Папасу радостную весть. Папа был в загородном дворце. Ему нездоровилось. Как ни старался он уберечься

от сырости и от сквозняков, погода сделала своё черное дело: всё тело ломило, болели кости, отяжелели и потеряли чувствительность ступни ног. Пришлось бросить все дела и отправиться в загородный дворец. В сухой, прогретой теплом большого камина комнате он выпил бокал горячего вина, смешанного с настоем трав, и почувствовал, как возвращаются в старческие члены жизненные соки. Постучался слуга и сообщил, что прибыл отец Бенедикт. «Слава Всевышнему, наконец-то!»

Дотемна сидели они у камина. Вошел слуга, подбросил в камин сухих поленьев, и комната наполнилась причудливой игрой света и теней. Слуга хотел зажечь свечи, но Иннокентий поднял палец и слуга ушел. Папас попросил еще раз повторить некоторые места рассказа. Память у него была отменная, ему хотелось убедиться, что монах ничего не упустил. Рассказ звучал, как победная песнь, как бальзам на его старческое сердце. Господи! Как долго он ждал этого мгновения, сколько сил и старания отдал мечте, обретающей плоть... Во истину, Господь всевидящ! И пусть наши молитвы и просьбы долетают к нему не сразу, словно луч, пронизывая встречные миры и просторы, но они доходят — главное, чтобы молитвы были от всего сердца, обогранные чистотой помыслов...

Иннокентий верил в магическую силу цифры три. Да и могло ли быть иначе, если он, едва научившись говорить, уже повторял: «Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого...» И уже потом, будучи епископом, когда помыслы о Гробе Господнем не давали ему уснуть, он попросил купца-копта из Эль-Кахиры достать ему священную книгу мусульман Коран. Купец

выполнил его просьбу и даже перевел ему несколько страниц затейливой арабской вязи. Епископа поразили слова мусульманского пророка Мухаммада о том, что он чтит всех святых проповедников, бывших до него, и особенно Ису и его мать Мариам... «Значит, даже мусульмане верят в божественную сущность Иисуса...» Выходит не зря он, Папа Римский, огнем и мечом искореняет тех грешников, которые в эту сущность не верят.

Ну а то, что цифра три обладает магической силой, он еще и еще раз убедился очень скоро. Через несколько дней после благих вестей из Египта пришло известие о смерти императора Фридриха Гогенштауфена. Значит, анафема и все проклятия, излитые на его голову и Папой Николаем, и им самим, настигли, наконец, этого безбожника! Иннокентий сразу подумал о новом императоре, подумал о том, что чтобы заставить этих твердолобых германских князей избрать императором верного божьему престолу человека, придется истратить немало золота.

В тот же день вечером прибыл главный вербовщик крестоносцев на святую землю епископ Оттон из Фраскати. Сто пятьдесят рыцарей уже готовы отправиться на Кипр, где, согласно посланию короля Луизьяна, собралось еще около трёхсот. Теперь уже можно не тратить деньги на наемный флот, а воспользоваться флотом его величества короля Франции.

Папас поправился. Помогли молитвы, настои трав и старые вина из подвала загородного дворца. Но прошло немного времени, как до Рима стали долетать странные слухи о гибели крестоносных армий... Иннокентий отказывался им верить. Он решил дожидаться послан-

ника самого короля. Ждать пришлось недолго. Прибыл брат короля, граф Орлеанский. Сообщение о гибели двух армий, гибели Великого магистра, о пленении короля и его окружения, повергли Иннокентия в шок. Ночью с ним случился сердечный приступ. Когда он пришел в себя, граф сообщил ему о размере выкупа, назначенного этими безбожниками. Первое, что Папе хотелось сделать — выдворить из Рима графа и сопровождавшего его рыцаря. «Что это, Господи, наказание или неповоротливость короля?» С другой стороны, он не мог упрекнуть в бесталанности Великого магистра: тот был опытным воином. Осталась армия, идущая на Иерусалим... «О, Господи! Господи! Яви щедрость и прозорливость свою...»

Всю ночь Иннокентий пластом лежал в постели, прислушиваясь к каждому болезненному толчку сердца. «Если бросить короля и его двор на произвол судьбы, в будущем Франция может отвернуться от Рима, и тогда одному Господу Богу известно, сколько придется истратить, чтобы повернуть её лицом в свою сторону». К утру Папа забылся в тревожном сне, а когда пришел в себя, вызвал кардинала-казначей и велел выдать из церковной казны брату короля сто тысяч золотых экю. Услыхав сумму, казначей хотел было что-то сказать, но не решился и, пятясь, вышел из спальни.

Через неделю пришло сообщение, что сыновья покойного императора Фридриха Конрад, король Сицилийский, и Манфред, король Германский, готовят армии для вторжения в Рим и что их поддерживают богатые немецкие города. Папа вызвал епископа Оттона и приказал ему прекратить вербовку

рыцарей, срочно договориться о переброске рыцарей из Кипра в Рим. Война Иннокентия IV с сыновьями Фридриха Гогенштауфена отняла у папы остаток сил. Он скончался в тот самый день, когда король Людовик IX и его окружение ступили на землю Франции. Армия крестоносцев, ушедшая освобождать Иерусалим, помощи так и не дождалась.

\* \* \*

В столицу Синей орды Тебриз весть о гибели двух армий крестоносцев принесли купцы, доставлявшие товар из Александрии. Хулагу, который надеялся, что борьба египтян с крестоносцами основательно подорвет силы обеих сторон, был удивлен, узнав, что победа досталась египтянам без больших потерь. Узнал, что султан Туран-шах погиб, утонул в реке, что армия не отправилась освобождать города и крепости, занятые крестоносцами, а стоит на границе. Если верить купцам, под рукой у нового султана, у этой странной женщины по имени Шаджарат ад-Дур, не менее восьми туменов конницы. Хулагу спросил у купцов, знают ли они, кто руководил армией египтян, и те, не стовариваясь, разом ответили: эмир Бейбарс.

У Хулагу была заветная мечта: объединить Золотую и Синюю орду в одно самое большое в мире государство. Мечта, с которой он ни с кем не делился. Это он сделает в будущем. Сейчас он должен подчинить себе Миср, Ирак... Сколько лет прошло с тех пор, как он стал властителем Синей орды, куда вошли Персия, Грузия, Армения, Азербайджан... Он до сих пор не может усмирить горные племена этих

стран. Горы... горы... Его великий дед Чингисхан любил повторять: «Чем выше вершина, на которую ты взобрался, тем ближе ты к богу небесному Тенгри». В горах и холодно, и беспокойно. Три лучших его тумена сторожат горы Грузии и Армении. Тумен в Азербайджане, тумен в горных районах Персии. Стоит из гор уйти — и они уже тебе не подвластны. Словно из-под земли появляются на свет непокорные горцы и по ночам, как волки, начинают вырывать клочья из овчины. Сейчас у него под рукой всего шесть туменов, не считая тех трех. Но он, согласно наставлениям деда, сделал главное: разделил захваченные территории на волости-тумены. Земля, вошедшая в состав такой волости, должна со временем дать тумен — десять тысяч всадников на коне, в полном вооружении. Тумен обязан выделить будущему воину землю, скот, помочь ему приобрести оружие, достойное монгола. Пока нет войны, он может жениться, разводить скот, сеять пшеницу и овёс, растить детей. Его главная обязанность — по первому зову явиться на сборы. Пройдет еще года три-четыре, и у него под красным стягом Чингизидов будет еще шесть туменов. А пока он должен завоевать Ирак, взять в кольцо Миср... Нужно будет потревожить Дамаск, посмотреть, чем на это ответит женщина?

### СУЛТАНША ШАДЖАРАТ ад-ДУРР

Тело Туран-шаха не нашли. Народу объявили, что султан решил в жару поплавать в Ниле, и священные крокодилы схватили его и унесли вглубь. И это было правильно. На «священных крокодилов»

никто роптать не стал. Значит, такова была воля Аллаха.

«Кому нужна была смерть Туран-шаха?» Мысль эта не давала ей покоя. Она была уверена, окажись там Бейбарс, несчастья могло и не случиться. Значит, судьба. Но кто? Чья рука вложила кинжал в руку Исмета? Ойбек?.. Октай?.. Котуз?.. Шомансур?.. Кто убрал на пути к трону еще одну ступеньку? Ей вдруг стало так тоскливо, так одиноко в четырех стенах. Раньше где-то рядом был близкий ей человек, и это вселяло уверенность в себе. А теперь? На кого она может положиться? Вспомнился старый ромейский щит в углу мастерской отца. Она пряталась за него, когда в куче стружек начиналось шевеление. Она клала рядом со стружками кусочек сыра, потом забиралась за щит и в прорезь, оставленную от удара копья, следила за тем, как мышка выбирается из-под белой горки, отряхивается, усаживается удобно и принимается за лакомство, уверенная в том, что её никто не потревожит. Но как-то мама, убирая стружку, увидела в стене дырочку и залепила её известью...

Взгляд Шаджарат упал на Коран, лежащий на резном столике. Она дотянулась, взяла книгу, коснулась её губами и лбом, открыла первую страницу. Как хорошо, что старая Дильбар, дочь султана Джазиры, наложница султана Камиля, которая осталась жить в Цитадели, учила молодых одалисок арабскому, разучивала с ними суры из Корана. Она как-то заметила, что новая наложница султана Салиха не только слушает, но и внимательно следит за тем, как та водит золотым пёрышком по буквам, по строчкам. «Ты хочешь выучить буквы?» — спросила она. «Я уже выучила», — ответила Шаджарат. Старая

Дильбар удивленно вскинула брови. Она не поверила девочке и поставила перед ней Коран: «Читай!». Шаджарат не знала, что Дильбар рассказала об этом султану Салиху. «У этой девочки дар от Бога, береги её». Султан, который с большим уважением относился к Дильбар, запомнил эти слова.

Шаджарат прочитала суру, посвященную её родному Тарсусу, и положила Коран на место. Вошла служанка, сказала, что её просят прийти в диван войны. Шаджарат уже знала, что там собрались военачальники. Решила, что они договариваются о том, какие тумены вернуть, какие оставить на границе. «Это их мужское дело, пусть решают». Она вошла. В зале дивана почти не было свободных мест. Все встали и, приложив руки к сердцу, поклонились. Она ответила поклоном и заняла свое привычное место. Визирь дивана, главный муфтий, судьи, эмиры мамлюков, эмиры тумена халка, тумена курдов, туркменов, глава купеческой гильдии, глава ремесленников... Никогда здесь не собиралось столько народу. Поднялся раис острова Муизз Ойбек Туркмани и громко, торжественно объявил, что совет близких к трону людей решил, что до совершеннолетия наследника шахзаде Халиля Айюба, султаном Мисра по единому согласию объявляется Шаджарат ад-Дурр, что во всех мечетях Мисра будет прочитана хутба в её честь, что отныне золотые и серебряные монеты страны будет украшать её султанский профиль. Муфтий поднял ладони, и прозвучала в её честь фатиха.

Повторяя про себя слова молитвы, она подумала: «Значит, не Ойбек... Но кто же тогда?» Кого она должна опасаться? Кто из произ-

носящих слова молитвы в её честь может оказаться на пути её сына? «Аминь!» — повторили все присутствующие разом и, опуская ладони, открыли её взору лица. «Аминь!» Ответа на свой вопрос она не нашла.

\* \* \*

Они остались в диване вдвоем: она и визирь. С нее сразу спало напряжение, и сердце забилося ровно и спокойно. Это был единственный из царедворцев Цитадели, к кому она чувствовала особое расположение. Почему? При встрече он всегда улыбался ей, и улыбка эта светилась добротой и радостью. Если бы улыбка была поддельной, она почувствовала бы это. Может, она напоминала ему кого-то из своей прежней жизни? Она познакомилась с ним, когда султан Салих перевел её из гарема в другое крыло Цитадели. Она уже была беременна, и султан беспокоился о её здоровье. В то утро Дауд принес султану какое-то срочное сообщение. Султан представил его:

— Это Дауд, самый старший в нашем роду, он визирь султанского дивана, хранитель султанской казны.

Когда Дауд ушел, Салих добавил:

— Если со мной что случится, он поможет тебе в любом деле. Верь ему.

Однажды, уже после смерти султана, она вышла из комнаты в поисках сына. Халил, воспользовавшись тем, что она отвернулась, прислушиваясь к шуму за окном, сбежал. Она нашла его в диване войны. Он сидел у ног визиря, надев на голову его чалму. Увидев мать, Халил кивнул на Дауда:

— У дедушки разболелась голова оттого, что у него очень тяжелая



чалма. Он разрешил мне поносить немножко её. Сказал, что если я её надену и молча посижу возле него, то все, что он знает, перейдет ко мне. Когда папа был живой, я спросил у него, кто в стране Миср самый умный? Папа сказал, что самые умные — он и дедушка Дауд.

Визирь отнял руки от висков и попытался улыбнуться Шаджарат. Она стала у него за спиной и опустила ладони ему на голову. Опустила и сразу почувствовала, как проникает в её ладони темная, горячая волна боли. Она подождала, пока волна не иссякла, и стянула ее с кончиков пальцев. Плечи старика выпрямились, он поднял голову и облегченно вздохнул: «Спасибо, дочка. Мне еще Салих, да будет мир праху его, говорил, что ты умеешь снимать боль, а я, старый, не поверил ему. Спасибо тебе, ты вернула мне радость бытия. Я помолюсь за тебя...»

Вот и теперь, когда закрылась дверь дивана, он дождался, пока стихнут шаги:

— Видишь, дочка, опять эти драчливые мужчины свалили на твои хрупкие плечи весь груз Мисра... Ни один из них не решился встать и сказать: «Доверьте мне трон султана». Был один, но и того поспешили отправить туда, где запахло войной.

Она почувствовала, как краска волной заликает ей лицо. Нагнула голову и стала поправлять складки платья. Кто скажет ей, с чего нужно начинать? Какой сделать первый шаг, чтобы не стать посмешищем не только в глазах «драчливых мужчин», но и всего народа? Она подняла голову. Он увидел слезу на реснице и поспешил успокоить её:

— Не пугайся, я помогу тебе. Ты сильная. Ты можешь сделать то,

на что у этих (он кивнул в сторону ушедших) не хватило бы смелости...

Все удивлялись, что Шаджарат ад-Дурр часами просиживает в диване войны. Она внимательно слушала визиря о состоянии дел в стране, о размере доходов и налогов, поступающих из округов, городов, сел, рынков, караван-сараев, ремесленных цехов, доходных домов, лавок, конюшен, султанских стад и отар, от участия в торговых делах купеческих гильдий, о том, какой урон приносят стране разбой на дорогах, падение уровня воды в Ниле, пожары, неурожай, чума, сокрытие налогов, религиозные распри. Она запоминала размеры невыплаченных налогов, имена нечестных на руку купцов и эмиров, названия городов и сел. Её поразило то, что во времена Салах ад-Дина поступление в султанскую казну составляло около полутора миллиона динаров, а теперь не достигает и трети этой суммы. От визиря услышала она, что и Салах ад-Дин, и султан Камиль, и султан Салих содействовали строительству в стране новых мечетей, медресе, монастырских общежитий, религиозных школ, отдавали им во владение крытые рынки, караван-сарай, ремесленные производства, земельные наделы, освободив владельцев от налогов. Визирь знал размеры их доходов и расходов. Знал, сколько тратят религиозные учреждения на своё содержание и сколько ложится мертвым золотым грузом в кованные железом сундуки.

И еще она узнала, что в связи с войной в стране назревает волна повышения цен и что это может вызвать волнения.

— Как вы думаете, визирь, когда мы сможем получить выкуп?

— Не раньше, чем через год.

— А если поднять налоги?

— Мы их уже собрали за этот год. А в конце года нам нужно будет выплатить жалование мамлюкам, воинам халка, чиновникам, которые находятся на попечении султанской казны.

— Сколько это составит?

Визирь, не задумываясь, назвал сумму.

— Кто у нас, кроме религиозных учреждений, самый богатый?

— Торговцы пряностями, лесом, пшеницей.

### ПЕРВЫЕ ФЕРМАНЫ

В зале приемов чувствовалось всеобщее волнение. Еще бы! Это был первый случай, когда купцов, ремесленников, эмиров таможен пригласили в Цитадель на встречу не с кем-нибудь, а с самим султаном! В зал вошли Шаджарат ад-Дурр, визирь дивана Дауд, раис мамлюков Муизз Ойбек, эмир личной охраны султана Караджа. Визирь дождался, когда гости займут свои места:

— Уважаемые граждане страны Миср! Вы являетесь столпами нашего государства, от вашей деятельности зависит процветание страны, её сила и могущество, зависит благосостояние её граждан. Султан Мисра Шаджарат ад-Дурр хотела бы услышать, что мешает вашей работе, кто из государственных чиновников, эмиров препятствует расширению границ вашей деятельности? Какую помощь ждете вы от нас?

Купцов тревожили участвовавшие на караванных дорогах грабежи. Даже малым караванам приходится нанимать воинов охраны. Таможни нередко превышают нормы сборов, установленные султанским диваном. Отсутствие собственного флота позволяет судовладельцам других стран взвинчивать размеры

фрахта. Ремесленники жаловались на рост цен на сырьё, на то, что ночами в городе орудуют банды, процветает воровство, чиновничьи поборы.

К удивлению гостей визирь зачитал ряд ферманов, подготовленных к подписи. Так, ферман в защиту караванных путей обязывал эмиров мамлюков и воинов халка охранять дороги, входящие в зону их округов. Грабители, попавшие в руки охраны, подлежали немедленной казни, имущество — конфискации, семьи — продаже в рабство. Ферман, касающийся ремесленников, гласил: «Снизить таможенные сборы на местные изделия, вывозимые за пределы страны». Все ферманы тут же были подписаны султаном и вступили в действие. Визирь взял в руки отдельно лежащий свиток:

— А теперь, уважаемые, я хочу довести до ваших ушей наши к вам требования. В течение последних пяти лет торговля расширилась, выросли цены, повысились доходы, но, как показала проверка, налоги, поступавшие в казну, остались на прежнем уровне. Я, как визирь, попросил бы вас подсчитать вашу задолженность казне и в течение сорока дней внести недоплаченное...

Среди купцов поднялся ропот. Многие были не согласны. Тогда визирь стал поименно оглашать размеры доходов, полученных купцами, и размер полученных казной налогов. Сразу наступила тишина. И только двое самых богатых, контролировавших торговлю пряностями, наотрез отказались выполнить просьбу визиря. Подняла руку Шаджарат ад-Дурр:

— Значит, вы считаете, что мы поступили неправильно, вложив все сбережения казны на покупку оружия, подготовку воинов, чтобы ос-

тановить крестоносцев, не пустить их дальше Дамьетты и Мансуры? Может, вы хотели видеть их здесь, в сердце Мисра, увидеть, как грабят ваше имущество, угоняют в рабство жен и детей?

— Мы считаем, что диван неправильно подсчитал наши доходы. У нас нет долга перед казной!

Шаджарат повернулась к эмиру охраны:

— Эмир, вызовите стражу. Приказываю посадить этих двух купцов в зиндан и, если они к завтрашнему дню не одумаются, казнить обоих, а имущество забрать в казну!

Гул одобрения прошел по залу. Размеры богатств этих людей были хорошо известны присутствующим, известны грабительские размеры процентов за каждый взятый у них динар. Оторопевших купцов увели. На другой день на всех рынках Эль-Кахиры обсуждались первые ферманы султана. Посмеивались над жадностью купцов, отсидевших ночь в зиндане рядом с убийцами и ворами. Вскоре был оглашен еще один ферман, ограничивающий вывоз зерна за границу, обязывающий крупных торговцев пшеницей продавать по существующим ценам часть своих запасов в казну. Один из торговцев наотрез отказался это сделать и предложил визирю самому заняться выращиванием зерновых. Шаджарат приказала казнить упряма на центральной площади. Запасы зерна в хранилищах купца были взяты под охрану, стоимость его выплатили семье казненного. А что касается его трехсот наложниц, их продали на рынке Александрии, а деньги, вырученные от продажи, внесли в казну.

Через несколько месяцев, когда цены на зерно стали расти, Шаджарат ад-Дурр приказала выста-

вить на продажу в султанских лавках и рыночных рядах пшеницу по старым ценам.

Через неделю после встречи с купцами Шаджарат встретила с руководителями религиозных организаций. Визирь зачитал им ферман, согласно которому они должны были выплатить налоги за последние три года из доходов, полученных ими с вакуфных земель, рынков и караван-сараяв, подаренных им султанами Камилем и Салихом. На этот раз никто не спорил. В течение месяца в казну поступило денег больше, чем ожидали Шаджарат и визирь. И сама Шаджарат внесла в казну немалую сумму, сказав, что это из её личных средств, оставленных ей султаном Салихом. Очень обрадовала её весточка от человека Бейбарса. Ее принес Мансур Калаун. Незвестный сообщал, что сбор средств на выкуп короля идет хорошо, что деньги в срок будут доставлены в Дамьетту. В этот же день из Мансуры прибыл посланник королевы Маргариты. Королева просила её о встрече. Шаджарат дала согласие.

Теперь Шаджарат каждый день приходила в диван, и старый Дауд докладывал ей о собранных им сведениях. Сообщали эмиры округов, сообщали владельцы караван-сараяв, сообщали завсегдатаи рынков, сообщали бродячие факиры. Головы грабителей, насаженные на колья и выставленные вдоль караванных путей, показали, что у нового султана жесткая рука. Прекратились разбои на ночных улицах Эль-Кахиры, меньше стало краж. Работали почти все ремесленные цехи. Диван распределил между ремесленниками заказы на луки, стрелы, копья, мечи и сабли, щиты, латы, заказы на седла. Пришло сообщение и от самого Бейбарса. Она

прочитала его несколько раз. Он пытался успокоить её, но она почувствовала по тону письма, что война с монголами неизбежна, что готовиться к ней нужно уже сейчас.

Одно беспокоило и Шаджарат, и визиря: по городу поползли слухи, что султан покушается на имущество верных слуг Аллаха, полученное ими в дар от самого великого Салах ад-Дина, что она пытается ограбить тех, чьими молитвами были добыты победы над врагами, что обижать божьих слуг, это всё равно, что бросать тень на имя пророка... О том, что подобные слухи распространяются и в других городах и селениях, говорили купцы, пришедшие с караванами в Эль-Кахиру. Шаджарат пригласила в Цитадель настоятеля главной мечети страны Амра ибн ал-аль Аса и поделилась с ним своей тревогой. Он внимательно выслушал Шаджарат:

— Мне кажется, султанием, вам необходимо отменить налог, который вызвал недовольство у многих почитаемых в стране служителей Аллаха.

Шаджарат посмотрела в глаза муфтию:

— Скажите мне, глубокоуважаемый муфтий, неужели этот временный незначительный налог, который наравне с другими идет на подготовку войны с монголами, на защиту нашей страны, так неприятен Всевышнему и его слугам?

— Не гневите Аллаха, султанием. Вы знаете, что устами его служителей говорит истина. Некоторые наши храмы не так уж и богаты. Они служат Аллаху, служат вам, служат народу, скрывая от видящего ока Всевышнего свою нищету.

— Вы можете дать мне список

таких мечетей, медресе и ханак? Дайте, и я освобожу их от налога. Пусть вносят свои деньги в общее дело те, кого этот налог не разорит. Ведь это дело не только купцов, ремесленников, феллахов, это дело каждого, кто обеспокоен будущим своей страны, своей семьи, своего жилища.

Муфтий покидал диван, сгорбившись, опустив плечи. Он шел и чувствовал на спине её «бесовский» взгляд. Шаджарат глядела, как закрываются за муфтием тяжелые двери. Она так надеялась услышать от него совсем другие слова, слова о том, что богатые общества помогут, поделятся с теми, кто испытывает нужду, что муфтий постарается пресечь ложные слухи. Хотела услышать, но не услышала. Муфтий, выйдя за ворота Цитадели, стряхнул с себя напряжение, распрямил плечи и облегченно вздохнул: «Не зря, наверное, говорят, что у этой женщины что-то от самого дьявола». Подумал и поторопился прочесть молитву.

Муфтий так и не предоставил списка терпящих нужду религиозных центров. Шаджарат посоветовалась с визирем и налога отменять не стала. Понадеялась, что люди поговорят и забудут. Решила, что налог она отменит в день, когда поступит золото выкупа. Зря понадеялась... Слух оказался удивительно живучим, словно кто-то подпитывал его, следя за тем, чтобы пламя ложной свечи не убывало. Вскоре к слухам добавился еще и настоящий удар, удар оттуда, откуда ни она, ни визирь не ждали. Удар нанесли из Багдада, столицы халифата. Нанес сам халиф Мустансир. На рынках, в караван-сараях, в ханакх, даже в банях пересказывали вслух письмо халифа. В письме, обращенном к жителям Мисра, к его видным религиозным деяте-

лям говорилось, что если в Мисре не нашлось достойных мужчин управлять страной, то он, халиф, может прислать такого человека из Багдада. «Разве вы не помните священные слова Пророка, — говорилось дальше, — что племя, доверившее государственные дела женщине, спасенья не обретет!»

Черным камнем легло на сердце Шаджарат письмо халифа. Вспомнились слова греческого мудреца: «Власть легче захватить, но значительно труднее удержать её». Она власть не захватывала и не держится за нее, как обреченный за рукоять кинжала. Неужели сам халиф не чувствует, как на них надвигается страшная сила, сила во много раз опаснее, чем крестоносцы? Она чувствовала эту силу как-то внутренним чутьем, видела внутренним оком... Видела и торопилась поставить перед ней преграду. И еще она подумала о том, что кто-то донес до ушей халифа про её дела, но донес по-своему, искажив их суть. Но кто? Кому помешал Туран-шах? Кому на пути к власти встала она? Кто ткёт тонкую невидимую паутину, медленно и неотвратно затягивая в сеть одну жертву за другой? Подумала о Бейбарсе. Ей казалось, что будь он рядом, он бы помог ей разгадать загадку, убрать этого человека с её пути. Подумала и отвлеклась от черных мыслей. Зазвенел колокольчик, и в комнату вошел визирь:

— Спешу, дочка, сообщить тебе еще одну новость...

— Что еще случилось? — подняла она на визиря встревоженный взгляд.

— В Эль-Кахиру въезжает королева Франции.

Там, в Париже, она, молодая королева Франции, совсем не так представляла себе въезд в этот город, город великого Саладина. Всю дорогу она пыталась представить, как её встретит эта воинственная женщина, под султанством которой был уничтожен цвет рыцарства Европы, потоплен королевский флот, взяты в плен самые громкие имена Франции.

— Кажется, мы въезжаем, — сказал граф, сидевший напротив.

Королева припала к окошку повозки, которую король перед походом повелел изготовить лучшим мастерам. На ней они должны были торжественно въехать в Эль-Кахиру, как некогда въезжали в Рим Антоний и Клеопатра.

Город возник перед ней как-то сразу, словно из-под земли. Даже высоких каменных стен, рва, заполненного водой, распахнутых настежь железных ворот она заметить не успела: была занята мыслями о предстоящей встрече. Они выехали на улицу, ведущую к Цитадели, по обе стороны которой высились многоэтажные дома с нависшими над дорогой балконами, скрывающими солнечный свет. Здесь их уже поджидали мамлюки. Почему-то ей стало не по себе.

Два десятка рыцарей сопровождали карету. Королева еще только въезжала в Эль-Кахиру, а весть о ней уже всколыхнула город, и сотни любопытных выстроились по всей длине улицы. Десять мамлюков во главе с эмиром ехали впереди, прокладывая путь кортежу, еще десять замыкали его. Двигались не спеша, и королева успевала разглядеть лица нарядно одетых женщин, девушек, детей, стоящих на балконах. Она боялась увидеть обозлен-

ные лица, боялась камня, брошенного в окно, злых выкриков, но, видя любопытные лица тех, кто смотрел с высоты, тех, кем она еще совсем недавно собиралась повелевать, успокоилась и, облегченно вздохнув, откинулась на спинку сидения.

— Я представляла их совсем другими...

— С рогами, длинными ушами и железными клыками?

— Не смейтесь граф. У них красивые женщины, девушки и дети.

— Мужчины у них тоже красивые, особенно, когда они мертвы.

— Вы, мужчины, неисправимы. А если бы не вы, а они пришли завоевывать Францию?

— Вам бы, кузина, быть советником у Папаса.

— Вам не кажется, граф, что в самое трудное время Бог внушил им поставить во главе государства женщину?

— Но и у нас королева-мать не обделена умом.

— Станете вы слушать женщину, когда у вас над головами сам Папа Римский?

— Говорят, что он тяжело болен.

— Еще бы! Столько золота он потратил в надежде, что наконец-то вы отвоюете ему Иерусалим. Сколько раз Рим затевал войну против этой страны. И каждый раз один и тот же конец. Вас, мужчин, ошибки ничему не учат.

— Что поделаешь, такими нас создал Бог. Наверное, на ошибках могут учиться только женщины.

— Все-то вы сваливаете на Бога. Можно подумать, что умом он наградил только женщин.

— С вами невозможно спорить, кузина. Видно, долгое сидение в Мансуре вас многому научило.

Улица как-то сразу оборвалась. Слева возвышался аль-Азхар, в кон-

це площади — Цитадель. Королева удивилась, увидев могучую крепостную стену с высокими округлыми башнями по углам.

— Это и есть Цитадель — твердыня султанов Египта, — сказал граф.

— Я-то думала, что они живут во дворце фараона. Их дворец больше похож на крепость.

На подъезде к Цитадели ударили барабаны, ухнули трубы. «Значит, встречает она меня не как пленницу, а как королеву», — подумала Маргарита. Распахнулись ворота, разъехались мамлюки, уступая дорогу рыцарям и повозке. У парадного входа во дворец повозка остановилась, слуга спрыгнул с запяток и открыл дверцы. Сдерживая волнение, королева направилась к ступенькам дворца, где у высокой резной двери стояла молодая женщина в черном и несколько вельмож в золотканых халатах. Маргарита в сопровождении графа поднялась по ступенькам, и женщина в черном сделала шаг к ней навстречу.

Шаджарат представляла, что королева окажется женщиной в летах с длинным худым лицом, измученным долгим пребыванием в сырой и холодной крепости, а увидела молодую миловидную женщину с большими голубыми глазами, рассыпавшимися по плечам волосами цвета пшеничной соломы. На её сочных алых губах играла едва заметная улыбка. От нее исходила волна женственного тепла. Шаджарат вдруг почувствовала желание прижать ладони к её белым пухлым щекам и почувствовать исходящее от них тепло.

Маргарита, ожидавшая увидеть перед собой грозного султана в мужском одеянии, перехваченном широким кожаным ремнем с саблей на боку, увидев прекрасное лицо

Шаджарат, прозрачно-зеленые глаза, в которых светилась не надменность, а удивление и доброжелательность, протянула ей руки, и слова продиктованного королевой-матерью официального монолога замерли у нее на губах.

Странно! Вся неприязнь, накопленная за долгий и мучительный год, испарилась при виде своей сверстницы, её неожиданно протянутых рук, и у Шаджарат ад-Дурр вместо цветистой восточной фразы вдруг вырвалось:

— Я приветствую вас, королева Франции, в сердце нашей страны Эль-Кахире и прошу без боязни и страха войти в твердыню Мисра, построенную руками самого Саладина.

Визирь, несколько обескураженный нарушением этикета, шагнул вслед за Шаджарат, готовый перевести сказанное ею на язык франков. Его остановило то, чего он совсем не ожидал, — королева заговорила на арабском. Говорила она медленно, произнося слова чуть нараспев, словно слова молитвы:

— Я преклоняю перед вами колени, прекрасная правительница Египта. Я счастлива видеть не надменное мужское лицо, отмеченное шрамами бесконечных войн, которые затевают эти безрассудные мужчины, обрекая и вас, и нас на страдания.

Они шли, две женщины, о чём-то говорили, и мужчины не решались им помешать. Две молодые женщины, отмеченные божественным знаком. И не в тронный зал привела королеву Шаджарат — ей, с детства лишенной женского общения, со дня рождения сына окруженной мужчинами, захотелось хоть на какое-то мгновение побыть рядом со своей сверстницей. Вся её жизнь в Цитадели была связана с

султаном, евнухом, визирями, мамлюками, иногда с послами, тоже мужчинами. Уйти из мира мужского коварства, предательства, подбострастия, хоть немного побыть в незнакомом для нее мире женской простоты. Пусть мужчины посидят в диване войны, там они чувствуют себя, как в раю...

Королева с удивлением рассматривала строгую простоту её жилища, расставленные вдоль стен ковровые подушки, пол и стены, закрытые коврами, уютный уголок — два дивана и резные столики с фруктами, красивыми серебряными кувшинами с напитками, золотые чаши. Первое, к чему прикоснулась королева, был деревянный конь с густой гривой, пушистым хвостом, настоящим миниатюрным седлом. Королева не удержалась, погладила коня по загривку:

— Какая чудесная игрушка, осталось только вдохнуть в неё жизнь! — подняла на Шаджарат полные слез глаза, — У вас сын?

— Сын. Три года...

— Я уже два года, как не видела своего... Пока возвращусь в Париж, он станет совсем большим и не узнает меня... Ох, уж эти мужчины! Как напялят на себя железные кастрюли, забывают обо всем на свете. Забывают о том, что есть мы, что мы, матери, живые существа, а не куклы для показа... Ради того, чтобы услышать грохот барабанов, треск мечей и вопли гибнущих, они готовы идти на край света.

— Видно, так им на роду написано.

— Ах, душа моя, — королева коснулась теплой мягкой ладонью руки Шаджарат, — я не верю в то, что Господь-Бог толкает их на это. Всё это затеял Папа Римский Иннокентий... Захотелось ему царство-

вать над всем миром. Пожелай этого Всевышний, он бы не позволил погубить столько людей... Это папа наобещал Людовику, что он, с Божьей помощью, быстро и легко захватит ваши земли, города, наобещал ему царство небесное, золота не пожалел. А наши ему поверили. Король заставил меня выучить язык, приказал приготовить золотую повозку и доставить её в Мансуру. Он думал, что мы, как Антоний и Клеопатра, въедем в Эль-Кахиру. Теперь, говорят, и сам Папас при смерти, и мы сидим в сыром каменном мешке...

Шаджарат хотела спросить, но королева опередила её:

— Нет-нет, душа моя, не думайте, что я приехала жаловаться! Просто, когда начинаешь стареть и задумываться над тем, что произошло, часто приходишь к неутешительным мыслям. Мне сказали, что ваш муж, султан Салих, скончался во время того знаменитого поединка

— В ту ночь.

— И мужчины взвалили на ваши плечи эту ношу... Когда я девчонкой стояла под венцом, мне думалось: вот стану королевой и буду удерживать мужа от греховных дел. Говорят, женщины хитры и коварны. Нет, не всякая женщина способна тешить себя мыслью о владычестве над всем миром. Об этом мечтают мужчины. Ради власти и величия они готовы на такие коварства, на такие подлости, какие женщинам и не снились.

Шаджарат слушала королеву и подумала о гибели Туран-шаха, о письме халифа, о торговце зерном. Как люди похожи друг на друга. И королева живёт в окружении многочисленных мужских родственников короля, рядом с королевой-матерью, которая до сих пор пытается

ся командовать сыном. За окном слышались шаги и голоса мужчин, королева насторожилась:

— Ваши визири не обидятся на нас?

Шаджарат махнула рукой и спросила:

— А кто у вас во Франции правит страной во время отсутствия короля?

— Кардинал, канцлер, он же хранитель королевской печати, и первый королевский камергер.

— А разве кардинал не глава вашей церкви?

— Одновременно он и глава французской церкви.

— А церковь платит налоги в королевскую казну?

— Франция поделена на епископства, и каждое епископство должно вносить в казну десятину от своих доходов.

Когда Шаджарат спросила о том, как сама королева чувствует себя в Мансуре, спросила о здоровье короля, Маргарита вздохнула и взглянула на нее благодарно. Она всё никак не могла сказать о главном, о цели своего приезда:

— Я вот о чем хотела просить вас, душа моя: король и королева-мать тяжело больны. Мне бы хотелось, чтобы они живыми вернулись во Францию. Думаю, это надолго отобьет у наших воинственных баронов желание завоевывать чужие земли. В договоре, подписанном вами и королем, сказано, что одновременно с выплатой выкупа, король освобождает Мансуру и Дамьетту. Если бы вы перевезли нас в Дамьетту, где меньше сырости и воздух целебнее...

— А сколько у вас в Мансуре воинов? — перебила королеву Шаджарат.

— Если я не ошибаюсь, рыцарей не больше пятидесяти, воинов



около ста... И королевский двор человек двадцать, не считая слуг.

— Я согласна, королева, — Шаджарат на миг засомневалась, подумав, что не мешало бы посоветоваться с визирем и раисом острова, но решила не мучить королеву. В конце концов, султан она или не султан? — Я дам поручение эмиру мамлюков, и он предоставит в ваше распоряжение галеру. Это будет быстрее и безопаснее.

— Благодарю вас от всей души, дорогая моя.

Маргарита взяла плетеную сумочку и извлекла оттуда коробочку. В ней лежал большой янтарь, внутри которого, сохраняя зеленую свежесть, застыл трилистник клевера:

— Я хочу сделать вам небольшой подарок, и не как королева королеве, а как сестре. — Шаджарат хотела возразить, но не успела. — Этот камень некогда подарил мне человек, память о котором всегда у меня в сердце. Об этом камне узнал один из братьев короля и пытался похитить его в доказательство моей неверности. Но янтарь я получила, еще будучи принцессой. У вас он будет в целости и сохранности. Я буду знать об этом и вспоминать о вас с благодарностью. Зеленый трилистник клевера — символ возможности счастья. Вы отныне будете хранительницей моей самой большой тайны...

\* \* \*

Напрасно королева думала, что жестокое поражение в Египте отобьет у короля и его воинственных баронов желание завоевывать чужие земли. Спустя 16 лет, летом 1270 года, он возглавил последний крестовый поход. Теперь он решил на-

пасть на Египет с тыла и двинул новую армию на Тунис, откуда крестоносцы, в случае успеха, могли начать завоевание Египта с запада. 23 июля 1270 года Людовик высадился на тунисский берег и захватил древнюю Карфагенскую крепость. На помощь тунисскому бею аль-Мустансиру выступил султан Бейбарс. Однако сражения не произошло: в лагере крестоносцев вспыхнула эпидемия холеры, которая не пощадила ни Людовика, ни его близких, ни тех, кто хотел отгородиться от божьей кары крестом. Прах Людовика IX был захоронен на холме в центре Карфагена, сам он причислен католической церковью к лику святых. Наверное, это и был конец того путешествия по бурной реке, которое обрывалось водопадом...

## ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

### ИСПЫТАНИЕ

*1251 год от Рождества Христова  
649 год Хиджры*

### ОСАДА ДАМАСКА

То, что визирем, первым человеком в Бейруте, стал глава купеческой гильдии Абдул-Азиз ад-Дин, человек, который знал в лицо многих купцов, сопровождающих караваны через Дамаск, позволяло султану Насиру быть в курсе того, что происходило в городах Синей орды: главный торговый путь, ведущий из Персии к морю, к Бейруту, лежал через Дамаск.

Последнее время монгольские летучие отряды не раз показывались вблизи Дамаска, но до сих пор они не решались приближаться к

стенам города. Прост появлялись на расстоянии и исчезали. О том, что лазутчики хана Хулагу навещают Дамаск, визирь знал. Знал, что в ставке хана ведутся разговоры о захвате города. Но что это — слухи или серьёзное намерение? Может, желание проверить ответную реакцию новых правителей Мисра, узнать, осмелятся ли они вступить в единоборство с Синей ордой?

Среди ночи визиря разбудил тысячник охраны, сказал, что у ворот города стоит сотня мамлюков. В темноте тысячник не разобрался, кто возглавляет сотню. Визирь поспешил к воротам. Поднявшись на стену, он окликнул воина, застывшего впереди сотни.

— Это я, эмир Бейбарс, — услышал он в ответ.

К утру войска, приведенные эмиром, были заведены в султанские казармы. Утром визирь повел Бейбарса на встречу к султану Насиру, обрадованному тем, что султан Шаджарат ад-Дурр и Тураншах не остались равнодушными к его тревоге, отправив именно эмира Бейбарса ему в помощь. Выяснилось, что мамлюки и воины халка были доставлены по морю на кораблях Мисра, что высадились они, не доходя до Бейрута, и шли к Дамаску в основном ночами. Даже если хану Синей орды донесут о том, что в Дамаск прибыл отряд мамлюков, вряд ли кто сможет точно сказать, сотня это была или тысяча. Султан Насир, выслушав эмира, улыбнулся и покачал головой.

Бейбарс в сопровождении небольшого отряда обследовал окрестности города, ближние и дальние селения, оазисы, дороги, ведущие к Дамаску. На несколько дней он задержался в древних храмах, стоящих на дороге, ведущей из лет-

ней резиденции султана в город. Высеченные в каменных массивах, издали они казались сказочными дивами и внушали удивление и страх. Казалось, стоит переступить порог, не прошептав древней молитвы-пароля, каменные стены сомкнутся и ты превратишься в камень. Часть храмов заканчивалась пещерами, и было неизвестно, куда ведет их чёрный зев.

Мало кто в городе обратил внимание на то, что на рассвете из караван-сарая в сторону летней резиденции султана уходили небольшие караваны. Подобное в Дамаске происходило каждый день. Вскоре и сам султан Насир отправился в Халеб. И наступила пора ожидания... Теперь визирь каждый вечер встречался с Бейбарсом и подробно рассказывал ему, о чем доносили погонщики караванов. Почти во всех регионах Персии шла подготовка. Каждый регион готовил по тумену. Бейбарс отметил для себя те регионы, в которых подготовка шла уже давно, и попросил визиря направить туда своих людей.

Сначала пришла весть о том, что из ближайших областей Синей орды тронулись в путь обозы с осадной техникой, а еще через пару недель — о двух туменах, вышедших на караванный шлях и появившихся вскоре у стен города. Вслед за ними пришли обозы с осадной техникой. За два дня до прихода монголов, не нарушая сна горожан, Бейбарс вывел из города мамлюков, воинов халка, и они растаяли в ночной темноте.

В городе остались лучники, часть охранного тумена. Ремесленники, торговцы, все, кто умел держать в руках оружие, были собраны в десятки, сотни, тысячи; определены места на крепостной стене, у ворот, на случай таранных

атак. В течение дня на стенах были пополнены запасы масла, смолы, извести, дров. Город замер в ожидании. Монголы не спешили. На расстоянии полета стрелы, вблизи стен, устанавливались метательные машины, тараны, шла сборка осадных башен, ближе к стенам подтаскивались штурмовые лестницы. Палатки и легкие юрты кольцом окружили город. К воротам подъехал парламентар с белым знаменем в руке, положил на землю письмо. Три дня на раздумье горожанам дал багатур монголов.

Город молчал. В означенный срок ударили барабаны, грозно взвыли медные трубы. На расстоянии ста шагов выстроились пешие отряды воинов. Заработали метательные машины, и через стену в город полетели камни, горячая пакля, огненные стрелы. Когда у монголов окончились эти запасы, к стенам, подхватив штурмовые лестницы, бросились воины. Сдвинулись с места осадные башни, тронулись тараны, накрытые предварительно смоченными кожаными навесами. Штурм длился дотемна, и осаждающие отступили, унося с

собой погибших. Над близлежащими улицами поднялись столбы черного дыма.

В первый же день появления монголов от одного из каменных храмов в сторону Халеба одвуконь ушли гонцы. К утру следующего дня, на полпути, они встретились с туменом султана Насира. Ближе к Бейруту присоединились бедуины.

Второй день осады тоже не дал перевеса осаждающим. Осажденным удалось поджечь несколько башен. На тараны с высоты надвратных башен сползали каменные блоки, под тяжестью которых с треском ломались перекрытия и сами тараны. Монголам удалось таки протаранить самые старые из ворот, но стоящие наготове сотни наткнулись на стену из каменных блоков. Раненый визирь сидел тут же, недалеко, на ступеньке и распределял резервные отряды по башням. Вдоль стен лежали сотни тяжелораненых. Лекари с помощью женщин перевязывали их и поили отваром, снимающим боль.

*(Окончание  
в следующем номере)*

**Сергей ОВЧАРЕНКО**  
(г. Евпатория)



Член Национального Союза писателей Украины, член Союза писателей России, лауреат премии имени С. Э. Дувана (2003 г.), лауреат премии АР Крым, лауреат Всероссийской премии имени Николая Гумилёва (2009 г.). Автор сборников стихов «Сказки улицы Урицкого» (1999 г., 2002 г. — 2-е издание), «За памятью отца...» (2001 г.), «Два города» (2002 г.), «Старые дворы» (2005 г.), «Ночь колдовства» (2007 г.), «Журавлиное счастье войны» (2010 г.).

\* \* \*

*«Военная судьба отмеряла  
лейтенантам — командирам  
пехотных взводов, в среднем,  
всего три дня...»*

Три дня всего отпущено по сути,  
Всего три дня на воевать и жить.  
Но если дни перевести в минуты,  
То время есть Отчизне послужить.

Какой там срок вписал Генштаб в таблицу?  
Три дня? Неделю? Месяц или год?  
Два кубаря рубинами в петлицах,  
А за спиной от роты только взвод.

Всего три дня: немного для Победы.  
Вповалку спят усталые бойцы...  
Один из них тебе годится в деды,  
А большинство, похоже, что в отцы.

Твой опыт куц (ускоренные курсы!),  
Но дело наживное, он придёт.  
Уже пора! Заговорили УРСы,  
И значит, надо поднимать народ.

Когда в боях пройдёт почти два года,  
Однажды ты — заслуженный комбат —  
Спокойно скажешь новому комвзвода:  
— Три дня? Брехня! Иди войей, солдат!

\* \* \*

Аллеей утреннего сквера  
Пройдя незримую межу,  
На месте старого «Дюльбера»  
На парапете посижу.

Здесь в одиночестве негордом,  
Друзья мои, я вспомню вас,  
И зазвучит в душе аккордом  
Забывший городской романс.

Сыграй про время молодое  
На скрипке памяти, смычок,  
Припомни и вино сухое,  
И за полтинник шашлычок.

Как на скамейке сидя рядом  
Под незатейливый мотив  
С достоинством ловили взгляды  
Скучающих курортных див.

Как голова кружилась сладко  
От вида ножек, плеч и шей...  
И как на шумных танцплощадках  
Лабали новомодный шейк.

Жаль, мест не остается старых...  
От «Пятака» и до «Дуги»  
Другие нынче бродят пары,  
Целуют девочки других.

По-прежнему земная сфера  
Ведет подсчет людей и дней...  
Но в этом списке нет «Дюльбера»,  
Как нет уже иных друзей.

\* \* \*

*Ребятам с нашей улицы*

Звучит команда «Наших бьют!»,  
А нас — лишь горстка,  
И ходу несколько минут  
От Санаторской.  
Но на компанию верзил  
Решаем сами  
За друга пешками в ферзи  
Идти дворами.

Плечо к плечу, спина к спине —  
Закон суровый,  
Хоть здесь не так, как на войне, —  
До первой крови.  
И мы за правду лезем в бой,  
Не зная страха,  
Для нас ужаснее порой  
Порвать рубаху.

Пусть жили бедно в те года,  
Не сытно ели,  
Зато прямой была всегда  
Дорога к цели.  
Лишь иногда кружным путём  
Вели дорожку,  
Побывать чтоб с девочкой вдвоём  
Ещё немножко.

Сегодня каждый по углам,  
Тот Дух утрачен...  
О, как скучаю я по вам,  
Ребята с Дачи!  
Живёт желание во мне  
Встать с прежним пылом  
Плечом к плечу, спиной к спине,  
Как раньше было.

\* \* \*

Пророчит ветер вздорною кликушей,  
Размешивая темень за окном...  
И чтоб хоть как-то успокоить душу,  
Я помолюсь, робея, перед сном.

И вдруг на сгустке неземных энергий  
Умчусь, забыв про сонный порошок,  
В чудесный край, где преподобный Сергей  
Промолвит мне: — Всё будет хорошо!



Нас раскидало временем по свету,  
Нас разбросало семенем по миру,  
И потускнели юности портреты,  
И опустели шумные квартиры.

И обсуждать сегодня не берусь я,  
Как то, что мы тогда считали раем,  
Назвать сейчас. Москвой иль Беларусью?  
Землей обетованною Израиль?

Возможно, здесь живется плоховато,  
Там, может быть, престижнее и круче,  
А мне милей родимые пенаты  
И вид евпаторийский не наскучил.

До хрипоты, признаться, можно спорить,  
Где лучше жить: у нас или на Рейне...  
Поговорим об этом после моря  
За рюмочкою крымского портвейна.

## ИЛЬИНСКИЙ ХРАМ

### *Маме*

Нежное прикосновенье мамы  
ощутил обветренной щекой,  
поднимаясь по ступеням храма,  
чтоб зажечь свечу за упокой.

На стене в свободном тёмном платье  
горлицей над раненым птенцом  
над Христом склонилась Богоматерь  
с просветлённым маминым лицом.

Оплавляли восковые свечи...  
Сквозь огней мерцавших скорбный ряд  
виделись опущенные плечи  
и слегка усталый мамин взгляд.

Не уверен, был ли нынче в праве я,  
но, шепча какие-то слова,  
в храме я зажёлг свечу во здравие,  
словно мама до сих пор жива.

*Ан. Мезенцеву*

Да, что за век у нас такой —  
В дерьме и в фальши?  
Сданы в утиль и на покой  
Балы и марши.

Кларнеты доживают век,  
Молчит валторна...  
Их заменил вой дискотек  
И хруст попкорна.

Промовив местное «Пробач!»,  
Сыграет Листа  
От горя спившийся трубач  
Над тромбонистом.

Ударит музыка под дых,  
Стечёт слезами.  
Неужто место духовых  
Лишь со «жмурами»?

Давай-ка нашенским вином  
Наполним тару  
И инструменты разберём,  
Ведь мы — гусары!

Мундиры в пору нам с тобой.  
Не горби спину!  
Пошли, дружок, бери гобой!  
Я — окарину!

\* \* \*

*Маме Вале*

Мнутся в шкафчике школьные фартучки,  
и пылятся гармошки меха,  
на комоде стоит фотокарточка  
белобрысого жениха.

Вечер летний тот, тёплый и ласковый,  
ночь признаний и вздохов полна —  
перепачканы чёрною краскою  
и написано сверху «ВОЙНА!».

Далеко теперь дали рассветные,  
поцелуй наспех возле реки...  
Серебро в волосах всё заметнее,  
и движенья не так уж легки,

и судьба не написана новая,  
хоть возможностей было не счесть...  
Незамужняя и не вдовая...  
Фотокарточка — только что есть.

Говорите, мол, всё перемелется.  
Ей ли, ей ли об этом не знать?!  
Ведь живёт и на чудо надеется,  
продолжая и верить, и ждать.



Там, где горы величавы,  
Там, где неба высь и ширь,  
Жил в молитве средь дубравы  
Тихий женский монастырь.

На обитель с горних мельниц  
Снизшёл небесный свет...  
Под моления насельниц  
Исполняется обет

Охранить святыи мощи  
От гонений и невзгод  
И берёзовой дать роще  
Слово Божье и уход.

Сок течёт прозрачной кровью,  
Белы свечи, не кресты...  
Этот ствол — сестра Прасковья,  
В том — душа другой сестры.

Свят коленопреклоненный  
Параскевы дух в саду.

За монашек убиенных  
В приснопамятном году

Он положит ночью росной  
Сто один земной поклон  
И вернётся в ствол берёзки,  
Погрузившись в вешний сон.

Солнце, выйдя утром ранним,  
Даст лучу на кроны лечь,  
Роща светлая предстанет  
Сотней поминальных свеч.

Веткой крестное знаменье  
Ветер, стихнув, сотворит...  
Быть гонителям прощенью?  
Слышен шёпот: — Бог простит!

Там, где горы величавы,  
Там, где неба высь и ширь,  
Жив в молитве средь дубравы  
Тихий женский монастырь.

\* \* \*

Вереницу моих дней  
размечает по ветру,  
крутит время всё быстрее  
ручку арифмометра.

Год на день и день на час  
в строчку, в столбик множатся,  
а полученный баланс  
в книжицу итожится.

Сколько чистых в ней листов,  
я про то не ведаю.

Чем заполнить их готов:  
радостью иль бедами?

Перспектива ли видна?  
Жизнь, судьба, ответьте-ка!  
Нет? Тогда, идёт пусть на  
эта арифметика!

Может, карты разложить,  
погадать и прочее?..  
Не-а, я хочу пожить,  
поглядеть воочию!

## ОТЦУ

В простуженный и злой январский вторник,  
Когда асфальт от снега обнажён,  
Печальная мелодия валторны  
По нервам полоснула, как ножом.

Ей вторил баритон и, гулко ухал  
Видавший виды старый барабан...  
Над сыном горько плакала старуха —  
Он ночью умер от военных ран.

Звучит оркестр торжественно и чисто,  
Хоть липнут губы к стылым мундштукам...  
А ватник не спасает валторниста  
Мороз наотмашь хлещет по рукам.

Но сыгран марш, и, разделив по-братски  
С друзьями заработанный паёк,  
Вернётся музыкант к вдове-солдатке,  
Где год уже снимает уголок.

Там выпьет водки и закурит «Шипку»,  
И, вдруг достав трофейный инструмент,  
Сыграет пьесу, делая ошибки,  
И выйдет в света круг на комплимент.

Уткнувшись в недописанные ноты,  
Уснёт несостоявшийся талант...  
И грустно смотрит с фронтового фото  
Под полубокс постриженный сержант.

**Борис ФИНКЕЛЬШТЕЙН**  
(г. Симферополь)

*Родился 20 августа 1946 г.  
Председатель Крымской республиканской организации Национального Союза писателей Украины.  
Автор пяти книг.  
Лауреат литературных премий.*



51  
ПРОЗА

### ВЗОЙТИ НА СЦЕНУ

Рассказ

Зима выдалась тёплой, и на улице, вместо положенных по сезону сугробов, стояли большие, глубокие лужи. «А ведь уже середина января, — подумал Геннадий. — Могло бы быть и похолоднее». Он всегда плохо переносил оттепель, причём больше в духовном плане, чем в физическом. Вот и сейчас Геннадий явно ощущал приступ чёрной ипохондрии: чувства притупились, желания исчезли, даже аппетит пропал. И, главное, он твердо знал: лекарство только одно — это Лида, Лидия Владимировна. Вообще-то Геннадия дальние знакомые и коллеги тоже уже лет двадцать называли не иначе как по имени-отчеству — Геннадием Петровичем, иногда глубокоуважаемым Геннадием Петровичем. Сейчас он заведовал кафедрой в политехническом институте. Позади осталось бурное предпринимательское прошлое. Там было всякое, но после защиты докторской диссертации он всё-таки предпочёл «завязать» с бизнесом. Сказалось непролетарское происхождение: три поколения предков преподавали в университетах быть профессором

считалось правильным и почётным в его семье. Это обязывало. Впрочем, и бизнес был не лишним: он дал финансовую независимость и определённую самостоятельность мышления. Такие качества резко отличали его от других институтских преподавателей, создавали определённый «гандикап»\* в рабочих ситуациях.

Геннадий задумался. Сегодня он планировал поработать со своими аспирантами. Их было трое: двое ребят и одна молодая женщина — Лида. Ей двадцать восемь, и уже два года они вместе.

В комнате потемнело, Геннадий посмотрел в окно. «Вот те на, дождь пошёл». Его кабинет был обставлен светлой мебелью, и стены были выкрашены в светлый свет. Он вообще любил светлые тона, сам был голубоглазым блондином и даже сейчас, зимой, был одет в светло-серый костюм. «В такую погоду от этого день ярче не становится. Нужно включить свет, — подумалось ему, — совсем темно».

Да, Лида... Всё с ней начиналось

\* Гандикап — синоним слова «фора».

очень традиционно, как в анекдотах про начальников и секретарш. Был «корпоратив», что-то отмечали, кажется, Старый новый год. «Гуляй моя нация — с первого по двенадцатое», вспомнил он речёвку, услышанную от студентов где-то в коридоре.

Это был как раз тот самый случай. «Погулять — это мы сильны, это мы завсегда». Лида поступила к нему в аспирантуру за два месяца до этого. Он помнил по анкете, что в прошлом она была замужем, училась когда-то в этом же институте и в свободное время занималась фитнесом. Гулянка заканчивалась, когда она подошла к нему и, заглянув в глаза, тихо спросила:

— Проводите?

— Может быть, лучше такси вызвать? — бодро отозвался Геннадий Петрович. — Снег идет.

— Вот и хорошо, пусть идет, — ответила она. — Пройдемся пешком, подышим свежим воздухом, если не возражаете.

И негромко добавила:

— Здесь совсем недалеко.

Геннадий Петрович прекрасно понимал, чем может закончиться ситуация. Летом ему стукнуло сорок восемь и, надо сказать, женщины занимали существенное место в его жизни. Формально он был женат уже больше двадцати лет, имел семнадцатилетнюю дочь, и в характеристиках числился как «хороший семьянин». Фактически же последние четыре года жил отдельно и не считал себя связанным супружескими узами. Что делать, стандартный вариант, когда любовь уходит, а обязательства по «договору» сохраняются. Своими обязательствами Геннадий считал периодическое общение с дочерью и содержание супруги — благо, она не отличалась особыми претензиями. «Чего не скажешь о

дочке», — подумал он. Дочка Маша как раз была девушкой с характером, вся в него.

«Нет причин отказываться», — помнится, подумал он тогда.

Лидия Владимировна была весьма хороша собой: стройная шатенка с узкими бедрами и тонкой талией. Прозрачные светло-голубые глаза, холодноватый взгляд, а что там внутри...

Она была в его вкусе. Габаритные женщины никогда не нравились Геннадию, он предпочитал именно таких, более субтильных, как говорила одна из его прошлых подруг, «недоразвитых». Она же, та подруга, вполне серьезно утверждала, что тяга Геннадия Петровича к инфантильным созданиям — это скрытые признаки гомосексуализма. Тут он упёрся, в этом его никак нельзя было обвинить. Однако подруга твёрдо стояла на своём. Она была дипломированным психологом и признавала только своё мнение, да и то не полностью и не всегда, как она сама однажды выразилась.

В общем, сдерживаться и строить из себя «девочку» Геннадию Петровичу не было никакого смысла. Поэтому он быстро согласился с предложением без особого внутреннего сопротивления.

Они оделись и пошли к выходу, отбиваясь от предложений выпить «на посошок» со стороны кафедральной общности.

— Куда же вы? — закатывала глаза маленькая пожилая преподавательница Екатерина Семёновна. — Лучше меня проводите.

— Лучше? — скептически переспросил молодой доцент Николай Сергеевич и посмотрел на неё с глубоким сомнением.

Оторвавшись от приставучих сотрудников, они, наконец, выбрались на улицу. Шёл сильный снег, но ветра не было. Такая себе зимняя

сказка. Парочка шла мимо ярко освещённых витрин уже закрытых магазинов, быстро покрываясь толстым слоем снега. Лида действительно жила недалеко и, когда они подошли к подъезду, взяла его за руку.

— Чашечку кофе? — спросила она.

«Почему нет? — подумал Геннадий. — Я уже два месяца, как растался со своей последней пассией».

А вслух сказал:

— Ну, разве что только одну.

Они зашли в тесноватую прихожую двухкомнатной квартиры и сразу стали раздевать друг друга. Желание переполняло их, они торопились. Некогда было растёгивать пуговицы и Геннадий снял рубашку через голову, вывернув её наизнанку. Следом последовали туфли, брюки. Всё, больше нет ничего. До кровати они так и не добрались: основные события произошли прямо здесь, на красно-синем ковре с мелким рисунком, покрытом ворохом разбросанной одежды. Она была достаточно опытна, Геннадий бессознательно отметил это. Не торопилась, отзывалась на ласки, старалась продлить удовольствие. Продлить и повторить. «То, что надо, — сказал он себе, — то, что надо».

Потом, наконец, был кофе, потом они поговорили.

— Я два года была замужем, — сказала Лида. — Но уже год в разводе. Ранний брак, еще в институте. Ранний и неудачный — со студентом-ровесником.

— Это был твой первый мужчина? — спросил Геннадий.

— Не задавай глупых вопросов, — ответила Лида. — Правду я всё равно не скажу, а выдумки, я думаю, тебе слушать не интересно.

«Получил, — подумал он. — Вопрос-то, действительно, не умный. Явно, не профессорский вопрос».

«На всякого мудреца довольно простоты», — заботливо подсказала память.

«Закройся, — сказал он сам себе. — Не усугубляй».

Они посидели, потом полежали, потом опять посидели, потом он пошёл домой. Вот с тех пор и повелось. Почти двойная разница в возрасте его не только не пугала, а даже возбуждала, заводила. Прежние его женщины были значительно старше, а тут... Лиду это тоже не волновало. «Подумаешь разница, — говорила она. — Мне за тебя не замуж. Я вижу только твои достоинства; свои болезни и слабости ты несёшь домой. Мы встретились на этом пути и разойдемся, когда придёт время». Геннадий Петрович отлично представлял, когда придёт время. Ещё год, потом она окончит аспирантуру, защитит диссертацию и начнёт новую жизнь, в которой ему, наверное, уже не будет места.

«Лида как раз сегодня придти и не собиралась», — подумал он. Как правило, они встречались дважды в неделю и проводили время в основном в лежачем положении.

Понятно, что дополнительные консультации ей не требовались: у них было время поговорить.

Вошла секретарь и занесла толстую папку с почтой и другой корреспонденцией. «Надо же, — подумал Геннадий Петрович, — век Интернета, а количество бумаг не убывает».

Он открыл папку. Письма, газеты, приказы, распоряжения. Сверху лежал запечатанный конверт. «Лично», — было написано на нём печатными буквами. Письмо было из далекого южного города, где он учился в институте и где прошли не худшие пять лет его жизни.

Геннадий Петрович оторвал край

конверта и вытащил сложенный вдвое листок из ученической тетради в клеточку. Корявым почерком с ошибками на нём было написано: «Танечка умерла неделю назад и просила послать вам письмо. Я соседка, Дарья Васильевна». Геннадий Петрович опять заглянул в конверт. Там был ещё один листок вчетверо сложенной белой бумаги. Он помедлил. Таня была девушкой, за которой он ухаживал на пятом курсе института. И вот она умерла. «Письмо оттуда... — подумал он. — Может быть, не читать?»

Но любопытство победило, и он развернул письмо. «Гена, — было написано там округлым торопливым почерком. — У тебя есть сын, тоже Гена. Ему двадцать пять, и он носит мою фамилию, но похож на тебя как две капли воды — посмотри на фотографию. Три года назад он эмигрировал и сейчас живет в Иерусалиме. Я думаю, ты должен знать. Прощай, мы больше не увидимся. Когда ты будешь читать письмо, меня уже не будет в этом мире».

Не дочитав, Геннадий невольно поёжился и оглянулся по сторонам. Нет, показалось, всё в порядке, он один в своем светлом кабинете. Он опять задумался. С Таней всегда было непросто. Как-то они, студенты старших курсов, будущие инженеры, пошли всей компанией в драматический театр на премьеру и познакомились со стайкой девушек из театрального училища, которых по стародавней традиции пускали на галёрку бесплатно.

Таня была самой видной из них — рослая брюнетка с карими глазами и гордо посаженной головой. После спектакля он проводил её домой, и она «упорхнула», помахав ему ручкой, без какого-либо намека на «интим». Через пару дней Геннадий пришёл в театральное училище и

дождался, пока закончатся занятия. А потом под любопытными взглядами подруг опять довёл Таню до парадного.

И снова — ничего... Удивительно, ведь это была самая настоящая богема. Могли и выпить, и травку покурить, да и разговорчики были ещё те. Никаких проблем в анекдоте и «матерком» пройтись. А вот же — ближе не подпускала. «Что ты прицепился к Таньке? — говорили ему пацаны из того же театрального училища. — Вон, сколько девчонок. Эта так просто не «даст». Смотри, поженят».

Но его уже «завело», и в следующий раз Гена напросился зайти. Его поразила бедность, в которой жила её семья. Мама — лежащая больная, отец — совершенно «зачуханный» ремесленник, младшая сестра учится в художественном училище. Всё очень скудно: старая квартира с высокими потолками, где ремонт не делался с революционных времен, перешитая много раз одежда, колченогие столы и стулья. Непонятно было, как они сводили концы с концами, но как-то себе жили.

В последующие две недели Гена попробовал так, попытался сяк — никакого эффекта. Таня держалась по-дружески, но не более того. Наконец, он спросил её прямо:

— У нас что, ничего не будет?

— Да, не будет, — безмятежно ответила Таня. — Я не хочу, как мама, всю жизнь от плиты не отходить. Я не хочу, как папа, всю жизнь горбатиться на скучной, неинтересной и изматывающей работе. Хочу стать великой актрисой, а для этого я должна быть свободна. Замуж я, может быть, и пошла бы, но не за тебя. Кто ты? Студент, а значит, пока никто. Хочешь — приходи, хочешь — уходи, твоё дело. У меня другие цели.

И, немного помолчав, неожиданно продекламировала:

Пришла и говорю: как нынешнему снегу Легко лететь с небес в угоду февралю, Так мне в угоду вам легко взойти на сцену. Не верьте мне, когда я это говорю.\*

— Белла Ахмадулина, — сказала Таня. — И можешь считать это моим жизненным кредо.

Такое заявление сильно задело Геннадия, и он решил все ухаживания прекратить. Было, как всегда: две-три недели вспоминаешь, затем всё реже и реже, и, наконец, события покрываются флёром забвения. Всё, ты готов к новым подвигам.

С точки зрения юного лоботряса, он потерпел полную неудачу. Сколько времени и сил потрачено, а результат нулевой. Впрочем, что такое результат, он тогда толком и не представлял.

Прошло шесть лет. Геннадий успешно окончил институт, затем аспирантуру в другом городе. Молодой кандидат наук, старший научный сотрудник в ведущем НИИ — он тогда был очень доволен собой.

Ему поручили вести хозрасчетную тему, но в процессе работы возникла необходимость заказа экспериментального оборудования. Подходящий завод с соответствующей специализацией обнаружился в городе его студенческих лет, и он немедленно выехал туда в командировку.

Дела завершились быстро, заказ был успешно размещен, можно уезжать, но тут его потянуло на воспоминания. Было лето, август, пышная южная растительность, огромные деревья, мощёные мостовые. Гуляя, он дошёл до старой Таниной квартиры, позвонил и вошёл. По-

\*Белла Ахмадулина «Взойти на сцену», 1973 г.

прежнему лежащая мама его узнала, и они разговорились.

— Таня делает успехи, — говорила она. — Её оставили в местном драматическом театре, и она уже сыграла несколько главных ролей. Правда, в личной жизни... — она замолчала.

— А что в личной жизни? — Поинтересовался Геннадий. — Что-то не так?

— Да вот, вышла замуж. Ведущий, заслуженный артист, много старше неё. Потом развелась, детей нет. Сейчас одна, а ведь ей уже двадцать шесть лет, — Она вздохнула.

Но Гена уже узнал всё, что его интересовало, и быстро откланялся. Путь его вёл к театру, где он без проблем купил билет в ложу на вечерний спектакль. В соответствии с афишей, Таня играла сегодня вечером.

Оставшееся время он погулял по городу, но к вечеру, купив букет цветов, был на месте представления. Шла современная пьеса, Таня играла главную роль, и публика встречала её вполне доброжелательно. И только...

Геннадий не считал себя знатоком, но ему показалось, что Таня была чем-то озабочена и, скорее всего, не ролью. Впрочем, аплодисменты она всё же «сорвала». Спектакль завершился, и театралы поспешили с букетами на сцену к понравившимся артистам. Он вышел тоже и сразу направился к Тане.

— Это я, — сказал он. — Поздравляю, — и протянул букет.

Таня взглянула на него. Что-то неуловимо изменилось в ее лице.

— Ты? — Произнесла она. — Наконец-то, ты. Подожди меня на улице.

Через полчаса они шли рядом по уже тёмным и притихшим улицам

такого знакомого города. Обстановка была правильная: лето, каштаны, луна.

Таня время от времени поглядывала на него влажными тёмными глазами. Дыхание её участилось, губы припухли — она явно была взволнована, и это передавалось Геннадию.

— Вот мой дом, — сказала она. — Я живу на первом этаже, комната в коммунальной квартире. Муж оставил после развода. Всё же лучше, чем вместе с родителями и сестрой в двух комнатах. Можешь зайти, если хочешь.

Она повернулась, не дожидаясь ответа, открыла дверь и пошла вперед, свободно ориентируясь в тёмном коридоре.

— Здесь, — она толкнула дверь направо, нащупала выключатель и зажгла свет.

Геннадий огляделся. Довольно большая, прилично обставленная комната. Они поболтали, потом он обнял Таню. Она сопротивлялась слабо, но долго, потом, как бы решившись, прильнула и отдалась ему. Вот тут всё и началось. Ни до, ни после Геннадий не встречал такой яростной страсти. Она рычала, она стонала, она подняла такой шум, что он просто не понимал, почему к дверям комнаты не бежали все обитатели коммунальной квартиры.

— Не бойся, — шепнула она ему в промежутках между конвульсиями. — У меня соседи — пара старичков. Они очень плохо слышат.

— Почему ты разошлась? — спросил он её позже, когда они лежали, обнявшись и тесно прижимаясь друг к другу.

— Никакого не было смысла в этой семейной жизни, — неохотно ответила Татьяна. — Пил он очень сильно. Запойный пьяница. А в промежутках — милейший человек и талантливый актер.

— А что с ним сейчас?

— Всё плохо, цирроз. Но пусть этим уже его предыдущие три жены занимаются.

— А твои цели, они остались теми же? — Спросил он.

— Да, — неожиданно сухо ответила она. И продолжила словами известного ему стихотворения.

О, знал бы я, что так бывает,  
Когда пускался на дебют,  
Что строчки с кровью — убивают,  
Нахлынут горлом и убьют! —

Сделала паузу и завершила сразу последним куплетом:

Когда строку диктует чувство,  
Оно на сцену шлёт раба,  
И тут кончается искусство,  
И дышат почва и судьба»\*

Геннадий слышал это стихотворение Бориса Пастернака раньше. Но как она прочла его!..

Ушёл он только рано утром, не заснув ни на минуту. Солнце вставало, на улицах было непривычно пустынно. Вот проехала поливальная машина, прошелестел последний ночной или, возможно, первый утренний троллейбус.

Гена дошёл до своей гостиницы и сладко проспал несколько часов. Потом поехал на вокзал, взял билет домой на ночной поезд. Ему неудержимо хотелось ещё раз увидеть Таню. Он зашёл к ней домой, ему никто не открыл. Заскочил в театр на вечерний спектакль — играла другая актриса. Так он и уехал, не повидавшись и не попрощавшись.

Через месяц, не выдержав, Геннадий взял недельный отпуск и приехал ещё раз. Таню он нашёл в театре, она готовилась к спектаклю.

— Мы увидимся? — спросил он её.

\*Борис Пастернак, 1932 г.



— Гена, — ответила она очень серьёзно, — не приезжай больше. Считай, что это мой каприз. Мне показалось, что я раньше была несправедлива к тебе, и я решила это искупить.

— А как же любовь? — спросил он. — Мне показалось, что ты испытывала её тоже.

— Я же актриса, — пожала плечами Таня. — Что мне стоит сыграть любовь?.. — и, как-то через силу усмехнувшись, продолжила, — Я же говорила: мои цели и задачи остались прежними. Прощай.

Геннадий уехал, но эта встреча надолго лишила его душевного равновесия.

Через год он женился, потом родилась дочка, и события потекли своим чередом. Лет через пять он окончательно забыл о Тане.

А вот она, судя по всему, не забыла...

Геннадий Петрович опять вернулся к письму. «Гена, — писала Таня. — Твой сын — дитя любви. Он прекрасно получился. Я сумела дать ему хорошее воспитание и образование. Ты мог бы гордиться им. Я обманула тебя, я не играла, а действительно любила тебя. Просто тогда у меня было другое видение жизни, и ты в него не вписывался. Скажу тебе: суета всё это, бессмыслица и суета. В жизни нет никакого другого смысла, кроме самой жизни, поверь мне. Сейчас уже поздно думать о том, что могло бы произойти между нами. Вот теперь прощай окончательно. Раньше ты всегда был со мной, достаточно было посмотреть на сына».

Буквы в последней фразе слегка расплылись. Судя по всему, на них капнула пара слёз.

Снизу была приписка: «P. S. Не верь актрисам. Плакать на сцене нас тоже учили».

Далее английскими буквами был записан израильский адрес.

Ну и ну! Глубокоуважаемый профессор Геннадий Петрович был сильно озадачен.

О, если бы я только мог  
Хотя отчасти,

Я написал бы восемь строк

О свойствах страсти»,\* — вспомнил он строки давно любимого им великого и несчастного поэта Бориса Пастернака. Значит, у него есть сын. Фотография? Он потряс конверт. Из него выпало маленькое, 3x4, фото молодого человека в незнакомой военной форме.

Ну что ж, может быть, и похож. А почему Израиль? Геннадия Петровича никогда не интересовала национальность Тани и её семьи. «Значит, был повод», — подумал он и вспомнил, что по «Закону о возвращении» правом переселяться в Израиль могут воспользоваться не только евреи, но и их дети, внуки и родственники. «Нужно бы встретиться, — подумал он. — Это мой сын, а я его ни разу не видел. Непорядок.

Однако только через год Геннадий Петрович сумел попасть в «Страну Обетованную». Там в это время проводился семинар по его научной специальности, и он был включён в число участников.

Всё здесь было ново для него: жаркое солнце, экспансивные жители, исторические достопримечательности, храмы и святые места.

Семинар проводился в Иерусалимском Университете, и на второй день он улизнул пораньше, взял такси и отправился по указанному в письме адресу в пригород великого города.

\*Б. Л. Пастернак, «Во всем мне хочется дойти...»

Дверь открыла молодая черноволосая женщина.

— Позовите, пожалуйста, Геннадия, — сказал он внезапно пересохшими губами, и сердце его забилося неровно.

— Зачем вам Геннадий? — ответила женщина на ломаном русском языке. — Геннадий погиб шесть месяцев назад на ливанской границе. Я была его женой, меня зовут Белла. Кто вы ему?

— Я его отец, по крайней мере, я так думаю, — с трудом ответил Геннадий Петрович. Ему было трудно говорить.

«Не успел, — подумал он. — Потерять сына, которого ни разу не видел! И такое ему суждено пережить. Тяжело».

— Он мне не говорил, что у него есть отец, — ответила женщина, — рассказывал только о матери. Но, если вы его отец, то у вас есть внук Давид.

Из-за спины, держась за юбку матери, выглянул примерно двухлетний светловолосый и голубоглазый мальчуган.

«Как я, — подумал Геннадий Петрович. — И как мой сын».

Он вошёл, поговорил с Беллой, рассказал ей всё, что знал сам, поиграл с Давидом и вернулся на семинар.

Случившееся следовало осознать. Прошлое ворвалось в его теперешнюю жизнь и навсегда изменило её. Он стал дедушкой, а значит, старше и, возможно, мудрее. «Смысл жизни в самой жизни», — вспомнил он строки из письма Тани. Да, так и есть. Геннадий, наконец, осознал истину: нужно просто жить и давать жить другим.

Что-то шевельнулось у него внутри. Он смутно вспомнил давно знакомые и хорошо забытые строки великого эмигранта Владимира Набокова:

«Мы с тобою так верили

в связь бытия,

но теперь оглянулся я, и удивительно,  
до чего ты мне кажешься, юность моя,  
по цветам не моей,

по чертам недействительной»\*.

Кажется, он действительно изменился и, наверное, уже навсегда.

\* \* \*

Прошло три года. Май, вечер. Геннадий Петрович сидел в кресле около бассейна и смотрел на «пеннозелёное» и «вечношумящее» море. Помнится, где-то так называли его древние греки в вольных русских переводах классического гекзаметра. Солнце уже село, но было ещё светло.

Рядом на невысокой сцене устраивался оркестр — готовился к шумной вечерней программе.

«Хороший отель, — подумал Геннадий Петрович. — Вполне оправдывает свои пять звёзд. Да и система «всё включено» очень подкупает». Ему всегда нравился район Кемера, небольшого городка-курорта провинции Анталья, что на Средиземноморском побережье Турции. «Всё-таки хорошо, что мы решили провести майские праздники здесь».

Отель славился большими бассейнами с подогретой морской водой — в открытом море купаться было ещё холодно.

Огромные белые здания основных корпусов возвышались метрах в ста по левую сторону от него. Быстро темнело, и стали зажигаться фонари наружного освещения. Скоро они засияют во всю мощь.

Основной архитектурный стиль был вполне европейский, но на кры-

\* Владимир Набоков, Париж, 1938 г.

шах строений возвышались небольшие декоративные башенки в восточном стиле с эмблемами в виде фантастических животных. Эклектика, конечно, но красиво. Справа находилось довольно большое двухэтажное здание с кафе-ресторанами на первом и втором этажах. Собственно, Геннадий сидел на открытой веранде первого этажа. На второй этаж вела широкая внешняя белокаменная лестница из двух развёрнутых на 180 градусов пролетов. По ней спускалась весёлая компания: две молодые красивые женщины — одна светлокожая блондинка с грудным ребёнком на руках, другая — смуглая брюнетка с чеканным профилем. Впереди них бежал худенький голубоглазый мальчик с длинными золотистыми волосами.

— Дедушка, — издали закричал он. — Там такое вкусное шоколадное мороженое. Мы с мамой и тётёй Машей по две порции съели.

— Давид, осторожнее, не упади, — одёрнула его мать.

«Вот оно, счастье, — подумал Геннадий. — У меня теперь две дочки и два внука. Маша и Белла дружат между собой, мы общаемся постоянно. Что может быть лучше для человека в моём возрасте и положении?»

Около его столика приостановилась миловидная дама средних лет, рядом с которой он сегодня весь день загорал у бассейна.

— Геннадий Петрович, — сказала она, — это ваша компания?

— Да, — ответил он. — Дети и внуки, знаете ли.

— Но вы, я вижу, один? — продолжила соседка по бассейну. — Пойдёмте, потанцуем, оркестр уже начинает, — и посмотрела на него так многозначительно...

«Почему нет? — подумал Геннадий внутри себя. — «Уходит многое, но многое пребудет...»,\* — и встал, готовый к подвигам.

Маша помахала ему рукой и скорчила смешную рожицу. Значит, одобряет.

Оркестр заиграл развесёлую мелодию. Тёмное небо искрилось звездами. Вокруг были доброжелательные люди и царило веселье.

Геннадий Петрович чувствовал себя гармонично и естественно. Все проблемы — карьера, служебные склоки и интриги, ленивые студенты и аспиранты, оттепели и плохая погода — остались где-то далеко-далеко. «Почти счастье, — опять подумал он и сам себе ответил, — Пусть не совсем, но... очень похоже».

04. 04. 2013

\*Альфред Лорд Теннисон, «Улисс».

**Владимир ОРЛОВ**  
 (г. Симферополь)


*Детский поэт и драматург. Родился 8 сентября 1930 года в г. Симферополе в семье типографского рабочего. Прежде, чем стать любимцем детворы, успел поработать слесарем и матросом, растирал краски в художественной мастерской и учился портняжить. Его перу принадлежат детские книги «Кто в доме живет», «Первая дорожка», «Утренний поезд», «Если мы вместе», «Хрюша обижается» — всего около пятидесяти книг. В. Н. Орловым написано около двух десятков пьес для кукольных театров.*

*Он был постоянным автором знаменитой полосы «Литературной газеты» — «12 стульев», дважды был лауреатом премии «Золотой Остап». Имя В. Н. Орлова носит Крымская республиканская детская библиотека. Умер 25 ноября 1999 года.*

**Веснушки**

Проходила весна  
 По опушке  
 Сквозь весенние  
 Синие сны,  
 И тихонько светились  
 Веснушки  
 На лице у девчонки  
 Весны.  
 Шла девчонка  
 В зелёной юбчонке,  
 Голубою росой звеня.  
 И, завидуя  
 Рыжей девчонке,  
 Незаметно  
 Вздохнула земля.  
 И не зря  
 В это вешнее утро  
 Там, где лёгкие ножки  
 Прошли,  
 Расцвели одуванчики,  
 Будто  
 Золотые веснушки  
 Земли.

**Сороконожки**

Рано утром по дорожке  
 В класс бегут сороконожки.  
 Раньше всех они проснулись,  
 Раньше всех они обулись,  
 Натянув на сорок ног  
 Сорок маленьких сапог.

Раньше всех они успели  
 Застелить свои постели.  
 И теперь бегут из норок  
 Раньше всех минут на сорок,  
 Раньше всех, свою еду  
 Доедая на ходу.

Вот они заходят в класс  
 С опозданием на час.  
 Говорят им:  
 — Где вы были,  
 Вы про школу позабыли,  
 Вы проспали?»  
 — Не проспали.  
 — Вы гуляли?  
 — Не гуляли,  
 Мы стояли на пороге,  
 Вытирали ноги!

## Объявление

61

Я  
ИЗ  
ГО  
ЛД

В четверг объявление было в газете:  
«Внимание, дети! Внимание, дети!  
Пропала собака по кличке Барбос.  
Барбос от хвоста и до носа оброс.  
Он жил у вокзала по улице Новой,  
В квартире четырнадцать, у Ивановой.  
Нашедшему выдадут много наград:  
Конфеты, пирожные и шоколад».

Не спит Иванова четвертые сутки,  
И двести мальчишек не спят ни минутки,  
И двести девчонок в награду хотят  
Конфеты, пирожные и шоколад.

Но вот уже пятые сутки настали.  
Мальчишки устали, девчонки устали,  
Хозяйка от горя повесила нос,  
Как вдруг в понедельник явился Барбос.  
Нашел он квартиру по улице Новой,  
И радостно руку лизнул Ивановой,  
И просит за то, что вернулся назад  
Конфеты, пирожные и шоколад.

### Добрый день

День был серый,  
Непогожий.  
Над землей  
Густела тень.  
— Добрый день! —  
Сказал прохожий.  
Я ответил:  
— Добрый день!

После этого  
Мгновенья  
До конца  
Большого дня  
Почему-то настроенье  
Было добрым  
У меня.

### Одна

Вот останусь я одна,  
Сяду около окна.  
Отйду да погляжу -  
Хорошо ли я сижу?

### Почему зимою день короче?

Летом день длиннее ночи,  
А зимою день короче.  
Видно, он зимою где-то  
Отсыпается за лето.

### Я рисую море

Я рисую море,  
Голубые дали.  
Вы такого моря  
Просто не видали!  
У меня такая  
Краска голубая,  
Что волна любая  
Просто как живая!  
Я сижу тихонько  
Около прибора:  
Окунаю кисточку  
В море голубое.

## Сказка о стеклянном человечке

Маленький,  
 Не больше,  
 Чем кузнечик,  
 Не боясь на свете  
 Ничего,  
 Жил да был  
 Стеклянный человечек  
 В доме у мальчишки  
 Одного.

За мальчишкой  
 Бегал он  
 Вприпрыжку,  
 От беды  
 Хранил его, любя.  
 И представьте,  
 Знал он про мальчишку  
 Всё, что знал  
 Мальчишка про себя.

Был он  
 При мальчишке,  
 Как советчик,  
 Но его мальчишка  
 Не любил,  
 Потому что  
 Этот человечек,  
 То, что думал,  
 То и говорил.

И за это  
 Днями и ночами  
 Тот мальчишка  
 На него кричал,  
 Запирал в буфете  
 И в чулане,  
 Чтобы человечек  
 Замолчал.

Но чулан  
 Без воздуха и света,  
 С крысами,  
 Шуршащими в пыли,  
 И любые сладости  
 Буфета  
 Ничего с с ним сделать  
 Не могли.

Так и жил он,  
 Никогда не пряча  
 Правды  
 От мальчишки своего,  
 Потому что,  
 Если ты прозрачен,  
 Ты не можешь спрятать  
 Ничего.

И схватил мальчишка  
 Человечка,  
 И со злостью  
 Сбросил со стола,  
 И разбилось  
 Хрупкое сердечко  
 Из простого,  
 Чистого стекла.

А когда осколки  
 Отзвенели,  
 То глаза у мальчика  
 Тотчас  
 Потускнели  
 И остекленели,  
 Холодом повеяло  
 Из глаз.

Он живёт и ходит  
 Рядом с нами,  
 Дома и на улице  
 Грубя.  
 Он глядит  
 Стеклянными глазами,  
 На меня глядит  
 И на тебя.

Он глядит на звёзды  
 И на речку,  
 На деревья, травы  
 И цветы.  
 Только, кто живёт  
 Без человечка,  
 Тот не замечает  
 Красоты ...

## Пароход

Глядит на море  
Пристально  
Встречающий народ —  
К своей родимой пристани  
Подходит пароход.

До этого мгновения  
Прошёл он сто дорог,  
Наверно, от волнения  
Охрип его гудок.

В его иллюминаторы  
Заглядывали скалы,  
И солнышко экватора  
Борта его ласкало.

Моря его качали,  
Ветра над ним рычали,  
Но чёрными ночами  
За тридевять морей  
Он думал о причале  
На Родине своей.

И вот на море  
Пристально  
В порту глядит народ —  
К своей  
Родимой пристани  
Подходит пароход.

Огромный  
И железный, он тихо заурчал  
И нежно,  
Нежно,  
Нежно  
Потёрся о причал.

## Бездомный дождь

По земле такой огромной  
Дождик шлепает бездомный.  
— Ты куда идешь, малыш?  
Что ты дома не сидишь?  
Неужели плохо дома?  
— Дома очень много грома...

## Кто кого боится

Кого боится мышка?  
Скажите поскорее.  
Она боится кошки  
И больше никого.

Кого боится кошка?  
Огромной злой собаки,  
Огромной злой собаки  
И больше никого.

Кого боится злая  
Огромная собака?  
Хозяина боится  
И больше никого.

Зато хозяин храбрый,  
Кого ему бояться?  
Боится он хозяйки  
И больше никого.

Но никого на свете  
Хозяйка не боится.  
Конечно, не боится  
Хозяйка никого!

Но как же не боится?  
Она боится мышки,  
Боится только мышки  
И больше никого!

## Как нужно помогать старушке?

С тяжёлой сеткою зимой  
старушка шла к себе домой.  
Навстречу той старушке  
Бежали две подружки.  
Неловко стало им слегка,  
И тут же две подружки  
найти решили старика,  
Чтоб он помог старушке.

**Юрий ПОЛЯКОВ**  
(г. Симферополь)



*Детский поэт, член Национального Союза писателей Украины, главный литературный редактор Международного творческого объединения детских авторов. Обладатель Золотого диплома Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва) в номинации «На лучшее произведение для детей» дважды: 2009, 2010 годы. Лауреат и дипломант многочисленных литературных интернет-конкурсов на сайтах и порталах «Стихи ру», «Литпричал», «Ручеёк», «Брайлленд», «Я сам» и др.*

### Эсэмэска

Урок...  
Телефон завибрировал резко.  
Наташе Петровой  
Пришла эсэмэска.  
А в той эсэмэске  
От Мишки пять слов:  
«Петрова, тИбя я люблю.  
Иванов».

Петрова  
Слегка покраснела:  
«Ах, Мишка!  
Какой он прикольный  
И классный мальчишка!»  
И шлёт эсэмэску —  
Всего лишь три слова:  
«Дурак Иванов! —  
Ну, и подпись:  
Петрова».

### На цепи

На цепи щенок сидит,  
И скулит,  
Ску-лит,  
Ску-лл-ит...  
Как же тут не за-скул-лишь,  
Если на цепи сидишь?

### Топал дождик...

Озорной,  
Весёлый,  
Прыткий,  
Топал дождик  
Тут и там:  
Шёл  
По тротуарной плитке,  
По деревьям,  
По кустам,  
Шёл  
По крыше  
Неуклюже,  
По аллее  
Прямымком...  
А ещё...  
Еще по лужам  
Топал дождик  
Босиком!

### Урок пения

В школе  
Львята с р-р-рвением  
Занимались пением  
Хорошо  
У детворы  
Получалась  
Нота «Р-Р-Р-РЫ...»



## С крыши нашего сарая...

С крыши нашего сарая  
Ты увидишь свысока,  
Как бежит, во всю сверкая,  
В бликах солнечных река.

За рекой полей просторы,  
А за ними темный лес,  
А за ним синеют горы,  
Подпирая край небес.

За горами, вся без края,  
Разлилась морская гладь.  
(Только с нашего сарая  
Моря вовсе не видать).

Но зато увидеть можно,  
Если глянуть за забор,  
Как собака спит тревожно —  
Стережет соседский двор.

Как дорога вдаль стремится  
Через поле напрямик,  
Как по ней куда-то мчится  
Допотопный грузовик,

Как часами ждут улова  
Рыбаки на берегу,  
Как рогатая корова  
Щиплет травку на лугу.

С крыши нашего сарая  
Ты увидишь свысока,  
Как земля твоя родная  
Бесконечно широка,

Как огромен и прекрасен  
Твой родной и тихий край...  
Нет, сегодня не напрасно  
Я забрался на сарай.

## Царевна-Лягушка

У Ленки —  
Щенок,  
Хомячок —  
У Андрюшки.  
У Ваньки —  
Ушастый египетский кот.  
А я обзавёлся недавно  
Лягушкой!  
Она у меня  
Под кроватью живёт!  
Её окружаю  
Заботой безмерной,  
И, честно признаюсь,  
Никак не дождусь,  
Когда превратится лягушка  
В Царевну...

И я на Царевне-Лягушке  
Женюсь!

## Осторожно, гололёд!

Осторожно!  
Осторожно!  
ГОЛО-ГОЛО-ГОЛО-ЛЁД!  
Все,  
Скользя,  
Пыхтя,  
Буксуя,  
Продвигаются  
Вперёд.

Осторожно,  
Шаг за шагом,  
По сплошному  
ГОЛО-ЛЬДУ  
С бабушкой  
Буксую рядом —  
В детский сад  
Её веду.

Осторожно!  
Осторожно!  
ГОЛО-ГОЛО-ГОЛО-ЛЁД!  
...Без меня  
Бабуля  
Точно  
До детсада  
Не дойдёт!

### На пороге Мраморного зала...

На пороге  
Мраморного зала  
В замке  
Короля-Его Величества  
Тряпка очень важная  
Лежала —  
Важно-влажно-грязное  
Тряпичество.  
И была Тряпичество  
Горда.  
И полна достоинства:  
Ещё бы!  
Об неё придворные особы  
Вытирали ноги  
Иногда.

### Приключение

В глуши  
Вековой,  
В неглубокой  
Расщелине  
За лесом дремучим  
У склона горы,  
В тиши  
Поселилось  
Одно Приключение,  
И там затаилось  
Оно до поры.

Загадочно-тайное,  
В меру опасное,  
К тому же немного  
Смешное на вид...  
Да что говорить!

### Молитва

Вечер.  
Иконка.  
Лампадка мерцает.  
Бабушка шепчет —  
Молитву читает,  
Слышу я:  
«Господи,  
В трудные дни  
Нас не покинь  
И от бед охрани».  
Теплится свет  
Под иконкой в лампадке,  
Я повторяю  
Молитву украдкой  
Тихо за бабушкой  
Снова и снова  
С верой в простое  
И доброе  
Слово.

Приключение  
КЛАССНОЕ  
За лесом дремучим  
Без дела  
Сидит!

В глуши  
Вековой,  
В неглубокой  
Расщелине,  
Сидит Приключение  
Очень давно.  
Сидит терпеливо  
И ждёт  
С нетерпением,  
Когда  
С кем-нибудь  
Приключится  
Оно!

**Прогулка**

Сначала  
 Я просто  
 Сидел на скамейке,  
 Потом  
 По бордюру  
 Неспешно прошёл,  
 Потом  
 У сарая  
 Нашёл две копейки,  
 Потом  
 Ржавый гвоздь  
 В огороде нашёл.  
 Потом  
 Я дразнил  
 Очень злую собаку,  
 Потом  
 От неё  
 Убегал через двор,  
 Потом  
 От собаки  
 Запрыгнул я с маху  
 На самый  
 Высокий  
 В округе забор.

Потом  
 Я случайно  
 Свалился с забора,  
 Потом  
 Я без дела  
 Шатался полдня,  
 Потом  
 Я слегка  
 Отмутил Егора,  
 А после...  
 Егор  
 Отмутил меня.  
 Разорван  
 Рукав  
 На рубашке до края.  
 Под глазом —  
 Синяк.  
 Я вернулся домой...  
  
 Теперь  
 Я гуляю в углу,  
 Вспоминая  
 Всё то,  
 Что сегодня  
 Случилось со мной.

**Лунатское**

Ноча-ночами светлыми,  
 Печальна и бледна,  
 Висит, с земли приметная,  
 На небесах Луна.

Луна-луна-лунатики  
 На той Луне живут:  
 Девчонки любят бантики  
 И песенки поют,

Мальчи-мальчишки носятся  
 Ватагой за мячом,  
 Девчонкам корчат рожицы,  
 И все им нипочем.

А луно-луно-взрослые  
 Без устали бранят  
 За шалости несносные  
 Лунатиков-ребят.

**Лидия ОГУРЦОВА**  
(г. Симферополь)



*Поэт, прозаик, журналист, психолог. Член Национального Союза писателей Украины, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры АРК. Лауреат Премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература для детей и юношества» за 2001 год. С 2005 года учредитель и главный редактор журнала «Литературный детский мир».*

*Автор 20 книг («Девочка и дельфин», «Серебряная нить», «Рождественская сказка», «Ладушки-оладушки», «Следы на песке», «Про манную кашу и девочку Наташу», «Песни и сказки Весёлого Светофорика», «Трудно ли быть ребёнком?», «Страна Пухляндия», «Путешествие Даши по волшебному Крыму», «Волшебная страна», «Звёздная капель», «Мишуткина азбука», «Изумрудная скрижаль», «Циферблат», «Подарок из прошлого», «Непоседы» и др.). Имеет более 200 публикаций в периодической печати.*

### Зарядка для лошадки

Жила-была Лошадь красивая очень.  
Любила по крышам гулять она ночью.  
Порою гуляла по крышам и днём —  
С подругой своей или другом вдвоём.  
Вот только зарядку она не любила.  
— Зачем мне зарядка? — она говорила.  
А ей отвечали лошадки-друзья:  
— Ну нет, без зарядки никак нам нельзя!  
И ей отвечали подруги-лошадки:  
— Когда есть зарядка — здоровье в порядке,  
И талия тоньше, и зорче глаза.  
Ну, как без неё? Без зарядки нельзя!  
Подумала Лошадь: «Я очень красива...  
Зарядка прибавит мне ловкости, силы.  
Я стану стройнее, я стану пригожей,  
На звёздную лошадь я буду похожей!»  
И умная Лошадь сказала друзьям:  
— Хочу научиться зарядке и я!  
Запрос в Интернет вы быстрее пошлите:  
Инструктора модного мне отыщите!  
А может, мы сами научим лошадку?  
Покажем, как нужно ей делать зарядку?

## Барабашка

Бум-бум, та-ра-рам,  
Что за шум, что за гам?  
У Сережки и Наташки  
Поселился Барабашка.  
Вся посуда на полу,  
Чашки сброшены в углу.  
Бабушка пьёт валерьянку,  
Стук на кухне спозаранку.  
Что же делать,  
Как тут быть,  
Как буяна усмирить?  
Может, вызвать нам пожарных  
И водой его полить?  
Может, доктора позвать нам?  
Пусть он сделает укол,  
Горьким напоит лекарством,  
Барабашка чтоб ушел?  
Вдруг заплакала Наташка:  
— Очень жалко Барабашку.  
Пусть немного постучит,  
А устанет — замолчит.  
— Нет, — сказал Сережка смело, —  
Вызвать ми-ли-ци-о-не-ра!  
Нет покоя никому,  
Посадить его в тюрьму!  
Тут пришла с работы мама,  
Ничего не зная, прямо  
Дверь на кухню отворила  
И растеряно застыла.  
Бум-бум, ту-ру-рум,  
Кто на кухне поднял шум?  
Это просто наш котёнок  
Всё верх дном перевернул.

## Дождик-озорник

Дождик с полным рюкзачком  
Шлёпал по дорожкам,  
Накрывал цветы сачком,  
Брызгал по окошкам.  
По карнизу шлёп да шлёп,  
В луже искупался,  
В парке на траву прилёг —  
Да там и остался.

## Драка

Я без шишек и царапин  
Не могу прожить и дня.  
У меня характер папин —  
Лезет драка из меня.  
Пять минут сидел я тихо,  
Рисовал людей, дома...  
Только драка, свистнув лихо,  
Снова вылезла сама!

## Корова

Корова поила ребят молоком  
И песенку весело пела о том,  
Как солнышко утром над полем  
взойдёт,  
Как дождик зелёную травку польёт,  
Как стадо коров наедает бока,  
Чтоб больше домой принести молока.  
Корова поила ребят молоком,  
Весёлую песенку пела при том.  
Я песенку эту никак не пойму,  
Слова в ней смешные:  
Му-му, му-му-му.

## Любознательный

Я упал два раза в речку —  
Сам не знаю, почему.  
Первый раз, когда кузнечик  
Прыгнул в воду — я к нему.  
А второй, когда лягушек  
Стал у берега считать,  
То по самую макушку  
В речку я нырнул опять.  
Очень я люблю природу,  
Всё хочу о ней узнать.  
Правда, если падать в воду,  
В школу можно опоздать!

## Хочу

Я обиделся на маму,  
Я сегодня не шучу.  
И с утра твержу упрямо:  
Я хочу, хочу, хочу!  
Не вмещается хотенье  
Ни в одно стихотворенье!

**Мама**

Мы с сестрой делили маму.  
Я кричу: «Моя, моя!»  
— Нет, моя! — ревёт упрямо  
Рядом младшая сестра.  
Мама весело смеялась,  
Мама нежно улыбалась,  
Обнимала нас: — Глупышки!  
Обе вы мои малышки!

**Нечего надеть**

Мне грустно в зеркало глядеть:  
Опять мне нечего надеть!  
Все шкафчики проверила,  
Все платья перемерила.  
Коротенькое в клеточку?  
Такое есть у Светочки.  
И джинсовые юбочки —  
У Зои есть и Любочки.  
Вот розовое платьице  
Мне очень-очень нравится,  
Но в нём на дне рождения  
Была я в воскресенье.  
Мне грустно в зеркало глядеть:  
Опять мне нечего надеть!

**Семь подружек**

У меня есть семь подружек,  
Я со всеми очень дружен:  
Соня, Даша, Гуля, Вика,  
Настя, Ксюша, Анжелика!  
Мне завидуют мальчишки:  
Подарила Ксюша книжку,  
Вместе с Гулей учим гаммы,  
Настя кормит пирогами,  
С Анжеликой пел я в хоре,  
С Викторией мы купались в море,  
С Дашей за «Спартак» «болели»,  
С Соней мультики смотрели...  
Ох, умаялся совсем:  
Я один — а их ведь семь!

**Мишин крик**

Тише, тише, тише, тише!  
Поселился крик у Миши.  
Не утихнет ни на миг  
Непослушный озорник!  
Закрывает мама уши:  
— Невозможно это слушать!  
Просит бабушка внучат:  
— Пригласите мне врача!  
В дверь соседи позвонили:  
— Мы помочь вам вот решили:  
Будем вместе крик искать.  
Так с чего нам начинать?  
Поискали крик на стуле,  
В шкаф, конечно, заглянули,  
Заглянули под кровать,  
В кухне принялись искать:  
Осмотрели все кастрюли,  
Холодильник развернули.  
— Где ты, шалунишка-крик,  
Где ты, глупый озорник?  
Только в этот самый миг  
Вдруг утих в квартире крик.  
Может, кто его нашёл?  
Папа в комнату вошёл!

**Плохое настроение**

Не живу без слёз и дня:  
Что-то мучает меня.  
Целый день мне нет покоя —  
Настроение плохое.  
Мне б игрушки, как у Пашки,  
Рюкзачок, как у Наташки,  
А ещё велосипед —  
У меня такого нет!  
Ой, завидую другим:  
Почему всё им да им?

**Вячеслав КИЛЕСА**  
(г. Симферополь)



71  
ПРОЗА

*Член Национального Союза писателей Украины, Союза писателей России. Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.)*

## ВЕСЕЛОЕ СОБЫТИЕ

Дыма поначалу было мало: тоненькая струйка, почему-то поднимавшаяся не прямо вверх, а по замысловатой, уходящей в сторону спирали. И заметил его не Вовка, чего он долго не мог никому простить, а баба Нюра из соседнего дома, заскочившая в Вовкин двор с криком:

— Клава, ты горишь!

Подскочили все, даже дремавшая в углу на топчане кошка Мурка.

— Где горю? — всполошилась Вовкина бабушка, растерянно оглядывая себя.

— Вон там! — ткнула пальцем баба Нюра.

И все увидели дым. Он значительно пополнил и стал похож на задранный вверх черный Муркин хвост, и вел себя очень смиренно, но бабушка почему-то испугалась.

— Настька! — повернулась она к Вовкиной маме. — У Арапетовых дома телефон, позвони в пожарную. А я — туда.

И ринулась в дом.

Все заторопились, словно куда-то опаздывали: мама — к жившим на соседней улице Арапетовым, подхватившая пустое ведро баба Нюра — на

кухню к водопроводному крану, Мурка — на забор, а хитрый Вовка, сразу догадавшийся, где самое интересное, — вслед за бабушкой.

В доме немножко пахло дымом, точно так, как от костра, на котором Вовка и его друг Димуля запекали позавчера в овраге похищенную с огорода картошку. В угловой комнате отдыхала от железной дороги приехавшая на рассвете тетя Дора, и Вовка, еще прошлым летом познакомившийся с ее злым характером, свернул в коридоре направо. Представив себя разведчиком, он, переставляя ноги с пятки на носок, (именно так ходили индейцы), поспешил в гостиную и с трудом увернулся от выскочившей из комнаты бабушки.

— Ты что здесь делаешь? — закричала бабушка. — Марш на улицу!

Не слушая Вовкиных возражений, бабушка схватила разведчика за шиворот и погнала к двери, словно нашкодившего поросенка Борьку (которого Вовка, кстати, и обвинил в выкопанных на огороде ямках). Во дворе бабушка толкнула Вовку по направлению к воротам и крикнула бабе Нюре:

— На чердаке загорелось. Скорее всего — проводка. Помоги лестницу поставить.

Понаблюдав, как бабушка, баба Нюра и вернувшаяся от Арапетовых мама приставляют к чердачному окну огромную тяжелую лестницу, Вовка поспешил на улицу, к густеющей толпе любопытных, среди которых пламенела рыжим цветом Димулина голова.

— А у нас пожар! — гордо сообщил Вовка, словно Димуля сам не мог догадаться, что здесь, конечно, не наводнение.

— Подумаешь! — скривился Димуля, явно огорченный удачей друга.

Послышался вой сирены, и вскоре пожарная машина, сверкая и громокая, показалась на изгибе улицы.

— Отойди, это к нам! — ревниво сказал Вовка, отталкивая Димулю в сторону.

Всегда готовый к драке, в этот раз Димуля, признавая Вовкины права, отошел на обочину.

Из машины, проехавшую через раздавшуюся толпу прямо к дому, выпрыгнули красивые пожарные в блестящих касках. Размотав шланг, они быстро забрались в чердачное окно, предварительно выгнав оттуда, к Вовкиному удовольствию, растрепанную, в черных пятнах сажи бабушку, и включили насос. Тянувшаяся за пожарными прямоугольная лента надулась и стала похожа на огромного удава, которого Вовка недавно наблюдал в зоопарке.

Минут через десять дым, висевший над домом неправильным надувным шариком, начал съеживаться и уменьшаться, словно его укололи иголкой.

— Молодцы пожарные, быстро управились, — одобрительно заметил старик Нефедов.

— Повезло Клавке, — с сожалением вздохнула баба Катя, — и Вовка

вспомнил, как ругалась она недавно с его бабушкой из-за перепутавшего огорода Борьки.

— В следующий раз у бабы Кати картошку воровать пойдем, — повернув голову, шепнул Вовка Димуле, и повел друга в ставший неопасным двор.

— Выключай насос, — спускаясь по лестнице с чердака, скомандовал главный пожарный. Его замечательный мундир был перепачкан, но смотрел он весело и даже был чем-то доволен.

— Сгорел хлам, ничего ценного, — главный пожарный подошел к зачерпывающей воду из ведра бабушке, подставил сомкнутые ладони под льющуюся из кружки струю. — Проводку поменяете и кусок крыши отремонтируете. Вовремя нас вызвали.

Вытершись поданным мамой полотенцем, главный пожарный подмигнул глазевшему на него Вовке:

— Пойдешь в мою команду? Будем вместе пожары тушить.

— Пойду! — воскликнул Вовка, оглядываясь на Димулю: все ли он слышал.

Помыв лицо и руки, пожарные свернули шланг, заняли свои места, — и машина, провожаемая бежавшими за ней Вовкой и Димулей, помчалась прочь.

Бабушка, мама и взявшийся им помогать старик Нефедов отодвинули от чердачного окна лестницу и, заведя ее конец на середину двора, отдернули руки.

Лестница упала с грохотом, похожим на взрыв маленькой атомной бомбы.

В глубине дома послышался шум, и в проеме распахнувшейся входной двери показалась сердитая тетя Дора:

— Дадут мне в этом доме поспать или нет?! И вообще: какой дурак под моим окном коптил поросенка?



— Мама, можно, я схожу в туалет? — спросила Катя.

— Зачем? — удивилась мама, весело глядя на пятилетнюю дочку.

— Пописать, — старательно объяснила Катя.

— Не знаю, — засомневалась мама. — Какой-то несерьезный повод.

Увидев, как обиженно сморщилось Катино лицо, махнула рукой:

— Беги!

Пока Катя исполняла обязательное дело, мама с огорчением думала о том, что в приучении дочки к самостоятельности успеха пока не добилась.

Посетив заветную комнату и помыв руки, Катя засуетилась вокруг кухонного стола, на котором мама лепила пельмени.

— Мама, ты их меньше делай, чтобы я целиком могла проглотить. А то, если половинки кусаешь, то они брызгаются.

— Постараюсь, — согласилась мама. — В детском садике все нормально?

— Ой, мама, Сережка опять пришел не в той рубашке, что мне нравится! Пришлось отругать. Но он совсем не обиделся.

О детсадовском Катиним поклоннике мама слушала каждый день.

— Мам, а почему мальчишки нас дразнят: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»? Они глупые, да?!

— Конечно, — подтвердила мама, ставя на конфорку кастрюлю с водой и зажигая газ.

— Сережка — ужасная мямля, — пожаловалась Катя. — Пока я

не скажу: ничего придумать не может. Совсем как наш папа.

— Да, — вздохнула мама. — Если бы я его в ЗАГС не потащила — до сих пор бы возле меня топтался.

— Вот и Сережка такой, — пригорюнилась Катя. — Как он там сейчас, с родителями? Плохо ему без меня.

— Наверное, — согласилась мама, бросая в кипяток пельмени.

На следующий день, когда мама пришла забирать Катю из садика, ее ожидал сюрприз.

— Я и Сережа решили пожениться, — объявила Катя. — Сережа, иди сюда!

Симпатичный белоголовый мальчик нерешительно подошел к маме.

— Вот! — ткнула в него пальцем Катя. — Теперь он с нами жить будет. Правда, Сережа?

— Да! — стеснительно проговорил мальчик.

— Подождите! — воскликнула мама. И, обращаясь к Сереже, спросила:

— Твои родители знают?

— Нет, — мотнул головой Сережа.

— Тогда сегодня скажешь об этом маме и папе. А завтра, если они одобряют, пойдешь к нам. Я права, Катенька?

— Что ж: без родителей не обойтись, — подумав, подтвердила Катя.

По дороге домой мама молча восхищалась проявлением дочки самостоятельности и с ужасом думала о том, что говорить папе, если Сережины родители согласятся на Катиню предложение.

## ДЕТИ КОМАНДИРА

— Раз, два! Раз, два!левой!левой! — выкрикивал пятилетний Сашок усердно марширующей по комнате четырехлетней сестричке Алёне. Именно так командовал недавно на полковом смотре их отец капитан Новиков.

В отличие от солдат на плацу, строевой шаг у Алёны не получался. Постоянно сбиваясь с ритма, девочка едва не плакала. Окончательно запутавшись, остановилась и сердито сказала:

— Этим мальчики должны заниматься, а ты меня заставляешь! Я, как мама, буду медсестрой в военном госпитале. Понятно?!

— А если меня убьют: кто возьмет мой автомат и прогонит врагов? — возмутился Сашок.

— Так я стрелять готова, — защищалась Алёна. — Я маршировать не хочу.

— В армии нужно все уметь и нельзя от чего-то отказываться, — объяснил Сашок. — Вот папа: на полигон ездить не любит, а приходится... Приготовься: я на тебя танк направлю, забросаешь его гранатами.

Танк — электромеханическая игрушка на батарейках — походил на настоящий и умел не только с противным скрежетом передвигаться, но и реветь сиреной и мигать фарами. Подаренный Сашку на день рождения, танк до сих пор вызывал страх у Алёнки, что для будущей медсестры было неприятным.

Скривившись, Алёнка зажала в руках деревянные чурбанчики-гранаты и залегла за креслом. «У-у-у!» — завыл танк, надвигаясь на Алёнку. Пискнув, девочка вскочила и полезла на диван.

— Трусиха! — пренебрежительно

замечил Сашок. — Ладно, иди сюда. Мама говорила: генерал приехал учения организовывать. Посмотрим папин «тревожный» чемодан: мама все утро его готовила.

«Тревожные» чемоданы офицеры брали с собой, когда их воинская часть поднималась по сигналу «Тревога!». В чемоданах находился суточный продовольственный паек, канцелярские принадлежности, мыло, полотенце, зубная щетка и прочее, могущее понадобиться офицеру, если его подразделение окажется в полевых условиях оторванным от источников снабжения.

Раскрыв папин чемодан, дети долго его изучали, пока Сашок не сделал критический вывод:

— Слабовато! Вдруг враги нападут, едва только папа приземлится на парашюте!

И дети озабоченно зашептались...

Ночь еще ползла по земле, когда командира роты Новикова выдернул из домашней постели сигнал «Тревога!», и вскоре он стоял в общем строю, слушая рапорт полковника командующему военным округом о готовности полка к выполнению боевой задачи.

— Сейчас проверим вашу готовность, — проворчал генерал и ткнул пальцем в Новикова. — Покажите ваш «тревожный» чемодан.

Положив чемодан на принесенный стул, капитан быстро его раскрыл.

Видимость обстановки с трудом вытягивала на «удовлетворительно», размывая предметы в неясные пятна. Наклонившись над чемоданом, командующий поднял лежавшую сверху вещь и недоуменно спросил:

— Что это?

Присмотревшись, капитан узнал кавалерийскую саблю Сашка, и онемел.

Вернув саблю в чемодан, генерал достал оттуда водяной пистолет Аленки, хмыкнул, присоединил пистолет к сабле и заинтересовался танком, не догадываясь, какие сюрпризы могут преподнести незнакомые игрушки. И когда случайно включенный танк заревел сиреной и замигал фарами, потрясенный генерал, уронив чудовище на землю, отскочил в сторону, наблюдая вместе со всеми, как, громыхая гусеницами, танк бесстрашно атакует замершую шеренгу.

— Что это? — рявкнул командующий.

— Это дети, — выдавил из себя Новиков, глядя, как продолжающий бесноваться танк наезжает на солдатские сапоги.

— Возраст? — сердито уточнил командующий.

— Пять лет и четыре годика, — ответил Новиков, хмуро решив: «Минимум — гауптвахта!»

Капитан не подозревал, что у генерала тоже были дети, которые когда-то были маленькими.

— Подобрать это, — командующий ткнул пальцем в сторону танка, — закрыть чемодан и стать в строй.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — отчеканил Новиков, еще не веря, что так легко отделался.

— И чтоб сорванцы были отшлепаны! — бросил генерал отлавливающему танк капитану.

Через минуту командир роты Новиков вместе с полком слушал боевую задачу и думал о том, что последний приказ генерала он все-таки не выполнит.

## ТОРТ

— Почему ты заставляешь меня пить кипяченую воду?! — обращаюсь к бабушке, возмущалась маленькая Катя. — Сырая вода вкуснее.

— В сырой воде много микробов, — терпеливо объясняла бабушка. — При кипячении они умирают.

— Ты хочешь, чтобы я пила воду сдохлыми микробами?! — негодует Катя. — А говоришь, что меня любишь!

— Конечно, люблю! — растерянно оправдывается бабушка. — Но медицина...

— Если любишь: дай кусочек торта, — Катя с вожделием посмотрела в сторону холодильника, куда мама перед уходом на работу спрятала купленный в магазине торт.

— Не могу, внучка: мама отругает. Вечером гости будут: тогда

торт и достанем. Я тебе самый большой кусок отрежу.

— Столько ждать! — скривилась Катя. — Сама говорила: то, что долго стоит, может испортиться.

— Торт свежий: к тому же окружен холодом! — доказывает бабушка и, желая отвлечь внучку от сладких мыслей, предлагает:

— Почитать сказку о богатыре?

Катя, поглядывая на холодильник, снисходительно кивает головой. Обрадованная бабушка быстро раскрывает книжку.

— ...Выезжает богатырь на перекресток дорог, видит большой камень, а на камне написано: направо пойдешь — костей не соберешь, налево..., прямо..., — с выражением читает бабушка, перечисляя ужасы, которые ожидают богатыря. — И задумался богатырь: куда ему ехать?!

— Назад, к маме! — подсказывает богатырю Катя и слезает со стула. — Бабушка, я эту сказку слышала. Поиграем в прятки: ты прячься, а я буду жмуриться. Только ты хорошо прячься, чтобы я долго искала!

Бабушка вздыхает и покорно кладет книжку на стол.

— Один, два, три, четыре, пять... — уткнувшись лицом в стенку, Катя запнулась, вспоминая следующую цифру. Ничего не вспомнив, выкрикнула:

— Пятью пять — двадцать пять. Я иду искать.

Забравшаяся в чулан бабушка, усевшись на старый чемодан, задумалась о своих делах, ожидая, когда ее обнаружат и заставят жмуриться. В чулане было так уютно, что уставшая от внучкиных проказ бабушка даже слегка вздремнула.

— А где Катя? — вдруг спохватилась бабушка. — Минут пятнадцать прошло, а ее нет. Не случилось ли чего?

Выбравшись из чулана, бабушка с тревогой забегала по квартире: детская, гостиная, спальня — пусто. Кухня...

Катя сидела за столом и ела торт.

— Бессовестная! — крикнула бабушка. — Кто тебе разрешил?

— Торт замерз и попросил погреться, — пояснила Катя, отодвигаясь на всякий случай на край стола.

С облегчением отметив, что боль-

шая часть торта осталась нетронутой, бабушка вернула беглеца в холодильник.

— Вот придет мама с работы и тебя накажет! — пригрозила бабушка.

— А ты за меня не заступишься? — с надеждой спросила Катя, которой совершенно не хотелось быть наказанной.

— Нет, — отрезала бабушка. — Потому что ты еще и обманщица. Загнала меня в чулан, а сама...

Бабушка обиженно отвернулась.

— Я больше не буду! — сделав умильное лицо, произнесла Катя. — Давай помиримся.

Бабушка молчала.

Осознав, что неприятностей не миновать, Катя поежилась.

— Бабушка! — позвала она свою всегдашнюю защитницу. — Ты говорила, что меня купили в магазине. А мама тоже оттуда, из магазина?

— Да, — подтвердила бабушка, пытаясь понять ход мыслей ребенка.

— А кто ее покупал? — заинтересовалась Катя.

— Я, — ответила бабушка.

— Вот ты, бабушка, все делаешь неправильно, — сделала вывод Катя. — Нужно было купить не маму, а щенка: я бы тогда его вместо себя в угол ставила.

Бабушка рассмеялась — и Катя поняла, что мир восстановлен.

**Галина ГРАНОВСКАЯ**

(с. Пионерское Симферопольского р-на)

*Писатель, переводчик, член Национального Союза писателей Украины, автор нескольких книг прозы и четырех обучающих комплексов по английскому языку. Пишет романы, повести, рассказы, а также сказки и истории для детей. Печаталась в крымской и российской периодике, в сборниках «Фемифан» (Симферополь, 1990), «Крымский рассказ-2005»; в альманахах «Полюс-Крым», «Севастополь»; в журналах «Черное море», «Алые паруса», «Меценат и Мир», «Литературный Детский Мир», а также во многих интернет-изданиях. Лауреат международных литературных конкурсов.*



ПРОЗА

77

## ЦИКАДА-ПЕВУНЬЯ

У Зеленого Кузнечика была двоюродная сестра Певчая Цикада. У нее был громкий приятный голос, и она с детства пела в большом луговом хоре, который давал концерты с весны до поздней осени. Цикаде нравилось петь и нравилось слушать, как поют подруги. Она всегда очень старалась, чтобы и ее пение было не хуже, поэтому в школе ее не раз награждали за трудолюбие и примерное поведение. Шло время, цикада выросла, но по-прежнему пела в хоре с друзьями детства. Друзей у нее было достаточно. Она ходила к ним в гости, они приходили к ней, угощались, рассказывали друг другу новости. Все вместе отмечали праздники и дни рождения. Так бы и жила Цикада дальше, если бы однажды, распеваясь в одиночестве перед вечерним концертом под окном дома, где жили люди, вдруг не услышала, как кто-то из них произнес: «До

чего же хорошо поет эта цикада!» И эти слова вдруг повлияли на нее самым неожиданным образом. После этих слов ей вдруг показалось, что нет на свете никого лучше нее! Она замерла на мгновение, потом начала свою песню снова. И снова услышала: «Нет, вы послушайте, как чудесно она поет!» Люди оценили ее пение. Не пение хора цикад, а ее личное пение. Никаких сомнений — у нее выдающийся талант!

— Может быть, мне стоит попробовать давать сольные концерты? — спросила она у подруги.

Та немного подумала.

— А почему тебе не нравится петь со всеми?

— Я пою лучше, но никто этого не замечает, потому что в хоре меня заглушают, — пожаловалась она. — Та цикада, что слева, просто кричит, а та, что справа пищит как комар. И вообще, у всех такие разные голоса...

КРЫМ 3.2013

— Но это же хорошо, что у нас разные голоса, — пыталась успокоить ее подруга. — Это только придает нашему хору выразительность.

— Какая там красота и выразительность! — заверещала Цикада. — Только я пою красиво и правильно, но из-за этих свиристушек меня почти не слышно. Да и ты петь правильно не умеешь. Не зря тебя прошлый раз Кузнечик на дополнительное занятие оставил. Да только, похоже, так ничему и не научил. Хочешь послушать, как нужно петь?

Обиженная подруга покачала головой и улетела. Вскоре у Цикады не осталось и друзей, поскольку она начала всем делать замечания. «Ну, и ладно», — сказала Цикада сама себе. Я и без друзей проживу. И зачем мне этот хор крикушек?

И не стала больше петь вместе со всеми на поляне. Сославшись на головную боль, отказалась от выступления на опушке. Несколько дней подряд, удалившись поглубже в густые травяные заросли, в одиночестве распевала свои песни. Но вскоре ей это надоело, ведь всякому артисту требуются зрители.

Она отправилась к дому, где жили люди, которым так нравилось ее пение, но на этот раз его окна были закрыты. Полетела к пруду, где по вечерам давали концерты лягушки.

— Включите в свою программу мой сольный номер, — попросила она.

— У нас и без тебя хватает желающих выступать, — сказала квакушка-концертмейстер.

— Но так, как я, у вас никто не поет, — осмелилась возразить цикада.

— Говорят тебе, у нас своих солистов предостаточно! — рассердился концертмейстер.

— Какая наглость! — возмущенно подхватили другие лягушки. — Иди на свою поляну и пой там для жуков и сороконожек!

— Но вы хотя бы послушайте...

Но показать, как прекрасно звучит ее песня, цикада не успела. Из воды высунулась огромная голова с большими выпученными глазами, и что-то быстрое мелькнуло перед самым носом цикады. Она еле успела отпрыгнуть в сторону. Ее чуть не съели! И за что? За любовь к искусству!

— Послушай хоть ты меня, — жалобно попросила цикада пролетающую мимо серую домашнюю муху. — Посиди немного рядом, я спою тебе новую песню.

— Еще чего! — воскликнула муха. — Я и сама умею петь не хуже! Жж-жж-жж-жж-жж... видишь, как замечательно у меня выходит? Только, вот, что я тебе скажу, песнями сыт не будешь. Главное в нашей жизни не песни, а еда. И потому надо поторопиться. Сегодня с утра хозяйка готовила бульон для борща. Ммм, какой стоял запах! Думаю, что люди уже отобедали, и вся грязная посуда стоит в раковине! Хозяйская дочь — лучший друг мух! — никогда не моет посуду сразу. Понимает, что и нам надо. И вытянув черный хоботок, муха с жужжанием унеслась прочь.

Никто не желал слушать одинокую цикаду. Опечаленная, она отправилась далеко в поле, спряталась под полынным кустом и, роняя слезы, начала петь грустную песню об одинокой цикаде, которую никто не желал слушать. В это время мимо пролетал Зеленый Кузнечик, дирижер оркестра цикад.

— Кто здесь? — спросил он, заглядывая в полынный куст. — Это ты, Цикада? Что с тобой? Я столько времени потратил, обучая тебя красивому пению, и что я слышу? Печальное завывание!

— Это не завывание, — угрюмо отозвалась Цикада. — Это моя новая песня. Только вот слушать меня никто не желает — ни лягушки, ни даже мухи...

— У каждого артиста своя публичка, — объяснил Кузнечик. — Одни любят современные песни, другим подавай классику. На вкус и цвет товарищей нет. И вообще, — добавил решительно, — хватит слоняться по кустам. Давай-ка, снова принимайся за дело. Быстро на репетицию!

Цикада резво поднялась в воздух. Как он догадался? Вернуться в хор — это именно то, что ей сейчас нужно! Разве это не счастье — со всеми вместе дружно выводить «Вот и вечер пришел»? И она поспешила сле-

дом за Кузнечиком. От радости, что ее снова берут в хор, она громко запела свою любимую песню.

— Идите сюда, — произнес вдруг над головой знакомый голос. — Наша цикада вернулась!

— Она ли это? — засомневался другой голос. — Здесь полно этих цикад.

— Ее не спутать ни с кем, — возразил первый. — Послушайте, только она так поет!

Цикада подняла голову и замерла, не в силах двинуться с места. Окно дома было снова открыто.

## ОДУВАНЧИК

Ранней весной на опушке старого леса появился маленький одуванчик. Был он желтенький, тихий и очень внимательный. Слушал голоса трав и цветов, запоминал разговоры птиц, их рассказы о дальних странах и долгих перелетах. Сам был не очень разговорчивым.

— Ишь, молчун какой, — шелестела над ним акация. — Только и знает, что греться на солнышке. Рассказал бы что-нибудь.

— О чем? — застенчиво спрашивал Одуванчик. — Мне нечего рассказывать, ничего особенного я не видел. Здесь родился и всю жизнь здесь живу.

— Дед-домосед! — поддразнил его пробежавший мимо Ветерок-непоседа, который многое повидал, потому что ни минуты не задерживался на одном месте — сегодня он здесь, завтра там.

— Да, — согласился Одуванчик. — Я и вправду домосед. Нигде не бывал, ничего, кроме этой поляны не видел.

— Ну, так и быть, возьму тебя как-нибудь с собой, покажу мир.

— Что вы, что вы! — Одуванчик

испуганно прятал в травке голову в желтом веночке. — Какой из меня путешественник! Я не могу без корней, я просто погибну в пути! Нет-нет, это не для меня! Да и зачем куда-то лететь? Здесь лучшее место на земле!

Но Ветерок был уже далеко и не слышал слов Одуванчика. Скорее всего, он уже и о своем обещании забыл. Такой уж он был, Ветерок, непоседливый, ветреный.

Ветерок улетел, но прилетел соловей, уселся на ветку старого клена и всю ночь распевал свои песни. Они были так красивы, что смолкли кузнечики, и даже болтливая осина, шелестящая листьями день и ночь, затихла. Маленький Одуванчик смотрел на первые вечерние звезды, слушал соловья и думал о том, как прекрасна поляна, на которой ему посчастливилось родиться. Здесь случаются такие удивительные вещи! И вообще, прекрасен мир лесной опушки!

Потом наступило новое утро, прошел теплый летний дождь, и Одуванчик с удовольствием искупался. После дождя он долго сушил свои листочки и золотистую голову, подстав-

ляя солнышку лицо, ловя его ласковые утренние лучи. Расправлял листья и изо всех сил вытягивал стебель вверх-вверх, а его корешки, наоборот, изо всех сил тянулись вниз.

Такая работа у Одуванчика — расти, расти и расти.

И он старательно рос — с утра до вечера.

День за днем.

Дни же становились все жарче и жарче. Лето набирало силу, и солнце припекало с самого утра. Деревья шумели сочной листвой, травы стояли стеной. И Одуванчик вырос, стал большим, крепким и все меньше смотрел по сторонам, некогда стало слушать птиц и любоваться звездами — у него появились дети. Детей было много, и о них надо было хорошенько заботиться. И Одуванчик заботился так хорошо, как только мог: поил соками, расправлял, подставляя солнцу, чтобы были крепкими и здоровыми. А ближе к ночи рассказывал им разные сказки и истории о далеких землях и странах — все, что когда-то слышал от птиц, деревьев и цветов. Дети быстро подрастали, и это очень радовало заботливого Одуванчика. Одно ему не нравилось: у них только и разговоров было, что о дальних путешествиях. А тут еще трещотка Сорока стала прилетать на опушку почти каждый день, подливала масла в огонь, рассказывая, как хорошо на лугу у реки, как хорошо у лесного озера, какое там разнотравье и как много ягод. Ягоды мало интересовали детей Одуванчика, им хотелось приключений. Они завидовали Сороке, у которой были крылья.

— Так замечательно путешествовать! Вырастем, обязательно отправимся туда, — говорили они друг другу.

— Глупые, — вздыхал Одуванчик. — Разве вы не знаете, что нигде вам

не будет так хорошо, как на родной поляне?

Но дети думали иначе.

— Здесь скучно! — кричал самый старший, Одуванчик-Второй.

— Очень скучно, — соглашался его брат Летучее Семечко.

— Здесь никогда ничего не случается, — хором вторили другие. — День за днем одно и то же!

Они хотели увидеть весь огромный мир собственными глазами. Они хотели узнать, что же находится за пределами Солнечной Поляны. И чем взрослее и крепче становились, тем нетерпеливее.

Однажды на поляну заглянул Ветерок. Он тоже вырос и окреп за лето. Увидев Одуванчика, он тут же вспомнил о своем обещании показать ему дальние края, качнул, дернул, что было сил, но не смог оторвать его от земли — крепко держали корни. Тогда он с веселым свистом подхватил всех его детей, которые, казалось, только этого и ждали. Радостные, они крепко вцепились в лохматую гриву Ветерка, и не успел Одуванчик опомниться, как все они были далеко.

Наступила осень, а за ней явилась и зима. Но и она не могла длиться вечно — солнце растопило снег, и на берегу лесного озера зазеленели травы. Под кустом боярышника появился маленький одуванчик. Он слушал голоса трав и цветов, запоминал разговоры птиц, прилетавших к озеру на отдых, их рассказы о дальних странах и долгих перелетах. Сам был не очень разговорчивым.

— Ишь, молчун какой, — шелестел листьями куст боярышника. — Только и знает, что греться на солнышке. Рассказал бы что-нибудь.

— О чем? — застенчиво спрашивал Одуванчик. — Мне нечего рассказывать, ничего особенного я не видел. Здесь родился и всю жизнь живу.



**Татьяна КОРНИЕНКО**  
(г. Севастополь)



*Член Национального Союза писателей Украины. Лауреат премии имени Л. Н. Толстого, международного литературного конкурса «Крымская Альгамбра-2003», представлена к поощрительной международной литературной премии имени В. П. Крапивина (2011).*

*Автор поэтических сборников «Просто утро», «Пой вместе с нами», «Пирог с начинкой», «Белая кошка», повестей «Сказка о дружбе», «Волшебная палочка», «Ром АНТИка», «Сказка о сказке», «Кикимора Светка Пипеткина», многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах и периодических изданиях.*

### Про дождевого червяка

У дождевого червяка  
Жизнь не особенно легка.  
Ни головы, ни лапок нет.  
Земля на завтрак, на обед,  
И вновь земля на ужин.  
Не ужин — просто ужас!

Зато и вечером, и днём  
Он может ползать под дождём.  
Он может с другом-червяком  
Забраться в лужу це-ли-ком!  
А их за это даже  
Ни капли не накажут.

Вот это жизнь у червяка!  
Кто говорил, что нелегка?

### Кошки-мышки

На мышку охотилась киска.  
А мышка была каратистка!  
Была чемпионкой планеты!!  
Но кошка не знала об этом.

Вот мышку заметила кошка  
И тронула лапкой немножко.

Дальнейшее — словно в тумане.  
Очнулась она на диване,  
Безвольная, словно сарделька,  
И там отдохнула недельку.

Теперь осторожная киска  
Ест только консервы из миски.

### Щенок

У щенка немало дел.  
Он сначала завтрак съел,  
А потом, прикрывшись лапой,  
Разорвал кроссовки папы.

Преподнёс и мне сюрприз:  
Туфли новые прогрыз.  
После, отдохнув немножко,  
Измочалил босоножки.

А теперь он не поймёт,  
Что за странный мы народ,  
Почему отводим взгляд,  
Почему никто не рад?

— Эй, друзья, зачем же злиться?!  
Ну, забыл я поделиться,  
Грыз один — так это ж шалость!  
Там погрызть и вам осталось!!!

**Мой конь**

Я на дедушке верхом  
Обскакал почти весь дом!  
Но отбился конь от рук  
И сказал: «Постой-ка, внук,  
У меня есть куча дел».  
И за стол работать сел.

Ручку взял, глядит в окно.  
Я ему тихонько: «Н-о-о!»  
Ну, скажи хоть «иго-го».  
Не сказал конь ничего.

Всё. Теперь его не тронь:  
Он профессор, а не конь!

**Я обиделась**

Я обиделась. А дело было так:  
Мы играли с бабушкой в собак  
И дышали, свесив языки,  
Словно настоящие щенки.  
Но когда пришла к нам тетя Элла,  
Бабушка рычать не захотела.  
Думаете — всё? Она не стала  
Лаять на колёса самосвала.  
В завершение даже понарошку  
Не погналась во дворе за кошкой!

Я её оставила одну.  
Пусть теперь повоет на Луну!

**Мобилка**

Как в мобилку влезли мама,  
Папа, бабушка, сестра?  
Я вчера об этом самом  
Долго думала с утра.

Вдруг они, как джины в сказке,  
Превратились в едкий дым  
И следят, прищурив глазки,  
За ребеночком своим?

Или влезли, как букашки,  
По команде «раз, два, три»  
В специальные кармашки  
У мобильника внутри?

Я трясла, крутила что-то —  
Пусто там. Ну и дела!  
Может, мама, поработав,  
На минуточку ушла?

Только я к варенью руку  
Протянула — «ди-ли-дон»...  
Да, загадочная штука,  
Этот самый телефон.

**От кого произошли обезьяны?**

У клетки обезьянам корчил рожи  
Отличник. Человек. Петров Серёжа.  
Высовывал язык, топорил уши,  
Пока макака не сказала:

— Слушай!

Всех обезьян я убедить сумела,  
Что раз уж вы на нас похожи телом,  
Да и умом своим не хуже вроде,  
То мы от вас, людей, и происходим.  
Но, глядя на тебя, я догадалась,  
Что в выводах серьёзно заблуждалась.  
И пусть мои ошибки крайне редки,  
Но лучше это, чем такие предки!

**Людмила ГУСЕЛЬНИКОВА**  
(г. Севастополь)



*Член Национального Союза писателей Украины, Международной ассоциации писателей- баталистов и маринистов, Союза писателей Москвы, Международного Союза Славянских журналистов. По образованию медсестра, филолог, психолог. Автор 16 сборников поэзии и прозы для взрослых и детей. Лауреат конкурсов «Славься, Республика Крым», Международного литературного конкурса «Крымская Альгамбра-2002», конкурса, проводимого в г. Москве к 60-летию Победы, дипломант многих других конкурсов.*

### Зарядка

Чтобы было всё в порядке:  
Ноги, руки, голова —  
Мы с братишкой зарядкой  
Занимаемся с утра.  
Начинаем всё с разминки.  
Ноги вместе, ровно спинки...  
Так стараемся, чтоб было  
Всё и ловко, и красиво.  
Рады делать упражненья,  
Знаем: эти все движенья  
Нам здоровье укрепляют,  
Значит, силы прибавляют.  
Надо нам скорей расти,  
Чтобы в первый класс пойти.

### Кто ответит?

Как и что на этом свете, —  
Почемучке кто ответит?  
Почему течёт река?  
Где конец у ручейка?  
Почему желтеет лист?  
Это что за танец-твист?  
День когда длиннее ночи,  
А когда её короче?  
Почему холодный лёд?  
Ветер силу где берёт?  
Как плетут девчонки косы?  
Из чего готовят морсы?  
Кто про эти знает штучки  
И ответит почемучке?

### Взрослость

Маме я вчера сказала:  
«Посмотри, я взрослой стала.  
Мне твои подходят платья,  
туфли тоже хороши».  
Мама чем-то занималась,  
но, увидев, рассмеялась:

«Понимаю, понимаю.  
Хочешь взрослой быть, я знаю.  
Пусть не будет то в обиду —  
взрослость судят не по виду,  
не по платьям, не по юбкам.  
Взрослость судят по поступкам».

**Тапочки для лапочки**

Мама тапочки купила.  
 Сколько радости тут было!  
 Дочке Мирушке не лень  
 примерять их целый день.  
 Мерила на кошку Тасю,  
 на козлёнка-крошку Масю,  
 на Трезора-забияку,  
 на знакомую собаку.  
 Только кролик не давался.  
 Без примерки он остался.  
 Мама долго наблюдала,  
 а потом, смеясь, сказала:  
 «Это всё — напрасный труд,  
 догадаться можно тут,  
 что лишь Мире-лапочке  
 подойдут те тапочки».  
 Возражать я ей не стала.  
 Где-то я уже слыхала,  
 что животные как будто  
 все с рождения обуты.

**Привет**

Я немного захандрил.  
 В детский садик не ходил.  
 Тут ко мне пришёл сосед,  
 Говорит, принёс привет  
 От ребят из группы нашей:  
 Славы, Коли и Наташи.  
 Но, когда мой друг ушёл,  
 Я привета не нашёл.  
 Где привет? Ну, нет привета.  
 Затерялся, видно, где-то.  
 Где лежать привет тот может?  
 Нет в столовой, нет в прихожей.  
 Стал привет везде искать.  
 Заглянул под стол, кровать...  
 Нет! Нигде привета нет.  
 Лучше б он принёс конфет.

Мама, всё заметив это,  
 Предложила мне конфету  
 И сказала с пониманьем:  
 «Нет, сынок, важней вниманье».

**Страх**

Кто расскажет мне про страх?  
 Может, он живёт в кустах,  
 может, он живёт в берлоге?  
 Есть у страха руки, ноги?  
 Лысый он или лохматый,  
 чёрный или полосатый?

Небо спряталось в волнах,  
 ветер бьётся в парусах,  
 день, как в шапке, в облаках,  
 нет улыбок на губах.  
 Девочка стоит в слезах.  
 Может, ей знаком тот страх?

Кто его опишет точно?  
 Может, страх приходит ночью?  
 Я про страх узнать пытался,  
 только мне он не попался.

**Бант**

У Алёнки, у подружки,  
 Бант огромный на макушке.  
 У Мируськи, у сестрички,  
 Бант огромный на косичке.  
 Стас расплакаться готов.  
 У него лишь нет бантов.

Я доказывал братишке:  
 «Для мальчишки бант — излишки.  
 Не положен бант мальчишкам.  
 Ты возьми-ка лучше книжку.  
 Для девчонок — банты, косы...»  
 Ну а он — опять с расспросом:  
 «Где купить такой, где взять?»  
 Брата просто не унять.  
 Говорю: «Зачем тебе-то?  
 Покупают банты где-то.  
 Чтобы бант такой носить,  
 Надо косы отрастить».  
 Я доказывал, старался,  
 А братишка рассмеялся:  
 «Да не мне та красота —  
 Кошке Мурке для хвоста».



**Любовь СИВЕЛЬНИКОВА**  
(г. Симферополь)

*Член Национального союза писателей Украины. В 2005 году была удостоена премии Автономной Республики Крым в номинации «Работы для детей и юношества». Автор сборников «А лень растет», «Морока», «Шалунишка», «Забавушка», «Анютка», «Азбука крымских цветов», «Глазами внучат», «Береги себя», «Злодейка лень», «Кто мне может объяснить?», «Тетрадь наблюдений. Мир животных» и др.*

\* \* \*

Как, скажите, тихо нам играть в футбол,  
Когда я соседу забиваю гол,  
А потом ответный вдруг в меня летит?  
Он кричит и я — аж в ушах звенит!  
Понимать же надо, легче нам тогда.  
— Тихо! — возмущаются взрослые всегда.  
А возможно ль тихо поиграть в футбол,  
Когда мы друг другу забиваем гол?

\* \* \*

\* \* \*

Одела кукле-дочке  
Красивые носочки,  
Панамочку от солнца.  
Хватит смотреть в оконце,  
Пойдем-ка, погуляешь,  
Как мы живем, узнаешь.  
Вот в будке Уголочек —  
Для дома, как замочек.  
А это вот водичка,  
Чтоб поливать клубничку.  
А эти вот росточки  
Потом будут цветочки.  
Все-все мы осмотрели  
И на качельку сели.

Пять пушистеньких комочков —  
Пять глазастеньких котят.  
Я над ними словно квочка,  
Все равно, спать не хотят.  
Знаю, это не игрушка,  
Уложу их нежно в ряд.  
Вышла мягкая подушка,  
Но живая, из котят.

**Ольга ИВАНОВА**  
(г. Симферополь)



*Поэт и прозаик, член Национального Союза писателей Украины, член Союза журналистов России, автор 16-ти сборников. Победитель и дипломант всеукраинских конкурсов, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилёва, Премии Автономной Республики Крым, Заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым.*

## МОЖНО ЛИ ВЛЮБИТЬСЯ В ТРЕТЬЕМ КЛАССЕ?

### Рассказ

После длительной болезни накануне 8 Марта в класс вошла Тамара Сергеевна.

Если у вас когда-нибудь была любимая учительница, то можете себе представить наш неописуемый восторг.

Лично я захотел запрыгнуть на одной ножке, запеть и засмеяться одновременно. Однако, как все дети в классе, я вытянулся у парты и, стараясь попасть в единую струю голосов одноклассников, подталкиваемый чем-то невидимым, проскандировал вместе со всеми:

— Поздравляем!

В классе у нас всегда был порядок и ослепительная чистота. И вовсе не потому, что учительница была строгая и носила фамилию Сердитова. А именно потому, что она в противовес этой сердитой фамилии была очень доброй, с синими лучистыми глазами, которые улыбались, даже когда она корила кого-нибудь из нас. Но чаще всего учительница просто смеялась над проказником или сочиняла коротенькие стишки тому, кто провинился.

Так, когда однажды из-за спора с мальчишками из другого класса я залез в класс через окно, Тамара Сергеевна, увидев это, не закричала, как сделала бы на её месте любая другая учительница, а засмеялась и сказала:

— Алёша — не мальчик, а просто кино:

В школу заходит не в дверь, а в окно.

И мне ещё до того, как эти строчки, смеясь надо мной, стала цитировать вся школа, захотелось провалиться сквозь землю, а уж от насмешек ребят и подавно.

Именно потому, что Тамара Сергеевна никогда не кричала и не сердилась, мы знали, что она очень любит нас, и боялись её огорчить.

И вот теперь, когда я стоял на вытяжку перед той, кого давно в душе короновал, чьей дружбой так дорожил, я подумал, что только эту женщину могу поставить рядом со своей мамой.

Но тут меня спустил с небес и чуть

было всё не испортил заводила и балагур Сашка Балагаев:

— Я говорил, что нужно девчонкам стенгазету выпустить, а мальчишки сказали, что без учительницы не будут!

Девчонки засмеялись, а мальчишки зашикали на Сашку. А Петька Иволгин даже толкнул его в спину и прошипел:

— Вот дурень!

Тамара Сергеевна не обратила никакого внимания на Сашкины слова, ровно поприветствовала мальчиков, поздравила с Международным женским днём девочек, усадила нас за парты и предложила самому смелому сказать самые нежные слова любой девочке или всем девочкам сразу.

Я вовсе не хотел никому из девчонок признаваться в любви. Мне просто хотелось как-то загладить Сашкину выходку, поэтому я поднял руку.

Тамара Сергеевна сказала:

— Молодец, Алёша! Я так и знала, что ты самый смелый. Какие ты приготовил слова?

— Хорошие, — ответил я, имея виду слова. Все захихикали.

— Правильно, Алёша, — продолжила Тамара Сергеевна, — наши девочки самые хорошие. Посмотри на них внимательно, и ты найдёшь ещё более точные слова.

Я стал смотреть на девчонок и увидел Юльку Волкову, к которой у меня всегда были противоречивые чувства: то мне хотелось дёрнуть её за толстенную косу, то я заморожено смотрел на три золотистые пряди, туго переплетенные между собой, и представлял, что это текут, пересекаясь, три золотых ручья.

Неожиданно для себя я сказал, что наши девчонки красивые. От одобрительных реплик Тамары Сергеевны в классе поднялся лес рук. Улыбки не исчезли с лиц моих одноклас-

ников, но они стали другими: приветливыми и располагающими к себе. И уже не только у меня, но и у других детей слова пошли от души, от сердца. Желающих высказаться было много, но слова стали повторяться, и тогда Тамара Сергеевна предложила другой вариант признания. Она подозвала Юльку Волкову, привлекла её к себе и сказала:

— Назовите самые лучшие черты характера, лучшие поступки Юли.

Юлька засмуцалась. Но было видно, что ей приятно такое внимание.

— Когда все мальчишки скажут самые прекрасные слова каждой девочке, — пообещала учительница, — я открою вам секрет, который есть у каждой девочки, я его услышу руками, обнимая её.

— По биению сердца, — очень умно уточнил отличник Кирюшка Прохоров.

Каких только слов не услышали наши девчонки на этом уроке добра: симпатичная, милая, нежная, стройная, умеет дружить, добрая, деликатная, умеет хранить тайны, любит животных, бережет сделанное чужими руками, скромная, отзывчивая...

— Какие же всё-таки у нас замечательные девочки, — сказала Тамара Сергеевна.

— А Вы обещали секрет! — раздался голоса.

— Да.

— Каждая ваша одноклассница, выходя к учительскому столу, очень и очень переживала: «А обо мне скажут хорошее?»

— Да, — оживились девочки, некоторые даже в ладоши захлопали: угадала.

А ведь мальчишки у нас тоже удивительные! Каждый из них умеет понимать и ценить красоту добра. Из хороших мальчиков вырастут хорошие папы.

— А из хороших девочек хорошие



мамы, — чуть ли не хором продолжили девчонки.

Тамара Сергеевна кивнула:

— Девчата, представляете, как здорово, что вы родились девочками! Каждая из вас станет самым дорогим и любимым человеком на свете — мамой. Именно потому, что женщине природой дано материнство, мужчина относится к ней с особым почтением. Ей он старается отдать всё лучшее. Представьте первобытного человека. Он каждый день уходил на охоту, рискуя собой, сначала с дубинкой, потом с копьем. А женщина оставалась в жилище у очага с детьми. Летели годы, мужчины сражались ради представительниц прекрасного пола на рыцарских турнирах. Во все времена мужчины поклонялись женщинам.

— Получается, что женщина для мужчины всё равно что королева?

— Наверное, так. Но давайте подумаем, хорошо ли девочке, зная это, вести себя так, будто она королева?

Мы были единодушны в том, что такое поведение не украсит ни одну девочку: нехорошо пользоваться своими привилегиями.

И вдруг вспомнили старые обиды, начали вычерчиваться два противостоящих друг другу лагеря: мальчики-девочки.

— Стоп-стоп! Девочки должны навсегда запомнить, что мальчики не плохие, они просто другие. Мальчики же должны понять, что девочки не плохие, они тоже просто другие. Мальчики и девочки разные. Вам, наверное, приходилось слышать, как взрослые мужчины подтрунивают над женщинами, а женщины посмеиваются над мужчинами. Но ни один мужчина ещё не был счастлив без женщины, ни одна женщина ещё не была счастлива без мужчины. Мы нужны друг другу.

Для чего я вам все это говорю?

— Чтобы мы дружили, чтобы мы

учились быть добрыми, терпимыми, понимали друг друга, — зашумели сразу все в классе.

— Чтобы мы были счастливы, — добавил Кирюшка Прохоров, а Максимка Гуляев, который всегда подражал Тамаре Сергеевне в умении рифмовать на ходу, подвёл черту стихами:

— Теперь не будем обижать девчонок никогда! Посмеет вдруг обидеть кто — смотри, держись тогда!

Все засмеялись, и было бы просто здорово, если бы такой необычный разговор завершился стихами, но разве Сашка Балагав удержится?

— А Колька с Ксюшкой влюбились друг в друга! — выпалил, как выстрелил.

Я так и ахнул: разве такое можно говорить учителям, тем более на уроке? Но, похоже, вопрос совершенно не смутил Тамару Сергеевну. Она сказала:

— Это прекрасно! И об этом обычно знают или догадываются все. Но о чужих чувствах принято молчать.

— А разве можно влюбиться в третьем классе? — Настаивал Сашка. И Тамара Сергеевна начала рассказывать, что «любви все возрасты покорны», что любовь приходит к нам, не спрашивая нас, что у любви есть два правила счастья, о которых нельзя забывать: любовь должна быть обязательно красивой, и любовь нельзя торопить. Ещё учительница говорила о том, что любовь — это великий дар судьбы, и чтобы суметь принять его и сохранить на всю жизнь, нужно быть мудрым, милосердным, терпеливым, терпимым, верным, щедрым, бескорыстным. Но больше всего мне понравились и запомнились её слова о том, что любовь приходит к человеку в разные периоды жизни, и когда бы она ни пришла, Тамара Сергеевна верит, что у нас, её учеников, любовь обязательно будет красивой!

**Сулейманова ШАСНЕ**  
(г. Евпатория)



*Учащаяся 10 класса ЕУВК «Гимназия им. И. Сельвинского».*

*Член литературной студии имени Б. Балтера.*

*Призер IV Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма.*

## ЛУЖА

### Рассказ

Дождик звонкими молоточками пытался играть весеннюю мелодию на мокрых оконных стёклах. Плачущие фонари зажигались ожиданием надежды. Улица убаюкивала бродячих котов, прячущихся от весеннего дождика под молодой листвой. Всё замерло. Только капли дождя стекали по прозрачному молчанью ночи. Но вот луч солнца пробрался сквозь ещё дремлющие тучи, и над домами разноцветными фонариками счастья раскинулась радуга.

Дождь прошёл. Свежее утро улыбнулось городу. Старые крыши стяхнули на улицы хрустальные капли, и они звонко разбились о каменные тротуары. Никто не нарушал весеннее дыхание капели.

Дети вылетели на улицу, как бабочки. Они разлетались по просыпающемуся городу, на секунду замирая у розово-фиолетовых луж, в которых купался рассвет и отражались глаза неба. Улица оживала радостью детей. Вместе с ними она

прыгала, скакала, резвилась, ловила ртом дождевые капельки, стекавшие с листьев деревьев.

Скажите, кто хотя бы раз не замирал перед лужей с тайными желаниями?! Маленький Тимофей тоже вышел на улицу. Он лениво потянулся и достал из переднего кармана своего джинсового комбинезона огромный леденец. Тима снял шуршащую обёртку. Ах, какой прекрасный леденец! Семь цветов радуги сияли в липкой конфете. Малыш медленно, с наслаждением сунул леденец в рот. Мальчик был опрятно одет, его рубашка и комбинезон лучились чистотой. Мама очень любила Тиму.

Мальчик шёл по улице и вдруг увидел Хулигана Гошку. Он стоял возле огромной лужи. Вокруг него толпились дети. Тимофей тоже остановился и стал наблюдать за происходящим. Он захотел подойти, но вспомнил, что мама запрещала ему общаться с хулиганами. Мальчик обернулся: никого из взрослых не

было, и он на цыпочках пробрался в толпу детей. Тут краешком глаза он увидел, наконец, что происходит.

— Кто хочет прыгнуть в лужу?

«В лужу...? — подумал Тима. — Что за глупости? Кто же может хотеть по собственной воле прыгнуть в грязную лужу?»

Но, к его удивлению, Даня, самый упитанный мальчик, подошёл к Гошке и сказал:

— Я хочу прыгнуть в лужу.

Гошка лукаво посмотрел на Даньку и произнес:

— Хорошо, что ты такой смелый. Но понимаешь, я же сам могу прыгнуть в эту замечательную, обаятельную лужу.

— А что нужно, чтобы ты разрешил прыгнуть в лужу мне?

— Ну... А что ты мне можешь дать?

— У меня есть сухая бабочка в спичечном коробке.

— Засохшая бабочка!? — воскликнул Гошка. — Ну, мне это не интересно..., — и безразлично добавил, — ну ладно... Давай сюда.

Даниил протянул спичечный коробок. Гога быстро спрятал коробку в карман и сказал:

— Прыгай.

Даня разбежался. Все затаили дыхание в страстном ожидании прыжка. Мальчишка плюхнулся в дождевую лужу, брызги разлетелись на толпу капельками детских улыбок. Довольный Даниил в промокших сандалиях вылез из лужи. Он лукаво улыбался, а из испачканного кармана достал шоколадную конфету, и, жадно сунув её в рот, произнёс, переведя дыхание:

— Супер! Гога, а можно ещё?

Тут все ребята принялись кричать, махать руками, доставать из кармана всё, что у них было.

— Так, соблюдаем очередь! — скомандовал Гошка.

И все ребята выстроились в очередь. Вторым счастливым оказался Михаил. Это был мальчик достаточно серьёзный, и чтобы все видели его высокий уровень знаний, он носил очки с огромными линзами — это были очки его старенькой бабушки, которые она часто не могла найти из-за своего умного внука. Михаил протянул Гошке свежий пончик с сахарной помадкой и кондитерской пудрой, а затем и очки, медленно проговорив:

— Очки с возвратом. Обмену не подлежат.

— Угу, — только и смог произнести Билли, который уже доедал чудо кондитерского профессионализма Мишкиной бабушки.

— Разойдись! — скомандовал Мишка.

Все послушно отошли от лужи. Мишка, как и Даник, разогнался и с криком: «Вперед!» — плюхнулся в лужу.

Брызги радости снова полетели на зазевавшихся детей, а сам Миша со счастливой улыбкой подошёл к Гошке и, забрав доверенное ему сокровище, сказал:

— Гога, ты настоящий друг! — и хлопнул его по плечу.

Через пять минут Гошка, ставший богачом, с карманами, которые оттопыривались от машинок, солдатиков, винтиков и прочего богатства, стоял довольный и важный.

Каждую секунду смех детей наполнял весеннюю улицу. А блестящие капли лужи брызгами веселья сверкали на их лаковых туфельках и сандаликах.

Уже темнело. Гоша собирался уходить. Дети разошлись, лишь маленький Тимофей неподвижно стоял с забытым радужным леденцом поодаль от лужи. Только сейчас Гога заметил его.

— А! Чистюля Тим! Уже темно... Почему ты не идёшь домой? — глядя на огромный леденец в руках Тимофея, Гошка продолжал, — ну, что же ты! Иди скорей домой. Твоя мама не погладит тебя по головке. В лужу тебе прыгать всё равно нельзя!

Тимофей посмотрел на леденец и протянул его Гошке. Тот схватил леденец и быстро сунул его в рот.

— М-м-м... Ну-ну! Прыгай! А я пошёл.

Стемнело. Тимофей стоял возле лужи, так и не осмелившись в нее прыгнуть. Он смотрел в её темную сверкающую влагу и видел себя, а

вокруг никого. Мальчик повернулся и отправился домой. Медленно, еле перебирая ногами, он удалялся от лужи.

— Нет, я могу! — неожиданно для себя произнес Тима, развернулся и побежал к луже. Лёгкий ветерок коснулся его золотистых кудрей, и лицо засияло радостью свободы.

Плюх!

Мальчик стоял посреди лужи... Вдруг он рассмеялся и начал прыгать от счастья, он смеялся и танцевал в луже вместе с ветром. И больше не думал о своём белоснежном костюмчике и вычищенных сандаликах, о пятнах грязи и пыли.

**Леонард КОНДРАШЕНКО**  
(пгт. Гурзуф)



*Известный поэт и переводчик, автор 30 книг, учредитель ежегодных Пушкинских праздников, создатель музея А. С. Пушкина. Родился 4 августа 1930, скончался 5 апреля 2002 года в Гурзуфе, где прожил большую часть своей жизни.*

### **КУДА ВПАДАЕТ ВОЛГА?**

Узнал, наконец, любознательный Боря,  
Что Волга впадает в Каспийское море!  
Впадает зимою, впадает и летом —  
Как сам он не мог догадаться об этом?  
Теперь, извините, теперь-то он знает,  
Куда эта Волга всё время впадает!  
Он мелом выводит на каждом заборе,  
Что Волга впадает в Каспийское море!  
Бывает, за это ему попадает.  
От этого Волга совсем не страдает:  
Ведь если бы Волга не в Каспий впадала,  
Наверно б, не меньше ему попадало!

### **Топор**

Раз к бобру пришёл бобёр:  
— Дай, сосед, мне свой топор.  
У плотины, над прудом,  
Я решил построить дом.  
Стал бобёр рубить бревно,  
Утопил топор на дно.  
Не видать его нигде,  
Только щепки на воде...  
Говорит бобёр: «Беда!  
Вязкий ил на дне пруда.  
Умудрился потерять,  
Нужно всем теперь нырять».

И ныряют до сих пор,  
Видно, ищут свой топор.

### **Куда спешат часы?**

Я тороплюсь,  
И мой рассказ  
Минуты не займёт.  
Мои часы  
На целый час  
Ушли сейчас  
Вперёд.  
Их не вернуть  
Теперь назад:  
Звенят  
На всём скаку.  
Куда же так  
Они спешат?  
Спешат  
К часовщику!

**Наша тень**

По дороге каждый день  
Ходит с нами наша тень.

Незаметно каждый год  
Вместе с нами тень растёт.

Всё она, как обезьяна,  
Повторяет беспрестанно.

Мы бежим, и тень бежит,  
Мы сидим, и тень сидит.

Мы идём, и тень шагает,  
Мы играем — тень играет.

Если мы пошли в поход,  
Наша тень рюкзак несёт.

В жаркий полдень к ней само  
Лезет в руки эскимо!

Но в ненастный, хмурый день  
Остаётся дома тень.

И грустит, грустит она  
У закрытого окна...

**Осень**

С клёнов листья опадают  
И летают взад-вперёд,  
Ветер город подметает  
И никак не подметёт...  
И не скоро на дорогах  
Он закончит кутерьму,  
Если только не помогут  
Утром дворники ему!

\* \* \*

Снова Генка-второгодник  
На субботник не пришёл.  
Он лентяй, а не работник.  
И опять весь класс подвёл.  
Он сказал: «Мне неохота,  
Потому и — не приду!  
Ведь работал я в субботу  
В этом классе в том году!»

**Инна КОЗЕЕВА**  
(г. Ялта)



*Поэтесса и прозаик. Член Национального Союза писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов (г. Москва). Автор книг «Дары Эллады», «Земля обетованная», «Ласкаемый волной морскою...», а для детей — «Раста, малыш!», «С любовью к природе» и «Школьные звонки». Стихи И. И. Козеевой вошли в коллективный сборник «Крымские чудеса» (2001).*

Я  
Л  
И  
З  
Е  
Е  
В  
А

95

## КАК ПОЯВИЛОСЬ СЛОВО «АЗБУКА»

Чтению по «Азбуке» вы учились дома,  
И, конечно, с буквами вы уже знакомы.  
Ну-ка, первоклассники, громко назовите  
Первые три буквы в русском алфавите!  
— А, Бэ, Вэ.  
Вы, ребята, правильно буквы все назвали,  
Но иначе раньше люди их читали:  
«Аз, буки, веди».  
Что же означали странные три слова?  
Смысл их раскрыть для вас, дети, я готова:  
«Аз» — я, «буки» — буквы, «веди» — знаю.  
Три знакомые нам слова вместе прочитаем:  
— Я буквы знаю.  
Сложим старые две буквы, вместо «И» поставив «А»:  
Аз-бук-а  
Вот у нас и получилось слово «Азбука»!

## ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Чтобы грамотным я был,  
Папа мне словарь купил:  
«Вот твой самый верный друг!  
Он не терпит грязных рук.  
Он помочь всегда готов,  
Знает он сто тысяч слов!  
Ты словарь не потеряй  
И почаще открывай!»

КРЫМ 3.2013

**«ВЕЖЛИВЫЕ» СЛОВА**

Как таблицу умноженья,  
Каждый их обязан знать,  
В будний день и в воскресенье  
В школе, дома повторять:  
«Будьте так добры», «Простите»,  
«Да, пожалуйста, дарю»,  
«Нет, спасибо», «Извините»,  
«От души благодарю»...  
Слов немало есть на свете  
Для воспитанных людей,  
И они помогут, дети,  
Верных вам найти друзей!

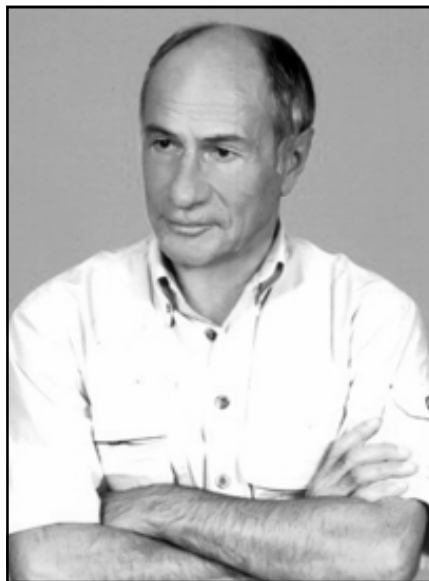
**ХВАСТУНИШКА**

В нашем классе каждый день  
Глебу хвастаться не лень  
Тем, что гости подарили,  
Что достали и купили:  
«У меня есть телескоп,  
Есть компьютер, микроскоп,  
Калькулятор, пейджер есть —  
И всего не перечесть!»  
Демонстрирует он ловко  
Джинсы, куртки и кроссовки...  
Показал бы лучше нам,  
Что он может делать сам!



**Эдуард УГУЛАВА**  
(г. Севастополь)

*Член Национального союза писателей Украины. Лауреат региональной литературной премии имени Льва Толстого. Лауреат городского форума «Общественное признание». Автор множества публикаций в московских, киевских изданиях, неоднократный победитель конкурсов на лучший рассказ в «Крокодиле», автор сценок, исполняющихся на «большой» московской эстраде.*



## **АФАНАСЬЕВА БЕДА**

### **Рассказ**

Ну не пил Афанасий Семиколенов водку! Даже от запаха спиртного ему делалось нехорошо. Дышать случайно кто-то в общественном транспорте или еще где — так сразу становился на себя не похожим. Поэтому избегал Афанасий застолий. Но у нас как? Не пьет человек, значит, язвенник или, того хуже, белая ворона, отрывается от коллектива, сам себе на уме.

— Я не отрываюсь! — уверял Афанасий.

Но ему не верили. Поэтому в тех редких случаях, когда надо было поддержать компанию, Семиколенов ухитрялся спиртное заменять в рюмке водой и изображал выпившего. После пятой чарки косил глаза и говорил глупости. А поскольку вокруг тоже несли чепуху, Афанасий брякал что попало и хватал дам за коленки. Впрочем, последнее делал не без тайного удовольствия.

И тут случился юбилей у директора. Открутиться от застолья никакой возможности не было. Тем более предстояло сокращение штатов. Так что Афанасий решил действовать, как раньше. Под столом наливал воду, лез чокаться. Выпивал одну, другую, третью рюмку и следил за обстановкой. После шестой сам юбиляр захмелел.

— Всем налили? — пробасил он. — А то у нас не пьют только язвенники и...

— Слава Богу, таковых нет, — промямлил Афанасий. — Поздравляем юбиляра, поднимаем все бокалы!

И для большей убедительности опрокинул на себя фужер. А затем, чтобы враз закончились муки, уронил лицо в винегрет. Так, лежа в салате и бровью отводя мешавший обзору картофель, он стал наблюдать за тем, что происходило дальше. На душе было тревожно: не переиграл ли?

Наутро Афанасия Семиколенова сократили.

— Жаль, братец, — сказал зам. главного Собакин. — Но не за пьянство тебя. Все грешны. Ты винег-

рет загубил. А его лично жена директора делала! Упал бы чуть левее, в селедку, — такая была гадость! Слова б тебе никто не сказал!



*Член НСПУ. Окончил ЧВММУ им. П. С. Нахимова в г. Севастополе. Служил на Черноморском и Тихоокеанском флотах. Офицер запаса. Увлекался сатирой и карикатурой с курсантских лет. С 1997 печатается в периодических изданиях России и Украины (рассказы). Лауреат Международных конкурсов карикатуристов.*

## РЫБАЛКА ПО ИНТЕРЕСАМ

Суббота. Ранним утром на речке все готовились к рыбалке. К мелководью, шустро работая плавниками, спешили все: молчаливые карпы, задиристые ерши и прочая рыба прорва.

— Дядь, а, дядь? — суетливо забегая вперед перед тяжело плывущим старым карасем, прыгала стайка карасячьей молодежи. — А мы на мотыля идем или червячком выдержанным баловаться будем?

— Какой вам мотыль с червем, головастики мазутные! Чтоб я вас там и рядом не слышал! Только прикормка хлебная, ясно?!!! — фыркнул старый карась. — Стоять здесь будем.

— И он заплыл в густую осоку, пропуская вперед прыгучую молодь.

— Так сожрут ведь все без нас! Опоздаем! — взвились мальки.

— Цыть, икра лягушачья! Вами и закусят, пока подавать начнут! — рывкнул старший. — Скоро на берег рыбаки придут, закуску нач-

нут разбрасывать, червя с мотылем, хлебушек. А только потом крючок опускать будут, но нам туда сразу нельзя! Хоть слюнями захлебнись! Поначалу рыбак трезвый да скупой. На крючке только профи работать могут. Уметь надо, чтоб подойти по течению, впритирочку! И... за хвост червя! Резко! На отрыв! Потом вниз прыжком, на всех плавниках, чтоб не подсекли! Во как!.. А вам только смотреть во все глаза и жабры да на хвост наматывать. И помните, салаги, через две рыбалки — зачет с практикой на лягушачьей икре!

Внезапно из-за осклизлого валуна неподалеку стала подниматься илистая муть.

— А вот и городские приперли, счас начнется! — кивнул он в сторону валуна.

— Что начнется? — выпучив глаза, забулькали мальки.

— А то! Рыбколхоз каждый сезон несколько бочек этих иммигрантов инкубаторских к нам под-

селяет, житья от них нету! Осоку на корню жрут вместе с илом и дерьмом, ершей вон гадостям научили! Старый карась проводил взглядом стаю ершей, с трудом вписавшуюся в поворот реки.

— Эй вы, набор для ухи! Айда с нами! — гаркнул в осоку проплывающий мимо ерш с обломанным головным гребнем и мутным взглядом. — Там у запруды полный отстой! Вчера две бочки с химзаводским дуревом скинули. Улет! Два глотка — и в ил башкой! — взмахнув плавниками и пропахав брюхом глубокую борозду на повороте береговой черты, он рванул за своими, врезавшись по пути головой в корягу.

— А отстой — это?.. — задумчиво спросил самый крохотный малек.

— Это хуже динамита, пацаны. Щука по сравнению с этой гадостью — детский кашель. Нажрутся этого дурева, так их даже последний бомж-рак не жрет! Хуже дерьма!

В это время на отмели уже вовсю бурлила водоворотом рыбалка. Кто посмелее да по удачливее — срывал жирную, аппетитную наживку и, не жуя, заглатывал сразу, заходя на новый вираж. Но периодически то тут то там самых жадных и прожорливых судьба выдергивала в иной мир, крепко зацепив за губу. Вдруг все мгновенно стихло ни одной поклевки, ни намека на рыбалку вообще. Из мутной глубины, выстригая в плотных зарослях водорослей широкую просеку, показался эскорт раков-телохранителей. За ними, почти цепляя нижними плавниками илистое дно, важно и неспешно плыли молчаливые навороченные карпы. Подрулив к безжизненно висящим крючкам с разнообразной наживкой, они

тяжело остановились, еле шевеля плавниками.

— Что будем заказывать, господа? — тут же подскочил вертлявый жук-плавун.

— Значит, так, пацан! Нам по пять мух, зеленых, с хлебной приправой. И чтоб без крылышек! Червей дождевых, по три порции. И не дай бог, вчерашних подсунешь, сам на десерт пойдешь! — вяло проболькали карпы.

Услужливо щелкнув клешнями, жук метнулся к берегу, отстригая крючки с наживкой на выбор

— Дядь, а дядь? Так они ж все сожрут! — опять взвились облачком мальки.

— Может, и сожрут, а может, и подавятся. Тогда хоть повеселимся, если поесть не судьба!

Шикарную трапезу карпов неожиданно прервала бешено несущаяся стая ершей-отморозков. Наглотавшись из сброшенных бочек промышленных отходов, они приобрели синоптно-бирюзовый оттенок и напроць потеряли ориентацию в пространстве и времени. Опрокинув при заходе на вираж раков и подняв облако мути, они с криком: «Пора сесть на иглу!» — бросились с висевшие рыболовные крючки. Вода миглом вскипела водоворотом выдергиваемых на поверхность ершей. Все оторопело молчали. Через несколько минут ерши с чавкающими звуками падали обратно в воду, погружаясь в мягкий ил. Рыбаки тут же выбрасывали «прибалдевший» улов обратно в реку. Рядом с застывшими от удивления карасями падал на дно уже знакомый им ерш с обломанным головным гребнем: «Я тащусь и кисну от субботней рыбалки. Наглотались! Укололись! И в тину, по ноздри! Балдеж, ва-а-ще!»

...С мягким всплеском погрузились в воду крючки с новой нажив-

кой, и самый крохотный малек задумчиво спросил:

— Дядь, а, дядь? А этим... что в ил, башкой, вообще есть не надо? Вот бы и нам так...

— А вот как раз этого я вам не советую. Этой прорве вонючей вообще уже ничего не надо: ни есть, ни спать, не размножаться. Вся жизнь — от бочки до бочки. И та короткая, как у головастика. Ну, чего молчите? Понятно?! — строго спросил старый карась.

— Понятно, конечно, не все, учитель, но слюней мы наглotalись по самые ноздри! Те, что с краю, уже ил процеживают. Кушать хочется!!!

— Всем терпеть!!! Ил, он не так уж и плох... если в меру! ...Нельзя нам туда. Рано. Начальство большое еще не прибыли. Вот они откупают, тогда и мы... Кстати, легки на помине! — старый карась кивнул в сторону темного омута.

В облаке воздушных пузырей из темной глубины вынырнул отряд огромных сазанов с бритыми спинными плавниками. На приличной скорости они организованно врезались в мелкую рыбу прорву, расчищая дорогу медленно всплывающей щуке.

— Всем прижаться к илу! Плавники на затылок! Глоток без команды считается попыткой покушения! — гаркнула сазанья охрана.

Все застыли, как в остановившемся немом кино. Тишину нарушили только два глухих чмокающих звука. Тяжеленные карпы-рекордыши с поднятыми вверх плавниками шлепнулись по ноздри в ил. Величественно и неторопливо, как субмарина, щука подрулила к рыболовным крючкам.

— Че там сегодня? — сонно пробормотала щука. Два сазана тут же с места зашли на крутой вираж

вдоль береговой черты и, открыв зубатые пасти, срезали, как бритвой почти всю наживку с крючками.

— Сегодня в меню, шеф, мухи по-домашнему, червь дождевой, крупный. Опарыши средней упитанности. Рванина мясная. И хит сезона — наживка американская, многоцветная. Пластмасса. На вкус — хуже дерьма рачьего, но сейчас в моде! — бодро доложили сазаны.

— Подавай, братец! — лениво кивнула щука

— Всего? — угодливо поинтересовались сазаны.

— И того, что в моде, двойную порцию! — подтвердила щука, опускаясь в мягкий ил. Челюдь мгновенно сорвалась за заказом.

— Ну, вот и все, дядь, — огорченно пробурлькала карасячья молодь, — теперь нам даже крючка лысого не лизнуть!

— Эх вы, недокормыши лягушачьи! Счас что? — хмыкнув просипел старый карась.

— Ну, рыбалка... суббота... — неуверенно промямлили карасята. — Обед счас, вот что! А вот рыбалка да суббота — это лишь приложение бесплатное к самому главному. И стало быть, скоро рыбак эту приманку, как грязь, разбрасывать будет. Пить начнет...

— Воду?!! — удивленно перебили старшего карасята.

— Никогда! Они от нее дурные становятся, что плотва в нерест. Только водку, ребята, без нее им никак! И чем больше ее, тем рыбалка лучше!

Тут у самого берега в воду хлюпнулись два небольших коричневых брикета и с оглушительным мощным хлопком взорвались, разметая на клочья снующую около крючков рыбу. Стайку карасей взрывной волной вдавило по ноздри в липкий ил.

— Ух ты, класс! — отплеыва-  
ясь илом, восторженно заверещали  
караси. — Это что, тоже приманка  
такая, учитель?

— Это динамит с водкой, ребя-  
та, а приманка — вон на дно пада-  
ет! — кивнул головой старый ка-  
рась на облако взвеси из разодран-  
ных на клочки червей, мух, хлеб-  
ных крошек и неосторожных рыб.

— А теперь, быстро к берегу обе-

дать! Один плавник здесь, другой  
там! И не забывайте: через пару-  
тройку часов у рыбака похмелье на-  
ступит, а что это такое — вам пока  
лучше не знать!!! Субботняя рыбал-  
ка, ребята, — не комаров полудох-  
лых собирать, и не просто искусст-  
во, а образ жизни! Всем ясно?!!! —  
Рявкнул вслед удаляющимся маль-  
кам старый карась и с облегчением  
погрузился в мягкий ил подремать.

## **Александр МАРДАНЬ** (г. Одесса)

Родился в г. Владивостоке.

Закончил Одесский институт инженеров морского флота.

Долгое время работал в системе Минфлота СССР.

Член Союза писателей Украины.

Первый киносценарий написал в 1982 г, сценарий для телевизионного фильма — в 1985 г, первая пьеса «Лист ожиданий» появилась в 2003 г.

Пьеса «Уравнение с одним неизвестным (Очередь)» опубликована в журнале «Театр» (№ 5, 2004 г.), «Последний герой» — в журнале «Современная драматургия» (№ 1, 2006 г.), «Дочки-матери» — в журнале «Современная драматургия» (№ 1, 2007 г.).

Рассказы публиковались в журналах и альманахах «Радуга», «Дальний Восток», «Южная Звезда», «Джерело», «Волга», «Фаворит», «Дерибасовская-Ришельевская», «Кинофорум», «Литературный Башкортостан», «Крещатик», «Молоко», «Русская жизнь».

Изданы пять книг: «Я — разный» (2008 г.), «День гражданских дел» (2009 г.), «Семь вечеров» (2010 г.), «4+2=19» (2011 г.), «Десять пьес, которые потрясут мир» (2012 г.).

Пьесы «Кошки-мышки» и «Ночь святого Валентина» вошли в серию «Украинская литература. Коллекция» и опубликованы в «Антологии украинской драматургии» (2010 г.).

Спектакли по пьесам «Лист ожиданий» (2005 г., режиссер И. Райхельгауз), «Очередь» (2007 г., режиссер Д. Богомазов), «Кошки-мышки» (2009 г., режиссер Е. Енгибарян) стали лауреатами фестиваля «Встречи в России» в Санкт-Петербурге.

Спектакли по пьесам А. Е. Марданя были представлены на фестивалях «Встречи в Одессе», «Мельпомена Таврии» (г. Херсон), «Homo Ludens» (г. Николаев), «Молдфест. Рампа.Ру» (г. Кишинев), «Театр. Чехов. Ялта» (г. Ялта), «Крымский Ковчег» (г. Симферополь), «Добрый театр» (г. Энергодар), «Молоко» (г. Одесса), «Соотечественник» (г. Саранск), «Международный фестиваль национальной драматургии» (г. Бобруйск), «Гостинный двор» (г. Оренбург).

В 2006 г. киносценарий «Лист ожиданий» получил 3-ю премию на конкурсе сценариев «Сюжет для Ялты».

В 2007 г. спектакль по пьесе «Очередь» Киевского академического театра драмы и комедии на левом берегу Днепра был представлен в четырех номинациях и получил две театральные премии «Киевская Пектораль».

В 2007 г. пьеса «Антракт (Неприличное название)» вошла в семерку



лучших на Всероссийском Драматургическом конкурсе «Действующие лица».

В 2008 г. спектакль по пьесе «Последний герой» Киевского академического театра драмы и комедии на левом берегу Днепра представлен в пяти номинациях, в том числе на лучший драматический спектакль года, и получил премию «Киевская Пектораль» за лучшую мужскую роль.

В 2008 г. по сценарию, написанному на основе пьесы «Дочки-матери», снят фильм «Вареники с вишнями», режиссер Александр Хван, продюсер М. Г. Тодоровская.

В 2009 г. пьеса «Кошки-мышки», в 2010 г. пьеса «Американская рулетка (номер четырнадцать)», в 2011 г. пьеса «Аншлаг (История одного покушения)» вошли в десятку лучших на Всероссийском Драматургическом конкурсе «Действующие лица».

Спектакли по пьесам Александра Марданя поставлены в Москве, Санкт-Петербурге, Белгороде, Димитровграде, Котласе, Липецке, Омске, Орле, Перми, Ставрополе, Чите, Уссурийске, Уфе, Новосибирске, Киеве, Белой Церкви, Днепропетровске, Днепродзержинске, Львове, Луганске, Мукачеве, Николаеве, Одессе, Симферополе, Севастополе, Харькове, Кишиневе, Тирасполе, Архангельске, Вологде, Иркутске, Клину, Кирове, Магадане, Пензе, Ростове-на-Дону, Рязани, Смоленске, Томске, Ульяновске, Химках, Челябинске, Виннице, Донецке, Краматорске, Кировограде, Луцке, Житомире, Полтаве, Сумах, Хмельницком, Кривом Роге, Коломые, Херсоне, Мариуполе, Макеевке, Нежине, Ужгороде, Бугульме (Татарстан), Усть-Каменогорске (Казахстан), Бишкеке (Киргизия), Питешти и Рымнику-Вылча (Румыния), Сегеде (Венгрия), Валмиере (Латвия), Минске, Мозыре, Софии, Бургасе, Варне, Ереване, Манчестере, Иерусалиме — всего 133 спектакля в 72 городах четырнадцати стран. Идет работа над постановками во Владивостоке, Владикавказе, Хабаровске, Белой Церкви, Львове.

Является бессменным организатором международной научно-практической театральной конференции «Русский театр в Украине» и международного театрального фестиваля «Встречи в Одессе», проводимых ежегодно с 2004 и 2006 г.г. соответственно.

Награжден «Золотым знаком» (высшая награда СТД России), почетной грамотой СТД Украины.

Лауреат премии имени Н. В. Гоголя (2010).

С 2010 г. — полномочный представитель в Украине театральной биеннале «Новые пьесы из Европы» (Висбаден, Германия).

В 2011 г. за сборник «4+2=19» стал дипломантом литературной премии им. Юрия Долгорукого, учрежденной Правительством Москвы.



*«Натошак не принимать»  
(Инструкция)*

Художник должен быть голодным... обязательно... до обеда. А после обеда он должен спать. Все звери после еды спят. Художник, бросивший своим творчеством вызов обществу, имеет на это право. После сна он должен гулять по наполненным свежим морским воздухом улицам и думать о написанном. Что-то добавлять, что-то зачеркивать. Вернувшись домой, записать не забытое за время прогулки. Ложась спать, он должен думать о приятном. Приятные мысли усыпляют, как мамина рука на плече. А утром... Утром художник снова должен быть голодным...

Вы согласитесь, что художник — это не только живописец или гравер, а и тот, чьи действия не может повторить большинство братьев по разуму, иначе это большинство не заметит брошенный вызов.

Мне иногда удается складно сочинять. Откуда я знаю? Многие критики дочитывают до конца. А потом долго и злобно ругают. Звезда чувствуют, голодного. Кому художник, в данном случае сочинитель, должен быть голодным? Не важно кому, а важно, что обещал! Поэтому у меня диета, а сегодня еще и разгрузочный день. Вода, вода, вечером можно пару яблок. Во избежание срыва холодильник пуст, как касса после ограбления. Яблоки куплю вечером, а сейчас — за стол.

Помните, были короткометражки «Кино нашего детства», «Футбол нашего детства»? Я тоже хочу написать о детстве, о его вкусе, точнее о вкусах. Но не тех, что определяли привязанность к жанру или

стилю, а о вкусах в их первоначальном смысле, как реакции пупырешек нашего языка на содержимое ротовой полости.

Тема хорошая. Во-первых, детство. Не все читатели были летчиками и шахтерами, но мимо детства никто из взрослых не проскочил. Во-вторых, вечная история. Многие состояния души, не только любовь, приходят и уходят, а кушать хочется... Особенно сегодня.

Теперь нужен сюжет, события, причем драматургические, когда отношения героев до события одни, а после другие. Драйв нужен, энергетика по-нашему. Хичкок советовал: «Хорошо, если фильм начинается с землетрясения, а дальше напряжение растет». Вот этот рост и есть драйв. В сюжете нужны завязка, развязка и финал, обязательно счастливый. Иначе денег на картину-трагедию в рыночное время никто не даст. Хорошо, что в плановое успели снять «Лира» и «Гамлета». Так, шуточки в сторону.

Сюжет. Как про бублики по пять копеек с колбасой по двадцать две кино придумать?

Вариант первый. Приезжает в родной город человек, который лет тридцать как окончил школу и уехал учиться в Москву или еще дальше, в Томск. Там поступить было легче. Потом к нему родители переехали и жили они там долго и счастливо. Однажды пришло ему письмо от соучеников, что собираются отмечать 30-летие окончания школы. Наш герой собрался, приехал на день раньше, чтобы по улицам самому побродить, детство вспомнить. Вещи на вокзале в

камере хранения оставил, вышел в город, а кошелек нет, потерял или еще хуже... И бродит он по городу голодный, как я сейчас, и вспоминает. И мы вместе с ним эти воспоминания видим через кинохронику или кадры старых фильмов. И еще время от времени он куда-то звонит по мобильному, а там не отвечают. Это будет не текст, а подтекст. Может, он в свое детство звонит, безответно... Мобильный обязательно нужен, так как в счастливом конце ему позвонит честный прохожий, который нашел кошелек, а там были его визитки. Вместе с честным прохожим они идут в ресторан и там заказывают... столько вкусного. Стоп-кадр.

Вариант второй. Учился мальчик в школе в огромной и счастливой стране, а родители его так от этого счастья устали, что уехали за океан и его с собой забрали. Прошло тридцать лет, он прилетел в родной город по делам фирмы, где работает, а багаж его потерялся, временно, до счастливого конца. Но наш герой об этом не знает и очень расстроен, потому что в спешке портмоне с деньгами и кредитками в чемодан сунул. И гуляет по городу голодный, как я сейчас, и вспоминает, звонит куда-то. В детство, наверное. А потом ему звонят: багаж нашелся. Он сразу в аэропортовский ресторан и там заказывает... столько вкусного. Стоп-кадр.

Вариант третий. Жил-был мальчик, попал в плохую компанию, и что-то они с друзьями натворили. А когда он вышел, опять что-то натворил, потом вышел и снова натворил. В общем вернулся он в родной город лет через тридцать. Остановился у товарища, с которым вместе творил. Тот ушел на работу, а наш герой вышел на лестничную площадку туфли почистить, дверь захлопну-

лась — хорошо, что время летнее, и он в начищенных туфлях гуляет по родному городу и вспоминает, голодный, как я сейчас. А счастливый конец? Он своего товарища на улице встретил до наступления желудочных колик, и они вместе пошли в ресторан и там заказали... столько вкусного. Стоп-кадр.

Сюжет практически есть. Как говорили на партсобраниях, примем за основу. Варианты можно комбинировать, сейчас их нужно наполнить содержанием, эпизодами.

Вот он заходит в казино, в зал игровых автоматов, крутятся на барабанах яблочки, сливки, грушки, а там когда-то был овощной магазин. И на том месте, где стоит стол под зеленым сукном и стройная барышня-дилер карты сдает, стояла пышногрудая продавщица неопределенного возраста и торговала соками...

В обязательном ассортименте были томатный, виноградный и яблочный. В конусообразных тубах, как три богатыря, они украшали почти все гастрономы в больших городах. К томатному обязательно полагалось два стакана. Один с солью, как правило, крупной, с «красными» следами сока, второй с мутно-красной смесью сока и проточной воды. В нем торчала одна, редко две алюминиевые ложки, которыми размешивали соль. Сок на глазах у покупателей продавщица переливала из трехлитровых бутылей в тубы с краниками в узкой нижней части. Повернет продавщица краник — и пенящийся напиток наполняет граненый стакан, только что вымытый на твоих глазах мойкой-фонтанчиком, таким мини-биде. Разбавляли соки редко, больше зарабатывали на недоливе, наливая их в 150-граммовые стаканы, куда положенным двумстам

граммам поместиться не удавалось. Потом тубы выпускать прекратили. Им на смену пришли графины, из которых наполняли все те же граненые стаканы. Примерно тогда же витаминный треугольник превратился в квадрат: на прилавках появился березовый сок — прозрачная водичка со вкусом свеженарубленных дров.

Моим любимым был томатный, обязательно с солью, долго размешиваемой в стакане, но так и не растворявшейся до конца. Оседавшей сизыми хрусталиками на дне и делавшей последний глоток сока глотком морской воды. Никто не нес тогда в массы информацию о вредности вареных томатов. Никто не писал на трехлитровых бутылках, что их содержимое вредит вашему здоровью, ведет к облысению, импотенции, падежу скота и индекса Доу-Джонса... Впрочем, и сегодня этого никто не пишет...

Обычно я выпивал три стакана в день, растягивая удовольствие, пил по стакану в разных магазинах, пропивая выдаваемые мне тридцать копеек на завтрак. Родители к редкой форме алкоголизма относились снисходительно настороженно.

А как вкусны были с томатным соком пирожки и их старшие братья — чебуреки. Пирожки, почерневшие от многократно пережаренного масла, были с мясом, ливером (т. е. с печенкой), бутером (т. е. с остальными внутренними органами), картошкой, капустой и, наконец, с горохом. Были еще пирожки с повидлом, но с томатным соком они не сочетались. Стоп-кадр.

Хватит о любимом соке на голодный желудок. Я пошел на кухню, выпил литр минералки. Чувство голода захлебнулось и опустилось на дно. Работаем дальше.

Выходит наш герой из казино и

заходит в магазин, торгующий золотом. А когда-то на этом месте было кафе-мороженое. Перед ним на улице стояла будка, где продавали завернутые в блеклую обертку стаканчики с пломбиром и молочным. Молочное стоило девять копеек, дешевле было только фруктовое на палочке, за шесть. Это была замороженная сладкая водичка, теперь она называется «сорбет» и подается в дорогих ресторанах между блюдами, чтобы вкус предыдущих не влиял на вкус последующих. Пломбир был разным: и по 15 копеек, и по 19. Линии по производству «эскимо» по 11 копеек в нашем городе не было, зато было «ленинградское» в шоколаде на палочке по 22, а самым дорогим было мороженое по 28 копеек, с орешками. Но это на улице. А в кафе в железные вазочки мороженое отпускали на развес. Двести граммов — четыре разноцветных шарика. Триста — шарики еле помещались в вазочке. Как правило, эта доза заканчивалась ангиной для тех, у кого еще были гланды, или фарингитом у расставшихся с ними. Иногда это делалось умышленно, чтобы недельку поваляться дома и не писать контрольную по математике. Уберечь от простуды должна была теплая газировка, которой нужно было запивать съеденный шарик.

Стоя в очереди, многие не отрываясь смотрели на мини-половник, который опускался в теплую воду, перед тем как добыть из железной банки шарик клубничного, шоколадного или ванильного пломбира. Многим уставшие от ангин и ОРЗ родители запрещали есть мороженое на улице и в кафе, предлагая в качестве замены подогретое дома, «жареное», как мы его называли. Жалкое подобие.

Кое-где продавали мягкое мороженое. Красивое, изящными струйками наполнявшее вафельные стаканчики на ваших глазах, но

водянисто-невкусное. То ли не все в эти аппараты закладывали, то ли не все, что красиво, — вкусно. Многие потом убедились в этом на других примерах...

Рядом с ювелирным находится офис мобильной связи, а когда-то там был самый вкусный магазин — кондитерский. Начнем с пирожных. Пирожные, как и люди, были разными, а стоили одинаково. Социализм. Равенство. Пирожные — 22 копейки, люди — дорожке. Самыми популярными были «трубочки». Остряки шутили: «Честный ребенок любит не маму с папой, а трубочки с кремом». Еще любили «корзинку», «слойку» и те, что делались из кондитерских остатков, — «картошку». В нашем городе была линия по производству шоколадно-вафельных пирожных. Тоже по 22 копейки. А в Москве таких линий не было. Наверное, для того чтобы там тоже чего-то не было, как у других. Социализм. Равенство. Поэтому командировочные в столицу обязательно везли перевязанные бумажными канатиками коробки. Сейчас их заменили разноцветными ленточками. Бумажные канатики остались в детстве вместе с бумажными солдатиками Окуджавы...

В соседний отдел всегда стояла очередь. За конфетами. В этом была некая педагогика. Потом всю жизнь «за конфетами» придется стоять в очереди...

Из шоколадных, дорогих, самые вкусные были «Белочка», «Мишка на Севере». Из дешевых — леденцы, соевые батончики, ириски «Золотой ключик». Большой популярностью пользовались карамельки с вязко-приторным наполнителем с загадочным, по крайней мере, для меня, названием «Рачьи шейки». Какое они имели отношение к об-

реченному на мученическую смерть подвигу членистоногих, я так и не понял, прожив добрую, потому что первую, половину жизни... На липкой обертке изображались веселые раки, про которых одна кулинарная книга писала: «Раки любят, чтобы их варили живыми».

Раков мы ели редко. В те годы из уст в уста передавалось правило: раков можно есть только в те месяцы, в названии которых присутствует буква «Р». Поскольку большинство этих месяцев приходится на холода, то кто же знал, где раки зимуют? А сейчас правило изменилось: если есть деньги, то есть можно все.

Так, хватит про кондитерский, пошли в колбасный. Сейчас тут магазин модной одежды, а раньше был гастроном, а в нем колбасный отдел. Ассортимент в нем по мере приближения победы развитого социализма сокращался. Нас, детей, это не очень расстраивало, потому что наша любимица «докторская» оставалась в нем до самого социалистического конца. За что мы ее любили? Наверное, за отсутствие вкраплений сала и жира. Цена все годы оставалась неизменной — 22 копейки за сто граммов. Правда, мяса в ней становилось все меньше и меньше. Сейчас нечто похожее происходит с ценами за квадратный метр недвижимости. Обещают, что они расти не будут, но многие боятся, что метр будет все меньше и меньше.

Рядом с «докторской» лежали «любительская», «отдельная», «ветчинорубленая» и — обязательная часть школьных обедов — «молочные» сосиски в целлофане. Стоп-кадр.

Нужно опять пить воду, чтобы не захлебнуться слюной от воспо-

минаний о предшественниках хот-догов. Кстати, почему я пишу только про то, что ели, а что пили...

За бутиком, бывшим гастрономом, — «Сигарный дом», здесь продают сигары и сопутствующие им предметы. Пепельницы, наверно. А тогда здесь было заведение общепита. Еда вне дома была едой общественной и происходила на предприятиях общественного питания. В этом помещении на огромной сковороде жарили шашлыки. Запахи разносились по всему кварталу. Порция состояла из равного числа постных и жирных кусочков мяса, политых красным соусом. Их укладывали в тарелочку из металлической фольги. Толщина фольги достигала толщины металла современного автомобиля, но это была одноразовая посуда! Правда, я не помню, чтобы эти тарелочки валялись в урнах. Может, они были многоразовыми?.. В те времена во многих квартирах, в буфетах-горках рядом с чешским хрусталем, гордо стояли красивые пустые бутылки «из-под импортного пива» и, поверьте, пустые пивные банки.

Ели шашлыки, стоя у высоких столиков. Жирные кусочки оставляли, постные съедали. Тогда многие столовые и кафешки были стоячими. Партия и правительство готовили народ к фуршетам. На столиках стояла соль, а в пельменных, бывало, — и бутылочка уксуса. Я еще застал время в начале шестидесятых, когда, выполняя решения партии и правительства, общепит держал на столах бесплатный хлеб, горчицу, перец с солью. Это было после объявления Хрущева о том, что «коммунизм не за горами». Как выяснилось, объявить коммунизм можно, построить нельзя. Бесплатный хлеб исчез со столиков вместе со снятым Хрущевым, вскоре за

ними последовали горчица и перец, а во многих городах и соль. Исчезнувшим из магазинов перцем стали торговать цыгане, выходцы из страны происхождения пряностей. «Перец, перец, тени, тени, калы, калы!» — кричали они в подземных и наземных переходах, превращая их в прообразы современных супермаркетов, торгующих и косметикой, и цветами, и пряностями.

После шашлыков хочется пить. Теперь о том, что пили, тем более, когда пишешь про питье, есть не так хочется.

Кроме упомянутых соков иногда в продаже появлялись дорогие, импортные, например, сок манго индийского происхождения. стакан стоил тридцать копеек. Апельсиновый и мандариновый стоили примерно столько же, но производства были грузинского. На вкус соки были горько-сладкими, как жизнь Грузии в сплоченной семье...

Рядом с соками продавали «прохладительные напитки», как правило, теплые. «Освежающий», «Оживляющий», «Лето», «Ситро», «Крюшон» — газировка с сиропом, разлитая в пол-литровые бутылки. Особняком держался кофейный напиток невнятного вкуса «Мокко» — наш ответ «Пепси-» и «Кока-колам», вместе взятым.

От жары тогда спасали тень, вентилятор и газировка. «Грязная» была с сиропом и стоила четыре копейки. «Чистая» стоила копейку, еще за копейку можно было купить коробку спичек, их часто давали вместо сдачи. Больше за копейку ничего нельзя было купить. Продавали газировку в будочках, стоящих по всему городу. В них же заправляли сифоны. Заправка маленького стоила 6 копеек, большого — 12. Иногда в них до-

бавляли сироп. Тогда из слоновьего носика появлялась розовая пена. Говорили, что заправка сифонов была делом прибыльным. Экономили не на воде, а как и сегодня, на газе, который в больших баллонах стоял, прижатый к деревянным стенкам будочек-поилиц.

Выпивая залпом стакан холодной газировки, бившей в нос, в глаза, даже в уши, мы представляли себя взрослыми, выпивавшими стакан водки и с улыбкой заявлявшими, что после первой не закусывают. Как герой Сергея Бондарчука в фильме «Судьба человека».

Вкуснее газировки был только квас. На разлив из огромных бочек на колесах, которые развозили по городу по утрам и собирали на заправку вечером. Они весело громыхали, сцепленные, как вагоны трамвайчика, по несколько штук сразу. Также развозили по городу и бочки с пивом, но это уже вкусы нашей юности.

За квасом всегда стояла очередь с бидонами и освободившимися от заготовленных на зиму огурцов бутылками. А многие желали пить его на месте, кто из маленькой кружки за три копейки, кто из пол-литровой — за шесть. Квасно-пивные кружки некоторые члены очереди называли бокалами. И хотя в их облике не угадывались дворянские предки и учеба в пажеском корпусе, наречение кружки бокалом придавало им легкое обаяние, которое быстро исчезало, когда они начинали из этих кружек пить. Правило «требуйте долива после отстоя» вступало в противоречие с мнением жаждущей кваса очереди, поэтому зарабатывали продавцы на пене. А в перестройку правило превратилось в шутку: «Требуйте долива после застоя».

Тогда, в детстве, нас не волновал ни отстой, ни застой, хотя за-

помнился один анекдот семидесятых. В Елисеевский магазин заходит старичок и бормочет себе под нос: «Вот здесь до революции лежали осетры, тут икра стояла в бочках, тут корзины с ананасами, кому это все мешало?» Смеялись. Чтобы рассмешить сегодня, надо рассказывать по-другому. Тот же старичок, тот же магазин. «Здесь раньше продавали газировку по копейке, квас по три, мороженое по девять и колбасу по рублю за килограмм — кому это все мешало?». Интересно, чем будет смешить старичок лет через тридцать?

У продавцов кваса, пива, соков, газировки кроме основных обязанностей, была еще одна задача: следить, чтобы стаканы и кружки-бокалы не унесли желающие их пользоваться как временно, так и постоянно. Временно — сиюминутные компании, распивающие на улице то, что пить на улице нельзя. А постоянно — студенты и прочие обитатели многочисленных городских общежитий.

Отсутствие этой функции было слабым местом у автоматов с газводой, пивом и соками. Деньги автомат принимал, иногда наливал за них оплаченную жидкость в количестве, соответствующем настройке, но следить и препятствовать хищению стаканов был конструкторами не обучен. Часто вместо стаканов под отверстием, из которого появлялась живительная влага, вилось несколько ос в ожидании жаждущих, которые приходили к автомату со своей тарой, как правило, пустыми баночками из-под майонеза.

Говорят, было предложение заменить стаканы железными кружками на цепи, но оно не воплотилось. Наверное, боялись, что кружки будут уносить вместе с автоматами.

Как-то за морем друзья пригла-

сили меня в русскую баню. У выхода из парной у бочки с холодной водой висел ковшик-черпак. На толстой колодезной цепи... В пионерских лагерях кружки у бачков с питьевой водой тоже были на цепочках, но те были потоньше. Дети — они ведь не очень сильные, пока не вырастут...

Кружки и стаканы мылись на глазах покупателей. Про СПИД еще никто не знал, равно как и про всякие гепатиты. Герпес называли лихорадкой, которая появляется после поцелуев на сквозняке. А как моют стаканы сейчас? Мы этого даже не видим.

Но не будем о страшном... А о чем будем? О вкусном теплом хлебе из булочной, который доносился домой пощипанным. Был белый за 28 копеек с беретиком-горбушкой, а был за 26 копеек — без беретика. Часто купленный за 28 домой попадал за 26. Беретик исчезал по дороге. А плюшки? А сайки? А кукурузные хлопья — предтеча попкорна?

А еще о чем? О вкусной сгущенке. Если банку поварить часа два, молоко в ней превращалось в большую ириску. О печенье, о вафлях с вареньем... Стоп-кадр. Надо еще воды попить.

Вообще, получается не сценарий, а сумбурный физиологический очерк, только не 19-го, а уже 21-го века. Как быстро летит время...

Нужно вкусы систематизировать. Какими они были? Как и люди, они были разными.

Были вкусы будничные и были праздничные. Были сезонные и были запретные. Были даже принудительные. Какие? Ну, например, вкус рыбьего жира, на котором выросло наше поколение, как австрийцы на вальсах. Они — на вальсах, мы — на рыбьем жире.

А помните лекарство от кашля

«Пертусин» — «капли датского короля»? Закрываешь глаза, открываешь рот — и ложка с анисовой настойкой внутри. Как мы морщились! Кто же знал, что такой же вкус у перно — анисовой водки, которую так любили герои Хемингуэя, которых так любили мы.

Или вкус теплого молока с пенкой. В школе в первых классах надо было пить молоко. Иногда его заменяли киселем из концентрата, и это был праздник. К молоку полагалась маленькая белая булочка. Тогда с белым хлебом в стране была напряженка, а детям эти булочки выдавались в обязательном порядке. Часто в школьном дворе ими играли в футбол. За это ругали. Знали ли ругавшие, что то, что дается даром, не ценится и взрослыми людьми?

Теперь о вкусах сезонных. Это сегодня у фруктов с овощами распалась связь времен, а тогда первые арбузы были в августе, первый виноград — в сентябре, первая клубника — в мае, первые помидоры — в июне. Апельсины были в авоськах прилетающих из Москвы, лимоны из Грузии поступали регулярно, а мандарины только зимой. В общем, летом варили варенье, а зимой пили с ним чай.

Вместе с социализмом ушла радость от первых огурцов и дынь. Остаталась — только от прожитых лет...

Теперь о вкусах праздничных. Какой праздничный стол обходился без холодца? Его приготовлению всегда сопутствовала интрига «застынет — не застынет». Утром мы приходили на кухню, открывали холодильник и радостно кричали: «Застыл, застыл!» Варили его по-разному, но самый вкусный был из петуха.

Постоянным соседом холодца на праздничном столе был салат оли-

вье. Давший ему свое имя московский ресторатор и кулинар Люсьен Оливье не мог знать, что этот салат станет символом развитого социализма так же, как винегрет, был символом недоразвитого. Майонез и горошек покупали задолго до праздников, так как бывали они в продаже редко. В домах побогаче в салат клали куриное мясо или язык, в домах победнее — вареную колбасу, но ни одно праздничное застолье без него не обходилось.

Дефицитные рыбные консервы хранили до праздников. Шпроты, например. Многие думали, что так называется маленькая рыбка, плавающая в Балтийском море, а оказалось, что это способ ее приготовления. Часто соседкой шпротов оказывалась рыбка сайра. Иногда на праздничном столе появлялись бутерброды с икрой. Кстати, в те годы все именины делились, как рыба, на две категории: с икрой и без икры. По количеству икринок и, соответственно, их расстоянию друг от друга на бутерброде можно было с точностью до десятка определить зарплату хозяев.

Самым популярным десертом был «Наполеон». «Наполеоны» делились на «сухие» — с масляным кремом — и «мокрые», с заварным. Реже встречался торт «Кутузов».

Вкусно было есть в гостях и вкусно было доедать праздничную еду в течение нескольких дней после их ухода. Готовили всегда с размахом и запасом.

Хватит о вкусах праздничных, так можно и слюной ненароком захлебнуться. Переходим к запретным. Стоп-кадр.

Самые вкусные вкусы — вкусы запретные. Кто не знаком с изречением о сладости запретного плода?

Разным детям запрещали разное. Подавляющему большинству запре-

щали есть семечки. Большой стакан — десять копеек, маленький — пять. Продававшие их бабушки заворачивали семечки в газеты — когда в передовицу «Правды», когда в некролог на последней странице. Но чаще всего семечки заворачивали в листочки из школьных тетрадей и, отлускав кулёчек, можно было познакомиться с мыслями автора о подвиге молодогвардейцев или образе Печорина.

Лускать семечки дома считалось неприличным, на улице — тем более. Единственным исключением был стадион, к радости убиравших его трибуны. Родители часто говорили: «Съесть стакан семечек — это выпить полстакана подсолнечного масла и вылизать языком квадратный метр асфальта», — не помогало. Иногда бабушки продавали белые семечки, кабаковые. Они были дороже и слаще. Черные, подсолнечниковые, подсоленные при жарке, мы любили больше. И хотя цена на них была картельной, ниже пяти копеек за маленький стакан она не опускалась, некоторые бабушки демпинговали, отсыпая нам семечек и на три, и даже на две копейки. Кстати, бабушки первыми принимали на себя удары борцов с нетрудовыми доходами.

Продукт переработки семечек — козинаки — продавался в подземных переходах с рук, как тогда говорили, не всегда чистых. Для их употребления нужны были еще здоровые зубы, способные разгрызть спрессованные в сладком сиропе семена, а такие были не у каждого.

Из запретного были малосольные огурчики, лежащие рядом с кошелками, наполненными семечками, на газетке и жадно впитывавшие в себя свинцовую типографскую краску. Они были намного вкусней сво-



их собратьев размером в мяч для регби, продававшихся в магазинах.

Что касается газетной свинцовой краски, то она соприкасалась с человеческим организмом не только через заворачиваемые в газеты бутерброды и семечки. До массового распространения салфеток различного назначения было далеко. Но мы о вкусах, а не о послевкусии нашего детства.

Вообще, самое вкусное в магазинах не продавали. Признаком достатка была мимоходом брошенная фраза: «Мы питаемся с базара». Сейчас наоборот. Тогда на рынках все было свежее, дороже и вкуснее. Когда вся экономика становится рыночной, можно обойтись без базаров. Наверно. Но мы о вкусном, о том, что продавалось с рук на базарах и улицах. Например, о пшенке, о сваренных початках молодой кукурузы, тайно обломанных на колхозных полях. Иногда продавцы сами посыпали их солью, вручая покупателям, иногда предоставляли это право последним. Съедалась пшенка до последнего зернышка в початке. Сколько приступов аппендицита было спровоцировано вкусом молодой кукурузы, знают только хирурги.

А еще был заморский вкус жевательной резинки, которую привозили моряки и редкие заграничные мандировочные. Чаще всего это была жвачка «Wrigley's», известная в народе как «черная стрелка». В школе о возвращении из рейса папы моряка учителя узнавали по дружно жующим на уроках друзьям счастливого обладателя нескольких пачек жвачки. Каждую пластинку разрывали на несколько частей и громко жевали, уже видя себя на обложках еще не виданных западных журналов. «Кто носит майку «Аидас», тот завтра Роди-

ну продаст», ну а кто жвачку жуёт, тот и до завтра ждать не станет. Официально жвачка попадала в страну только в качестве призов за выигрыш в чешских Луна-парках. Но социалистические жвачки-конфетки сильно уступали по вкусу капиталистическим пластинкам и подушечкам. Ой, как жевать хочется, причем не жвачку.

Я подошел к окну и распахнул его. Ветер с моря наполнял город свежим воздухом, захотелось на улицу. Нет, надо работать.

Что еще вспомнить? А может, хватит про еду? И почему я свои воспоминания называю нашими? Может, другим нравилось совсем другое. Зефиры, мармелад «лимонные дольки», например, а не огурцы на газетке... Кто я такой, чтобы про мои вкусы кино снимать? Лучше напишу сценарий про что-то современное. Про пробку. Машин все больше и больше, наверно, потому, что жить все тяжелее и тяжелее. Так вот, сидит человек в своей машине в пробке. У кого-то что-то случилось — и все стоят. Час стоят, два стоят, машину бросить нельзя, а кушать хочется, и водитель начинает вспоминать... Так, стоп-кадр...

От этой диеты сочинительство скоро перейдет в голодные галлюцинации, а есть дома нечего. Один приятель рассказывал, как давным-давно он выпросил у товарища ключи от пустовавшей квартиры. Ночью они с девушкой так проголодались, что стали искать по шкафчикам съестное. Нашли остатки макарон, пачку панировочных сухарей и бутылку подсолнечного масла. Макароны сварили, а потом обжарили в сухарях — и вкуснее они ничего в жизни не ели. Откуда я про это знаю? Потому что каждый раз, когда они приглашают на

годовщину своей свадьбы, угощают гостей макаронами «по-гречески». Да, забыл упомянуть, что квартира была на Греческой улице.

Ну а мне что делать? Холодильник пуст, а шкафчики? Я заглянул во все отделы. В одном нашел терку с остатками сыра для спагетти, но их было ничтожно мало, да и слизывать с терки было больно. В другом стояла бутылка с подсолнечным маслом на донышке. Я заглянул под шкафчик. Удача. Там было несколько закатившихся и успевших прорасти картофелин. Неважно. Как вкусны они были с чуть горьким,

но таким ароматным жареным маслом, посыпанные хрусталиками крупной поваренной соли!

Поем и лягу спать, думал я. Имею право. А после сна пойду гулять по наполненным свежим морским воздухом улицам и буду думать о написанном. Вечером вернусь и допишу про молочные коктейли, про компот на даче и про многое другое, что осталось в детстве и памяти.

Доев картошку, я вымыл тарелку и лег на диван. Уснул быстро, как будто мамина рука лежала на моем плече...

*По-настоящему зовут его просто — Виктор Леонидович Колесников. Он известный в Крыму и за его пределами детский поэт и художник, лауреат Государственной премии Автономной Республики Крым. Его можно назвать ЧЕЛОВЕКОМ ИГРАЮЩИМ И ПОЭТОМ РИСУЮЩИМ.*

*Родился 12 февраля 1954 года в Симферополе. Сначала школа, потом работа механиком на Симферопольской швейно-галантерейной фабрике, служба в армии. Был и водителем, и художником-оформителем. С 1993 года стал писать стихи.*

*Впервые стихи для детей Виктора Вилеко были опубликованы в марте 1995 года в газете «Крымская правда», а первая маленькая книжечка издана в Москве в том же году.*

*В данное время живет в Германии.*

*Автор сборников: «Не шумим и не шалим», «Бегемот в автомобиле», «Почему среди котов не бывало поваров», «Зачем осьминогу ноги», «Веселая переменка», «Бывалый спасатель», «Отплывает пароход», «Упрямец», «Цветная азбука», «Найдите Боцмана», «Завтрак с коровой», «Нескучные каникулы», «Стихокрасик» и других*

## КАК БЫ ЗВАЛИ НОСОРОГА

Носорог имеет рог  
И зовется носорог,  
Ну а был бы он без рога?  
Как бы звали носорога?

Что тут думать знают все:  
Рог растет во всей красе  
На носу у носорога,  
Тут не надо думать много.

Очень простенький вопросик:  
Ну конечно, когда б рос,  
Назывался чистоносик,  
Когда б вырос — чистонос.

## ВСТРЕТИЛИСЬ МИШКИ

Встретились мишки,  
Бурый и белый.  
Белый подумал:  
«Какой загорелый!»  
Бурый задумался:  
«Вот так делишки!»  
Краситься начали  
Бурые мишки.

## КРОТ

Крот в нору на новоселье  
Приглашает в воскресенье.  
Добро пожаловать к кроту,  
Кто обожает темноту.

## ЛЮБОПЫТНАЯ КОРОВА

Корова с утра  
 Не дает молока,  
 Корова все утро  
 Глядит в облака.  
 Корова стоит  
 И гадает:  
 Кто в небе творог  
 Рассыпает?  
 Но вот из-за облака  
 Взмыл самолет,  
 Корова спокойно  
 Доиться идет  
 Спокойно идет  
 И себе говорит:  
 «Теперь понимаю,  
 Кто в небе шалит».  
 Ах, как это все же  
 Приятно,  
 Когда все на свете  
 Понятно!

## КТО РАСКРАСИЛ МАДРИЛ?

В лесу у мадрил  
 Кто-то краску забыл,  
 Теперь посмотрите  
 На этих мадрил:  
 Сидят они дружно  
 На корточках,  
 С забытою краской  
 На мордочках.

## ЧЕРВЯЧОК

Червячок в саду живет,  
 На обед свой дом жует.  
 Хорошо тому живется,  
 Чей дом яблоком зовется.

## БАРСУК-МЕДОЕД

День за днем и год за годом  
 Медоед питался медом.  
 Шерсть барсучья гладкая,  
 А жизнь такая сладкая.

## ЖИЛА-БЫЛА ЛОШАДЬ

Жила-была лошадь,  
 Которая, кстати,  
 Ходила по крыше  
 В коричневом платье.  
 Которая тайно  
 Быть кошкой мечтала,  
 Которая сливки  
 Из блюда лакала,  
 Которая сильно  
 Мышей не любила  
 И часто по крыше  
 Копытами била.  
 От этого стука  
 По старенькой крыше  
 Всегда разбежались  
 Чердачные мыши.  
 Звенела посуда  
 На полках в буфете,  
 Ругалась хозяйка  
 И плакали дети.  
 Однажды милицию  
 Даже позвали  
 И лошади этой  
 Seriously сказали:  
 — Мы знаем, что так  
 Не бывает обычно.  
 И все же при этом  
 Ведите прилично.  
 Тут лошадь, конечно,  
 Обиделась сразу,  
 И больше ее  
 Не видали ни разу.  
 Зато благодарны  
 Чердачные мыши  
 И рады, что лошадь  
 Не ходит по крыше.

## ОРАНГУТАНГ

На острове Килимонтан  
 Живет большой орангутанг.  
 Он носит пышные усы,  
 Но не для славы и красоты,  
 Не потому, что он привык,  
 Не потому, что он старик,  
 Не потому, что сбрить не смел,  
 А просто бритву не имел.

## ПРОСТОВАТЫЙ ИШАК

У морды ишачьей  
Свисает веревка,  
Висит на веревке  
Большая морковка.  
За нею весь день  
Поспешает ишак,  
И все понимают,  
Какой он простак.

## ОБЕЗЬЯНА-НОСАЧ

Что стало с носом?  
Вот вопрос!  
Он не болел,  
Где надо рос.  
Он рос и вырос,  
Наконец,  
Теперь висит,  
Как огурец.

## БЕГЕМОТ

На бульваре бегемот  
Пепси-колу продает.  
Подходи к нему напиться,  
Кто бегемотов не боится.

## ПРИВЫЧКА

Хоть на улице темно,  
Зоопарк закрыт давно.  
Шимпанзе верна привычке:  
Строит рожи даже птичке.

## ОСТОРОЖНЫЙ ЛОСЬ

Осторожно ходит лось,  
Не надеясь на авось.  
Раньше часто забывался:  
Где-то бегал, с кем-то дрался,  
Защищаясь от врага,  
А потом искал рога.

## ЕСЛИ КОТ — КАПИТАН

Почему в капитаны  
Котов не берут?  
Ну во-первых, кот сам  
Выбирает маршрут,  
Может плыть, куда надо,  
Потом повернуть,  
Ни с того, ни с сего  
Где попало уснуть,  
Может песни на рее  
Орать под луной,  
Ну кому капитан  
Пригодится такой?  
Пригодится он может,  
Конечно, котам.  
Они будут ходить  
За таким по пятам.  
От котов всех мастей  
И известных пород,  
Что проситься начнут  
На его пароход,  
Ни в одном из портов  
Не найдет он покоя.,  
Если кот — капитан,  
Это дело такое.  
Может взять и набрать  
Экипаж из котов,  
Чтобы с ними делить  
Весь рыбацкий улов.

## ОБИДА

Лягушонок мишке  
Наступил на лапу,  
Рассердился мишка,  
Бросил наземь шляпу.  
Может, вырыть мне пора  
Маленькую норку?  
Прочь убраться со двора —  
Крикнул лягушонку.

«Я не мишка!» — он ревел.  
Видно, я мышонок,  
Коль на лапу стать посмел  
Даже лягушонок».

## МУШИНЫЙ ОРКЕСТР

Мухи оркестр  
 Решили собрать.  
 Стали они  
 Музыкантов искать.  
 Сами решили,  
 Сами искали,  
 Сами себя  
 В музыканты собрали.  
 Сами собой  
 Довольны остались,  
 Что так удачно  
 Все вместе собрались.  
 Взяли валторны,  
 Кларнеты, фаготы.  
 Рядышком сели,  
 Расставили ноты.  
 Тот, кто в оркестр  
 В этот раз не вошел,  
 Тот музыкантов  
 Послушать пришел.  
 Просят на сцену  
 Пройти дирижера.  
 Он среди мух  
 Самый первый обжора.

## АНТИЛОПА

Подарили антилопе  
 Контрабас,  
 Рядом с ним она сидела  
 Целый час.  
 И просила, и молила  
 Контрабас:  
 Ну пожалуйста, сыграй  
 Хотя бы раз.

## УСАТЫЕ ДЕТКИ

Почему у котов  
 Даже детки с усами?  
 В этом деле сейчас  
 Разберемся мы сами.  
 Ну какими, скажите,  
 Должны быть котята,  
 Если папа усатый  
 И мама усата?.

Хоть он обжора,  
 Грязнуля, и все же  
 Мухи ему  
 Аплодируют тоже,  
 Вот уж кому  
 В самом деле везет:  
 Он в серединку  
 Оркестра ползет.  
 Лапкой взмахнул —  
 Все замолкло вокруг,  
 Сладко сердечки  
 Забились у мух.  
 Глазки закрылись,  
 Дрожат хоботочки,  
 Крылышки сложены,  
 В лапках цветочки.  
 И началось:  
 «Жу-жу-жу. Жу-жу-жу.»  
 Больше я к ним  
 На концерт не хожу.  
 Нет, я бы тоже  
 Их стиль обожал,  
 Если бы после  
 Три дня не жужжал.

## ЮЖНАЯ ЗИМА

Снег запаздывает к нам,  
 Что-то не торопится.  
 Мы скучаем по домам.  
 Где же он там топчется?

Хнычет маленький Олег:  
 — Я уже в ушанке.  
 Шкоро будет этот Шнег,  
 Доштавать мне Шанки?

Все не терпится Олегу,  
 Посочувствую ему.  
 Неохота, видно, снегу  
 Зимовать у нас в Крыму.

**Владимир КЛЕРМОН-ВИЛЬЯМС**  
(г. Симферополь)



*Родился 15 июня 1960 года. Учеба: 40 школа г. Симферополя (1967—1977), УО, University of Oxford (1984—1989), UPS-PA, Universite Paris Sorbonne-Paris 4 (1990—1995). По профессии валеолог-нутрициолог, переводчик (польский). Член литературно-бардовской мастерской «Таласса».*

## (ИЗ КНИГИ В. Ю. КЛЕРМОН-ВИЛЬЯМСА «АНТОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ПОЛУФАБРИКАТА, ИЛИ КРЫМСКИЙ СТЕБЬ»)

**Николай Ширяев**

Тоже думает, что поэт. Теоретически знает, что мужчина должен вырастить сына, посадить дерево и построить дом, но до сих пор не подозревает, что все это делается разными инструментами. Данный факт является основой половины написанного. Остальное можно разложить на несколько полок по тематике раннего облысения, сожаления по поводу собственной половой неустроенности, творческой не востребованности. Особенностью своей сделал также чрезмерное использование старославянских слов, украинизмов. То ли это желание показать свою эрудицию, то ли попытка придать некоторую выпренность слогу — можно только догадываться. Но не пахнет ни тем, ни другим. А вот далеко не полная подборка еще одного перебора.

«Обнял, ну и так dalje».  
«И каждый норовил войти в историю...»  
«Тот не теряет, тем не меньше...»  
«Есть сила мышцы и угол зренья...»  
«Замучил огонек сандалей».  
«...возобновлять отверстья».  
«...берегут наследье».  
«...И событие, и завязь».  
«Печальное наследье...»  
«Доверьем наполняются умы...»

«Как выпытать взаимопониманье...»  
 «В многословьи библиотек...»  
 «...матерьял отделочный...»  
 «Способен на значенье  
 Источник освещенья  
 Сильней, чем злоключенья...»  
 «Без верных орьентиров и примет...»  
 «Есть знанье о решительности дней,  
 Есть вера и, увы, образованье».

Воистину, «увы». Некоторых нужно от него оберегать. Хотя, с другой стороны, кто-то же должен писать удобрения для нивы пародий.

«Старые припоминая обычаи,  
 Милая все за меня не идет».

«Ничего, что ни слуг, ни палат,  
 Ничего, что чуть-чуть лысоват...»

«Неженатый, обученный в вузе и  
 Непохожий еще на дугу,  
 Несмотря на года и контузии,  
 Я могу и еще раз могу.

Не дворянского, правда, сословия,  
 Как Михалков. Такие дела!  
 А прынцесса узнала условия,  
 Почесалась — и в бизнес ушла».

#### На сватовство Ширяева

Да... С такой биографией суженый  
 Хоть и может — не всем подойдет:  
 Лысый, нищий, поэт, да контуженный —  
 И с чесоткой прынцесса уйдет!

...И закончить раздел, посвященный Николаю Ширяеву, можно было бы подборкой цитат, характеризующих, по мнению автора, всю подноготную его плодотворной деятельности.

*«Держу себя таким, как есть, —  
 Бесперспективен и бесприбылен».*  
*«Я устал безумно бороться с тем, что я — никто».*  
*«Взметнулся птицей мысли долгострой...»*  
*«Бред моих лирических жаровен  
 Пусть вас пробирает до кости».*  
*«А я привык, что я носильщик языка.  
 Ношу язык».*



*«Велико желанье быть парной обувью  
Неких неизбывных Господних замыслов».*

Да уж, из ведра мусор выкинуть проще, чем из головы...

#### **Мечта маргинала**

**Ношу в себе я мысли долгострой  
И жидкость тормозную, что вскипела,  
Ношу бесперспективный геморрой,  
Скелет, язык, другие части тела.**

**Все это ни достатка не дает,  
Ни славы и не просветляет помыслы...  
Вот если Бог в подметки позовет...  
Нет. Вряд ли. Пострадают Божьи промыслы.**

А вот еще круче. Вот уж воистину, по признанию П. Валери: «Понятия о поэзии у большинства людей такие туманные, что туманность служит им определением поэзии».

#### **Теймураз Мосиашвили**

*«Невесомость миг зачатия  
Оскомина эмбриона  
Разволокну себя...  
На клетки раковой оси  
Цепляйся тонким клювом  
Царапай в кровь  
Вот не ты...»*

*«Скрипящими жестяными банками  
Играя...  
красной охрой глины  
Игла с нитью  
Всасывается...  
Застревая в паутине капилляров  
Изотонической комой  
Рыча...»*

#### **Менингитная**

**Читатель глубоко ошибается  
если думает  
Что не может приобщиться к великому**

путем создания подобных  
 шедевров...  
 Все просто. Берется четырехтомный словарь  
 русского языка выбирается определенное  
 количество слов покрасивее...  
 Добавляется немного стилистических  
 И орфографических ошибок  
 все перемешивается по принципу  
 Генератора случайных чисел  
 и в творческих муках нажимается кнопка принтера...  
 Необязательно даже много  
 пить или колоться...  
 Единственное условие отсутствие здравого смысла  
 рифмы размера знаков препинания...  
 Дополнительно можно путать род и падеж  
 для придания пущей утонченности тексту.  
 Остается найти дебила который  
 Профинансирует издание и фуршет  
 на презентации и смело  
 Можете  
 Причислять себя к интеллектуальной элите  
 с хроническим менингитом...  
 местного разлива...  
 И уж вовсе не нужно  
 Торговать хурмой на рынке...  
 хотя некоторые зарабатывают на этом  
 Больше...  
 И социальной пользы  
 от них при этом  
 Больше...  
 Вот...

**Марина Матвеева**

Тщательно скрываемая склонность к девиациям типа прогнозируемого садомазохизма в легкой форме заставила как-то Марину воскликнуть: «А я что — гений?» — сопроводив подобную форму единения с народом актом одаривания меня своей книгой. Никто даму за язык не тянул. Но пришлось напрячься.

Чем лучше поэт, тем труднее его пародировать. Если же поэт рождается женщиной и получает в руки страшное оружие в виде высшего образования, то иногда он «перепрыгивает» через определенную стадию умственного развития и остается где-то там, за гранью, из-за которой порой и вернуться-то сложно сюда к нам. Тяжкое это бремя — хорошее образование и нестандартное мышление: гнетет оно женщину и способно даже раздавить. Такие женщины отпугивают, и с ними хочется просто

дружить. Ну, в крайнем случае, «от любви до ненависти — один раз». Вопреки законам Природы это всеобщее равенство, мнимая самодостаточность, эмансипе и «умственный унисекс». Что же касается своеобразных взаимоотношений с русским языком, то Марина, будучи порядочной женщиной, теперь, по-моему, просто обязана выйти за него замуж. Конечно, расчленив «кипарис» на «кипа», «пари» и «рис» — почти гениально, но... «и про старуху бывает порнуха». Это я образно, к юной Марине данный эзопизм не относится.

*«Аксиомно. Аксиокна. Аксидвери.  
Дом. Вне дома — теоремное безверье.  
Бездоказанность — как данность. Как Везувий.  
Я иду и снова город доказую.  
Во главе угла поставлю ту старушку,  
что смиренно приклонясь на колотушку,  
черно-серую висит гипотенузой,  
ни стыда уже не помня, ни конфуза.  
Угол прям. Его обходят, не сгибаясь,  
чуть косинясь, интегрально улыбаясь.  
Иксы, игреки, машины, деньги, лямбды —  
на других углах. И было проще там б, да  
в серых катетах домов и улиц что-то  
чуть надломлено — неверного расчета  
будто просит все. Троллейбус — диаграмма:  
точка, точка, два менточка... Здравствуй, мама!  
Что за взгляд ты принесла опять с работы?  
Снова корень извлекала из кого-то?  
Из начальника? Да будь он параллелен!  
Мама, главное, чтоб люди не болели.  
Мама, главное, что каждый острый угол —  
это сектор недочерченного круга  
жизни... Снова зябко поднимаешь ворот.  
Двери настезь в теорему — пиль! фас! — город».*

**Синусоидально-скандально-сексуально-пирамидальная**

**Пара Леля — параллель, но  
Лично мне — логарифмично.  
Кама с утром лишь постельным —  
Только катетно-статична.**

**Вечером — шароподобно,  
Утром — все гипотенузно.  
Теоремно бы, по дробь — но  
Получается диффузно.**

Мыслью перпендикулярно.  
И хочу прямоугольно  
Нахвататься биполярно  
Аксиом. Но — треугольно.

Мастерство — алгоритмично.  
Словоблудие — орально.  
Слово без души — комично.  
Сердце без души — овально.

Следующая подборка цитат окончательно убеждает в том, что любовь к точным наукам у Марины буквально в крови.

*«Мне десять лет. Я — женщина-квадрат...»  
«Мне двадцать лет. Я — женщина-зигзаг...»  
«Мне тридцать лет. Я — женщина-овал...»  
«Мне сорок лет. Я — женщина-кристалл...»  
«Я девственница в третьем поколении».*

#### Генетически модифицированная

**Я с детства ненормально развивалась:  
Квадрат, овал, кристалл, зигзаг пунктиром...  
Быть может, на судьбе моей сказалось,  
Что прадед был известным транспортиром?**

**Особенные клетки стволовые —  
Соавторы семейного портрета.  
Все близкие — шары, кубы, кривые, —  
У нас в семье наследственное это.**

**Грызу квадратный локоть в иступленьи,  
Ведь продолжение рода под вопросом.  
Я — девственница в третьем поколении, —  
Трансформеры не пользуются спросом.**

#### Ольга Дубинянская

Одна из немногих, кого, в общем-то, приятно слушать. Но имела неосторожность (или преднамеренность) подарить мне свою книгу. Сама виновата — я ж прочел для очистки совести. В процессе фильтрации подарка пришел к выводу, что находки типа «придти», «по одиночке», «незыблительный», «бусен», «влюблёно» уже не возбуждают, и повторяться на эту тему уже не хочется. Вольная трактовка основ правописания стала, к сожалению, нормой среди пишущей братии. Поэтому пришлось вознаградить свои усилия следующей подборкой цитат:

«По белой пустыне влекусь в тишине».  
 «В тишине пробуждаются красные розы...»  
 «Тихий шелест трав...»  
 «Зазвучит, как орган, тишина».  
 «...Беззвучно в ночи звучать, неслышимо никому?»  
 «Прошелестела тихо, прошумела...»  
 «Я глотала залпом тишину  
 И ловила звук ее безмолвья...»  
 «И тишину притихшую услышим...»  
 «...почувствуешь узор неслыханной тиши».  
 «Живая кипучая тишина...»  
 «...тихим штилем утешен...»  
 «Тихим вечером... как я тихо читаю стих. Тишина, словно рожь...»  
 «Тихо дышит вода...»  
 «От тишины принять покой взаимны...»

#### Нулевой порог децибеллизма

Негромко, лишний шум не поднимая,  
 Ночная муза тихо снизошла.  
 Ей прошептала тишь глухонемая:  
 «Ты к Ольге? Сядь тихонько, коль пришла».

Притих бесшумно молчаливый шепот,  
 В саду затих безмолвно абрикос.  
 Писать мешает комариный топот  
 И грохот поправляемых волос.

В притихшей тишине почти затишье,  
 Утихшее безмолвие царит.  
 Беззвучно матерясь, четверостишье  
 Неслышно Дубинянская творит.

#### Вячеслав Килеса

Милейший человек. Умный, тонкий, интеллигентный, приятный в общении. Но, видимо, экстремал в душе. Это, наверное, от дефицита истинных страстей, подлинной остроты ощущений, выброса в кровь гормонов возбуждения и удовольствия, погружающих писателя в атмосферу блаженства и творческой плодовитости. Вот и решил Вячеслав получить все это бесплатно и в одном флаконе, предоставив в мое пользование свой сайт. Лично для меня как санитара словесности там оказалось мало интересного. К сожалению, режет глаз наличие конфликта с мягким знаком в совершенной и несовершенной форме глагола типа:

*«Чтобы потом перед зарей гордится...»  
«Ожиданья еще свершатся...»  
«Сумеет ли повесть, начавшись...  
Завершится счастливым концом?!»  
«Упасть на колени.  
К тем, кто остался, ложится под двери».*

Но писать об этом уже надоело, ибо частенько с добрейшей ленинской улыбкой я уже обращался к этой теме, перлюстрируя труды других не совсем состоявшихся любовников покровительниц поэзии. Зато согрело такое:

*«И всматриваться в души, нараспашку  
Готовые для счастья распахнуться».*

Распахнуться нараспашку — это по-нашему, по-бразильски!

**Пародия, спародированная пародистом на пародийную тему**

**Я слышал понаслышке про поэта,  
Что готов и нараспашку распахнуть.  
Затянулся я взятяжку сигаретой  
Перед сном, но мне спросонья не уснуть.**

**Я был рад, что эта радостная радость  
Мне досталась напрямую прямиком.  
Напишу Килесе маленькую малость  
И запрыгаю вприпрыжку с синяком.**

# ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

127

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Александр МАЛЕНКО**  
(г. Бахчисарай)

*Кандидат филологических наук,  
лауреат Пушкинской премии, лауреат  
премии АРК, почетный гражданин  
Бахчисарая*

## «ПРИЮТ СПОКОЙСТВИЯ, ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНЬЯ...»

Так — строкой из стихотворения «Деревня» — в 1819 году Пушкин приветствовал родовые земли на Псковщине. Увидеть «приют» наследника Ганнибалов я замышлял давно. Всё получилось осенью 2009 года. Разумеется, перед дорогой было перечитано всё, что можно было найти о михайловской ссылке поэта.

Начиная с Москвы поездка превратилась в экскурсию. Написал и улыбнулся невольному каламбуру: латинское «excursio» переводится как «поездка». Несколько часов остановки в Москве, знакомство с музеем Пушкина и церковью Богоявления в Елохове, где Саша Пушкин был крещён, домом его ближайшего московского друга П. Нащокина.

Ночь в поезде на Псков и ощущение того, что экскурсия по пушкинским местам продолжается. Вот памятник Арине Родионовне и её любимому питомцу, Снетогорский монастырь, псковский Кремль место, где стоял дом псковского приятеля поэта Г.П. Назимова. И всё это ещё только преддверие встречи с поэтической родиной Александра Пушкина, как называют Михайловское.

Около 2-х часов езды автобусом по дороге на Новоржев, как некогда ездил михайловский изгнанник, те же деревни, городок Остров, где однажды ночью Иван Пущин, ехавший к лицейскому другу, купил три бутылки шампанского вдовы Кликко, посёлок Пушкинские Горы.

Спокойствие покидает «гостей»

КРЫМ 3.2013

поэта уже при появлении дорожных указателей: «Городище Воронич», «Пушкинские Горы», «Тригорское», «Петровское», «Михайловское»...

А дальше... Мне, литератору, издавшему не одну книгу, писать об увиденном оказалось не так-то просто.

Первое, чего хотелось, сразу же войти в дом Пушкина, в кабинет, где создавались новые стихи крымского цикла, а воспоминания о Тавриде согревали душу.

С туристической группой мне повезло. Оказался среди собратьев по интересам и испытал то, что называется общностью переживания. Войдя в усадьбу, все мы обратились в зрение и слух.

Но присутствовало и ощущение одиночества. Ни у кого, кроме меня, не возникли ассоциации с Крымом.

Основатель усадьбы — Осип Ганнибал. Но здесь всё освящено единственным именем.

Входим во двор, «В тот уголок земли», где Александр Сергеевич «провёл // изгнанником два года — музеем стоят, как и в пушкинские времена, домик няни, кухня-людская, контора управляющего. Через переднюю, экспозиция которой посвящена истории усадьбы, мы прошли в девичью, где дворовые девушки во главе с Ариной Родионовной занимались рукоделием. Здесь хранятся подлинные вышивки рукодельниц Михайловского и Тригорского. Есть в доме и другие мемории. Одна из них — икона «Троица» в комнате родителей. Сергей Львович Пушкин благословил ею сына Льва при его женитьбе. В гостиной — «портреты дедов на стенах»: И.А. Ганнибала, двоюродного деда А.С. Пушкина, прадеда А.Ф. Пушкина. За окнами гостиной — пейзаж, запе-

чатлённый в «Евгении Онегине». Экскурсовод посвящает нас в историю деревенских глав романа.

В столовой мы услышали рассказ о воплощении Пушкиным творческих замыслов в контексте биографических событий 1825-1826 годов. Общее внимание привлекают посуда из семьи Пушкиных-Ланских, бильярдные шары и кий из сельца Михайловского, пресс-папье из сосны, воспетой поэтом в стихотворении «Вновь я посетил...».

И вот главная комната дома — кабинет А.С. Пушкина, воссозданный по воспоминаниям современников хозяина, его переписке и произведениям. Здесь хранятся письменный стол из Тригорского, подножная скамеечка Анны Керн, трость А.С. Пушкина, чернильница из имения Гончаровых Полотняный Завод.

За окном — сентябрь. Именно в один из сентябрьских дней, скорее всего ранним утром, очередным «оглодком» Пушкин написал «Разговор книгопродавца с поэтом», декларирующий переход автора к профессиональному писательскому труду и отражающий внутреннюю борьбу в сознании поэта, свидетелями которой были пушкинские мемории. Видимо, не раз Александр «вздыхнул» здесь, вспоминая время, когда он писал «из вдохновенья; не из платы».

Тогда он «был далеко». Вспомнились этим утром «приюты скал», «ночью моря шум глухой», «шепот речки тихоструйной», «тёмный кров уединенья» — образы, характерные для его крымских стихов.

Как много видела эта комната! 1824 год — время завершения пушкинского романтизма. Но прежде, чем с ним расстаться, Пушкин ещё раз погрузился в бахчисарайские воспоминания, и, может, таким же



ранним утром появились пленительные стихи «Фонтану Бахчисарайского дворца».

А сатира «Мне жаль великия жены!» Отныне Крым для автора — исторический регион и часть России.

О Екатерине II он замечает:

«Мы Прагой ей одолжены,  
И просвещением, и Тавридой  
И посрамлением Луны».

Выходим из дома. С высокого холма открывается привлекательная картина. Внизу долина, устланная зелёным травянистым ковром, под холмами — окрестные деревни, между ними вьётся река Сорочь, воспетая Н. Языковым, виден фасад тригорского дома, озёра Маленец и Кучане.

Вот они, «подвижные картины», из пушкинской «Деревни»:

«Здесь вижу двух озёр  
лазурные равнины,  
Где парус рыбака белеет иногда,  
За ними ряд холмов и нивы полосаты,  
Вдали рассыпанные хаты,  
На влажных берегах бродящие стада,  
Овины дымные и мельницы  
крылаты...»

Те же «картины» мы «видим» и во второй главе «Онегина»:

«Господский дом уединенный,  
Горой от ветров огражденный  
Стоял над речкою. Вдали  
Пред ним пестрели и увели  
Луга и нивы золотые,  
Мелькали сёлы; здесь и там  
Стада бродили по лугам,  
И сени расширял густые  
Огромный запущенный сад,  
Приют задумчивых дриад».

Ему вторит Николай Языков:

«Там, где на дол с горы отлогой  
Разнообразно сходит бор  
В виду реки и двух озёр,  
И нив с извилистой дорогой,  
Где, древним садом окружен,  
Господский дом уединенный  
Дряхлеет памятник почтенный  
Елисаветинских времен, — ...»

Мы переходим в усадебные постройки Михайловского. Первая из них — домик няни, реконструированный в 1999 году. Помогла тогда «Опись сельца Михайловского» 1838 года, сообщавшая: «Деревянного строения, крыт и обшит тесом... Под одной связью баня с голландскою печью, и в ней посредственной величины котёл». Летом в светёлке жила Арина Родионова. А в баньке (мыльне) Александр Пушкин, подобно Евгению Онегину, принимал ледяные ванны. Здесь хранится деревянная шкатулка Арины Родионовны, подаренная ему поэту Н. Языкову летом 1826 года.

В 1999 году реконструирована была и кухня с двумя комнатами и «русскими печми», где готовились блюда для барского стола. Во второй половине флигеля проживала, вероятно, Неонила Онуфриевна, кухарка, упоминаемая в пушкинской переписке. Здесь можно увидеть формы для бланманже, рыбницу для заливной рыбы, тазы для варки варенья. А в жилой комнате — медный самовар священника Опоцкого, из которого, по преданию, А.С. Пушкин пил чай.

Осмотрев эти и другие усадебные постройки, мы отправились в Михайловский парк — типичный образец садово-парковой архитектуры конца XVIII — начала XIX века. Здесь, на старых соснах, рядом с



**Валерий МЕШКОВ**  
(г. Евпатория)

*Родился 25 февраля 1948 г. в г. Кабулети, Аджария, Грузия. В 1966 г. после окончания 11-летки поступил в Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта по специальности «Автоматика, телемеханика и связь». С 1 июля 1972 г. постоянно проживает в Евпатории. С 1984 г. по 1996 г. занимался научной работой, имеет более 20 научных работ по метрологии. В последние годы интересы переместились в область «литературного краеведения», в основном на тему Евпатории. Написал ряд статей, связанных с малоизвестными событиями в жизни М. Булгакова, С. Есенина, А. Ахматовой, Н. Гумилева и других.*



*Кандидат технических наук.*

## **АННА АХМАТОВА И НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ: СВИДАНИЕ В ЕВПАТОРИИ**

Интерес к жизни и творчеству Анны Ахматовой с годами не ослабевает. Растет тираж изданий ее произведений, множатся труды литературоведов и биографов. Свой вклад внесли и краеведы, в частности в Евпатории благодаря Вере Константиновне Катиной (к сожалению, умершей в прошлом году) был установлен адрес «дома Пасхалиди». Вместе с памятной доской в честь Ахматовой он стал одной из историко-литературных достопримечательностей Евпатории.

И все же с Ахматовой нашему городу в какой-то степени не повезло. Случилось так, что период ее пребывания в Евпатории вместе с матерью Инной Эразмовной Горенко (урожденной Стоговой), сестрами

Инной и Ией, братьями Андреем и Виктором до сих пор во многом состоит из «белых пятен». Такое впечатление складывается при изучении автобиографических заметок самой Анны Андреевны, а также существующих жизнеописаний.

Наиболее значительным из них является «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой» Вадима Алексеевича Черных, ученого секретаря Археографической комиссии Славянского Института РАН, кандидата исторических наук. Она охватывает весь период жизни поэта (так себя называла сама Ахматова, а слово «поэтесса» не любила). Большой труд, проделанный автором летописи, тем не менее, оценивается им как предварительный ва-

риант. Сведения о Евпатории здесь носят обрывочный характер, и получить связное представление о евпаторийской жизни довольно затруднительно. Наиболее известен и приведен в «Летописи» фрагмент из автобиографии Ахматовой, схематично представляющий этот период: «Августа начало. «В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории». Датировка сделана В. Черных и документально не подтверждена, здесь также странно утверждение об «отрезанной от мира Евпатории». Насколько известно из документальных источников, и 1905, и 1906 годы в Евпатории были отмечены бурными революционными событиями.

Что касается «великого множества беспомощных стихов», то по их поводу подруга Ахматовой В. Срезневская вспоминала: «Анна свои ранние стихи, к сожалению, не сохранила, и потому для исследователей ее творчества навеки утрачены истоки прекрасного таланта.<...> В 1905 году Горенко уехали из Царского Села по семейным обстоятельствам. И этот короткий промежуток наших жизней держался только на переписке, к сожалению, затерянной нами».

Скорее всего, и стихи, и письма были уничтожены, потому что содержали слишком личное, сокровенное, о чем не хотелось делиться со всем миром. Ключ к такому пониманию дают чудом сохранившиеся письма к С. Штейну 1906-7 гг.,

из которых можно кое-что узнать и о событиях в Евпатории. На основании этих писем возникла запись в «Летописи», относящаяся к 1905 г.: «Весна. А.А. влюблена во Владимира Викторовича Голенищева-Кутузова». Из тех же писем узнаем, что и в 1907 году мысли Анны все еще устремлены к этому человеку. Но об их отношениях расскажем, если это заинтересует наших читателей, в другой раз.

Пока же напомним, что в этом году исполнилось 120 лет со дня рождения Николая Гумилева, замечательного поэта, путешественника, отважного воина, награжденного двумя «Георгиями» в Первую мировую войну. 25 апреля 1910 года (по старому стилю) после венчания в одной из сельских церквей Черниговской губернии Гумилев и Ахматова стали мужем и женой. Свадьба была более чем скромной, без родственников, было лишь несколько друзей. Вскоре после этого молодые уехали в Париж.

А познакомились они еще в конце 1903 года в Царском Селе. С весны 1904 уже встречались часто, ходили на концерты, вечера, где бывала молодежь. Гумилев подружился с братом Анны, Андреем Горенко. Оба увлекались поэзией, много читали. Но летом 1904 г. Аня с матерью поехали под Одессу на дачу Лустдорф. Сохранились стихи, написанные в то время, но их романтический герой был не Гумилев, а одесский литератор Федоров, взрослый человек, намного старше Ани.

Осенью 1904 года сестра Инна вышла замуж за Сергея Штейна. Они устраивали вечера поэзии для близких друзей, студентов и гимназистов. Все вместе потом ходили в гости друг к другу, образовались уже и литературные кружки. Уда-

валось их посещать и Ане, хотя отец запрещал, но мать уступала дочке. В этот круг знакомых входил и Кутузов, студент Петербургского университета, приятель Штейна и Гумилева. Отношения Анны с Гумилевым складывались непростые, Анна считала его другом, в сохранившихся стихах потом называла его братом.

На бурные общественные события начала 1905 года наложились и драматические события в семье Горенко. Отец Анны, 58-летний статский советник Андрей Антонович Горенко, член Совета Главного управляющего Главного управления торгового мореплавания и портов, член правления Русско-Дунайского пароходства и член комитета Общества содействия русской промышленности и торговле, подает в отставку. Он уходит из семьи, переезжает в Петербург и в этом же году женится, как видно, по давнишней любви на вдове своего товарища, адмирала Страннолюбского. Все дети остаются с Инной Эразмовной, не упавшей духом и мужественно переносившей такие трагические перипетии семейной жизни. В автобиографических записях Ахматова сдержанно комментирует эти события: «Весной 1905 года <...> наша семья переехала в великолепную, как тогда говорили, барскую квартиру на Бульварной улице (дом Соколовского), но, как всегда бывает, тут все и кончилось. Отец «не сошелся характером» с <главноуправляющим Главного управления торгового мореплавания и портов> великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку, которая, разумеется, была принята. Дети с бонной Моникой были отправлены в Евпаторию. Семья распалась. Через год — 15 июля 1906 года — умерла Инна. Все мы

больше никогда не жили вместе...».

Вряд ли причины отставки таковы, как ее могли объяснять детям и родственникам. Здесь заметно стремление Ахматовой сместить акценты, скрыть скандальность происходившего в семье. По воспоминаниям ее брата Виктора, отец был «страшный мот и вечно увивался за женщинами». Вспомнив «Анну Каренину» Льва Толстого, нетрудно понять, кто являлся, несчастьем этой «несчастливой по своему» семьи. Как и Стива Облонский, Андрей Антонович Горенко свои удовольствия и увлечения ставил превыше блага семьи, здоровья и благополучия детей. Великий князь, скорее всего, и напомнил о великосветских приличиях, ведь открытая связь семейного человека с другой женщиной в придворных кругах не могла приветствоваться. Или семья — или отставка. Вероятно, Горенко вспылал, подал в отставку, семью бросил. В письмах к Штейну Анна пишет: «...уважать отца я не могу, никогда его не любила, с какой же стати буду его слушаться». Но в дальнейшем, после замужества, с отцом примирилась, бывала в его новой семье, ухаживала за ним перед смертью. Умер он через десять лет в 1915 году. Как видно, и он нелегко перенес уход из семьи и рано ушел из жизни, хотя отличался хорошим здоровьем.

А вот дочерям здоровье родителей не досталось по наследству. Из «Летописи» узнаем: «Апрель. Сестра А.А. Инна Андреевна, заболевшая туберкулезом легких, уехала к родственникам в Евпаторию». Но в Евпатории она была недолго, там же сообщается: // «Сентябрь. Сестру Инну перевезли в Сухумскую санаторию для чахоточных». Впоследствии страдали от этой же болезни

Анна и ее младшая сестра Ия. Анна чудом излечилась, а вот Ия умерла в 1922 г. Еще раньше, когда Анне было 7 лет, умерла младшая сестра, четырехлетняя Ирина.

Это тоже могло быть одной из причин переезда в Евпаторию, где климат более здоровый, чем в Петербурге и окрестностях. В переписке с В. Черных задавался вопрос: известно ли, кто были евпаторийские родственники? По сообщенным им сведениям, в Евпатории проживал Владимир Антонович Горенко (1858 г.р.), брат отца Ахматовой. Он был одно время учителем математики в Евпаторийском уездном училище. Но более ничего не известно. *Возможно, кто-либо из потомков Горенко живет в нашем городе, или кто из жителей что-то вспомнит и нам сообщит? Любые достоверные сведения представляют интерес.*

Но читаем «Летопись» дальше: «Апреля 17. Пасха. «На Пасху Гумилев, в отчаянии от ее <А.А.> нежелания всерьез отнестись к его чувству, пытался покончить с собою. Потрясенная и напуганная этим, она рассорилась с ним, и они перестали встречаться». Много позже, уже в пожилом возрасте, в записных книжках Ахматова делает запись: «На Пасху 1905 — первая угроза самоубийства. Тревога Инны Эразмовны. <...> Первый разрыв».

А затем последовал переезд в Евпаторию. Как указывалось выше, В. Черных относит его к началу августа. Автор данной статьи имеет серьезные аргументы полагать, что это произошло гораздо раньше: в конце весны или начале лета. Но обсуждение и доказательства отвлекут нас от темы, поэтому обратимся снова к биографии Гумилева. Не общаясь в этот период с Анной, он поддерживает дружеские отноше-

ния с ее старшим братом Андреем, они переписываются. Гумилев готовит книгу стихов «Путь конквистадора», которую издает на средства родителей в октябре 1905 года. Многие стихи были посвящены Ахматовой, а стихотворение «Русалка» в «Летописи» относится к августу 1905 г. Его содержание кажется навеянным дыханием моря, и вполне вероятно, что Гумилев мог приезжать тем летом в Евпаторию.

У русалки мерцающий взгляд,  
Умирающий взгляд полуночи,  
Он блесит то длинней, то короче,  
Когда ветры морские кричат.  
У русалки чарующий взгляд,  
У русалки печальные очи.

Дело в том, что точных сведений о том, где и как проводили то лето Ахматова и Гумилев, нет ни в «Летописи», ни в других источниках. В то же время известно, что в последующие годы Гумилев не упускал возможности повидать Анну в Севастополе или в Киеве. Странно, если Евпатория была исключением из этого правила. В 1905 г. Николай вполне мог приехать под предлогом встречи с другом Андреем, при этом Анна могла еще сердиться и даже не разговаривать с ним.

Косвенно это подтверждается тем, что экземпляр своей первой книги Гумилев послал в Евпаторию не Анне, а Андрею. А в 1906 году друзья окончили гимназию, Андрей — евпаторийскую, а Николай — царскосельскую Николаевскую гимназию. В начале лета Андрей ездил к другу в Царское Село и, вернувшись в Евпаторию, рассказывал Анне о его новом стихотворении «Крест» («И молча на карту поставил мой крест»).

Анна весной 1906 года поехала в Киев, где жила семья сестры ее ма-

тери Анны Эразмовны Вакар (фамилия по мужу). Она сдавала экзамены для поступления в последний класс Фундуклеевской гимназии, которую окончила в следующем году.

А пока после Киева пожила в Одессе у сестры отца Аспазии Антоновны Арнольд и к концу июня возвратилась в Евпаторию. Сохранилось среди писем к Штейну одно из евпаторийских стихотворений Ахматовой «Я умею любить», написанное тем летом.

И вот далее началом июля 1906 года биографы Гумилева датируют его отъезд в Париж. Известно его письмо Брюсову, тогдашнему законодателю мод в поэзии, заметившему первую книгу Гумилева. Николай писал из Царского Села 15 мая 1906 года, что «летом я собираюсь ехать за границу и пробыть там лет пять».

Но мог ли он в таком случае перед отъездом не повидаться с Анной? Ведь по-прежнему многие его стихи посвящались ей. К тому же Гумилев с детства воспитывал в себе упорство, смелость в преодолении трудностей. С таким же упорством он многие годы добивался взаимности Анны, приходил в отчаяние, несколько раз пытался свести счеты с жизнью, увлекался другими женщинами, но снова и снова возвращался к Анне с очередным предложением. И если его посещение Евпатории в 1905 году — все же пока версия, гипотеза, то, с учетом всех известных обстоятельств, по всем расчетам, неизбежно следовало, что в 1906 году Гумилев был в Евпатории и виделся с Анной.

Однако ни в «Летописи», ни в «Материалах к биографии Н. Гумилева» сведений об этом не было. Здесь заметим, что последний источник не является собранием первичных документов, а основан на

дневниках Павла Лукницкого «Акумиана» 1924-28 гг., содержащих описание встреч и разговоров с Ахматовой. В тот период она благосклонно отнеслась к намерению начинающего поэта и литератора Лукницкого создать жизнеописание Николая Гумилева.

Осуществить это при жизни Лукницкому не удалось. После его смерти дневники были в перестроечное время изданы его женой Верой Лукницкой, написавшей на их основе упомянутые выше «Материалы». В ее версии описанные события представлены так: «В 1905 году Николай Степанович сделал АА предложение и получил отказ. Вскоре после этого они расстались и не виделись в течение года — полтора лет, даже не переписывались. Осенью 1906 АА почему-то решила написать письмо Николаю Степановичу. Написала и отправила. Это письмо не заключало в себе решительно ничего особенного, а Николай Степанович (так, значит, помнил о ней все время) ответил на это письмо предложением. С этого момента началась переписка».

Как-то неубедительно это «почему-то решила». Юноша любил, пытался из-за любви убить себя, но прошло время, он даже не пишет года полтора, может, уже забыл и успокоился в Париже, а девушка решает о себе напомнить? Всякое на свете бывает, но что-то не верится в такую версию, ведь Ахматова, как следует из писем Штейну, все еще любила Кутузова. А вот письма, на которые ссылается В. Лукницкая, не сохранились.

По этому поводу обращался к В. Черных, ответ содержал то, что сказано в предисловии к ч. I «Летописи»: «Многочисленные посмертные публикации записок П.Н. Лукницкого, выполненные его вдовой

В.К. Лукницкой, к сожалению, неудовлетворительны в текстологическом отношении: одни и те же записи в разных изданиях нередко датируются по-разному, изобилуют никак не объясненными и не оговоренными разночтениями и требуют поэтому сугубо критического подхода». Но тогда еще более критически следует относиться к ее интерпретациям записей.

В воспоминаниях Срезневской об этом времени читаем: «Аня никогда не писала о любви к Гумилеву, но упоминала о его настойчивой привязанности, о неоднократных предложениях брака и своих легкомысленных отказах и равнодушии к этим проектам».

В конце лета 1906 года семья окончательно распалась и разъехалась из Евпатории. Братья отправились в Петербург: Андрей — поступать в университет, а Виктор впоследствии поступил в Морской корпус; Инна Эразмовна с Ией переехали в Севастополь.

Осенью 1906 года Анна уже в Киеве, живет у родственников, учится в гимназии, стихов не пишет. Гумилев в Париже находит друзей и единомышленников, в конце 1906 года они задумывают издавать журнал «Сириус». В письме Анны к Штейну от 2 февраля 1907 года вдруг читаем: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой». Но дальнейшие строки будто списаны с плохой мелодрамы: «Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните у В. Брюсова:

Сораспята на муку,  
Враг мой давний и сестра,  
Дай мне руку! Дай мне руку!  
Меч взнесен. Спешит. Пора.

И вот я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог и Вы, мой верный, дорогой Сережа. <...> Не говорите никому о нашем браке. Мы еще не решили, ни где, ни когда он произойдет. *Это — тайна*, я даже Вале (Срезневской — прим. авт.) ничего не написала».

Все это больше похоже на девические фантазии, к которым и окружающие, и даже она сама всерьез не относятся. Вскоре Сергей Штейн, человек серьезный, переписку с Анной прекратил. Не поверил ей и Андрей, с которым Анна тоже переписывалась.

Понятно, что по прошествии лет и взгляды Ахматовой изменились, и эти письма никогда не попали бы в печать, будь ее воля. Впервые они были опубликованы в США через 12 лет после ее смерти, а в СССР в 1986 году в журнале «Новый Мир». Заметим, что из письма Гумилева своему другу Кривичу следует, что он также переписывался со Штейном в это время, и Анна об этом знала. В конце письма она просит Штейна: «Нет ли у Вас чего-нибудь нового Гумилева? Я совсем не знаю, что и как он теперь пишет, а спрашивать не хочу». Это письмо и особенно его окончание плохо согласуются с версией В. Лукницкой об Анне, «почему-то написавшей» Гумилеву еще осенью.

В одном из следующих писем к Штейну от 13 марта 1907 года Анна сообщает, что во втором номере журнала «Сириус» опубликовано ее стихотворение «На руках его много блестящих колец» (это была ее первая публикация, подпись Анна Г.), а в третьем номере «появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории».

Но после выхода двух номеров журнал прекратил существование



из-за отсутствия средств. Стихотворение, как видно, затерялось и осталось неизвестным. В том же письме Анна с иронией отзывается и о журнале, и о Гумилеве: «Зачем Гумилев взялся за «Сириус»? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенес, и все понапрасну. Вы заметили, что сотрудники почти все также известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает».

Здесь явно сказывается незнание жизни у юной девушки. Она еще не понимает, что найти свой путь и выйти на свою дорогу в жизни не так просто. Потом тоже многие свои книги Гумилев издавал на свои средства, зато сохранял свою творческую свободу и независимость. Тот же журнал открывался обращением к читателям, которое по мнению исследователей, написано Гумилевым и отражает его кредо тех лет: «Мы не будем поклоняться кумирам, искусство не будет рабыней для домашних услуг. Ибо искусство так разнообразно, что свести его к какой-либо цели, хотя бы и для спасения человечества, есть мерзость перед Господом». И мало кто заметил тогда, и помнит сейчас, что это был, как и отмечено в обращении, «Первый русский художественный журнал в Париже»!

И в дальнейшем Гумилев не раз оказывался первопроходцем. Он путешествовал по Африке и первый открыл африканскую тему в русской поэзии, был главным основателем нового направления в поэзии — акмеизма, — внес свой вклад в развитие теории и практики поэтического творчества и перевода, был организатором и руководителем творческих объединений. При советской власти ничего не изменил в своих

взглядах, открыто заявлял о себе как о монархисте. И хотя в политику никогда не вмешивался, в 1921 году был обвинен в соучастии в монархическом заговоре — «Таганцевском деле» — и расстрелян 25 августа того же года вместе с другими 60 обвиненными. По мнению Ахматовой, он был невиновен, и оказался жертвой провокации. Скорее всего, так и было, а после ареста дело просто сфабриковали.

Еще в 1968 году Павел Лукницкий подавал в Генеральную прокуратуру СССР заявление о реабилитации Гумилева, но тогда в этом было отказано. Дело довел до логического завершения сын Лукницкого Сергей. В сентябре 1991 года поэт официально был реабилитирован. Юридически обоснованных доказательств участия в заговоре не оказалось.

Но вернемся в 1906 год. Судя по всему, что было известно о Гумилеве, ничто не давало повода поверить, что он ждал бы полтора года, пока Анна «почему-то» ему напишет. Ведь даже в его манифесте акмеизма выражался не только художественный, но выношенный с юных лет жизненный принцип: «Акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления». Но любая версия остается версией, если не найдено доказательство.

Как ни удивительно, такое доказательство удалось найти, и даже не в каком-нибудь архиве, а в книге английской исследовательницы Аманды Хейт (1941-1989) «Поэтическое странствие». Эта книга использована В. Черных как один из источников для «Летописи», поэтому казалось, что такое значитель-

ное событие не осталось бы незамеченным. Вот что сказано в предисловии к части I «Летописи»: «Особое место в мемуарной и биографической литературе об Ахматовой занимают книга А. Хейт «Анна Ахматова. Поэтическое странствие», а также записки В.С. Срезневской. Они написаны, можно сказать, с благословения Ахматовой и при ее участии. По мысли Ахматовой, книга А. Хейт и записки В. Срезневской должны были противостоять многочисленным воспоминаниям ее современников, опубликованным за рубежом <...>, которые Ахматова считала недостоверными».

В книге Хейт находим: «Весной 1906 года Анна вместе с тетушкой поехала в Киев держать экзамены в гимназию. Киев был наиболее подходящим и дешевым местом для продолжения учебы, потому что там жили родственники Горенко. Анна выдержала экзамены и вернулась на лето в Евпаторию. Гумилев, который после окончания в июне гимназии собирался в Париж, приехал повидать Ахматову, и они помирились. Уже в Париже он получил письмо от Ахматовой, которую назвал в одном своем стихотворении «странной белой розой».

Теперь все подтверждается: именно в Евпатории состоялась встреча Анны с Николаем и их примирение. В это время семья Горенко покинула дом Пасхалиди и лето проводила на одной из дач, возможно, у родственников. Этот второй адрес Ахматовой в Евпатории пока неизвестен. Нет сведений и о том, каков был маршрут первой поездки Гумилева в Париж. Скорее всего, из Евпатории он на пароходе отправился в Одессу, а оттуда морским путем, например, до Марселя. Там с Парижем имелось желез-

нодорожное сообщение. Из Евпатории такого не было до 1915 года даже до Симферополя.

Конечно, встреча в Евпатории не обошлась без чтения стихов. Иначе трудно объяснить появление стихов Анны в журнале «Сириус». Конечно, из Парижа сначала написал Гумилев, хотя бы сообщить, что уже прибыл, и указать адрес. В написанных спустя очень много лет заметках Ахматовой «О Гумилеве» о переписке тех лет сказано так: «Нашу переписку (сотни писем и десятки tel — телеграмм, прим. авт.) мы сожгли, когда женились, уже понимая, что это не должно существовать». Косвенно это является указанием на то, что и переписка со Срезневской, и «беспомощные стихи» были уничтожены Ахматовой по той же причине.

И так оказалось, что в число всей уничтоженной переписки и стихов попали почти все «евпаторийские» стихи и письма. Насколько богаче оказалось бы литературное наследие Евпатории, если бы они дошли до нас! По оценкам автора статьи, стихов могло быть не менее сотни, и, конечно, не все такие уж «беспомощные». В воспоминаниях одного из поэтов-царскоселов Николая Оцуца находим: «Анненский любил стихи почти никому не известной гимназистки Горенко больше, чем стихи Гумилева, но с необычайной прозорливостью предвидел, что Гумилев пойдет по пути Брюсова успешнее, чем сам Брюсов». Директора Николаевской гимназии и поэта Иннокентия Анненского Гумилев и Ахматова считали своим учителем.

Характерен фрагмент, внесенный В. Черных в «Летопись»: «Воспоминания В.С. Срезневской (записанные рукой А.А.): «Когда Иннокентию Федоровичу Аннен-

скому сказали, что <...> (Штейн) женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани». Сама Ахматова не раз отмечала, что по-настоящему путь в большую поэзию ей открылся после знакомства в 1911 году с посмертной книгой Анненского «Кипарисовый ларец» («...сходила с ума от «Кипарисового ларца». Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было»). И когда Хейт писала книгу, она не была знакома с письмами к Штейну, иначе обнаружила бы, что образ белой розы возник гораздо раньше у Ахматовой. В письме от 13 марта 1906 года она сообщает:

«...Из белых роз мне свей венок,  
Венок душисто-снежных роз  
Ты тоже в жизни одинок  
Ненужной жизни тяжесть нес, —

говорила я когда-то в крымском стихотворении «Весенний воздух властно смел» (*неизвестное стихотворение — прим. авт.*).

Но в заметках «О Гумилеве» сказано: «Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Н<иколай>С<тепанович> и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, напр<имер>, танцами («ты такая гибкая»)). Становится понятно, что после женитьбы Гумилев полагал, что в семье достаточно одного поэта, а он уже был известен и признан. Вначале Анна согласилась, что теперь ее удел — быть просто женой, стихи и письма уничтожила, чтобы ничто не смущало спокойствие мужа. Как оказалось, судьбу не изменишь, а сердцу не прикажешь.

Поверим близкой подруге Анны В. Срезневской: «Конечно, они были слишком свободными и большими людьми, чтобы стать парой воркующих «сизых голубков». Их отношения были скорее тайным единоборством. С ее стороны — для самоутверждения как свободной от оков женщины; с его стороны — желание не поддаться никаким колдовским чарам, остаться самим собою, независимым и властным над этой вечно, увы, ускользающей от него женщиной, многообразной и не подчиняющейся никому».

Их союз не укрепился и с рождением сына. Лев Николаевич Гумилев, будущий ученый-историк, появился на свет 1 октября 1912 года. Воспитывался он у родных Гумилева.

Ахматова и Гумилев развелись в августе 1918 года. Но в заметках «О Гумилеве» Анна Ахматова замечает: «Когда в 1916 г. я как-то выразила сожаление по поводу нашего, в общем, несостоявшегося брака, он сказал: «нет — я не жалею. Ты научила меня верить в Бога и любить Россию». Оба сохранили навсегда уважение друг к другу, оба умерли в России. Могила Гумилева неизвестна, предполагаемое место расстрела где-то в районе станции Бернгардовка под Петроградом.

По расхожим понятиям, для своего сына Анна не была образцовой матерью, но, тем не менее, сумела передать ему главное — то, что он сын своего отца. В доказательство приведем рассказ самого Льва Гумилева о том, из-за чего он был арестован в 1938 году, будучи студентом университета, и попал в лагерь: «Лектор стал потешаться над стихотворениями и личностью моего отца. «Поэт писал про Абиссинию, — восклицал он, — а сам не был

дальше Алжира... Вот он — пример отечественного Тартарена!» Не выдержав, я крикнул профессору с места: «Нет, он был не в Алжире, а в Абиссинии!» Пумпянский снисходительно парировал мою реплику: «Кому лучше знать — вам или мне?». Я ответил: «Конечно, мне». В аудитории около двухсот студентов засмеялись. В отличие от Пумпянского, многие из них знали, что я — сын Гумилева. Все на меня оборачивались и понимали, что мне, действительно, лучше знать. Пумпянский сразу же после звонка побежал жаловаться на меня в деканат. Видимо, он жаловался и дальше. Во всяком случае, первый же допрос во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной следователь Бархударян начал с того, что стал читать мне бумагу, в которой во всех подробностях сообщалось об инциденте, произошедшем на лекции Пумпянского...».

В этом году исполнилось 40 лет со дня смерти Ахматовой, исполняется 85 лет со дня смерти Гумилева. Весной в Коктебеле у дома Волошина был открыт памятник Гумилеву.

С Евпаторией связаны более жизненноутверждающие события в жизни Анны Ахматовой и Николая Гумилева. 100 лет назад Анна проводила здесь свое последнее евпаторийское лето, здесь состоялась ее встреча с будущим мужем и отцом ее ребенка, их примирение после долгой размолвки. Они были молоды и полны надежд и еще не знали, что ждет их впереди. Из Евпатории Гумилев отправился в свое первое путешествие за пределы России. Это было и его первое посещение Крыма.

Как ни удивительно, этот факт до сих пор ускользал от внимания исследователей. В обширной публикации «Как красивы берега Крыма...» И. Петровой из Санкт-Петербурга («Литературный Крым», 21 апреля 2006 г., № 14-16) подробно рассказывается о шести приездах Гумилева в Крым. О том, что до этого была Евпатория, нет ни строчки...

Использованы материалы ахматовского сайта «Ты выдумал меня» и сайта «Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений» в Интернете. Автор благодарит за помощь и консультации В.А. Черных.

КРЫМ • КЪЫРЫМ

КРИМ 3<sup>[34]</sup> 2013

Літературно-художній журнал

Редактор  
Данило Кононенко

Сімферополь



КРИМ 3.2013

**Віктор СТУС**  
(м. Сімферополь)



*Член Національної спілки письменників України і Національної спілки журналістів України, заслужений журналіст України, заслужений журналіст Автономної Республіки Крим, нагороджений Золотою медаллю української журналістики і медаллю Нестора Літописця.*

*До 200-річчя від дня народження Тараса Шевченка*

## ПОТОЛОЧЕНА ТРАВА-МУРАВА

Оповідання

— Я не проти твого проекту. Та добувай собі вапняк, скільки завгодно. В підгірній частині моєї області поклади тих каменюк — й твоїм дітям та онукам вистачить. Справжній Клондайк. Я на твоєму боці й руками, й ногами. У парі нам будь-які вершини здолати — раз чхнути, — щиро запевняв голова облдержадміністрації Валентин Бур'яненко, тлустий чоловічок з коротко підстриженою головою і банькатими очима. Він вивчаючим поглядом обшарював відвідувача, недбало покручуючи авторучкою між товстими пальцями. З кожним словом його повні губи округлювалися, мов у коропа.

— Я ніколи не сумнівався у вашій далекоглядності, — вдоволено усміхався Володимир Травкін, генеральний директор приватного підприємства, володар з десятка вапнякових кар'єрів. Дозвіл на їхнє відкриття він отримав саме за сприяння Бур'яненка. Тонкий та дов-

гий, як жердина, він раз-по-раз пригладжував в'юнку шевелюру та чорні вусики під гачкуватим носом, схожим на воронячий дзьоб. Його темні очі туди-сюди бігали — з обласного начальника на широкий полірований стіл і назад. На мить спинялися на губернаторському чолі з великими залисинами, наче там були записані відповіді на всі запитання. — Бачу, ви мій сподвижник у цій делікатній справі. І якщо діло вигорить, то я не забарюся віддячити, чим тільки зможу.

— А для початку заради нашої дружби візьми на посаду одним зі своїх заступників мого сина. Красень. Атлет. Тільки-но закінчив інститут економіки і права. Не сумнівайся, не підведе. Хлопець башковитий. Під мою відповідальність. Понімаєш? То як? Береш? — м'яко чи то просив, чи то наказував Бур'яненко, і пронизував гострими примруженими очима співбесідника.

— Та я... — від несподіванки Травкін спочатку аж поперхнувся, сердито пожував тонкі губи, покрутив гострим носом, та швидко отямився і роблено заусміхався: — Та я, зрозуміло, не проти. Це велика честь для мене — мати в компаньйонах сина такої авторитетної людини. Головне — щоб дозвіл на видобуток вапняку був.

— Буде, буде! Куди він від нас подінеться. Тільки тобі, вельмишановний, треба трішки, так би мовити, попрацювати з членами комісії, заручитися їхньою підтримкою. Дозвіл має бути легітимним — щоб ніякі прокурори не прикопалися. Я, звичайно, де треба, натисну. Я це вмію. Одначе... Ти мене розумієш?

— Та як не зрозуміти, пане голово? Я добре відаю, в якій країні живу. Така у нас специфіка — не підмажеш, не поїдеш. Я не бідна людина, для мене такі проблемки вирішувати не вперше, — піддакував Травкін, кляючи носом.

— Тільки змушений попередити — там, у міжвідомчій комісії, начальник екологічної інспекції Петро Кремень. Саме прізвище красномовне. З ним слід бути особливо обачним, — Бур'яненко підняв угору вказівний палець.

— А в чім річ? Йому що — гроші не потрібні? — Травкін змовницьки нахилився до Бур'яненка й захихикав. В його чорних очах застрибали бісики.

— Як без них? Вони всім необхідні. Але то такий патріот... Правду-матку так і ріже. Непідкупний, чорт його забирай. Корчить із себе правдолюба. Начитався Шевченка та й сипле його цитатами наліво й направо, — тяжко зітхнув голова і почув брижі на потилиці. — Він справжнісінький націоналіст. Там таке цабе з себе корчить.

— Не таких обламували! — запевнив Травкін і теж провів долонею по густій чуприні. — На світі немає безгрішних. Як кажуть, була б людина, а провина знайдеться.

— Він мені самому, як кістка в горлі, — Бур'яненко, підводячись із високого темно-бурого шкіряного крісла-вертушки, ребром долоні торкнувся кадика. — Та що поробиш — спеціаліст він знаний, з його думкою рахуються, користується авторитетом. До того ж, депутат облради. Просто так не підкопаєшся. Так що май на увазі.

— Спасибі за попередження. Щось придумав, — витягнувся над столом довготелесий Травкін.

На прощання вони обнялися, мов давні друзі.

А десь через тиждень членів комісії зібрали на вертолітному майданчику на околиці міста. Біля гвинтокрила вже порядкував власною персоною господар кар'єрів Володимир Травкін.

— Прошу на борт! — весело гудів він, по-лицарськи допомагаючи жіночкам підніматися східцями. — Я спеціально найняв оцього «джмеля» — щоб зберегти ваш дорогоцінний час. З висоти оглянете місцину, де має бути кар'єр. І самі переконаєтеся, наскільки він безпечний для природного середовища та мешканців навколишніх поселень.

До салону Травкін забрався останнім, махнув обслузі та пілоту: мовляв, посадку закінчено, можна рушати. І вмовився поряд з Петром Кременем, кремезним, широким у плечах, з дочасно посивілою кучмою волосся, ще темними густими вусами і глибокими карими очима під широкими бровами.

Вертоліт швидко набрав потрібну висоту, крутнувся над солоним озером, що віддзеркалювало сонце, і взяв курс на південь до крем'яних

гір, які, здавалося, підпирали блакитне небо, спиняючи хмарки. Петро Кремень, як й інші члени комісії, припав до круглого віконця. Перед його зором унизу відкривалися пейзажі, один від іншого кращий. Гордість розпирала груди. Який же чарівний цей край у кінці травня — все навколо буяє, тягнеться вгору, квітує, переливається найрізноманітнішими барвами! Петро довго спостерігав, а потім, пересилуючи шум гелікоптера, раптом задекламував:

Летим. Дивлюся, аж світає,  
Край неба палає,  
Соловейко в темнім гаї  
Сонце зустрічає.  
Тихесенько вітер віє,  
Степи, лани мріють,  
Між ярами над ставами  
Верби зеленіють...

Дехто з членів комісії підтримав Петра. І тепер уже декламували Тараса Шевченка хором. Травкін, що сидів поряд, похвалив:

— Як романтично! Я так і знав, що наш політ усім сподобається. Як тільки спустимося на землю, я запрошую всіх до намету на чай та каву. Треба ж кілька хвилин спочити після перельоту.

А Петро продовжував, дивлячись за вікно. І не тому, що підхваляє гендиректор (у нього свої види на цю подорож), а тому що природа заворожувала.

Сади рясні похились,  
Тополі по волі  
Стоять собі, мов сторожа,  
Розмовляють з полем.  
І все то те, вся країна,  
Повита красою,  
Зеленіє, вмивається  
Дрібною росю,  
Споконвіку вмивається,  
Сонце зустрічає...  
І нема тому почину,  
І краю немає!

На просторому майданчику на невисокому пагорбові, що нагадував стіл, вертоліт приземлився. Травкін спустився першим коротким металевим трапом і пропонував руку членам комісії — і жінкам, і чоловікам. Кремень вдав, що не помітив послугу гендиректора, і майже збіг сходянками.

— Он у тому розкішному голубому наметі нас чекає кава і ароматний чай, заварений на місцевих травах, — Травкін ткнув долонею вниз.

Там, біля підніжжя столової гірки, під ясным травневим сонцем синів намет, а навколо різнобарвні польові квіти — багряні, блакитні, жовті, червоні. І так на всьому обширі, скільки сягає погляд.

Травкін збіг вниз до намету, відхилив полог, пропускаючи членів комісії. Двоє дівчат у вишиванках зустріли їх хлібом-сіллю.

— За давнім українським звичаєм прошу шановних гостей скуштувати оцей коровай. Він готувався спеціально для вас, мої любі друзі, — припрошував Травкін.

Петро Кремень прискіпливим поглядом окинув довгий стіл посеред намету за спинами дівчат. Чого тільки на ньому не було — тарелі бутербродів з червоною ікрою, ковбасними нарізками, свіжими помідорами, огірками, ківі, апельсинами, лимонами, зеленню. Посередині чималий нафарширований осетр. І поряд пляшки з коньяком, горілкою, винами, безалкогольними напоями.

— Та тут краще, ніж у найліпшому ресторані! — вигукнув здивований представник управління водного господарства Сергій Плескач, опецькуватий чоловічок з кругленьким черевцем, і вдоволено потер долоні.

— Аякже! І все це для вас, дорогі гості. Щоб веселіше працюва-



лося. Прошу! — Травкін широким жестом запросив членів комісії до столу.

Двоє юнаків, теж у вишиванках, підставляли білі пластикові крісла під кожного члена комісії. Розсадивши гостей, вони відкривали пляшки з горілкою та вином. Травкін власноруч відкорковували кримський п'ятизірковий коньяк. Всі були неабияк подивовані — це ж треба, сам гендиректор пригощає, схоже, свій хлопець, без гонору, як рівня. Та яка рівня! Він радо прислужує їм — як оці офіціанти з ресторану.

— Призвольтеся, вельмишановні друзі! Відчувайте себе, як удома! Скуштуйте наші скромні страви! — не переставав припрошувати Травкін, наливаючи коньяк членам комісії. Тільки тепер помітив, що в наметі немає Кременя. І насмішкувато спитав: — А де ж це наш головний еколог і шевченкознавець?

— Не чіпайте його! Нехай працює! І за нас також! — в тон йому відказав Плескач, накладаючи до своєї тарілки товстий шар ковбасної нарізки. Дехто із членів комісії теж захихикав.

— Не зручно якось. Піду покличу. А ви снідайте. На лоні природи завжди приємніше, — і, аби захопити публіку, підняв келишок з коньяком.

— За вас, дорогі мої! Хай буде легкою ваша важка праця! — залпом вихилив келих, пожував скибку лимона і вийшов з намету, широкими кроками попростував до річечки, що тягнулася від далеких гір у безкраю широчінь степу.

Там Петро Кремень, опустивши руки в чисту прозору воду, змивав невдоволення, що в ньому забурлило після побаченого в наметі. То не проста гендиректор закатав такий

бенкет. Хоче приспати пильність членів комісії, задобрити їх... Прохолода води, здавалося, проймала все тіло.

Кинув погляд вздовж звивистого голубого русла, що губилося за гаями серед полів. Обабіч ледь проглядалися обриси двох невеликих сіл, що тонули в садах. Спостерігаючи за потоком води, він подумки позаздрив тамтешнім мешканцям: «Це ж яке щастя — мати у своєму розпорядженні таку чистісіньку річку! Справжній скарб! Дуже мало залишилося на землі подібних джерел». І тут же подумав, що відкриття кар'єру може знищити і цю краєву, і цю річечку, перетворити життя сільчан на муки. Бо вода, якщо й залишиться, стане мертвою. А мертва річка — то річка прокляття. З наваром буде лише одна людина — Травкін, «новий руський», який увійшов у довір'я керівникові області, заручився його підтримкою і здатен робити що завгодно, аби тугіше набити свої кишені. Доля ж цієї річечки, як і мешканців отих сіл для нього нічого не значить. Бо він чужинець. Якого дідька він дбатиме про їхнє благополуччя? Ці думки роєм крутилися в голові, бентежили сумління. То ж одвічне гамлетівське «Бути чи не бути?» перевертало душу. Він чітко розумів: доля цього неповторного куточка у його ріднім краю залежить від нього, Петра Кременя, точніше — від його підпису-закорючки.

— Так ось де ви! — почув за спиною деренчливий голос гендиректора і здригнувся від несподіванки.

Травкін присів поряд і теж втовкмачив руки у воду. — Не річка, а благодать! Жаль, звичайно, що доведеться пожертвувати нею. І не тому, що так хочеться. Є нагальна необхідність. Люди потребують ро-

бочих місць, солідних заробітків. Бо що то за життя — без достатку. Саме про це я дбаю, пропонуючи створити отут кар'єр.

— А вам не здається, що такими благими намірами ви стелите дорогу до пекла? Принаймні, для жителів отих сіл? Ви отримаєте прибутки, а вони головний біль на все життя. Он скільки ваших кар'єрів в області. Витягли з них вапняки. А хто їх рекультивуватиме? Онуки? Правнуки? І вас совість не мучить? — Кремень випростався. Гендиректор теж. Стояли один навпроти одного, пронизуючи очима, як боксери на ринзі перед боєм.

— Ви про що, Петре Гнатовичу? — криво усміхнувся Травкін, не витримавши психологічного протистояння. — Я і в мислях нічого поганого не маю, а тільки добробут наших людей. Заради них усі мої старання і страждання. Краще ходімо до намету, дорогесенький ви наш шанувальнику Кобзаря, та там усе й обговоримо, — Травкін худю кістлявою рукою торкнувся мускулистого плеча Кременя. Але той повів плечима з боку в бік і кинув, не обертаючись:

— Йдіть! А я тут побуду. Подумаю. Природа підкаже правильне рішення, — Кремень відвернувся від Травкіна, наче його поряд і не було, роздивляючись чистий квітучий обшир.

— А хочете пораду успішного бізнесмена? Петре Гнатовичу, ви мене чуєте? — Травкін обійшов і став попереду.

— Розумні доводи я завжди чую, — Кремень уставився в його зіниці.

— Поменше згадуйте отого невблаганного Шевченка. Бо він заведе вас у глухий кут, з якого ви можете й не вибратися, — Травкін багатозначно з прижмуром окинув постать Кременя з ніг до голови.

— Не раджу керуватися його заповідями. Вони застаріли. Зараз інші часи. Як каже губернатор Бур'яненко, ви мене розумієте?

Кремень повернувся до Травкіна всією могутньою статуєю, блиснув іскрами з-під густих брів.

— Так-так. Інші часи, — погодився і продекламував: «Кругом неправда і неволя, народ замучений мовчить». Ви хочете, щоб ми мовчали, спостерігаючи, як ви грабуєте країну, її надра?

— Хочете обуха багатом перебити? Марні намагання. Читаючи Шевченка, ви дуже ризикуєте, Петре Гнатовичу. І, навіть, своєю кар'єрою. Не стійте на моїй дорозі разом з отим Шевченком, бо зімну, як оцю траву, — Травкін модними туфлями із крокодилячої шкіри розчавив квітку польового маку, його обличчя покрилося багряними плямами злості.

— Ви мені погрожуєте? — Кремень гордо підняв підборіддя, його вуса настовбурчилися, кулаки стиснулися. Схоже, він був готовий до двобою.

— Що ви? Я попереджаю! Поки що. А далі видно буде. Йшли б ви краще до гурту та робили те, що й усі. Це в ваших інтересах. Але якщо упіратиметеся, то матимете великі неприємності, — Травкін на мить зазирнув у зіниці Кременя, і знову не витримав його проникливого погляду, квапливо опустив вії. Демонстративно крутнувся, збираючись піти. Та посковзнувся на соковитій траві на самім бережку, кумедно захитався і ледве не шубовснув у ручай.

— Обережніше, пане генеральний директоре, — засміявся Кремень, простягаючи руку, аби допомогти. — Це для вас перше попередження. А Тараса Шевченка вам не здолати. Разом з усією

репресивною машиною. Ми не дозволимо!

— А це ще побачимо! Як кажуть, бабуся надвоє ворожила.

Травкін, кумедно хапаючись руками, наче клешнями, навкарачки видерся крутим схилом нагору. Швидко почимчикував до намету, підминаючи туфлями різнобарвні суцвіття. Позад нього слався глибокий слід прим'ятої зелені та квітів.

Кремінь розумів, що сьогодні вирішується: бути чи не бути кар'єру на цьому благодатному, Богом даному місці. І вертоліт, і той сніданок, що переріс у гулянку — то все заради того, щоб члени комісії поставили свої підписи під дозволом на виробіток вапняку. Але ж не можна губити цю первісну красу. Не можна!

Він знав: там, у наметі, вже лежать заготовлені акти й протоколи. І як тільки члени комісії поставлять на них свої підписи, ті папери «запрацюють» — невдовзі тут з'являться скрепери та бульдозери, і затріщить, заплаче земля, а разом з нею і мешканці цього краю. Поставити свій підпис на них — це вчинити злочин. Зникне ручай, висохнуть сади й городи, мешканці почнуть тікати з сіл. Хіба це полюдськи? То що робити? Як спинити майбутню вакханалію?

— Треба йти до намету й переконувати членів комісії не підписуватись, — вголос сказав самому собі, оцій траві, квітам та дзюркотливому ручаєві.

І він, аби більше не толочити молоду квітучу зелень, подався до намету своїм же слідом. Там повним ходом ішла гульня. Коли Кремінь відхилив полог, Сергій Плескач, уже доволі веселий, підвівся і щосили гукнув:

— Я ж казав, що Петро Гнатівич повернеться. Я був упевнений.

Гей, хлопче! — ткнув пальцем у хлопця в вишиванці. — Ану, наплескай йому повний-повнісінький келих. Так би мовити, штрафну.

Хлопець набулькав у келих коньяк і подав Кременю. Той узяв. І зразу ж у наметі запанувала тиша. Травкін з виделкою в правиці буквально прикипів поглядом до нього. А Плескач, тягнувши через стіл свій бокал, попросив:

— Петре Гнатовичу, ти авторитетний чолов'яга. Тебе всі поважають. Скажи тост. Та такий, щоб захотілося випити оцей чарівний напій до денця.

Кремінь підняв свій келих, уважно обвів поглядом усіх і почав:

— Товариство, на нас лежить величезна відповідальність за долю цього чарівного куточка землі нашої України. А тому я з радістю осушу цей келих, якщо кожний із вас відмовиться поставити свій підпис на отих паперах, — кивнув головою позад себе на стіл у кутку намету. — На моє переконання, тут має бути курорт, а не кар'єр!

— Петре Гнатовичу, ну, як же це! — заремствував Плескач. — Це не полюдськи. Пан Травкін так старався нам догодити, а ми...

— То відмовляємось візувати оті папери? — Кремінь підніс келих. Не дивився на Травкіна, але відчував: той ладен був спопелити його.

Члени комісії похнюпилися, опустили голови. Одна жіночка, представниця управління з земельних ресурсів, поставила на стіл свій келих і заперечила:

— Я за такий тост не п'ю. І ви, Петре Гнатовичу, не підбивайте нас на провокацію. Валентин Михайлович Бур'яненко дав однозначну орієнтацію — підписати відповідні протоколи. Бо він про інвестиції дбає. А ви... Хіба можна за таке пити?

Дехто з членів комісії теж обережно опустив келих. Серед них, навіть, Плескач, який завжди радий хильнути.

— Зрозуміло, — опустив руку й Кремінь. — Що ж, пийте, гуляйте без мене. На все добре, — вручив повний келих хлопчині, що йому наливав, і рвучко вийшов з намету.

Розмашисто крокував вздовж річечки, що привітно плюскотіла рясними хвильками, до автомагістралі — вирішив добиратися своїм ходом. Його підібрав рейсовий автобус. Колихаючись у кріслі, він помітив вертоліт, що прямував до обласного центру. «Травкін поспішає попередити Бур'яненка. Можна лише здогадуватися, що він йому набуравить».

... На сесії облради з трибуни голова облдержадміністрації Валентин Бур'яненко, звертаючись до депутатів, так пояснював своє подання про відсторонення від виконання обов'язків начальника екологічної інспекції Петра Кременя:

— Уявляєте, його, як пана, на вертольоті доставили на дослідження місцевості під майбутній кар'єр. Та він у робочий час, помімаєш... Тільки уявіть — у робочий час! — самовільно залишив робоче місце, не завізував документи. Як наслідок — потенційний інвестор в особі Володимира Володимировича Травкіна, якого ми так настійно зазивали в регіон, збирається піти від нас. Це ж біда — інвестиції від нас втікають. І через отаких горекерівників, як наш головний еколог і ваш колега-депутат. У зв'язку з цим я висловлюю недовіру Кременю. З таким фахівцем нам не по дорозі! — і сів на своє місце у переднім ряду.

— Треба послухати Кременя! Нехай пояснить свою поведінку! — почулося в залі.

— Правильно! — загули й інші депутати.

Петро Кремінь, спокійний, упевнений у собі, вийшов до трибуни, звично пригладив кучму сивого волосся, розправив вуса, окинув добродушним поглядом присутніх у залі і промовив:

У всякого своя доля  
І свій шлях широкий:  
Той мурує, той руйнує,  
Той неситим оком  
За край світу зазирає, —  
Чи нема країни,  
Щоб загарбать і з собою  
Взять у домовину.

— Та ти по суті, Петре Гнатовичу! — нервово вигукнув Бур'яненко з місця. — Віршиками нас годуюш, помімаєш!

— Так і я ж про це! — криво усміхнувся Кремінь. — Річ у тім, що то було не виїзне засідання міжвідомчої комісії, а вилазка на лоно природи, яку влаштував Володимир Травкін. Так би мовити, прогулянка. Треба ж було людям відпочити після напруженої праці в робочий час. Спасибі інвестору. Він добряче постарався — організував усе на найвищому рівні. Закуска, випивка! Хіба ж міг я за таких обставин щось підписати? От я й вирішив, що мені там не місце й повернувся до міста попутним транспортом.

— Але ж інші підписали? — дорікнув Бур'яненко.

— Підмахнути документи у стані сп'яніння — це по-вашому порядно? Такі важливі рішення необхідно приймати на тверезу голову, після ретельного дослідження, а не під кутом сорок градусів, без відриву від чарки, — гнівно випалив Кремінь, витер спітніле чоло і, звертаючись до депутатів, чітко сказав: — Я завжди чесно виконував свої обов'язки, хоч це

декому не до вподоби. За своє місце я не тримаюсь. Рішення за вами, шановні. А щодо кар'єру, про який так клопочеться губернатор, моя думка така: на тій ділянці слід обладнати місце відпочинку, а не кар'єр. Якщо ми підемо на поведи в інвестора, діти й онуки нам не простять такий злочин.

Запала гнітюча тиша. І раптом на весь зал хтось сказав неголосно, ніби між іншим.

— Травкін там витолочить усю траву, а Бур'яненко йому допоможе.

Така гра слів, схоже, сподобалась учасникам сесії — і зала розрядилася реготом. А Бур'яненко з бурим від злості лицем зіскочив з крісла і, звертаючись до голови облради Віктора Сердюченка, вигукнув:

— Я наполягаю на голосуванні моєї пропозиції!

Спікер, намагаючись втихомирити залу, постукав вказівним пальцем по мікрофону:

— Ставлю на голосування подання голови облдержадміністрації Валентина Бур'яненка про недовіру начальникові екологічної інспекції Петру Кременю. Хто за? Раз, два, три, — і сам підніс догори долоню. — Чому там гальорка відсиджується? Сміливіше, народні обранці. Немає бажаючих?

Більше піднятих рук не було.

— От і добре! — знову хтось голосно сказав у залі.

— Вибачте, вельмишановний пане Бур'яненко, ваша пропозиція не набрала необхідної кількості голосів, — розвів руками Сердюченко.

Губернатор несамовито затряс кулаками.

— Я так цього не залишу! Я виведу всіх на чисту воду! Дехто ще каятиметься, що мене не підтримав! — і Бур'яненко, набундючений, мов півень, прожогом подався до виходу.

Після сесії депутати обступили Кременя. Поплескували колегу по плечу:

— Тримайся, мужайся, Петре. Закінчилося у тебе спокійне життя. Та й декого з нас. Бур'яненко кине в атаку правоохоронні органи, податкову.

— А нам Тарас Шевченко допоможе, — усміхався сумовито Кремень.

Знав, Бур'яненко не простить непокори. Але то буде яма, в яку сам же й звалиться, — надто багато грішків у чинного губернатора, колишнього керівника обласного держфонду майна. При ньому розквітла прихватизація. А Травкіна слід остерігатися. Той може натравити свою «бойову команду», яку звично називають приватною охороною і якої боїться, навіть, міліція. Такі використають будь-які засоби заради власних прибутків.

*13 квітня 2013 року.  
м. Сімферополь.*



**Віктор ВІНОГРАДОВ**  
(м. Ялта)

*Народився в 1963 році, член Національної спілки письменників України з 1994 року, поет, художник, дизайнер, член Спілки дизайнерів України з 2004 року. Дипломант міжнародного конкурсу молодих літераторів «Гранослов-94», лауреат фестивалю «Лір» (1994), лауреат видавництва «Смолоскип» (1995), лауреат часопису «Кур'єр Кривбасу» (2007). Автор збірок поезії: «Шлях дощу», «Серце камені», «Малювання Наркіса». Автор книжки «Романтизм в архітектурній среде Ялты. Ялтинский*

*ORIENT». Кандидат мистецтвознавства. Виконуючий обов'язки доцента кафедри образотворчого мистецтва, методики викладання та дизайну в Кримському гуманітарному університеті (м. Ялта). Літературний самітник. Живе і працює у Ялті.*

### Вірші з книжки «Малювання Наркіса»

#### СТРУНИ

віоли цикад відходять у небо струмками  
в дзюрчання те кволе  
вплітаються запахи хвої  
рослин із прибою  
і закам'янілих вігвамів  
застелених мохом обжитих таємно зимою  
день любить багряне  
в парадах — балах падолисту  
яскравую одіж сусально розписує іній  
торкається вітру листочок ребристий  
і падає у спадок — на дно материнської скрині  
так завжди було  
завжди —  
все повторення просить  
і всім неодлюбна її оксамитова шкіра  
мускатними струнами  
вічна  
милується осінь  
і сонце востаннє  
торкає Гомерову  
ліру

## СЕЙ ДЕНЬ

простий  
 цупкіший за котон  
 стелився в зелені азалій  
 в ротонді  
 згущений озон  
 віршів не висохне гербарій  
 життя драглистий  
 желатин  
 в руках безтямного аскета —  
 летить гортанно  
 муедзин  
 на вищій східці мінарета  
 ряхтить відбілений папір  
 в книжках  
 сорочках  
 маринарках  
 нетемперований клавір  
 луною в лівадійських арках  
 блакитний розіллється блиск  
 на пальми  
 звивини гліциній  
 і мудрий завше  
 лавра лист —  
 кирасою сріблясто-синій  
 зимою в'ялені тіла  
 блідші пелюсток мигдалю

забудуть тінь що відбула  
 зими  
 без жалю  
 потомлені орендари  
 весни  
 що цвіт несе  
 по колу  
 так всесвіт сяяв угорі  
 ще до Гирея  
 і Миколи  
 блаженно доторкнуть крилом  
 сю землю у неспиннім леті  
 і дійство що не відбуло  
 на щастя власникам білетів  
 оглянути  
 і під мотив  
 що не повториться  
 ніколи  
 благословить путі  
 мости  
 якими йде весна  
 відколи  
 з гір вітер дме в свою трубу  
 та блюз його  
 немає місця  
 і п'є мадеру голубу  
 під вечір  
 тонкорисий  
 місяць.

## ДИМ

пропливла над водою і стелиться димом  
 трав осінніх пророча невидима магія трав  
 і шепоче мені тільки те що я завше ростиму  
 тільки б випав сей сніг  
 тільки б сніг сей розтав  
 той непалений дим птаха манить весною  
 прокидається звір коли ним набрякає барліг  
 передмістя в снігу ряботить бузиною —  
 що не визбирав крук те що вітер зберіг  
 а гіркавим — з вогню озолілі попалені купи  
 яблуневого листа сповили хатину у сні  
 переплигни багаття тулися до теплої груби  
 сніг розтане за снігом —  
 теплі дні зарясні  
 а в маленьких очах золотіють пригоди  
 каганцями — прикраси і слави усіх перемог  
 і потішне хлоп'я підтягнувши колготи  
 у великий сачок упіймає димок

## ВОДА У ДОЛОНЯХ

хтось тихо пливе  
 у небі човнами  
 щодня посилаючи веслами вітер  
 і чутно хлюпоче прибоєм над нами  
 та піниться в наших тілах aqua vita  
 а хід її хвиль зачерпнеш — не зупиниш  
 то — правда що тисне  
 небом на плечі  
 як тліну вага на зуживані спини  
 як часу замок неможливістю втечі  
 я спрагло ковтаю схололого чаю  
 а ніч зупиняє хід погляду блиском  
 і пам'яті вітер  
 вікно відчиняє  
 і я пригадаю здалека і зблизька  
 як жінка сідає на шлюбну  
 постіль  
 мов квітка в саду  
 біліша за кали  
 як в тілі зростаються зламані кості  
 а в тіло землі  
 вбинтовують шпали  
 як довшає тінь від маленького мирту  
 лиш пальці погасять  
 полум'я ґноту  
 як руслами кров божевільна від спирту  
 органом шукає заблукану ноту  
 як сніг на кирзі на плечі крижаніє  
 і змерзне солдат  
 що виношує кулі  
 а кіт від прикрас волохато мліє —  
 намистом ранет — снігурі поснулі  
 як жваве хлопча  
 із далекого ранку  
 іде у кар'єри у пошуках міфу  
 а в білому постать стоїть на ґанку  
 і падає сонце на білу  
 стріху  
 як сонце навпроти я бачити вільний  
 і голос почути неречених  
 речень  
 відчую кризь духу зіниці і більма  
 присутність Твою  
 у кожній  
 речі



**СЕРПЕНЬ**  
(кілька портретів Наркіса)

153

ПОЕЗІЯ

**1) мапа**

плач снігом базилік  
  сторукий Сцеволо  
хто в бій одноруким піде посивілий  
старезна сивіла у партії соло  
доспіває вірним  
  хвалебну базилію  
між Римом і полісом — сном Костянтина  
палаці і плаці провінції в хланні  
між хвилями хунів піском сарацинів  
земля що на захід пішла  
на світанні  
і я нахилившись до згину скелета  
вглядаюся в неї — шукаю Наркіса  
і мапа суха як остання галета  
як вітер пустелі  
  як цезаря риси  
ураз розгортає сувою суєти —  
старий еллінізм допиває цикуту  
і важчає ноша скорботної п'єти  
і все таки є ти  
  не може не бути  
тебе що у час задивився пильніше  
за тінь що вдивляється завжди у тебе  
вистукує в тілі порожняву нішу  
для всіх своїх квітів  
  і плющових стебел  
а мапа — уривок незнаного плану  
і в мапі зап'ястя мечі василісків  
те соло звучить звідусіль  
по талану  
  відкриваються двері  
  блищатимуть близько  
дозрілі неволі і в таїнах ложі  
де тліють мовчанням старі манускрипти  
і стогне метал що таврується в гроші  
а двері відчинені — двері відкрив ти

**2) шепотіння дзеркал**

не дивися у срібне люстро — роздивися мінливу воду  
де слимак не відчує броду у солодкій пітьмі пелюсток  
відчинивши зелені двері крізь латаття під лемент ряски  
можна бачити в ері новій  
  персонажі старої казки  
та питаючи де я де я лиш побачиш поверхні штами  
і почується — де ти Адаме то й збагнеш — ти кавалок глею

КРИМ 3.2013

не опалений не политий і підкинутий так високо  
що хотів голосить пророком але мав лише час летіти

### 3) розмова з поетом

розмова з поетом приємна  
та вада

буває одна —

він слухає більше себе

і до дна  
та в тім його велич й посада  
і се не напружує так як пісне  
таке не просте в цій країні  
мов кара  
твое спілкування з людьми за бюро —  
розмова з котами що сир весь з базару  
стягнули й поїли

не пишеш пером

сердечне пояснення добрій феміні  
що втяла без намірів діло дурне  
і як підірвався на вереску міні  
а також коли інтелектом жбурне

закрити потік що тече з командора  
який червоніє неначе маяк  
і треба дістати для променів шори  
в розмові з поетом —

усе це не так

він ніжний

і любить щоб слухали пильно  
доводиться чемно вслухатися в те  
кавалки із текстів згадать непомильно  
і місце в іконах його золоте  
що створені ним

і в його іпостасі

де він в повноті на блакитнім коні  
се легше ніж вірить

в мистецькім екстазі

що зараз поезія — все що на дні  
а також перелік імен іноземних  
де вулиці ріки міста острови  
кав'ярні харчевні проносом пісенним  
утворюють справді художні ходи

— не римські рефлексії в тебе мій друже  
наруга — поезій незмінна душа  
і ряска укріє тебе а не ружі  
як кажеш ти — штами

сховає іржа

як мислиш ти

адже поети — не штами  
поет се патрицій хто кшатрій хто жрець  
він взявся писати що вийшло вустами  
бо справжній поет не марнує сирець  
думок що рибинами в атріум мозку  
впливають з озер піднебесся щодня  
— до речі Наркісе земля наче плоска  
поїдеш в провінцію — справа брудна  
хтось дуже уважно дивиться зверху  
шукає тебе ніби водить перстом  
по мапі мабуть олімпійці  
боюсь запросітиш нас  
мовив Нерон

#### 4) на пероні

як швидко добігають дні —  
політ пернатої стріли  
в якусь одну незмінну ціль  
сліди пісками замели  
мов слуги опісля гостей  
в лівреях ви чиїх вітри  
піском завіяний асфальт  
і у прозорості вітрин  
крізь пальчиків малих сліди  
зернин піску мінливий лиск  
як швидко добігають дні  
на потяг

і який тут зиск  
сказати мізернее — колись  
у вікнах запалить сонця —  
аби надії та видніш  
та ми не знаємо кінця  
цієї подорожі вниз  
і вам в останню мить роздать  
себе частинами — щастя  
собі лишивши благодать

#### 5) з провінції

мій брате Нероне журнали й газети  
так довго ідуть до понтійських провінцій  
тут всі вже читають твої тріолети  
від парія грека до скіфського принца

тут правда зневажено римські закони  
бо думають всі що часи Візантії  
і скуті горами твої легіони



заскиглили сховані в чорні вуалі

— як довго горять просвітяни  
бурштином

зоря все над ними

Наркіса я бачу  
віднині Нерон постає Костянтином  
мій Риме — гори  
я схвильований плачу

і тьмяний Нерон написав на папері  
на мармурі золоті на теракоті  
на стягах когорт і на кожній галері  
і на обладунках на тліні і плоті

### 7) під зіркою

зашарівся тюльпаном

живий смолоскип

і відкрилися вени

стрілою поганською

та слова дозрівали посіяні вглиб

і олівами впали в саду

Гетсиманському

зависав спіло вишнею

стеблами ніг

підпираючи небо

мов камінь вселенської

і котилася кров до очей доки зміг

роздивлятися проміння зорі

Віфлеємської

помирав як усі —

у снігах плащаниць

не печерами в'язаний в'ялився Лазарем —

від отрути металу —

п'яницею ниць

покидаючи голову з поглядом в Намзарет

дозрівав

дослухався

до стуку в персах

і просіяним зерням покинув полову

бо старів у засланні а все повідав

про відвічне творіння

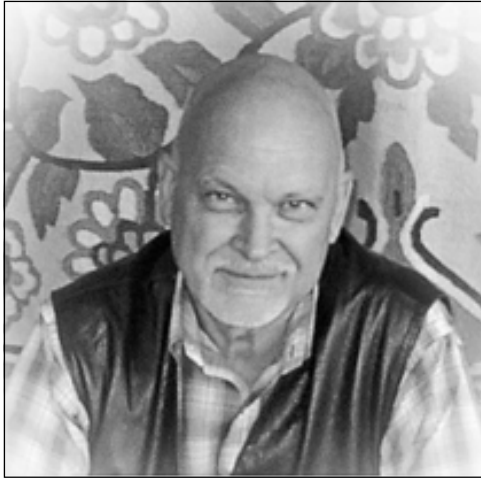
і втілене Слово

8) сьогодні і завтра  
(з нотатків Наркіса)

завтра серпень  
                  і дує містраль  
небо гасне у брижах води  
Ти не зайдю – вітром зайди  
але Ти не приходиш  
на жаль  
завтра — дощ  
бо сей вітер — варяг  
завтра будуть любити за те  
а не всупереч — піна росте  
у глибоких  
                  маленьких морях  
завтра плесне долонями Спас  
і впадуть яблуневі плоди  
і у небі спливають із води  
їх тіла  
не торкаючи нас  
завтра спраглий  
                  в обіймах долонь  
зловить погляди синіх орлів  
завтра крамарі і королі  
даруватимуть вірним  
полон  
завтра буде  
          та пам'ять мала  
пригадати що завтра було  
так лиш сік у мускатне стебло  
просить літо нужденна земля  
завтра серпень  
                  і в серпень іти —  
перейти через митну межу  
я присутність Твою  
                  стережу —  
Ти сьогодні до мене  
прийди



**Валерій БАСИРОВ**  
(м. Сімферополь)



## ЗАМІСТЬ ПЕРЕДМОВИ

Далеко за північ за вікном танцює засніжений ліхтар. В цьому світі лиш він і хуртовина. Та я — мимовільний свідок того, що відбувається.

*Хтось негodu ніби напpорочив.  
Горобці угомонились рано.  
Я не спав, вдивлявся до півночі  
У кримський танець  
дикого бурану.*

Скільки себе пам'ятаю, — уникав тривалого спілкування з людьми. Чи тому, що перші кроки я робив в оточенні дорослих, принижених і розчав-

лених репресивною машиною, чи зовсім з іншої причини: колискові пісні північних вітрів і понині лунають в мені.

Та й що могли розповісти мені люди тоді і зараз?

Вимостивши уявну дорогу благополуччя з обману та зради, люди морально і фізично в усі часи знищували подібних до себе. Цим вони займаються і в мій суперечливий час.

Чого навчатися в них? Лицемірства й жорстокості?

Мої друзі — це мої думки, папір і перо. Найщиріші і безкомпромісні друзі. До такого висновку я прийшов давно. І коли настає необхідність спілкування — на папері з'являються рядки.

Доля посвятила мене в сан Людини, котра пише, ще в ранньому дитинстві. І вона, доля, оббігає мене й понині. Вона була прихильною до мене, коли батькам вдалося вибратися з штовханини наклепів-доносів і загубитися на Уралі, де я й народився; коли моя мати, залишившись без чоловіка, з маленькою дитиною на руках. Не зламалась, а багато років, на шкоду своєму здоров'ю, тягла на собі весь тягар життєвських незгод; коли в школі, вислухавши пораду класного керівника 11-го «б» Іди Іллівні поміняти тюркське «побатькові» на будь-яке слов'янське «задля свого майбутнього», заперечливо похитав головою: «Від своєї національності не відречусь...»; коли якийсь Назаренко з партноменклатури на суді, що розглядав мій позов після свідчень, розгубився: «Так, я називав Басирова українським буржуазним націоналістом і рухівцем за його антикомуністичні погляди... Хто ж знав, що він татарин... Але тоді не я винен, а він... За що мене осуджувати?..» — я переконався: машина тоталітаризму, борячись з інакодумством, завжди підживлювалась підлими інсинуаціями, носії яких розмножуються неймовірно швидко; коли, переслідуваний комуноапаратниками Купратим, Архиповою, Роздобудьком, Грянкіною, Івановим, Ковальчуком та подібними до них, залишився без засобів до існування і в пошуках роботи змушений був переїхати в інше місто; коли знищувались газети з моїми закличками до людей про моральну підтримку...



*Упертості мені не позичати,  
Шторми немилості мене не раз гойдали,  
Могли б і судді, мабуть, розказати  
За що мене марксистки розпинали.*

*Колишні болі в серці ще болять:  
Неправдою нас довго мордували!  
Той час уже не вернеться назад,  
Та жаль, що судді злові потурали...*

Я не знайшов і не знаходив щирого співчуття в людей, хоч завжди безкорисливо намагався розв'язати їхні проблеми. За що ж мені їх поважати?

Усе ширшає смуга відчуження поміж мною і людьми. Усе рідше мені хочеться спілкуватися з ними:

*Душа моя боротись не стомилась,  
Та світу більше нічого сказати.  
Коли б життя спочатку повторилось, —  
То вчився б я майстерності мовчати.*

Я розтрачував себе у суперечках із сильними світу цього на мітингах і в кабінетах. Цей час втрачено назавжди і його нічим не заповнити. А жаль...

«Чи прозріння моя сповідь?» — запитую себе. І, не вагаючись, відповідаю: «Так!». До цього я довго не був готовий. І щасливий, що крізь лабіринти сумнівів зумів дістатись до порога Оновлення. Щасливий, що дістався. Тому що був один.

Кому ж все-таки адресовані ці та інші мої рядки, якщо я недовірко ставлюся до homo sapiens? Усе-таки до них...

Адже що може бути тривожнішим від самотності?

...Часом мене пригнічує передчуття спустошення. У такі хвилини я боюся зізнатись собі в тому, що дуже довго йшов до розуміння своєї суті, але, усвідомивши це, злякано зупинився на порозі Миттевості, за якою, я знаю, мені вже ніколи не погамувати спрагу незатребуваної любові до людей...

*Валерій Басиров*

## Вересневий блюз

\* \* \*

Близьким на радість а чи на біду  
Побачив щастя я свою звізду.

Та зірки слід моєї згас в імлі,  
Як тільки я прийшов  
до рідної землі.

І на стежках своїх гірких років  
За нею до саянних вершин побрів.

Коли обмов намарних станув дим, —  
Аж не повірив, що вернувся в Крим.

*Переклав з російської Д. Кононенко*

\* \* \*

Шумить і піниться Салгир  
в мережках піни гордовито —  
йому б спочити серед гір,  
а він, як я, спішить у літо.

За літом — вічності мости.  
По них ітиму без печалі —  
лиш не журись за мною ти  
під сиротливий стогін чайок.

\* \* \*

Хай полудень сховає в полі,  
в безмежнім полі на роздолі  
мою любов з надій і болю  
і назавжди залишить тут.

Коли кохати перестану —  
тебе кохати перестану, —  
як відійду, в імлі розтану,  
в полях квітками зацвіту.

*Переклав з російської В. Латанський*

\* \* \*

Ранок заблукав у снах.  
Присмерк заховався в тумані.  
Тихо так, що навіть страх  
З самотою в гори манять.

Та шкодую, що тобі  
Тут зі мною не ходилось.  
Я несу кохання й біль,  
Так забাগлось, бач, судьбі,  
в небо синє.

\* \* \*

Вернувся я з далеких звідусюд —  
Гадав, нудьгу у мандрах порозвію.  
Мовчання квітки кожної отут  
Я легко, як людину, розумію..

На батьківщину я вернувся своєю —  
Душа кохана душу бальзамує:  
Я воду спрагло  
із джерельця п'ю. —  
Розлуки біль ніяк не потамую.

*Переклав з російської Д. Кононенко*

## Соло солов'я

*Ешрефу Шем'ї-заде*

1.

Довгі язики минущої зими  
злякали тендітні квіти,  
котрі необачно з'явилися  
і знову зникли.  
Запанувала тривожна тиша.  
Її одноманітне мовчання  
порушили одчайдушні проліски.  
Вони проклюнулися водночас.  
І разом розкрили свої світлі душі  
Назустрч вистражданому землею теплу.

2.

Минуло немало ще днів,  
поки сонячне проміння  
не навело лад на галявині.  
Крига,  
вчепившись подекуди за купини  
пожухлої трави,  
Стікаючи водою,  
все тоншала  
і довго не піддавалася на їхнє умовляння.  
Тоді воно розтопило її.  
І лиш вологі сліди  
нагадували радісному квітню  
про інші часи.  
Але й вони незабаром зникли.

3.

І згодом бліде небо потемніло,  
вражаючи своєю глибиною,  
Пострункішали берези,  
покрилися розкішною зеленню,  
підібрали всілякі сережки  
з крапельками роси.  
Задивився на них соловей.  
Заглибився в себе,  
згорбився.  
І розлились рокітливі звуки першої строфи  
дивної пісні.  
На галявину повернулось життя.

4.

Ніч.  
Та соло солов'я не стихає.  
Він упевнено веде свою партію.  
І все довколо замовкає,  
Підкорене чарам пісні.  
Про що вона,  
ця весняна пісня,  
що струменіє вільно  
і розкуто в дні наших сподівань?  
Про що хоче розповісти талановитий співець,  
сплітаючи із тьохкання  
та дзвінких переливів  
картину оновлення?  
Про минуле чи про майбутнє?

5.

А пісня сповнена новим змістом  
сміливих передчувань.  
Що це?  
Передбачення птаха,  
а чи озаріння людської гідності,  
прихованої  
і знудьговоаної білим світом бозна в яких тайниках  
і розбудженої тільки тепер задушевеним голосом.  
Збіг обставин?  
Напевно.  
Соловей ніколи не був віщим птахом  
А жаль.

6.

Шелест листя  
тиша добуває боязко,  
соромливо.  
Та воно й зрозуміло:  
Ніхто не ризикує змагатися з генієм,  
а от підлаштовуватись — будь ласка.  
Але й це не вдається.  
Соловей співає таку складну пісню,  
що все довколо німіє.  
І знов обсідають питання.  
Та квапляться марно.

7

Світавок злизав  
одчайдушні зорі.  
І заголосила,  
опамятавшись,  
лісова нечисть.  
І склепив соловей очі.  
Та не надовго.  
Коротким був його сон.  
У сутніках знову змусить слухати себе  
і міркувати-думати.

*Переклав з російської Д. Кононенко*



**Галина ЛИТОВЧЕНКО (МОРОЗ)**(с. Віліне  
Бахчисарайського району)

Народилася 1953 р. в с. Руде Село на Київщині. Батько працював головним бухгалтером МТС, пізніше — колгоспу. Мати — кравчиною в побуткомбінаті. 1960–1970 р. р. навчалася в Рудосільській середній школі. Тоді й почала писати вірші і друкуватися в районній та обласній газеті. Потім — навчання в Київському технікумі радіоелектроніки, робота в Науково-дослідному інституті в Академмістечку і навчання в Київському політехнічному інституті на заочному відділенні. В 1976 році переїхала з сім'єю до нового місця служби чоловіка у віддалений гарнізон у Вологодській області. Після народження там другої доньки

навчання в інституті змушена була залишити, на першому місці була сім'я та служба чоловіка. Пізніше закінчила ще спеціалізований курс бух. обліку при Харківському фінансово-економічному інституті, то ж трудовий стаж змінювали посади ІТР та бухгалтера. Майже 10 років перебувала на військовій службі. З 1976 до 1991 р. мешкала в Росії (Вологодщина, Ярославль, Твер), Азербайджані та Литві. Після розвалу Союзу повернулися в Україну в м. Лисичанськ Луганської обл., працювала бухгалтером в Лисичанському міськвиконкомі. В 1998 році за сімейними обставинами переїхала до Криму в с. Перевальне, працювала в військовій частині, знову почала друкуватися в газеті МО України «Народна армія», в «Кримській світлиці», журналі «Дніпро», видала три поетичні збірки «Не займай мене, осене...» (2009 р.), «Лаванда на спомин» (2010 р.), «Шовком вишиті мережки» (2011 р.) та першу книжечку прози «Далеке літо» (2012 р.) З 2008 р. мешкає в с. Віліне Бахчисарайського району. В НСПУ з 2012 р.

**РАНКОВО-СІЛЬСЬКИЙ «ПРОМЕНАД»**

Тому, хто тримав коли-небудь в своєму господарстві корівку, і хто був гарним господарем своїй годувальниці, знайома картина ранкового села, коли вдосвіта перед вигоном до череди то з одного, то з іншого двору виходять на свій звичний маршрут Маньки, Майки, Квітки, Лисухи, а згодом Мар'яни, Секлети, Ганни, Ольги, або ж Якови, Дем'яни, Миколи та Микити. На вулицю разом з корівками випливає запах парного молока впе-

реміш з іншими коров'ячими ароматами. Майка здоровкається з Лисухою протяжним муканням, витягнувши вперед морду і закинувши назад свої куценькі ріжки, а Лисуха грайливо погойдуючи розкішним вим'ям коротко відповідає на вітання та без зайвих слів хвалиться ранковим удоєм. Інші представниці слабкої велико-рогатої статі опинившись за межами свого штахетного паркану теж кидають сусідкам пару звуків коров'ячою мо-

вою. Потім, розбрідаються — хто куди. Одна прямує до невеличкого степка з прохолодним після ночі споришем, друга, встромивши передні ноги в глибокий рівчак, ховає голову в бур'яні та демонструє ранковим глядачам кремезний зад. Інші намагаються витягнути губами з-під чийогось паркану в'юнкі пагони тендітної біло-рожевої повійки, або й ущипнути соняха чи кукурудзу, що нахилилися з сусідського городу. У тварин — перший сніданок, а господарі ще не мали в роті ані крихти. Зранку головне — подоїти та нагодувати худобу. В кінці літа випаси вже не дуже щедрі на пашу, тому тільки зовсім байдужий та геть ледачий хазяїн здатний вигнати до череди свою тварину натошчака. Таких у нашому селі немає.

Власники корів з'являються на вулиці з невеличким запізненням, щоб не примушувати себе відганяти годувальницю від чужої кукурудзи. А коли все ж попадають в поле зору сусідки чи сусіда, з городу яких їх корівка нагло смикає соковите листячко, прискорюють ходу аж до бігу:

— Куди? Куди-и-и? А щоб тебе грім побив! — кричать, тримаючи дулю в кишені, припустимо, байкового халата.

Доки худоба, ні про що не думаючи, набиває свої боки, мешканці вулиці сходяться до купи, щоб послухати останні новини, яких після ночі завжди вдосталь. Новини бувають різні: і сумні, і веселі. Події описаного нинішнього періоду, маю надію, нічим не зіпсують настроїв і не затьмарять тільки-но розпочатий день.

— Чи чули, як на Середній вулиці Москаленко цілу ніч сигналом автомобіля сюрчав? Видно, п'яним вночі приїхав, а Галька до хати не

пустила. То ж і їй спати не давав. Аж поки не побудив всіх мешканців вулиці. Кажуть, розгнівані чоловіки волоком витягували його з кабіни.

— Я колись бачила, як він, випивши після роботи, їхав машиною додому. Так рівенько та тихесенько, неначе на волах. Хоч і мізки в клубок заплуталися, а правила дорожнього руху добре пам'ятає.

— А я вечором Христину Ткачучку зустріла, після якогось курорту приїхала до матері в село відпочивати. Каже з заїздом цього року не повезло. Одні діди та сімейні пари поприїжджали. Скаржитися — гроші на вітер викинула.

— Що кому, а курці просо... Хто їде на курорт, щоб полікуватися, а хто — шукати пригод на свою с...скажімо, голову.

— Та кажи вже, як є. Чи, може, дуже культурним став? Га-га-га... Як казав один: « Я став дуже культурною людиною. Раніше говорив — гудзик, а тепер кажу — пуголовиця»... Га-га-га...

— Ой, а де це Микита подівся? — Тільки що ж тут стояв. Чи корову пішов завертати? Так ні ж бо, вона з Миколиною Лисухою на степку пасеться...

— Та ж он він, в рівчаку. Вже штани підтягує. Га-га-га...

— Діду Микито! Що там, багато опеньків знайшли?

— Ну, грам триста буде... — зирнувшись, підсумував дід Микита.

— Га-га-га...

Зацікавлені веселим ранковим гомоном до гурту підтягуються хазяї рябих, чорних та червонястих красунь з інших вулиць, щоб щось почути від людей та розповісти своє. Кількість худоби на вулиці збільшується з кожною хвилиною. Одні продовжують обшуку-

вати рови та куці, а інші, на кшталт своїх хазяїв, збилися в гурт і, почісуючи рогами доступні їм частини свого тіла, очікують на появу молодого бичка в супроводі його господаря та свого опікуна пастуха Федора. Той, зазвичай, появляється останнім і, прийнявши від господарів уже сформоване стадо, відпускає їх на всі чотири сторони. Народ розходиться по своїх са-

дибах, де на них ще очікують свині, качки, гуси і кури, а затим — не нормований споконвіку, довгий та важкий селянський день.

А наші рогатенькі, підбадьорені довгим пужалном Федькового батога, підтюпцем доганяють одна одну, а потім дружно прямують до широкого яру, щедро ляпаючи в пухкеньку пилюку сільської вулиці перетравленою гичкою та кукурудзою.

## САМОТНІСТЬ

Борисівна переступила поріг своєї невеличкої затишної кухоньки і розгублено зупинилась. За чим принесли сюди її стомлені ноги? Певне, щоб щось взяти. Вона намагалась згадати, якими шляхами ще хвилину тому блукали її думки, але марно. Оце дожилась... Жінка налила з гладущика, що стояв на столі, склянку прозорої води, настоюної на жмені дрібних оскolkів кременю, зібраних на березі після недавнього шторму. Спраги вона не відчувала, але, стоячи посеред кухні, маленькими ковточками випорожнила склянку. Поставила на стіл посудину, кинула погляд за вікно і від несподіванки здригнулася. Прямо перед собою Борисівна побачила перелякані очі дикої сірої голубки, що сиділа в якомусь незграбному, немов складеному нашвидкуруч із сухих тоненьких гілочок, невеликому гніздечку. І хто сказав, що восени птахи гнізда не в'ють?

Розлогий платан вже повністю скинув своє листя і стояв у всій своїй величній безстидній наготі перед вікнами Борисівни. Ще з весни гілка, на якій десь несподівано взялося це недоречне гніздо, була напівсухою і псувала весь пейзаж, обрамлений білим віконним пластиком в невеличкій квартирі, роз-

ташованій на верхньому поверсі старої двоповерхівки.

Пташка насторожено витягнула тоненьку шийку, вся напружилась, але з гнізда не зрушила. Сидить на яечках, — здогадалась Борисівна. В одну мить жінка прочитала в безбарвних намистинах голубчих очей і переляк від небажаного з нею сусідства і розуміння приреченості майбутнього потомства та безвихідності свого становища.

— Що ж це ти собі надумала? — докірливо вирвалося з вуст Борисівни, — ось-ось холоди прийдуть, а ти на гніздо усілась... Ой, боже-боже... А де ж той... твій?..

Борисівна перебрала в голові всі слова, які були б доречні до гультя-чоловіка, але так і не знайшла потрібного варіанту для птаха. А назвати голубом — не повернувся язик.

З того дня жінка намагалась зайвий раз не заходити в кухню, щоб була не сполохати пташку, гніздо якої знаходилося так близько од вікна, що здавалося — до нього можна дотягнутися рукою. А коли заходила, то пересувалась кухнею повільно, не роблячи різких рухів, і разом з тим боковим зором спостерігала за поведінкою голубки. Згодом в погляді пташки з'явилася довіра до жінки, що так щиро



вболівала за долю безпутної самочки.

Борисівна, самотня літня жінка, поселилася в невеликому приморському селищі кілька років тому за порадою знайомої лікарки. Вологий клімат врятував її від кашлю, що викликав чи то сухий степовий клімат Донбасу, чи то несприятлива екологія промислового міста, де осіли зі своїми родинами дві її доньки і куди на їхнє прохання Борисівна неохоче перебралася після несподіваної смерті чоловіка. Переїздів в її житті було чимало, тому жінці було не в тяжкість в будь-яку хвилину зірватися з насидженого місця і з завзяттям пакувати нехитрий домашній скарб, щоб вже згодом обживати нове помешкання та насолоджуватись новизною вражень та відкриттів. Не можна сказати, що не було на землі святого та милого її душі місця. Час від часу вона навідувалася на батьківщину, радо зустрічалася з родичами та друзями, але часті переїзди з гарнізону в гарнізон не могли не внести своїх корективів у свідомість жінки. «Чи не було в когось із предків циганської крові, що так до душі припала доля офіцерської дружини?» — запитувала себе іноді Борисівна. Інший про таке, мабуть, і подумати страшно. Як же це можна так легко покинути нажите, розпродати за безцінь, а то й роздарувати половину речей і їхати світ за очі? А Борисівна, як тільки-но влаштувалася на новому місці, вже намагалася вгадати, яким буде наступне. Жага до зміни навколишнього середовища, до нових знайомств не давала їй можливості спокійно пустити коріння. Вірила, що все краще чекає попереду.

— Ти, знаєш, Олю, то не для мене: осісти на одному місці і знати наперед, що саме звідси Все-

вишній забере до себе. Всі ми будемо там, а звідки підемо в останню путь — це вже немає значення. На землі стільки ще небаченого та незвіданого... Тож нехай той шлях буде якнайкращим: степами, лісами, горами; з екстримом, перепонами і з приємними враженнями, — виправдовувала Борисівна свою потребу в постійному пересуванні земними просторами.

Вона почувала себе молодою, була впевнена, що сил вистачить ще на довгі роки і зробила висновок, що нема чого боятися самотності. Але з тієї осінньої миті, як побачила серед голого гілля одиноку дику голубку в холодному гнізді, що розгойдувалось від поривів морських вітрів, почала порівнювати себе з бідною пташиною, покинутою напризволяще усім світом, та замислюватись про своє подальше існування. Вірніше, про своє подальше життя, бо слово «існування» Борисівні геть не личило. А поміж тим, все частішими ставали штормові попередження, розгнудані розгули холодних вітрів та непередбачені замисли осінніх хмар. Якось уночі зірвався вітер. Несподівано, без всякого попередження. Борисівна прокинулася від стуку відкритої квартирки і кинулася до вікна.

У тьмяному світлі одноокого вуличного ліхтаря платани здіймали вгору своє гілля, немов хотіли відірватися від землі і злетіти в темряву ночі. Розгублено тинялися небом освітлені десь з глибини холодним місячним саявом кудлаті хмари.

Раніш Борисівна любила негоду. Любила в вітряний дощовий холодний день сидіти в затишній наопленій хаті, спостерігати за тим, що коїлось за вікном і відчувати себе захищеною від усіх сил природи

надійними стінами та широкою спиною коханого чоловіка. Але тепер, уявивши в гнізді самотність голубку, вона навіть не наважилася увійти на кухню, щоб часом не стати свідком неминучої трагедії. Борисівна зачинила квартиру, не вмикаючи світла, дістала з шухляди пігулку заспокійливого, мить повагалася, поклала ліки на стілець поруч з ліжком і знову лягла в постіль.

— Оце ще не бракувало мені сердечного болю із-за якоїсь глупої пташки, — спробувала заспокоїти себе жінка і потягла до підборіддя м'яку ковдру.

Та сон вже кудись завіявся. Над головою роїлися спогади та думки, широким форматом розгорталися сюжети з її минулого сімейного життя.

— А тепер, мов та бідна пташка... — зітхнула Борисівна, несподівано відчувши себе пилінкою в чорній порожнечі осінньої ночі.

Все життя вона почувалася щасливою матір'ю та дружиною, не обділеною увагою долі та опікою свого невидимого ангела-охоронця. Всілякі негаразди та нещастя до якоїсь пори обходили її стороною. Тож і свою неминучу старість вбачала в спокійному житті в купочці зі своїм єдиним навіки в охайному затишному будинку, оточеному яскравим квітником, з невеличким садочком та городом, до якого залюбки будуть злітатися на родинні свята діти та онуки. Та час пливе, міняється світ, міняється й життя... Хоч як намагалися дочки Борисівни утримати матір поруч із собою, та все ж вона змогла переконати їх в правильності свого рішення. І зі здоров'ям, дасть бог, все налагодиться, і буде куди онукам на канікули приїхати, до моря ж — рукою подати. А, якщо котрійсь зна-

добиться її поміч, то прилетить в будь-яку хвилину. Та й почуття на відстані будуть міцнішими. В душі, як не важко було Борисівні це усвідомлювати, вона ще й боялася стати причиною якогось розладу в родині дочок. Сама з молоду жила далеко від матері та свекрухи, тож була переконана, що саме за таких умов повинні формуватися устої та взаємини в молодих сім'ях. Завжди відчувала до себе повагу зятів, ніколи не втручалася в сімейні плани та погляди на життя дітей, якщо й давала які поради, то вкрай обережно, без нав'язливості.

Потужний порив вітру швиргонав чимось в шибку, певно — зламану гілочкою, чи якоюсь нічною пташиною, що саме потрапила під руку шквальному буревію. Від несподіванки Борисівна підвелася з подушки голову та відволіклася від своїх думок. От кому в цю мить важко, то це тій голубці за вікном. І нічим тут не зарадиш. І ніхто тій пташці не допоможе. А вона, як не як, але ж серед людей живе. До самого ранку Борисівна так і не заснула. Тільки-но розвиднилося за вікном, схопилася з ліжка та босоніж кинулася на кухню. Пейзаж у віконній рамі, набрав на кінець бажаного коліс вигляду, суха гілка його вже не псувала. Та від цього жінці тільки важче стало на душі. На мокрому вранішньому камінні, яким була викладена доріжка під вікном, в купі з потрощеним сухим гіллям лежали залишки вчорашнього гніздечка. Неподалік сидів старий дворовий кіт, задоволений легко роздобутим сніданком. Кому — біда, а кому — застілля. «Finitelacomediants»... Що поробиш — закон природи.

Борисівні стало самотньо, як ніколи. Присутність у вікні живої

істоти якось скрашувала її одинокі життя. Тепер голубка, викинувши з гнізда нічним штормом, подалася десь до своїх родичів, щоб вкупі пережити зиму. Чи так само тяжко тепер у неї на душі, чи вже забула про свою біду?

Борисівна налила в чайник крем'яної води і поставила його на газовий таганець. Дістала з вузликів трави, зібрані ще на початку літа, жадібно вдихнула цілющі запахи, відібрала кілька пучечків та відправила їх в старенький китайський термос. В задумі зняла телефонну слухавку, набрала кілька цифр на дисковий апарату та вчасно схаменулась: «Що ж це я роблю? Діти ще сплять. І в будні лежать в ліжку до останньої хвилини, а сьогодні ж, здається, субота...». Борисівна згадала, як одного дня після звичних ранкових клопотів подзвонила донечці, — захотілося поділитися якоюсь приємною новиною. Чи то проліски розцвіли під вікном, чи білочка стрибнула з платана на балкон, чи щось інше. Скільки таких вражаючих несподіванок в житті буває. Для когось вони, може, й не важливі, а Борисівна радіє, мов дитина, і першому весняному променю, і першій квітці, і дзвону гірського водоспаду, і білим чайкам над морем. Отож, почувши на іншому кінці дроту заспаний голос доні, спочатку здивувалася, а потім, вибачаючись, нагадала:

— Хто рано встає, тому Бог подає!

На що почула у відповідь тихий усміх дочки:

— Ні мамо, це вже застаріле. Хто рано встає, той всіх дістає...

Борисівна тоді не образилась, засміялася разом з донею.

...На плиті засвистів чайник. Жінка залила окропом трави і дістала з шафи одяг. Захотілося піти до

моря, поглянути, що там коїться після нічного шторму. Вирішила покликати сусідку Ольгу, та поки одягалася, передумала, — ще ж зовсім рано. Ольга й так вважає її дивною.

— Чи ти ще не надихалася тим морем, що кожного дня ходиш на берег? Що там нового можна побачити — одне і те ж! — бувало дивується сусідка вслід Борисівні.

Та цього ранку морський берег, як ніколи, пахнув водоростями. Їх виніс на пісок та виклав розірваними валками вздовж берегової смуги нічний шторм. Галділи чайки, порсаючись в бурих купинах, з молу каламутили воду своїми сачками та вудочками перші рибалки. Сонце вже вискочило на небозвід і дражнило не по осінньому теплим промінням. Борисівна сіла на викинуту торішнім штормом та висохлу за літо обідрану колоду (і звідки вона взялася в морі?), заплющила очі і заслухалася тихою мелодією ранкових хвиль.

В кишені несподівано заспівав мобільний телефон, з мотиву якого Борисівна здогадалася, що телефонує котрась із дочок.

— Доброго ранку, матусю! Домашній телефон не відповідає і я захвилювалася...

— Все добре, я сиджу біля моря... Ранок сонячний, хоч вночі й шторм був.

— А я ось, що подумала: незабаром новорічні свята, з квитками на потяг можуть бути проблеми, тож надіслала грошовий переказ, щоб ти придбала квиток зарання. Чекаємо тебе з нетерпінням, діти вже скучили, все питають, коли бабуся приїде. Свято ж — сімейне, не годиться сидіти одній та нудьгувати в новорічну ніч.

— Так-так, неодмінно, сьогодні ж поїду на станцію! Я теж дуже скучила за вами, мої хорощі!

У Борисівни в грудях розтеклося тепло вдячності за своєчасний дзвінок та турботу дочки. Очі зволожніли від радісних сліз. Це ж треба було порівнювати себе з якоюсь дикою пташкою!.. Щоб там не трапилось, доньки ніколи не залишать її на одинці зі своїми проблемами.

Нічна трагедія відійшла на задній план. З'явилися більш важливі та приємні клопоти: необхідно дістати

з льоху слоїки з варенням (онуки ж так люблять і кизиллове, і персикове, і з черешні), пошити полотняні мішечки для сушеної шипшини, купити рідним сувеніри для новорічних подарунків. Борисівна швиденько підвелася з колоди та поквапилася до своєї оселі, немов уже негайно потрібно було пакувати речі. Був лише кінець листопада. Нового року чекати ще цілий місяць...

## ДУШЕВНІ ПЕРИПЕТІЇ

Того року Марія досягла віку, вірніше періоду, коли дівчата починають замислюватися над деякими подробицями свого подальшого життя. Де в кого з її ровесниць ці запізнілі зміни у свідомості подруги викликали подив, де в кого — насмішки.

— І з чого б це вона раптом почала відволікатися від своїх заумних книг та філософських роздумів? — розмірковували перші.

— Напевно бібліотекарка ненароком поклала на полицю з науковими виданнями «Камасутру», — впадаючи у крайність, припускали інші, даючи заодно свій варіант відповіді на питання, виникле у перших.

До недавнього часу в присутності Марії дівчата навіть краєчком не торкалися всякого роду пікантних тем. Чи це тому, що вона, як їм здавалось, до тих тем ще не доросла, а чи, щоб не впасти ниць в очах подруги. Не зважаючи на її причуди, дружбою з цією неординарною дівчиною дорожили всі і в будь-яку хвилину готові були допомогти їй надолужити прогаяне. От лише не завадило б докопатися до причини, яка викликала такі разючі зміни в поведінці Марії. Раніш було її не

докличешся ні до клубу на танці, ні до парку, куди збиралася для спілкування сільська молодь. Винятком були, хіба що, шкільні вечори, в підготовці яких Марія завжди брала активну участь. А це причепуриться під вечір та все виглядає з хвіртки, щоб не пропустити, коли сусідські дівчата зберуться «на скачки», як називав сучасні танці старенький шкільний учитель.

А причиною, як найчастіше буває в подібних випадках, був він. Валькуватий весельчак, геть не схожий на жилистих сільських хлопців, з якими Марія росла поруч і котрих знала, як своїх п'ять пальців. Не можна сказати, що вона нехтувала ними, як імовірними нареченими, — скоріш сприймала хлопців, як своїх родичів. Тому навіть не допускала думки, що з кимось із односельців зможе пов'язати свою долю. Хоча, ще навчаючись в початкових класах, дівчинка знала, хто з ровесників був до неї небайдужим.

Кожен молодий спеціаліст, чи то агроном, чи зоотехнік, чи ще якийсь фахівець, що приїжджав у село за розподілом після закінчення навчального закладу в столиці,

привертав неабияку увагу місцевих дівчат. Але, навчені своїми матерями, Маріїні ровесниці розмірковували інакше, ніж вона:

— Про своїх сільських знаєш все: і хто він, і чий він, і чого від нього можна очікувати, а чуже — воно чуже і є.

Маріїна мати на такі теми розмови з донькою не вела. Можливо боялась, що подібні повчання можуть викликати у дівчини ранній інтерес до протилежної статі, а, можливо, як й інші матері, теж бажала своїй доньці кращої долі та справжніх почуттів, але, достойних своєї розумниці, в селі не бачила. Тож, коли згодом біля їхніх воріт став появлятися він, нічого проти не мала. Знать — прийшла пора. Як-не-як, а вже останній рік в школі навчається.

Хлопця звали Євгеном, він був зі столичних, а в село приїхав за направленням, щоб відпрацювати обов'язкові два роки художнім керівником в новозбудованому сільському будинку культури. Він не приховував, що затримається тут в кращому випадку — до весни, бо вже досяг призовного віку і з дня на день міг отримати повістку військкомату. З появою Євгена активне життя села швидко набирало обертів. В його культурний заклад почали навідуватися різноманітні художні колективи та трупи столичних драмтеатрів. На фоні музичних здібностей свого попередника, сільського баяніста-самоучки, котрий невпевнено рипав на баяні, з запізненням підбираючи вдогін сільському хору мелодії виконуваних пісень, хлопець був справжнім віртуозом. Вечорами, коли в вестибюлі будинку культури збиралася сільська молодь (в основному це були старшокласники місцевої школи та приїжджі на

вихідні за торбою з домашніми харчами студенти-односельці), Євген брав у руки свій акордеон і поринав у світ музики. Його пальці майстерно бігали по клавішах і кнопках, а на обличчі в такт мелодії вигравала невимушена міміка. В такі хвилини, кожна з Маріїних подруг, забувши про свої запевняння щодо приїжджих чужаків, мріяла бути коханою дівчиною художнього керівника. І в першу чергу, щоб всі довкола їй страшенно заздрили, незважаючи на те, що заздрість не приносить нічого хорошого для обох із сторін. Якось, зацікавлена появою в селі нового працівника культури, навідалась до клубу і Марія. Побачила хлопця з акордеоном у руках і закохалася без тям. Через кілька тижнів подруги вже розкусили, де «собака заритий», і взялися зацікавлено спостерігати, як будуть розвиватися подальші події. Марію поки ще ні про що не запитували і в своїх розмовах про недавнього прибульця свої здогадки не видавали. Євген в перервах між виконанням популярних мелодій вмикав магнітофона та запрошував котрусь із дівчат на танець. Він не віддавав переваги котрійсь одній, а навпаки — по черзі підходив до кожної. Яка з них найбільше запала йому в душу, збоку здогадатися було важко. З місцевими хлопцями Євген теж швидко знайшов спільну мову і ті залюбки крутилися навколо нього.

Одного вечора, як завжди після закінчення танців, дівчата та хлопці великим гуртом вийшли з клубу і попрямували алеєю парку, що оточував будівлю. Перед виходом на вулицю села їх наздогнав Євген, який ненадовго залишався в приміщенні, щоб погасити світло та замкнути будинок культури. Тут

молодь, зазвичай, ділилася на два гурти, які направлялися в різні сторони. Євген примкнув до того, в якому, тримаючись з подругами під руки, ішла Марія. В цю мить у кожної з дівчат защеміло серце. Ті, що повернули в протилежний бік ображено озирнулися, відчувши себе несправедливо проігнорованими. А Євген спритно розірвав дівочий ланцюг і опинився між Марією та її подругою-сусідкою Надею. Це вже був знак. Марія ще в вестибюлі кілька разів ловила на собі зацікавлений погляд хлопця і в душі була готова опинитися поруч з Євгеном. На розі кожного з наступних провулків молоді залишалось все менше і менше, тож до своєї хати Марія підійшла в супроводі лише Євгена та Надії.

— До побачення, Надю, — першим кинув Євген Маріїній сусідці, чим не залишив дівчині шансу придумати якусь причину, щоб хоч ненадовго затриматися на вулиці.

— Бувай-бувай... — вдавано бай-дуже відповіла Надя, забувши попрощатися з Марією.

В хаті горіло світло. Марія знала, що до її повернення батько спати не ляже. Тому почувалася, як на голках. І батька боялася, і з Євгеном постояти кортіло. Це з нею було вперше і дівчина навіть не знала, як себе поводити. Одна справа — прочитане в книжках, а інша — ось так несподівано лишитися наодинці з малознайомим хлопцем.

— Батько, напевне, суворий у тебе? — запитав Євген, бо теж помітив в освітленому вікні огрядну фігуру Маріїного татуса.

— Та ні, — кинула дівчина, інтуїтивно боячись налякати Євгена правдивою відповіддю.

На всякий випадок Євген взяв Марію під руку і вона покійно відійшла з ним у бік від своєї

хвіртки, трохи ближче до сусідської садиби. Маріїну руку він вже не відпускав, та вона й не силкувалася її висмикнути. Дівчина легко могла уявити, як би повів себе в цю мить і що б сказав кожен із її друзів дитинства, але цей столичний парубок був для неї довгоочікуваною таємницею.

Година спілкування з Євгеном промайнула, як одна мить. Хлопець цікаво розповідав про міське життя, про столичні новини, про театри та останні новинки моди. Хоч це й не дуже сподобалось Марії (для чоловіка такі подробиці не дуже потрібні) та, дізнавшись, що у Євгена є старша сестра, швидко знайшла оправдання його різнобічним пізнанням. Вже лежачи в своєму ліжку, згадувала кожне його слово, жест, дотик до її руки чи плеча і відкрила для себе, що ні разу нічим не заперечила Євгенові, що погоджувалась з кожним його словом. Чи справді Марія мала однакові з Євгеном погляди на різноманітні речі, чи так несподівано в ній проявилася властива жінці покійність, її це не стурбувало. Вона була рада, що не розчарувала хлопця, бо й на завтра він призначив їй побачення.

Наступного дня на великій перерві в школі Надя стримано, без зайвої цікавості спитала про вчорашній вечір. Марія не вміла приховувати свої емоції, тому радо поділилася з подругою передчуттями щодо подальших відносин з Євгеном. Не вбачала нічого поганого в несподівано розпочатих стосунках з хлопцем, тож відверто описувала кожну пам'ятну хвилину першої зустрічі.

— А щодо моди, то я не думаю, що він випадково зачепив цю тему. Воно ж і дурню зрозуміло, що одягаємось ми не так, як його столичні

приятельки, — невміло намагалася приховати своє роздратування Надя, згадавши, як легко напередодні Євген позбувся її присутності.

— Хіба це головне в житті? Будемо жити в місті, то й теж опануємо мистецтво одягатися зі смаком.

— Та ще буде видно, як сприймуть тебе в місті його рідні! Не думаю, що дуже зрадіють. Це ми з тобою знаємо, що нічим не гірші від міських дівчат, — не здавалась Надя.

Але все ж голос її пом'якшав і вона люб'язно обняла подругу.

— Та що на ньому світ клином зійшовся? Буде в нашому житті ще не один Євген...

Інших «Євгенів» Марія не хотіла. Їй подобався цей.

Через деякий час хлопець почав заходити до хати, часом допомагав Маріїному батькові різати дрова, іноді його запрошували до обіду. Навідуючись до столиці, Євген привозив для Марії подарунки — то щось із косметики, то якісь прикраси.

— Певне, сестрі не підійшло, а для села, думає, зійде... — продовжувала підсміюватися Надія, розглядаючи подаровані Євгеном речі.

Така реакція подруги ображала Марію. В словах та голосі Наді явно відчувалися нотки заздрості. Та вона вміло переводила сказане на гумор.

— Ну, що ти, Марічко, жартів не розумієш? Дуже милі речі... В нашому сільмазі такого не знайдеш.

...Зима перевалила за січень. В дні, коли на вулиці стояла відлига, пахло весною. На дахах з'являлися бурульки, з-під снігу несподівано вибігали струмочки. Небо в таку пору було до прозорості чисте та голубе.

Та приходу цьогорічної весни Марія чекала не дуже радо, бо знала, що вона розлучить її з коханим на довгі два роки. Було це кохання, чи закоханість — цього дівчина ще не розуміла, але знала, що чекатиме свого Євгена з армії вірно і ніякий інший хлопець вже не знайде місця в її серці. Приміряла потайки свої кращі плаття, вибираючи, в якому вона появиться перед рідними та друзями хлопця, коли проводжатиме його на службу. Не дарма ж Євген залишив колись в її записничку свою столичну адресу.

— А ти впевнена, що це саме його адреса, а не якогось іншого дядька? — продовжувала Надя штрикати подругу своїми шпильками.

Щодо цього у Марії не було ніяких сумнівів. А згодом ще й отримало підтвердження...

З села хлопець від'їжджав несподівано. Зустрів Марію біля школи з речами в руках, ось-ось повинен був підійти рейсовий автобус. Пообіцяв відразу ж повідомити дату, на яку будуть заплановані його проводи. Наступного дня дівчина вже почала чекати листа. Минув тиждень. Марія була в розпачі: чому мовчить Євген? Надя торжествувала:

— А що я тобі говорила?

Схвильована мовчанням коханого, дівчина написала йому першою. Про те, як скучила, як бентежить Євгенове мовчання, і як готова в будь-яку мить летіти до Києва. Так вже було заведено в селі, що дівчата в день проводів в армію завжди були поруч зі своїми хлопцями. Сиділи рядочком за столом, відчували неабияку увагу з боку їхніх батьків, та ловили на собі зацікавлені погляди присутніх. І це мало вигляд урочистої обіцянки вірно чекати свого друга з армії та було свого роду репетицією до заручин.

Минуло кілька днів. Була неділя. Крізь вікно Марія побачила, як до їхнього двору ввійшла Надя і вийшла назустріч.

— Це тобі. Просила вручити чергова депутатка сільської ради.

Надя подала подрузі бланк телеграми, заповнений чорнильною ручкою. Вона не зводила очей з обличчя Марії, спостерігаючи за її реакцією. Марія почервоніла до самих кінчиків вух. «Не приїжджай, ми тебе не запрошували...» Який сором!

— А чому з сільської ради? — запитала тихо.

— На пошті ж вихідний... — байдуже пояснила Надя, — от з районного телеграфу їй передали по телефону в сільську раду. А то ще зірвешся та й приїдеш непроханою гостею.

Марія не розуміла, за що їй така ганьба. Вона тримала в руках аркуш і не знала, що з ним робити. З боку вулиці над хвірткою повисла голова тітки Устини, жінки, до якої зносили на хвостах новини всі сільські сороки.

— Марічко! Там, кажуть, в сільраді для тебе лежить якась телеграма. Пішла б забрала, може щось важливе... — багатозначно додала Устина.

Вже все село знає... Марії хотілося розридатися і тікати світ за очі подалі від всіх. Не хотілося бачити ні Надю, ні, тим більше, тітку Устину. Та все ж вона стримано, немов нічого не трапилося, повісила на коромисло домоткані килимки, перекинула його через плече, зняла з причілкової стіни старенького дерев'яного праца і мовчки попрямувала через город вниз до берега. Надя знизала плечима і пішла із двору.

В невеликому струмочку, що витікав з глибинних джерел яру, дав-

ним-давно хтось зробив невелику копанку для прання. Вода в ній була протічною, тож завжди чистою та прохолодною. Величезний плаский камінь, на якому споконвіку прали білизну сільські жінки, за багато років зробився зовсім гладеньким. Марія намочила у воді килимки, кинула їх на камінь і... дала волю сльозам. В березі не було ні душі, соромитись було нікого. В копанку стікали брудні цівки з килимків і чисті та гіркі дівочі сльози. Наплакавшись вдосталь, схопила праца і заходилася вибивати на камені килимки. Лупцювала з такою силою, неначе разом з брудом килимків намагалася вибити зі свого серця всі почуття, всі спогади про своє перше кохання. Оце жорстоке «ми тебе не запрошували» написане матір'ю, чи сестрою Євгена закреслило собою таке щасливе, як здавалося їй, ще зовсім недавнє минуле. Але чому ж мовчить він? Чому дозволив своїй рідні ганьбити її на весь білий світ? А може це хтось в селі так пожартував з нею? Бо ж написати на бланкові можна було що завгодно... Десь в далекому куточку Маріїного серденька ще залишилося трішки місця для сумнівів.

Дома на неї вже чекала мати, яка недавно повернулася з роботи та не застала доньку.

— Оце якби не помітила, що немає праца та килимків, то не знала б, що їй думати, - взялася допомагати Марії розвішувати килимки.

— Ой, один вже зовсім розлізся — так старалася, вибиваючи, — з сумом помітила Марія.

— Та біс з ним... з килимком, — зітхнувши, співчутливо додала мати і обняла доньку за плечі.

Наступного дня по дорозі зі школи Марії трапилася сільська листоноша.



— Марічко, зачекай, будь ласка... Розпишись в зошиті за телеграму.

Вона мовчки дістала зі своєї сумки зошит і телеграму з відомим вже дівчині та всьому селу текстом. Різниця була лиш в тім, що надрукований він був на вузеньких стрічках з телеграфного апарату.

...Через кілька років після закін-

чення технікуму Марія щасливо вийшла заміж за хорошого хлопця з невеликого закарпатського міста і поїхала із села.

Розповідали, що незабаром після від'їзду в селі бачили Євгена. Питав у людей про Марію, але до її батьків зайти не наважився. Мешкав він у столиці, але працював чомусь водієм-далекобійником.

**Борис НЕСТЕРЕНКО**  
(м. Севастополь)

Прозаїк, який здебільшого пише у жанрі «оповідання-анекдот». Народився 3 лютого 1946 р. в родині військовослужбовця у селищі Кодима Одеської області. Після закінчення середньої школи у м. Черкаси в 1964 р. поступив до Військово-інженерної радіотехнічної академії (м. Харків). Служив у Казахстані, Севастополі, підполковник. З 1992 р. працював у комерційних структурах, політичним оглядачем в газеті Міністерства оборони України «Флот України» під псевдо Петро Фечеп та Борис Черкаський.

Писати літературно-художні твори Борис Нестеренко почав під час роботи в газеті «Флот України» — оповідання, памфлети, фельетони, гуморески. Також його твори публікувались у часописі «Морська держава», альманасі «Севастополь», гумористичній газеті «Трутень», «Літературній газеті + Кур'єр культури: Крим-Севастополь». Видав 6 книжок: «Прекрасний час» (2005), «Сало» (2008), «Пригоди маленької Даринки із Севастополя» (2009), «Шара» (2010), «Вірус кохання» (2011), «Життя та смерть СаПоЖника» (2013).

За літературну діяльність нагороджений дипломом «Суспільне визнання» м. Севастополя та відзнакою ім. М. Гоголя міста Саратова.

Член Національної спілки письменників України.



## Новорічне побачення

### Оповідання

У Севастополі, коли виїжджали, стояв дощ, а ось Росія зустріла снігом. Сніг почався з Белгорода, якраз після перетину російського кордону. Марійка, що прилипла до шибки вагона, жваво коментувала краєвиди.

— Дивись, мамочко, скільки снігу!

Мамочка, сорокалітня мама тринадцятирічної Марійки, на ім'я Наталя, частіше, ніж у вікно, дивилася в дзеркало — як там зачіска, колір обличчя, зморшки на лобі: як все пройде?.. Хвилювалася, як першокласниця...

Хвилювався і полковник запасу Федір Семенов. Чи все куплено до Нового року, чи ошатно він прикрасив ялинку? Чи сподобається

Наталі з дочкою його квартира? Бо полковник чекав з Криму не просто гостей, курортну знайому з донькою, а майбутню родину Семенова, як він сподівався. З Наталкою Федір Дмитрович познайомився півроку тому, влітку, коли відпочивав у Севастополі. Сам кримчанин, родом з Феодосії, Семенов купив собі квартиру в Севастополі і три-чотири рази на рік приїжджав до севастопольської квартири на відпочинок.

У коштах Семенов не був обмежений, отримуючи пристойну військову пенсію (він викладав свого часу в одній з військових академій), а зараз працював в одному з найвідоміших російських благодійних фондів. В обов'язки Федора

Дмитровича було з'являтися до чергового російського олігарха десь у глибинці країни, нагороджувати його від імені фонду орденом і отримувати гранти на ті чи інші благодійні програми. З собою для солідності і щоб не було відмови Семенов завжди возив когось із відомих кіноартистів, чий послуги щедро оплачував. Та він і сам мав творчі здібності, свого часу закінчивши музучилище по класу флейти. Однак на цьому інструменті він ніколи не грав, а ось співав чудово. Федір Дмитрович мав диск з «мінусовками», які йому записали в одній з престижних московських студій за хороші гроші, і дуже любив вражати своїх гостей співом під цей диск. Особливо добре йому вдавалися пісні Антонова, а від трека під назвою «Моя любов» жінки, якщо вони були присутні на такому концерті, просто чманіли.

Наталія теж відносилася до числа таких дам. Середнього зросту, брюнетка з великими виразними очима, вона познайомилася із Семеновим в ресторані, де працювала адміністратором та була запрошена в гості до севастопольської квартири полковника на обід. Наталі у Семенова сподобалося. Федір Дмитрович у білій сорочці і білому костюмі, з ароматом дорогого парфуму, дуже чисто виголений і з невеликим їжачком, справляв дійсно столичне враження. Квартира теж була файна, свого часу її перебудували за проектом, який Семенов привіз із Москви, а меблі виробили на замовлення. Ванна — так та просто вражала! Джакузі... дзеркало на всю стіну... оригінальна сантехніка... дивовижна настінна плитка...

Сіли за барну стійку на кухні. Семенов запропонував шампанського, мартіні, коньяку на вибір, собі

налив горілки. Чим можна було вразити адміністратора дорогого ресторана на кухні? Втім, полковнику це вдалося. Особисто зварений борщ плюс риба, тушкована в маринаді, ним же приготовлена, справили належне враження. Порядок в квартирі просто бездоганний... Ну а коли Федір Дмитрович заспівав... Серце Наталі здригнулося під натиском зароджуваного кохання...

Прямо після обіду вони переспали... Через два місяці Семенов знову приїхав до Севастополя на пару днів, і ці пару днів Наталія ночувала в нього, залишаючи дочку на бабусю, свою маму. Жінка ось вже вісім років була одна. І, що цікаво, стільки ж років був розлучений і Семенов. Дружина кинула його, зрадила із маляром, який робив ремонт в їхній московській квартирі. У Наталі ж чоловіка ніколи не було, доньку вона народила у цивільному шлюбі...

— Хочу одружитися з Наталкою, — говорив Семенов своєму севастопольському сусідові Миколі, сидячи в останнього у квартирі за пляшкою горілки, привезеної з Москви, — симпатична і пристойна жінка.

— Ти так говориш кожен раз, — посміхався сусід, — вже скільки я їх у тебе тут перебачив!

— Ну і що? — відповідав, зачеплений за живе Семенов. — Я ж із серйозними намірами, я дружину шукаю, а не хрін собачий.

— А чим тобі Катерина не підійшла — та, що в тому році приїжджала?

— Дуже меркантильна, — пояснив Федір Дмитрович. — Звичайно, вона жінка корисна. Лікар, я з нею у санаторії в Кисловодську познайомився, ти ж знаєш, у мене тиск, а вона в разі чого і укольчик зробить, і пігулок випише... Але

корислива, давай відразу вимагати, щоб офіційно шлюб оформити, щоб подарував їй півквартири або тут, або в Москві, мовляв, як підтвердження серйозності намірів. Ні, це не для нас... Людка, і та краще була.

— Та ну, Людка, — протягнув Микола, — на мій погляд, собі на умі.

— Точно, Колю, було, що постелі від неї не допросишся, все вічно якісь відмовки; то критичні дні, то молочниця, то спина болить, то дай грошей на чоботи, кошмар... А один раз, у Москві, і зовсім кинула мене — нібито десять тисяч загубила, що дав їй на придбання пальта. Я ці гроші знайшов потім у неї в сумочці...

— А чого ж ти хотів, вона ж років на двадцять молодша від тебе...

— Ну і що? А Ельвіра, пам'ятаєш, у дві тисячі восьмому я привозив? Так їй взагалі дев'ятнадцять років.

— Пам'ятаю-пам'ятаю, особливо той скандал на пляжі, — знову посміхнувся сусід. — Дівка не промах.

Дівка, тобто студентка Ельвіра, домовилися з полковником, що Семенов оплачує проїзд в один кінець і забезпечує проживання у своїй квартирі протягом двох тижнів, а за це Ельвіра надає йому послуги сексуального характеру. Але в Севастополі Ельвірі не сподобалося, і при першому ж виїзді на пляж парку Перемоги на автомашині сусіда Миколи Ельвіра почала кричати мало не на весь парк, що це зовсім не курорт, як обіцяв Семенов, немає пальм, шикарних ресторанів та іншого тропічного антуражу і курортного шикун!

— Краще б я в Сочі поїхала! — обурювалася Ельвіра. — У мене були пропозиції. На хрін мені здалося ваше геройське місто!

Федір з Миколою як могли втішали Ельвіру, але відпочинок був зіпсований. Побувши тиждень, студентка добилася від Семенова оплати зворотньої дороги і відбула.

— Так, Ельвіра нерви поцувала мені, — погодився Семенов з сусідом. — Ваші севастопольські дівчата набагато приємніші цих московських стерв. Пам'ятаєш Марину?

— Яку? Та, що громадянка Франції чи та, що у військовому ансамблі танцює?

— Та, що танцює, — мрійливо вимовив полковник, — але заміжня виявилася. Жінка — блиск, одні ніжки чого варті. А очі, а попка!

— Не знаю, не знаю, — Микола налив черговий раз горілки, — мені особисто з твоїх жінок Фатіма-черкешенка більше подобалася, гарна, фігуриста, скромна, сороковник їй?

— Та ні, їй сорок п'ять. До речі, давай вип'ємо за її здоров'я, довго я з нею зустрічався, вона взагалі в Москві у мене рік жила, поки дисертацію захищала.

Співрозмовники цокнулись і випили.

— Так чого не одружився? — продовжив Микола.

— Розумієш, все при ній — і розумна, і красива, і скромна, — тут ти правий, але в ліжку... В ліжку повна колода. Віддається — за першою вимогою, як говориться, але зовсім байдужа до сексу.

Микола почав реготати.

— Точно, секс — це серйозно, як ти попав на тих шльондр? На тих двох, що ти привіз з Ростова — в дві тисячі шостому, або в дві тисячі п'ятому це було?

— У дві тисячі шостому, — уточнив полковник. — Навіть згадувати не хочеться.

— А мені хочеться, — сміявся сусід. — Пам'ятаю, як на третій

день ти скаржився мені, що вже сил ніяких немає на цих повій.

— Закриємо ці неприємні сторінки мого життя, — запропонував Семенов, — давай вип'ємо за Наталю, думаю запросити її до себе на Новий рік... З дитиною, між іншим, поживемо разом днів десять на канікулах ... Подивлюся на них зблизька, і, якщо все буде нормально, зроблю Наталі пропозицію, надто вже вона мені подобається, симпатична, пристойна жінка.

— Дай Бог, дай Бог, — погодився Микола, — давай вип'ємо за вас...

З вокзалу Семенов привіз Наташу з донькою на своєму «БМВ».

— Я ось що думаю, Наталочко, — прямо в ліфті почав будувати плани Семенов. — Ти поки будеш жити в Севастополі, приблизно з рік, — так мені зручніше. Я тобі куплю машину, і ти будеш зустрічати мене в аеропорту, коли я буду прилітати. Ти не проти, любя?

— У мене водійських прав немає, Федю, — вимовила щаслива Наталя.

— Не біда, купимо, — впевнено заявив Семенов. — У вас в Криму це коштує шістсот доларів, я цікавився.

Наталя з дочкою помилися з дороги, Семенов запросив за святковий стіл, відкоркував шампанське і підняв тост за хороший відпочинок кримчанок в столиці. Потім відбувся обмін подарунками. Полковник отримав від Наталі картину кримського художника з видом Балаклави, а Наталя від полковника — шубу.

— Федю, я не можу взяти такий дорогий подарунок, — говорила жінка, поки її дочка розглядала подаровану полковником «Енциклопедію для дівчаток». — А раптом у нас нічого не вийде?..

Рівно через тиждень, п'ятого

січня, Наталя з дочкою поїхали в Севастополь. На цей раз їхали на таксі. Шубу Наталка не взяла ...

У березні місяці Федір Семенов заявився в своє севастопольське житло. На наступний день подзвонив у квартиру Миколи.

— Коля, привіт! — Семенов простягнув традиційну пляшку, тацю із м'ясною нарізкою і банку ікри.

— Як завжди, самогон? — радісно вітав друга Микола, взявши пляшку, на якій дійсно була етикетка з написом «Самогон». — Пройди, дорогий, тарілку на стіл постав... Ікорочку зараз відкрию...

Бесіда, як зазвичай, почалася з обговорення погоди, здоров'я, роботи.

— З роботою зараз гірше стало, — скаржився Семенов, — криза... Зате я класно п'ятидесятиріччя відзначив! У «Яру», між іншим, ти такий ресторан знаєш?

— Читав у Гіляровського, — відповідав Микола, — І чого там особливого?

— На, подивися, — Семенов простягнув сусідові журнал «Еліта Росії». На одному з розворотів були розміщені фотографії з ювілею полковника. Сам він був у білому смокінгу і сфотографований і з депутатом Держдуми Макаровим, і з артистом Лівановим, і з нафтовим олігархом Зелідовим. Там же красувався знімок чудового столу. На чолі його, природньо, сидів ювіляр.

— А де ж Наталя? — спробував знайти на знімках жінку Микола.

— Пробач, що не подзвонив і не розповів тобі, — вибачався Семенов.

— Не зійшлося у нас.

— Що таке? — поцікавився сусід, — все ж добре було?

— Добре-то добре, та нічого доброго, — зітхнув Семенов і повідав обуреним тоном. — Уявляєш? Кожного дня матері своїй у Севасто-

поль дзвонила, хвилин по тридцять-сорок. І про що говорити можна було? Я її раз попередив, другий раз, третій — а їй хоч би хни. Надзвонює мамаші і надзвонює... Далі — більше. Я коштовного туалетного паперу купив, шість рулонів, мені на рік вистачає, і як вони з донечкою примудрилися за три дні її використати — я не знаю... Донька її, Машка... У мене на лоджії крісло-гойдалка стоїть, попередив, щоб не гойдалася, я цього не люблю, коли хто гойдається, мене дратує скрип. Так ні, гойдається і гойдається, скрипить і скрипить, мало не силоміць доводилося виганяти.

— І це все? — дещо іронічно протягнув Микола.

— Та ні, Колю, не все! Я їм пояснив, що під ялинкою лежить кульок дорогих шоколадних цукерок, і щоб не чіпали, — це для людей, які несподівано заходять до мене привітати, на Новий рік або на Різдво. Так я і оком не моргнув, а вони ці цукерки вже з'їли до четвертого числа. Ну я не стримався, сказав їм пару слів. А вони зібралися і поїхали. Скатертиною дорога... До речі, я вчора тут на пошті познайомився з однією дамою, домовилися завтра разом сходити в кіно, дуже симпатична та пристойна жінка...

## Ну то й що?

### Оповідання

У Вікторії, випускниці торгового технікуму, було два бойфренди. В одного, Ігоря, вона жила, з іншим, Андрієм, періодично зустрічалася. Обидва пропонували заміж, і в ліжку обидва були роботящі, і тому Віка вагалася — ніяк не могла вибрати кращий варіант.

— На біса вони тобі потрібні, — говорила подруга Ліза, — із твоїми даними ти можеш щось краще зловити. Звичайно, Ігор — бізнесмен, і квартира є, але аж надто гулящий, з шинків не вилазить, та й мастак по жіночій частині... А Андрій — ні риба, ні м'ясо, живе в гуртожитку і далеко не піде — це точно. Далі радиста на зубожілому кориті йому не бачити... Ні, Віко, ні, не поспішай. Повторюю — із твоїми даними!

І дійсно, дані у Вікторії були неординарні — вище середнього зросту, білява, з фігурою, що нагадує гітару, і з дивовижною персиковою шкірою, дівчина справляла

враження. І, навіть, один раз за які-ніякі гроші знялася абсолютно голою для одного з російських порножурналів. Навіть дивно, як така красуня могла народитися в місті Джанкої і працювати в місті Ялта продавчиною! Робота була позмінна, і у вільний час раз-два на тиждень Вікторія сама або з подругою прогулювалася набережною, отримуючи компліменти і частенько всякі пропозиції від чоловіків.

Сорокап'ятирічному високому і худорлявому греку Анастасісу Вікторія сподобалася надзвичайно. Залицявся грек нестандартно — у номер готелю не запрошував і грошей за секс не пропонував. Наголос у залицаннях за Вікторією грецький турист зробив на культурній програмі. З подивом Вікторія дізналася, що в Криму є загадкові печери, красивий палац в Алупці і чудовий вид на море з Ай-Петрі. Ось там, на Ай-Петрі, сидючи у самому кращому кафе за шаш-

ликом, Анастасіс зізнався дівчині, що він дуже багатий, володіє на батьківщині адвокатською контрою і приїхав у Крим за дружиною.

— Я можу собі це дозволити, — на непоганій російській мові говорив турист, — гречанки мені не подобаються, вони все носаті, з вусиками, тут дівчата набагато приємніші. Ви ж, Вікторіє, ви просто богиня... Я хотів би мати таку дружину... Ви красуня, моя дорога!..

— Ось! — радісно вигукнула Ліза, коли Вікторія розповіла їй про розмову з греком. — Ось твій шанс! Закінчуй з місцевими, тебе чекає Греція!..

Греція дійсно чекала нашу героїню. Анастасіс привіз Вікторію в місто Салоніки, в свій великий і красивий будинок. Для початку грек повів дівчину по бутіках і накупив їй повсякденного одягу, а ще, як він пояснив, «для коктейлів».

З коктейлів все і почалося. Коктейльне суспільство, що складалося з багатих і дуже багатих громадян міста Салоніки, Вікторію не сприймало. Ні, звичайно, завсідники коктейлів обох статей підходили до Анастасіса, посміхалися і навіть цілувалися з ним, але Вікторію старалися не помічати. Втім, як зазначила дівчина, ці громадяни аналогічно ставилися і до бідних людей тієї ж грецької національності.

Але ж Вікторія була красивою і кандидаткою в грецькі дружини! Однак пихаті представники вищого чиновництва і бізнесу міста Салоніки, а також їхні дружини, дивилися на Вікторію з ледве прихованим презирством ... Ну то й що, — відзначала про себе кримчанка, — що вони багаті, ну то й що, що

вони представники найдавнішої з цивілізацій, ну то й що, що вони народили Архімеда, ну то й що? А чи знають вони, ці чортові греки, що у Вікторії прізвище Станюкевич, і не якийсь там письменник її предок, а справжній дворянин?

А ще Вікторію шалено дратувала релігійна атмосфера міста. Вони, бачте, всі віруючі, вони, бачте, всі ходять по церквах, щосекунди хрестяться... Ну то й що?..

Не сподобався Вікторії і візит до лікаря, буквально на другий день по приїзді в Салоніки. На вимогу грека у неї взяли тест на вензахворювання, причому медсестра, заповнюючи картку, запитала:

— А скільки у вас було чоловіків?

Коли Анастасіс перевів питання, то обурена кримчанка продемонструвала медсестрі десять розчепірених пальців на руках і для більшого ефекту стільки ж на ногах. Медсестрі, яка здивовано підняла брови, Анастасіс сказав:

— У неї був тільки один чоловік...

Тест Вікторія пройшла успішно і почалося її сексуальне життя з Анастасісом. Між тим, час минав, і місяців через два грек запросив кримчанку на серйозну розмову в присутності якогось родича. Без усяких яких грек сказав:

— Я думаю, що з тебе, Вікторія, вийде непогана дружина. Пропоную тобі шлюб, але з виконанням трьох умов: перша — коло твого спілкування буде обмежено (і Анастасіс назвав їй з десяток тих же коктейльних дам); друга — ти терміново і серйозно будеш займатися грецькою та англійською мовами (по дві години на день одної і другої); третя — сигарети і кава тобі забороняються, ми повинні народити здорових дітей, замість них

— соки, фреш, молочні коктейлі. Якщо все буде нормально, то — через рік після весілля я куплю тобі дім.

Анастасіс ще раніше натякав на убогість освіти Вікторії, мовляв, «у нас тут всі знають по дві-три мови, я знаю п'ять»... І Віка спочатку спробувала ліквідувати прогалину. Вона зайнялася грецькою, але вивчивши за два місяці не більше п'ятдесяти слів, зрозуміла, що це не для неї. Не сподобалося Вікторії і обмеження свободи — що спільного у неї з цими гордовитими гречанками? Інша справа понтіїці, хлопці-торговці, з якими Віка познайомилася на ринку. Вони і російську розуміли, і не вдавали з себе аристократів і, напевно, в ліжку були не гірші за кримських хлопців. А Анастасіс? Секс за графіком раз на тиждень? І без усяких ласк... Віка згадала Ігоря, що був майстром з усяких сексуальних поз і несподіваних місць для занять любов'ю.

«Подумаєш, — думала Віка, — Сорбонну закінчив, ну то й що? Краще б у молодості сексом займався, досвід набував».

Але найбільше Вікторію обурило вимога грека відмовитися від ранкової чашки кави з сигаретою. Він, бачте, прихильник здорового способу життя. Ну то й що? Він, бачте, їй будинок купить. Ну то й що? «Та пішов ти, — подумала Віка, — куди подалі», а вголос сказала:

— Мене все влаштовує, Стасик, але я повинна з'їздити додому і взяти благословення у мами.

— Навіщо їздити? — здивував-

ся грек. — Є телефон, інтернет, скайп, нарешті.

— Ні, Стасик, я повинна з'їздити, поговорити з мамою, попроситися з подругами — у нас так заведено.

— Ну, добре, їдь, тільки ось що: весь одяг, що я купив тобі, залиш тут. Зрозуміла?..

Це був удар. Вікторія вже уявляла собі, як вона вийде на ялтинську набережну в дивовижному синьому костюмі, у ботфортах і в персиковому пальті. Однак Анастасіс був непохитний, мовляв, у чому приїхала, в тому і поїдеш, це ж ненадовго?

Вікторія приїхала до Ялти. На жаль, Андрій і Ігор були вже недоступні, зв'язалися, як повідомила Ліза, з іншими молодіцями... Але Вікторія нудьгувала недовго, познайомилася і дуже скоро вийшла заміж за охоронця одного із санаторіїв, Дмитра.

Згадуючи свою грецьку подорож, Віка шкодувала тільки про три речі: ботфорти, синій костюм та персикове пальто.

— Ти уявляєш, — говорила вона Лізі, — життя без ранкової кави і сигарети? Ти уявляєш?..

Десять після року сімейного життя у гуртожитку чоловік Діма почав лупцювати Вікторію, особливо, коли бував п'яний. Однак Віка його любила, прала йому шкарпетки і гладила білизну.

— Віко, — коментувала Ліза сімейне життя подруги, — він же тебе б'є, і ти мовчиш та терпиш!

— Ну то й що? — наводила свій звичайний аргумент Віка.



**Катерина СТЕПЧИН (ГНЕСЬ)**  
(с. Семисотка Ленінського району,  
АРК)



Поетеса, член НСПУ, за професією філолог, учителька української мови та літератури, близько 30 років відпрацювала в сільській школі. Народилася в сім'ї хліборобів у селі Бесідках Славутського району Хмельницької області.

Закінчила Хмельницьке педучилище (1979) та Львівський університет (1984). З 1984 року проживає в Криму.

Поезією захоплюється з дитинства. За радянських часів друкувалася в дитячих республіканських періодичних виданнях «Зірка», «Піонерія». На теренах незалежної України — в загальнодержавних: «Кримська світлиця», «Сільська школа», «Освіта України», «Дивослово».

Усе життя Катерини Олександрівни цілком і повністю заповнювала вчительська праця. Навіть книги, які видала поетеса, — «Добридень, діти!», «Вклоняюсь Слову», були присвячені темі школи — такий своєрідний віршовано-дидактичний матеріал до власних уроків.

Ще одне захоплення Катерини Степчин — пісня. У 2009 році вийшла збірка авторських пісень поетеси «Пісне, лети!». Шістьма роками раніше, у 2003 році, вона стала переможцем конкурсу української авторської пісні, організованого газетою «Кримська світлиця» під лозунгом «Львівська струна — на кримський лад».

Наразі К. Степчин працює над новою збіркою, яка буде докорінно відрізнятися від попередніх і за змістом, і за формою. Збірку вона планує видати до кінця поточного року.

## КРИМСЬКІ РОНДЕЛІ

### 1. Степовий

Чебрецево-полинові далі,  
По янтарно-сонячній спіралі в небо піднялись.  
Терпкий аромат — дух степового цвіту —  
На акордах вітряного літа полетів у вись.

Пригорілим пилом — попелом припалі —  
Не повіриш, що буяли тут колись, —  
Чебрецево-полинові далі  
По янтарно-сонячній спіралі в небо піднялись.

Позбирав свої зусилля степ чималі,  
Розкрутивши сонячну спіраль  
У небесну золоту бездонну даль,  
Щоб сховалися там від нудьги-печалі  
Чебрецево-полинові далі.

## 2. Вітровий

Дзвенить колосся міддю літа,  
Оркестром кримських вітроборів  
В обіймах степових просторів  
Духмяного терпкого цвіту.

Не спить земля, піснями сита,  
Бо, як соліст в гігантському хорі,  
Дзвенить колосся міддю літа,  
Оркестром кримських вітроборів.

Звучить щорік оркестр для світу —  
Симфонія природних непокорів,  
Пора врожаїв — хлібних зернозборів.  
Снагою сонця в зародку налите  
Дзвенить колосся міддю літа.

## 3. Пшеничний

Біжать в степу пшеничні хвилі,  
Колишуть спеки кораблі  
В лоні гарячої землі,  
Що плавиться в німім безсиллі.

Поруч морські багатокрилі,  
Збентежені, бо на небеснім тлі  
Біжать в степу пшеничні хвилі,  
Колишуть спеки кораблі.

Розгнуздані, розгарячілі  
Землі тривожать сонний тлін,  
З морським неспокоєм навперегін  
У сонячно-спекотному дозвіллі  
Біжать в степу пшеничні хвилі.

## 4. Трояндовий

Кримських троянд краса неземна,  
У сади опускаючись раєм,  
Блідне місячно, а то палає —  
Цвітом сяє стобарвно вона.

Незрівнянні в Криму літо, осінь, весна,  
Бо природу натхненно вінчає  
Кримських троянд краса неземна,  
У сади опускаючись раєм.

Ароматом п'янить, як від меду-вина.  
Мов на крилах дух квітів витає  
Над трояндовим пишним розмаєм.  
Обдаровує радістю душу сповна  
Кримських троянд краса неземна.

### 5. Морський

О море, — вод незбагненна стихіє,  
Ти благодать, безмежжя, сила і краса,  
Життя підводного таємні чудеса,  
Невиправних романтиків беззаперечна мрія!

В живому русі ти завжди, у вічній дії.  
Енергія твоя і в штилі не згаса.  
О море, - вод незбагненна стихіє,  
Ти благодать, безмежжя, сила і краса.

Життя незвідана загроза й бажана надія,  
Блакиттю звернена в високі небеса,  
Над вічним маревом їх сяйво нависа.  
Під сонячним теплом твоя бездонність мліє,  
О море, — вод незбагненна стихіє...

### 6. Феодосійський

Чорноморська хвиля миє без упину  
Золотому пляжу ложі із піску,  
Нагріває сонце постіль їх м'яку,  
А на ній смагою позначені спини.

Над бухтою, де чайок білі клини,  
Будять криком сонну голубінь мінку,  
Чорноморська хвиля миє без упину  
Золотому пляжу ложі із піску.

Дише Феодосія степовим полином,  
По горах блукає в вінку,  
Як у Айвазовського, щоб знайти таку  
Сонячну палітру для картини:  
«Чорноморська хвиля миє без упину...»

## 7. Осінній

Бурштинове намисто — грона винограду  
Розвіяла гостинно осінь недарма,  
І листяний вінок сплела собі сама,  
Щоб сподобатись засмученому саду.

Призабулися йому всі весняні принади.  
І після літа квітів вже запашних нема...  
Бурштинове намисто — грона винограду  
Розвіяла гостинно осінь недарма.

І сад прийняв в дарунок осені розраду,  
Бо ж незабаром вкриє все пустота німа —  
Завихрена, засніжена, застуджена зима...  
До літнього подібне зорепаду  
Бурштинове намисто — грона винограду.

## 8. Казантипський

На Казантипі східнокримське сонце тріумфує,  
Азовське море миє мису кам'янистий бік.  
А він у скелях загубив століттям лік,  
Де шторм до блиску камені шліфує.

І небо тут віками безперервно чує  
Чаїне скигління — нестямний крик...  
На Казантипі східнокримське сонце тріумфує,  
Азовське море миє мису кам'янистий бік.

Над заповідником бешкетний вітер не нуртує:  
Він спокій квітів береже щорік.  
В Татарській бухті хвиль живий потік  
Старечим пляжам молодість дарує...  
На Казантипі східнокримське сонце тріумфує.

## 9. Героїчний

Над Ак-Монаєм вітрів героїчні кантати  
По особливому в День Перемоги звучать,  
Та їх не чує звитягою стомлена рать —  
Не просинаються в братських могилах солдати.  
І гіркота полинів 41-го — час розіп'ятий.  
Він і не мріяв, що зможуть так літ через п'ять  
Над Ак-Монаєм вітрів героїчні кантати  
По особливому в День Перемоги звучать.

А обелісків кинджали під небом чорно-брунатним  
Й досі готові на прю проти ворога стать.  
Наче громи і мов завивання проклять,  
Б'ючи на сполох, будуть довічно лунати  
Над Ак-Монаєм вітрів героїчні кантати.

## 10. Ода ронделю

Хвала тобі, ронделю — пісневірш крилатий  
Із сонцеликим словом у вінці,  
Що вишикував рим блудливі манівці  
У канонічний ряд, щоб так повік стояти.

Тож пристрасні вірші сам Бог велів складати,  
Рефреном поєднавши їх початки і кінці.  
Хвала тобі, ронделю-пісневірш крилатий  
Із сонцеликим словом у вінці!

Есташ Дешан творив пісенне свято  
І Шарль д'Орлеан. Отже, віват, митці! \*  
Прийміть без осуду пісні-ронделі й ці,  
В яких я вдячно хочу проспівати:  
«Хвала тобі, ронделю — пісневірш крилатий!»

---

\* Французькі поети — творці ронделю (1346–1410 р.р.)

**Віра ПАЛЬОХА**  
 (м. Керч)


Член НСПУ, вчитель-методист вищої категорії, викладає українську мову та літературу в Ліцеї мистецтв м. Керчі. Народилася у селі Морозівка Мілоського району на Луганщині. Закінчила Луганський Східноукраїнський державний університет, педагогічний інститут імені Тараса Шевченка, факультет української філології.

Вірші почала писати з 11 років. Друкувалася в місцевих газетах «Слово хлібороба» (сmt. Мілове), «Наша газета» (м. Луганськ). Вірші Віри Пальохи увійшли до другого випуску колективної збірки молодих авторів у видавництві «Книжковий світ» (м.Луганськ, 2001). У 2003 р. переїхала до Криму, і її твори з'явилися у газеті

«Кримська світлиця» та на сторінках дитячої газети «Джерельце». Основні мотиви її творчості — любов до України, її мови, культури, історії, людей. Вона хоче бачити світ гарним, гармонійним, справедливим. А щоб він таким став, на передній план має вийти духовність. В цьому вона вбачає своє призначення як поет і педагог.

«Поезія — це завжди неповторність», — сказала поетеса ХХ століття Ліна Костенко. Тож не випадково Віра Пальоха вважає, що лише поезія в змозі збудити емоції, які переростають у почуття, роблять людину людиною; стати тим життєвим променем, який зігріває душу в радості й горі, в юності й на схилі літ, робить людину оптимістом і мудрецем.

У своїх віршах Віра Пальоха намагається розкрити невичерпне багатство рідної мови, яке надбав наш народ протягом багатьох століть. Імена людей, пори року, явища природи, почуття дружби, світлого кохання — усе це присутнє у віршах поетеси.

Її поетична натхненна душа, здається, невичерпна. Вона сповнена добрих почуттів, щирих, світлих задумів, бажанням передати усе найкраще, що зветься духовністю.

**СЛОВО ШЕВЧЕНКА**

Схиляю голову в задумі  
 Над Шевченковим «Кобзарем» —  
 Вклякаю перед вівтарем,  
 Молюся поетовій думі:  
 Його словам пророчим,  
 Що вистраждані горем  
 Душі, народним болем  
 У тихі ясні ночі;

Його вкраїнській мові,  
 Що весь чарує світ.  
 Уже багато літ  
 Закохує у слово.  
 Воно бринить піснями,  
 Виблискує грайливо.  
 Воно є просто дивом,  
 Яке повіки з нами!

Це було колись давно,  
 Коли праліс ще дрімав.  
 Спало в стовбурах вино  
 І мороз річки тримав.  
 Сталось це в вечірню пору,  
 Коли місяць повновидий  
 Розкидав зірки по двору,  
 Напускав серпанок видний.  
 Спало все у лісі тім:  
 І дерева предковічні  
 В сяйві місяця яснім,  
 І листки в дуплі торішні.  
 Лише хто? Чекайте, йде,  
 Ні ж бо, у танку витає,  
 Вміло, вправно вальс веде  
 На морозець не зважає.  
 Позналились із нею —  
 Цю красуню Мавка звать,  
 Лісовик гордиться нею.  
 Донею його всі звать.  
 Раптом звідки не візьмись,  
 Перелесник з землі виріс,  
 Ніжно, міцно обнялись, —  
 І враз вихор в лісі виріс.  
 Закружляла заметіль,  
 Чути всюди «тіль» та «тіль».  
 Стала з танку темна тіль,  
 Тільки тіль, тільки тіль...

## СИНІЙ СВІТ

Синій ранок, синій сніг  
 На холодну землю ліг.  
 Синій вечір синю тіль  
 Кинув на ялину він.  
 Синє небо. Синє море.  
 Сині сосни. Сині зорі.  
 Синій світ здається весь.  
 Я сховаюсь в ньому десь.  
 Сині очі в тебе, сині.  
 Повні радості і сині.  
 Синє місто. Синій світ.  
 Шлю я вічності привіт!

Мелодія скрипки осіння  
 Порухує тишу села.  
 Народження пісні «Вечірня»  
 Торкнулось нічного чола.  
 Вона огортає дерева,  
 Кружляє у вихорі лист.  
 Вона — то моя королева,  
 Душевності внутрішній хист.

## У НЕДІЛЮ ПРЕЧИСТУ

Трава зелена посивіла,  
 Покрилась сріблом дивини,  
 Схилилась, до землі присіла,  
 Прилинув сон із давнини.  
 Осінній лист ще не опав  
 На сірих яблунях в саду.  
 Хоч білий сніг їх огортав,  
 До них я стежку промету.  
 Прийду і сяду одпочить  
 Під тихий шепіт листу.  
 Я хочу з ними погостить  
 В неділю цю Пречисту.

## ОСІННІЙ ЖМУТОК

«Осінь в природі —  
 Жовтень років.  
 Осінь надворі,» —  
 Лелека бринів.  
 Павутина літає,  
 Дереву білить,  
 На скроні сідає, —  
 Життя не стоїть.  
 Ні, не треба смутку,  
 Всміхайся завжди  
 І останньому жмутку:  
 «Привіт!» — говори.

## ЛІКАРСЬКІ РОСЛИНИ

Лікарських рослин доволі:  
 М'ята, звіробій, чебрець.

Чай із них вживають хворі:  
 «Геть бронхіти, хай їм грець!»  
 Тож завчасно ці рослини  
 Треба назбирати вкрай,  
 І о будь-якій годині  
 Заварити собі чай.  
 Можна ще в аптеку здати  
 Мати-мачуху й полин —  
 Людям треба помагати  
 Берегтися від пухлин.  
 Так рослини ви ці знайте,  
 Вам без них не обійтись.  
 Друзі, завжди пам'ятайте,  
 Не кидайте на колись.

### ВОСЕНИ

Вечір. Свіжість осіння  
 Терпко п'янить село,  
 Де розрослося коріння  
 Роду мого давно.  
 Дим огортає вишню  
 Яблунь багряні шати,  
 Що так кохала ніжно  
 Рідна ньєнка-мати.  
 Лист облетить, зів'яне,  
 Щезне із ним тепло.  
 Так і в душі настане  
 Сумно як перш, давно

### ТОБІ, МАМО!

Весняний подих вітів,  
 То мамине тепло.  
 Веселий погляд квітів,  
 Квітуюче село.  
 Любов моя безмежна,  
 Не буде їй кінця.  
 Ти завжди щира, чесна,  
 Нема лише вінця.  
 Ти поруч кожному мить  
 Зі мною у житті.  
 Долонь тепло теплить  
 Мене у цім бутті.  
 Невзможі я забути  
 Твої повчання щирі,  
 В волоссі запах рути,  
 І ніжні руки милі.

### СЕЛО МОЄ

Село моє найкраще в світі,  
 Бо це вітцівщина моя.  
 Тут п'ярко вранці пахне літо,  
 Палає давнини зоря.  
 В нім все з дитинства мені рідне:  
 Поля ромашок в білих сукнях,  
 І небо чисте та погідне  
 В нічних землі відлуннях.  
 Люблю осінній листопад,  
 Що до нестями дух тамує.  
 (Не треба нічиїх порад!)  
 В душі хай музика вирує!  
 Село моє найкраще в світі,  
 Бо це вітцівщина моя.  
 Цвітить, волошки, завжди в житті,  
 Буяй, квітуй, земле, моя!

### ВЕТЕРАНИ

#### *Пам'яті односельців-воїнів*

Мало вже лишилось ветеранів,  
 Тих, хто перемогу наближав.  
 В них болять нестерпно рани,  
 Біль в серцях з війни ще  
 не вщухав.  
 Сивина покрила їхні скроні,  
 Зборонилось зморшками чоло,  
 В мозолях натруджені долоні —  
 Скільки людям пережити довелось?!  
 Як сьогодні бачать бій гарматний,  
 Чують вибухи ночами уві сні.  
 Це вони здійснили подвиг ратний,  
 І салютом сповістили навесні.  
 Трави зразу стали зеленіші,  
 Білий квіт у вишень побілів,  
 Люди стали рідні і добріші —  
 Наш народ у битві уцілів!  
 Низько ми вклоняємось героям,  
 Всім, хто край наш рідний захищав.  
 Хоч чомусь не повернулись з бою,  
 Мати-Україна їх стріча!



## СИМФЕРОПОЛЬ

Всміхається вогнями Сімферополь,  
Шле зорям вічності привіт.  
Летять незваними дорогами  
Послання у космічний світ.

Він радо друзів зустрічає  
В нічному гомоні міськім.  
Весна і юність нас вінчає  
Із Вірою в житті людськім.

## МАТЕРІ

Цвітуть вишні у саду,  
Я додому з школи йду.  
Мамі квіти я несу,  
Її міцно обійму.  
Стигнуть вишні у саду,  
Я додому з міста йду.  
Мамі хустку я несу,  
Її міцно обійму.  
Сплять вже вишні у саду,  
Я додому з сином йду.  
Мамі радість я несу.  
Її міцно обійму.

Нене, рідна і єдина,  
Зустрічай удома сина.  
Ти завжди його чекаєш,  
Хоч дорослий син, ти знаєш.

## ДУША

Я стала квіткою,  
Роса мене вмиває.  
Ще грає сонцем літо  
І руки простягає.  
Зігріти тіло хоче  
У променях тепла.  
О милий Боже!  
Душа моя жива.

## ТИ — ЛЮДИНА

І це вже є...  
Так мало статись.  
Життя іде...  
З колін устань!  
Бо ти — не раб,  
Бо ти — людина.  
І маєш право  
Одне єдине  
Ти жити так,  
Як хочеш сам.  
Ніхто не може  
Тебе принизить.  
О милий Боже!  
Душі не знищить,  
Її не вбить!

## ЖИТТЯ — ПОЛІТ

Де я була?!  
Цікавить всіх.  
Де я була,  
Там білий сніг.  
Де я була,  
Там птахи сині.  
Де я була,  
Там пісня лине.  
Де я була,  
Чудовий світ.  
Де я була,  
Життя — політ.  
Де я була.  
Цього не знати.  
Де я була,  
Хочу змовчати.

## СВІЧА

Свіча палає на столі,  
Танцюють тіні на стіні  
Химерно-дивні всі і різні.  
Давно за північ. Темно. Пізно.

Слід уже закидав  
 Білий сніг вночі.  
 Що тоді він відав  
 У моїй душі?  
 Білий, білий сніг,  
 Теплий і лаптий.  
 Цвітом ніжно ліг  
 В мене коло хати.  
 Не забудь про мене,  
 Біла заметіль!  
 О дівчино, леле,  
 Біла в тебе тіль.

## РІДНА ШКОЛА

Школо, рідна школо!  
 Берізок струнких весіння.  
 Ти кличеш до себе, школо.  
 Геть, сивина старіння!  
 Ти кожного ранку зі мною,  
 У серці моїм завжди.  
 Я не прощаюсь з тобою,  
 Постій же хвилину, зажди!  
 Дитинства прекрасні тіні,  
 Юнацтва щасливу мить  
 Нам не забути й нині,  
 А дзвоник у школі дзвенить...  
 Каштанів цвітіння ніжне,  
 Пелюсточка біла тремтить  
 І все таке сонячне, різне,  
 А дзвоник у школі дзвенить...  
 Він подумки всіх скликає,  
 Вже тридцять років не спить,  
 Хоч поруч нас немає,  
 А дзвоник у школі дзвенить...  
 Школо, рідна школо!  
 Берізок струнких весіння.  
 Ти кличеш до себе, школо.  
 Геть, сивина старіння!

Навчення шир. Неси в серця.  
 Плекай народності пошану.  
 Рости тендітні деревця  
 Майбутності повагу й шану.  
 Даруй добро, тепло, душевність,  
 Шляхи до Бога покажи,  
 Знайди у нім для учнів певність,  
 Серцям в житті допоможи.  
 Хай творчість Ваша завжди б'є  
 Ключем з криниці  
 лиш джерельним.  
 Наснага сил Вам додає  
 І путь освітиться зорею.

## НАВІЯНЕ СВЯТИМ ПИСЬМОМ

Мудрим будь завжди,  
 Справедливість бережи.  
 Чесність у житті шануй,  
 В душу людям ти не плюй!  
 Про турботи розпитай,  
 Словом добрим помагай.  
 Ближнього свого люби,  
 Якщо треба — захисти.  
 Остеронь біди не стій,  
 Серцем ворога зігрій.  
 Від любові і тепла  
 Хай заплаче крига зла.  
 Вірно Богові служи,  
 Що з тобою розкажи.  
 Ти розкрий душі темницю,  
 Матимеш тоді скарбницю.  
 Він завжди тебе очистить,  
 Гріх душі відпустить,  
 Спокій вселить і надію,  
 Чисту, світлу мрію.

## У ШКОЛІ

Чому я кожен ранок  
 До школи поспішаю?  
 Чому дитячий ганок  
 Я весело вітаю?

## ЖИТТЯ

Тому сюди біжу,  
Кидаю всі турботи,  
Бо тільки тут живу  
(Люблю свою роботу).  
Ці очі такі різні  
(Всі дзеркало душі),  
Для мене вони ніжні,  
Як весняні дощі.  
Тут всі маленькі люди,  
Навчаючись живуть,  
І створюють етюди:  
У чому життя суть.  
І як тут не радіти?  
Не плакати разом?  
Не можна все сидіти  
Та бути за бортом.  
Бо серцем юний з ними  
І молодий повік,  
Ідеш стежками з ними  
Не чуєш часу лік.

Проходить повз нас життя:  
Незчулись — весна пролетіла.  
Не буде вже їй вороття —  
Каштани ж буятимуть біло.  
Біжить і не стишує час,  
Не хоче і миті спочити.  
Ніхто не питає Вас:  
Чи легко сьогодні Вам жити?  
Нічого не можемо ми  
Й на «йоту» у ньому змінити.  
То ж будемо просто людьми  
І спробуєм з гідністю жити.  
Проходить повз нас життя:  
Вже червень зустрівся з липнем.  
У чому ж є сенс буття?  
Ми відповідь все ж не дали б.

---

Проходить повз нас життя...

# ГІСТЬ ЖУРНАЛУ

**Олександра ВАНЖУЛА**  
(м. Хмельницький)



У травні поетеса відзначила свій високий ювілей — 75 років від дня народження. Пам'ятаю, років п'ятнадцять тому мене познайомив з нею мій добрий товариш і колега по перу поет Микола Федунець, чоловік Олександр. Вони приїхали з м. Хмельницького на черговий письменницький з'їзд (1996 р.), і ми мешкали по сусідству в одному готелі.

Тоді подружжя поетів з Хмельниччини й подарувало мені свої книжки — Микола величезну збірку поезій «Неповторне», а Саша, Сашенька, як її з любов'ю називав мій друг, збілочку своїх віршів «Довір'я». А через кілька років, коли ми з Миколою Федунцем зустрілися знову в Києві, цього разу як делегати Третього Всесвітнього форуму українців (2001 р.), мій друг-подолянин подарував мені збілочку поезій різних років своєї дружини, гарної поетеси Олександри Ванжули «Горицвіт» (м. Хмельницький, 1999 р.). Кілька років тому раптово, у розквіті творчих сил обірвалося життя чудового поета і мого щирого друга Миколи Федунця.

Часто перечитуючи книги, подаровані мені друзями з Хмельниччини, я згадую і Миколу, і його дружину Олександр. А оце згадав, що в Саші день народження. Перечитав подаровані мені збірки її віршів і крізь призму її поезій побачив нелегкий життєвий шлях цієї жінки, яка й за складних обставин зуміла лишитися не лише дружиною, матір'ю, бабусею, а й поетесою. Ось і нещодавно в її місті відбулася презентація її тринадцятої збірки поезій «Осіннього листя жмутик», на яку вона щиро запрошувала й мене... Ще й ще перечитую схвильоване вступне слово поета Миколи Мачківського до збірки поезій різних років «Горицвіт», яке він назвав «Полинова чаша Олександри Ванжули». Полинова — отже, гіркою, нелегкою була доля поетеси. «То ж з неї, тої долі, варто й почати», — зазначає Микола Мачківський. І далі наводить спогад з життя маленької Саші, коли почалася війна і до їхнього села Велика Стадниця, що на Вінниччині, де 2 травня 1938 року народилася майбутня поетеса, увійшли німецькі солдати.

Маленька дівчинка сиділа в хаті біля вікна і снідала вареничками, коли побачила, як у двір зайшли фашисти. Один з них націлився в її голівку. Усе, на щастя, обійшлося, бо в останню хвилину інший фашист-начальник «відвернув зайду від злого умислу, а Сашенька на все життя запам'ятала пополотнілу матір і те, як сама, налякана, зариділа». А далі були чорні дні окупації, холод, голод повоєнних років, підневільна тяжка праця батьків у колгоспі. І, звичайно ж, справедливі нарікання людей на жахливі умови життя і праці, на деспотію влади.

Далі знову процитую, М. Мачківського: «У той трагічний час Олек-

сандра Ванжула була школяркою. І в тому юному віці Сашеньку спіткало горе: батько її опинився серед тих, хто «не витримав», хто вирішив боронитися проти деспотії та насильства. І за це був владою схоплений, покараний. А Сашенька зі своїми братиками Павликом та Льонею опинилися у дитячому будинку. Опинилися тому, що й мами скоро не стало: недуга звела її в могилу у сорок два роки...».

І хоч дівчинка виросла, вивчилася й стала справжньою громадянкою своєї країни, але ж на серці лишилася пекуча болісна рана і за репресованого батька, і за смерть ще молодої матері... Оці болі, ці враження з дитячих літ, яких не дано їй позабути, вже зрілою людиною хвилювали її душу і виливалися у віршовані рядки, які народжувалися не в затишній кабінетній тиші, а на роботі, вдома чи то на кухні, чи в безсонні нічні години. Переживши своє власне горе, нелегкі часи випробування, Олександра Ванжула лишилася на все життя небайдужою й до чужих негараздів:

Життя важке,  
Життя суворе...  
Не всім відомо це чомусь.  
Позвіть мене у ваше горе,  
Я вистою. Не побоюсь...

Микола Мачківський пригадує, як «великою несподіванкою для Олександри Ванжули став вихід у світ її першої книжки віршів «Серпень». Про те подбав потай від неї поет Микола Федунець, натякаючи на щасливу дату, що сімнадцять років тому з'єднала цю пару в серпні місяці. Але то була не просто забаганка вдячного чоловіка — в книзі містилися поезії, що заслуговували бути виданими. З них і почалася творча дорога Олександри Ванжули... В її творчості вловимі мужні і кличні нотки. Беруть за живе її скорбота і печаль, присутні там, де, здавалося б, вона мала б вдатися до проклять, помсти. Олександра Ванжула не сповідує принципу «око за око». Вона хоче збагнути минулий і теперішній часи, по-своєму пояснити їх, навіртає людей своїм словом не до розбрату, а до злагоди, милосердя, взаємопрощення».

Твори добро, як Матір Божа вчила,  
Не грійсь лиш сам — в своїм теплі.  
Тоді й не згубиться твоя могила  
На многогрішній цій землі.

І в правоті слів поета-земляка Олександри Ванжули Миколи Мачківського переконуюєшся, читаючи вірші з її вибраних поезій різних літ. Тут присутня і поезія високого громадянського звучання, присвячена Україні («...Єдина моя, золота, люблю тебе, рідна і мила»), рідній материнській мові, якої цураються безрідні івани та килини:

Десь наша пісня — рій іскрин —  
Зліта поза Уралами...  
А у Донецьку сто Килин  
Від неї — відцуралося...,

рідній пісні, якої «усі початок знають, кінця ж чомусь — ніхто»; гнівним словом картає «рідних манкуртів», які схиляються перед чужим, а на своє «скидають каміння із узбіч...».

А хіба можна пройти байдужими повз її чотирирядковий вірш «Прохання», який тематично дуже близький до вірша М. Рильського «Не бійтесь заглядати у словник». Але як же по-своєму обернула поетеса цю вічно болючу тему про рідну мову:

Давай в село гайнем,  
там ще не зник  
Дух предківський,  
Ще слово є прозорим.  
Заглянемо в село,  
як у словник,  
Довідатись, чи правильно  
говорим...

Справді, як влучно, гарно, по-своєму сказала Олександра Ванжула! Адже село — це наш найкращий живий словник, і доки існує село, доти буде існувати й наша мова. Село — джерело і постачальник до міста не лише продуктів харчування, а й найголовнішого нашого духовного продукту — рідної мови. Воно, село, колиска мови, її місце народження, її витoki... Отож і закликає поетеса усіх нас, вихідців із села, частіше бувати в ньому, черпати, як у великому тлумачному словнику, рідну мову, пам'ятати її, знати, вивчати...

Глибоко хвилюють читача й ліричні поезії Олександри Ванжули, присвячені чоловікові, дітям, онукам, як ось ця мініатюра «27 травня», присвячена онукам Андрійку та Дмитрику:

Дві вишеньки.  
Два промені.  
Дві усмішки  
Нестомлені.  
Дві стежечки.  
Два імені.  
Два хлопчики  
Вкраїнені...

Як багато сказано оцим неологізмом «вкраїнені»!.. Тринадцять книжок віршів написала і випустила в світ на читацький суд Олександра Ванжула. З-поміж них — «Серпень», «Довір'я», «Біль у спадок», «Горицвіт»...

І ось тринадцята, видана до 75-річчя поетеси з такою символічною назвою «Осіннього листя жмутик». І хоч поетеса вступила в свою осінню пору життя, її осінь щедро на творчий ужинок. Книжка дуже солідна і за обсягом, і за тематикою. Тут є, звичайно, чимало кращих віршів з попередніх збірок, а є й написані останнім часом. Переважна більшість поезій, зібраних до книжки «Осіннього листя жмутик» засвідчують, що душа в поетеси така ж запальна і бентежна, як і в весняну пору її життя:

Я не люблю літо  
 З його спекою, громом  
 і блискавками.  
 Я люблю свій травень  
 З його нарцисами і півоніями,  
 Я люблю щедрю і багату  
 золоту осінь  
 З її помірними дощами.

Вірші поетеси щирі і зворушливі, сповнені віри в людей, у їхній світлий розум:

Якщо тумани сірі  
                                 день обляжуть,  
 Налетіть болю в душу  
                                 через край, —  
 Подумай: а комусь, можливо,  
                                 важче.  
 Не забувай про це, не забувай.

На правах поетеси вона лиш застерігає їх, людей, не робити підлості і не брехати, закликає за будь-яких життєвих ситуацій робити «добро і все найкраще». І дуже вдало сказав про творчість поетеси Олександри Ванжули її земляк, поет Анатолій Глушак: «Олександра Ванжула може розтривожити душу одним рядком, вибудувати життєву колізію в рамці чотиривірша. «Сестра дитинства — та криниця» — і вже стелиться в пам'яті стежка спогадів та почувань». А інший земляк, поет Василь Кравчук у своєму передньому слові до книжки «Осіннього листа жмутик» підтвердив, що «Олександра Ванжула — поетеса широкого плану. Її творчість наповнена соціальними мотивами. І в цьому вона має перевагу над тими, хто захоплюється дрібнотем'ям або ж занурюється в царину пасторалі. Перечитуючи книги поетеси, переконаєшся в щедрості її душі, яку вона віддає поезії».

Ми й самі можемо в цьому переконатися, читаючи хвилюючі вірші поетеси з її ювілейної книги «Осіннього листа жмутик». Бо краще будь-яких слів про поезію говорять рядки самої життєствердної поезії:

Я вже стільки разів  
 Умирала,  
 Що лишилось мені  
 Тільки жити!

Отож, вітаючи поетесу з Хмельниччини Олександру Ванжулу з її високим повноліттям, зичимо їй доброго здоров'я, людської шани та поваги, любові ближніх і, по можливості, нових світлих віршів. З роси та води Вам, Олександро Семенівно!

*Данило КОНОНЕНКО*

## «ОСІННЬОГО ЛИСТЯ ЖМУТИК»

ВКРАЇНО МОЯ..

Єдина моя, золота,  
 Люблю тебе, рідна і мила.  
 Ти — татова віра свята,  
 Яку не сховала могила.  
 Життя мене всюди і скрізь  
 Жбурляло в замеття щоденне.  
 Та долі крутилася вісь  
 Від щастя, що ти є у мене.  
 Під небом чужих заграниць  
 Бувати не раз випадало, —  
 Тепло твоїх добрих зірниць  
 Єство моє там зігрівало.  
 Судилося також пройти  
 «По диких степах Забайкалья».  
 Але й за чертогом Чити  
 Мені твоя пісня звучала...  
 І ось я удома. Стою  
 На стежці, що сяє раїнно.  
 І знову у душу мою  
 Ти світиш, моя Україно.  
 Утверджуйсь, моя золота,  
 Утверджуйсь і дій, моя мила!  
 Ти — татова віра свята,  
 Яку не сховала могила.

\* \* \*

Їх називали куркулями —  
 Вони ж трудилися, як воли.  
 Хліб добували мозолями,  
 В хатах солом'яних жили.  
 Пізніш — народу ворогами  
 Зробили їх в ім'я ідей...  
 І назавжди без батька й мами  
 Лишилась купочка дітей.  
 Всі стали жертвами системи,  
 Отримав кожен — по біді.  
 ...Такий фінал невтішний теми:  
 Куди нас привели вожді?

ТАРАС

Йшов по стерні  
 чи по шляху терновім —  
 Повсюди волю бачити хотів.  
 Таким він був.  
 І — є!  
 Провісним словом  
 Виводить нас зі страху  
 й рабських днів.  
 Мов чар цілющий,  
 сутність «Заповіту»  
 Берем в серця  
 Й новий будуем час.  
 Такий він  
 Перед зором всього світу,  
 Хранитель духу нашого — Тарас.

ПЕРЕПИС

*Провести перепис населення...  
 (З газетного повідомлення)*

Краще б до перепису гріхів  
 Приступить — розчистити загати  
 І почать — нехайно — із верхів,  
 Що взяли над нами богувати.  
 Відповідь нехай дадуть на те.  
 Чом народ наш кошено, як жито.  
 А іще — коли, навіщо, де  
 Вкрадено, обмануто, прикрито?  
 Доки зло, заховане у сміх,  
 Буде на губах носить правитель?  
 Скільки зрадників у нас? Про всіх  
 Має знати український житель.  
 Отакий перепис, влади звіт  
 Має бути зроблений осяжно,  
 Аби ми вручили внукам світ,  
 У якому б жить було не страшно.



Хлопчик до неба ручата простяг:  
 Злобник зрубав на подвір'ї калину.  
 Грона лежать,  
 Мов малиновий стяг,  
 Що над шляхами козацькими  
 Линув.  
 Дивиться хлопчик журливо... І от  
 Голос, як стогін,  
 Звідкись почувся:  
 «Знай, так рубали не раз твій народ,  
 Нищили так його, наче галуззя.  
 Лиш би не скинув народ твій ярма,  
 Лиш би мазепівський рух  
 зупинився...»  
 Дивиться хлопчик — нікого нема,  
 Тільки калина,  
 Роса  
 І криниця.  
 «Хто це говорить? —  
 Торкає гілки, —  
 Хто це... зі мною отут... наодинці?»  
 Й раптом почув:  
 «Запорожців кістки,  
 Ті, що під муром  
 в Петровій столиці».

## НЕ ЗАБУВАЙ

Меркли, чорніли і падали люди —  
 Гасли в галактиці їхні зірки.  
 Снилось Кремлю:  
 України не буде —  
 Будуть повічно лиш більшовики.  
 Падали, в сніжний закутані ситець,  
 Тисячно мерли в одну лише мить.  
 «Мало!» — горланив  
 вусач-ненаситець,  
 Прагнув галактику —  
 всю погасить.  
 Маєш, Україно, ти долю сувору —  
 Часто над волею зблискував ніж.  
 ...Хроніку штучного голодомору  
 Ти перечитуй, Україно, частіш.

Була при владі година чорна —  
 У нашій хаті з'явилися жорна.  
 Гуділи жорна, мука летіла —  
 І я, маленька, за них раділа.  
 Всміхався батько: «Не пропадемо»!  
 І утішав нас. Але — даремно.  
 Погасла хутко у нього радість —  
 Під камінь лютий  
 судилось втрапить.  
 У формі люди прийшли до тата.  
 Забрали жорна... Година клята.  
 Перемололи і серце, й душу...  
 Не забувати ті жорна мушу.  
 Таке от щастя... Про нього згадку  
 Без втіх дарую тобі, нащадку.

## КАЛИНА

Зросла край хати білої калина,  
 Як символ української землі.  
 Не раз від рук напасника-чужина  
 Вона хилилась, меркнула в імлі.  
 Побита, покалічена в негоду —  
 Коріння берегла у глибині...  
 Немов зоря, горіла для народу  
 У ночі чорні і у чорні дні.  
 А він її оспівував у пісні  
 Наперекір усьому і усім.  
 Снували темряву когорта злісні,  
 Та час прийшов і посвітлішав дім.  
 Розквітли квіти попід небом синім,  
 Збирають люд на радіщі свої...  
 Стоїть Україна в маєві калиннім  
 І воля в очі дивиться їй.

## РІДНИМ МАНКУРТАМ

Ей, Іваненки, ті, хто ще заблуди,  
 Ви ж над Дніпром  
 народжені колись.  
 Який нечистий вам забрався  
 в груди  
 І зве: «На Іванова лиш молись»?  
 Ви оди пієте златоголів,

Чужинську підсолоджуєте річ.  
 А на український лан  
   соняшниковий  
 Скидаєте каміння із узбіч.  
 Вам не здоровиться,  
   якщо не плюне  
 На вас, на Іваненків, Іванов.  
 Перевертні, зніміть  
   імперські клунки,  
 Зцідіть із вен своїх  
   манкуртську кров!

\* \* \*

Десь наша пісня — рій іскрин —  
 Зліта поза Уралами...  
 А у Донецьку сто Килин  
 Від неї відцуралися.  
 Десь за Байкалом — сто хатин  
 На Українській вулиці...  
 А в Запоріжжі сто Килин  
 На українське — мружаться.  
 Десь у Торонто — цвіт калин  
 І слово, слово мамине...  
 А у Луганську сто Килин  
 До рідного — із каменем.

\* \* \*

Тебе чекаю — серце краю,  
 Коли ти в далечі доріг.  
 І відчуваю радість раю,  
 Якщо ступаєш на поріг.  
 А світ широкий та високий  
 Зникає, наче роси з віт.  
 Ти — чорнобривчик кароокий,  
 Що заступив собою світ.  
 Хай буде так у мить світання  
 І в час, як вечір тіні в'є.  
 Нехай любов моя остання  
 Тобі зів'януть не дає.

## ЧЕРВОНІ БУРЯКИ

Летять літа,  
 Несуться, мов на крилах,  
 Далеко вже він,  
 Сорок шостий рік...  
 Лиш до сих пір, здається,  
 В мене в жилах  
 Тече той чистий,  
 Той цілющий сік.  
 Тече,  
 З дитячою зріднившись кров'ю...  
 Стоять в очах  
 Загублені роки...  
 Ви рятували нас.  
 Отож — і мовлю:  
 Спасибі вам,  
 Червоні буряки!

1989

## ЯКБИ НЕ ТИ...

*З тобою мовчки в камінь перейду  
 І поселюсь у Всесвіті — з тобою.  
 Микола Федунець*

Якби не ти,  
 У вічне безгоміння  
 Душа моя відлинула б давно.  
 Не сипалось би  
   вранішнє проміння  
 На небові ключі через вікно.  
 Коли у мареннях  
 Являвся вирій,  
 Ти врятував не в сні, а наяву,  
 Аби двох сонечок стрічала щирість,  
 Які тебе спасителем назвуть.  
 Якби не ти,  
 Чи бачила б Карпати  
 І райдуги при стихених горбах?  
 А ще — не толочила б рути-м'яти  
 З мелодіями травня на вустах.  
 На тих вітрах  
 Удвох і далі йти нам,  
 Де горе, смуток, радість —  
   пополам.  
 І вірити всечасно у єдине:  
 Й у Всесвіті щасливо буде нам.

## Триптих

## 1

Пахне причілок  
 бузково й полинно,  
 Понад віконечком світло зелене.  
 Хатонько рідна, хатинко, хатино,  
 Знов твоя стежка  
 прослалась для мене.  
 Завше я маю тебе біля серця,  
 Ти ж бо давала душі моїй крила.  
 Як тобі нині, признайся,  
 живеться,  
 Рідних моїх ти пригадуєш, мила?  
 Шиба в сльозинах,  
 стіна помарніла...  
 Де вони, ранки — і юні, й веселі?..  
 Доля моя біля столу присіла,  
 Мовчки журбу п'є у рідній оселі.

## 2

Коли весна засіє квіти,  
 До хати отчої прийду...  
 Чи сонце в ній мені засвітить,  
 Чи слід дитинства віднайду?  
 Немає більше лип крислатих,  
 Що нас ховали від катів...  
 Алей не видно біля хати,  
 Ніде — і тіні від батьків...  
 Тут Сталін татка в сорок восьмим  
 В життя навіки відібрав...  
 Під цю сосну, як встала осінь,  
 Просився братик умирать.  
 Не догукаюсь ранку того,  
 Коли проспала мами смерть...  
 До краю зболена дорога,  
 Крута життєва круговерть.  
 Усі згубились в краплях крові,  
 Спізнавши горе і біду...  
 Іду до хати дорогої —  
 Немов до пам'ятника йду...

Наснись мені, явись мені  
 Ставками та черешнями,  
 Людей святою близькістю,  
 Дорогами під веснами.  
 За те тобі вклоняюся,  
 Що тут в батьків родилася.  
 В душі моїй — не каюся —  
 З тих пір живе родина вся.  
 Чуття моє не зміниться,  
 Любов — моя порадиця.  
 Чекай, моя Підвіннице —  
 Моя Велика Стаднице!..

\* \* \*

...А ми — діти війни...  
 Спомин мій — з даліни.  
 Бачу сльози, студену землянку.  
 Хлопчик міною гравсь  
 І осколків набравсь —  
 Попрощалися з ним на світанку.

Потім голод і мор,  
 Все забрали з комор.  
 Батька «ворогом» визнали.  
 За що?  
 Закортілося їм  
 Знищить рід наш і дім,  
 День український зробити  
 пропащим.

Я не в силі мовчать,  
 Отож серця печаль  
 Принесла в двадцять перше  
 століття.  
 Ваші душі, кати —  
 Боже милий, прости —  
 Хай на тому задушаться світі.



грайливі, мрійні —  
 Наче трави, що пішли під ніж...  
 І — спокій — вони також покійні  
 Будуть, як і я, але — пізніш.  
 Буде так, лиш в розпачі не плачу,  
 Відкупних нікому не плачу.  
 Маю рвійну і веселу вдачу,  
 З радістю несу свою свічу.  
 Про «спокійних» завше пам'ятаю,  
 Знаю їх задалегідну суть.  
 Тож душі для них не відкриваю —  
 Віруси байдужості внесуть.  
 Хай собі жують, як і жували,  
 Вірять, що усе в них до пуття...  
 Я ж такі шукаю перевали,  
 Де байдужим муляє життя.

### НАСТРІЙ

Доц пройшов — і заспівала пташка  
 Поміж вмитих віт.  
 Жовтоока дивиться ромашка  
 На погожий світ.  
 Чорнобривцям он дарують радість  
 Маки й спориші.  
 І мені вже хочеться сміятись —  
 Інше вже в душі.

\* \* \*

Так довго добиралась я  
 У цей Таврійський край,  
 І навіть не гадалося,  
 Що тут — ну, просто рай.  
 Шукала мову рідну я  
 На пляжах і в містах,  
 Блукаючи подвір'ями,  
 Вдивляючись в уста.  
 Є! Галя із Тернополя  
 Тут важить кавуни,  
 Сховавшись під тополею  
 Від сонця з вишини.  
 Говорить українською,  
 І покупці — дива! —  
 Лиш кланяються низько їй  
 За файні ті слова.

А Галя усміхається —  
 Що їм сказати на те?  
 ...Хто рідного цурається,  
 Бадиллям той росте.

\* \* \*

Шукаю хороших людей.  
 І вони знаходяться.  
 Туляться їхні світлі душі  
 До моєї душі, тепло дарують.  
 Сьогодні я бачила,  
 Як хлопчик  
 Переводив через вулицю  
 Незрячу бабусю,  
 Садив її у тролейбус.  
 Багато є хороших людей, —  
 І стає світ добрішим.

### ЗУСТРІЧ

Тихо зайшов до кімнати,  
 Від справ одірвав і мовив:  
 — Я хочу тобі сказати,  
 Що довго шукав, предовго  
 Тебе під цим дивним небом,  
 Що пройдене — не вернути.  
 Лежить на столі у тебе  
 Осіннього листя жмутик.  
 Такі от долі щедроти,  
 Неділеньки й понеділки.  
 Я довго не буду...  
 — Хто ти?  
 — Я сум твій. Твій сум. І тільки...

\* \* \*

Пісень не чути давніх  
 У лузі чи на полі...  
 «Бабусю, заспівайте...» —  
 Прошу — не допрошусь.  
 Лиш зрідка хтось затягне  
 Старе щось при застоллі,  
 Усі початок знають,  
 Кінця — ж ніхто чомусь.

Відроджуймо наш корінь,  
У цьому наша слава.  
Не даймо йому власти  
На дно брудних канав.  
Аби ніколи пісня  
Подібною не стала  
На стежку, що згубилась  
Між темних диких трав.

\* \* \*

Вони і досі «діють» компартійно.  
Побачиш їх, де школа чи завком, —  
Здається, по душі твоїй настійно  
Погрюкують чавунним молотком.  
А може, їхніх то промов відлуння  
З парламенту, де засідає власть?..  
Нема добра, заснула сито чуйність,  
І тягнеться неправда до причасть.  
Допоки буде їх стіна підпільна,  
Незримо царюватимуть вони...  
Не швидко стане Україна вільна,  
Якщо такі у неї є «сини».

## КРИМ

Ти, Криму,  
наче лист розкішний клена,  
У море Богом спущений з небес.  
Краса твоя —  
нев'ануча й натхненна,  
Ти — сонячне мереживо чудес.  
Старий Гурзуф... І Коктебель!..  
Камінчик  
На спомин з місць волошинських  
взяла.

Судак і Ялта... радісний промінчик  
Мені світив тут, додавав тепла.  
Вода шовкова. Барви в горах спілі...  
Та я невдячна гостя. Чи простиш?  
Хоч тут мій зір,  
а серце — на Поділлі,  
Де дружить із стежиною спориш.  
Мені рідніше — сонях, сіножаті,  
Спів перепілок в золотих житах...  
Бо рідна сторона, вона, як мати,  
Нема дорожчої ніде в світах.

## ПОКЛИЧТЕ...

Життя важке, життя суворе...  
Не всім відомо це чомусь.  
Позвіть мене у ваше горе,  
Я вистою. Не побоююсь...

\* \* \*

То скидаємо в яр ми  
Між крутих берегів,  
То даємо мільярди  
На сушіння лугів...  
Так від роду до роду,  
Від весни до весни  
Нищим рідну природу  
Й мовим: Боже, храни...  
А вона хоче жити,  
З лиходія знять блуд.  
Не гнівись, як вершити  
Починає свій суд.  
Кине смерч до поселень,  
В степ спекоту зжене —  
За погублену зелень,  
За повітря чадне.  
Жаль, що рідко знаходять  
Стріли праведні тих,  
Хто їй часто так шкодить  
І доводить до лих.  
Важко всіх розпізнати,  
Хто біду розсипа.  
Бо природа — як мати,  
Що в любові сліпа.

\* \* \*

Я ізмалечку квіти люблю...  
Я несу до них ніжність і мрію...  
І себе на тій думці ловлю,  
Що із ними немовби світлюю.  
А вони, як година сумна,  
Перед зором умить виникають.  
Позбираються біля вікна  
І мені, мов сестрі, співчувають...

Твори добро, як Матір Божа вчила,  
Не грійсь лиш сам — в своїм теплі.  
Тоді й не згубиться твоя могила  
На многогрішній цій землі.

### СОНЯХИ

З ними була я ген-ген,  
за Байкалом...  
Цвіт золотий над зеленим загалом.  
Згодом їх радо везла в Україну...  
Соняхів промені гріють родину.  
Я ж біля них з добрим словом,  
з відерцем.  
Соняхи любі зріднилися з серцем.

### МОЯ НОША

Все було — і радощі, й напастя,  
І жура, й стривоженість ночей...  
Та своє важке — камінне — щастя  
Не зніму з ослаблених плечей.

### НАПУТНС

Якщо прийшов на землю грішну —  
Не забувай джерела ті,  
Що міць тобі дають неспішно  
І не підводять у путі.  
Тримайся з гідністю на сцені,  
Що називається — життя.  
Ділись добром  
в стрімкім щоденні —  
Без розрахунку й каяття.  
І ділом праведним, і словом  
Борись — дитя цих вільних нив —  
Аби ніхто вінком терновим  
Вкраїни душу не обвив.

Розмаїття пожовклих світлин...  
Ті в гурточку, а ті — наодинці...  
Ось мій батько на фоні жоржин,  
Ось матуся у новенькій хустинці.

Ось подружки мої, наче цвіт.  
Стоїмо на доріжці до гаю.  
В снах їх очі шукаю і літ  
Відшумілі світа танки шукаю.

Ось — шістнадцять маняч. І щемить  
Ніжне серце, на знімок лиш гляну.  
Ось нещастя зупинена мить...  
Ось віконце зоріє з туману...

Зберігає старенький альбом  
Різних доль і кінець, і початок...  
Хтось давно вже під чорним хрестом,  
Хтось виховує юних внучаток.

І хай сумно буває мені,  
І душевну хай маю утому —  
Гомонять, гомонять мої дні  
І світлин додають до альбому.

Як би там, у світах, не мело,  
Знаю, буде весна за зимою  
Розкриваю альбом і тепло,  
І тепло — найрідніше! — зі мною.

### МАЛЮНОК

Яка то краса, коли коні —  
Справжнісінькі коні! —  
п'ють воду з ріки.  
Над ними хмарки і у річці хмарки  
Й затишся — по всій оболоні.

Природно довкіл, не музейно,  
І висновок робиш із цього такий:  
Земля ще тримає про небо думки,  
Ще думає небо про землю.

\* \* \*

У ВЕРЕСНІ

Віддаймо шану смілим людям,  
Тим, хто долю переходить вбхід.  
Вірмо, що й самі такими будем,  
Хоч не знаєм, через скільки літ.

Смілі погляди і справи смілі,  
І правдивість на чолі розмов...  
Научаймось цього — в слові й ділі.  
Знаймо, час сміливості прийшов.

Ми так довго близились до нього,  
Йшли, аби сказати кожен міг:  
Над самим собою перемога —  
То найважча з перемог усіху

\* \* \*

Гей, літа, мчите за обрій...  
Та скажіть край схилу,  
Чом вас ніжних, чом вас добрих  
Мало так вродило?

Ідуть дощі. І все ночами.  
Немов бояться світлих днів,  
Їм зачекать би, щоб з вітрами  
Лист урочисто відлетів.

Та й літо бабине, на диво,  
Перепинила десь сльота.  
Не йдіть, не йдіть, дощі, квапливо,  
Бо ще прощення Бог не дав.

\* \* \*

Іти —  
аби шлях свій мережити гідним.  
Шукать — щоб знаходить.  
Учитись — щоб знать.  
А жить —  
аби бути комусь необхідним,  
І того ніколи не помічать.

\* \* \*

Хтось душу заморозив, хтось — зігрів.  
Змирись... І пам'ятай щомиті,  
Зо холод смутку йде не тільки від снігів,  
А й від садів, що цвітом вкриті.

\* \* \*

...І станеться —  
Всю кров остудить  
Один  
З моїх майбутніх днів.  
І може бути,  
Скажуть люди:  
“Життя не перейшло вповні”.

Порину  
В темну і глибоку тишу  
І рідним  
Кров не остуджу  
Лиш пам'ять  
Вітрові залишу,  
З яким віддавна я дружу.



**Айдер ОСМАН**  
(м. Сімферополь)

*Народився 1938 р. в с. Бешкютка Сеїтлерського району Кримської області. Навчався в Маргіланському педтехнікумі, закінчив факультет журналістики Ташкентського університету. Заслужений працівник культури Узбекистану. Пишав кримськотатарською та узбецькою мовами.*

*Автор багатьох книг оповідань та повістей, збірок літературно-критичних статей. Працював у галузі перекладу на узбецьку мову.*

*Помер 20 червня 1997 року.*



## ТЯМУЩІ ЛЮДИ

Гумористичне оповідання

— Хоч і звать тебе Батир, що означає сміливий, а сам ти не здатний на рішучі дії, — сказала Гульшен чоловікові, який, розвалившись на дивані, читав газету і дивився телевизор одночасно. — Скоро буде чотири роки, як ми переїхали до цієї квартири.

— Чотири роки? — Батир Азізович підвів голову і розгублено подивився на дружину. — Треба ж, а мені здалося, що три дні.

— Усе тобі жарти, — сказала серйозно Гульшен. — Стіни квартири від вогкості стали смугастими. Штукатурка зі стелі почала обсипатися. Від людей соромно. «Ти хто? — Дружина Батира Азізовича! А живеш, як у хліву...» Ганьба.

Гульшен, буркочучи, подавала на стіл. Батир Азізович, відірвавшись від газети, поглянув у бік столу. Побачивши на ньому деко з кобете, повільно підвівся.

— Ой, жінко, хіба можна говорити на такі серйозні теми до їди? Потерпи, спочатку поїмо, а потім... він різав на квадратики кобете дов-

гим ножем. — Ось, жінко, тобі цей, мені цей шматочок, а до питання, порушеного тобою, ми повернемося після обіду.

У цю мить сталося те, що могло зіпсувати апетит Батира Азізовича. Уламок штукатурки, що зірвався зі стелі, упав прямісінько на шматок кобете у нього в руці. Упавши, він відразу ж розсипався.

— Я ж казала. Це добре, що упало на те, що ти їси і ти це побачив, а якщо упаде в тарілку Найле, що буде? Якщо не помітить і з'їсть? Можливо, це запліснявіле вапно отруйне. Кажуть, що вапно лишає опіки...

— Ану, з'їм я цей шматок кобете з вапном, — перебив дружину Батир Азізович. — Дивись, якщо протягом п'яти хвилин зі мною нічого не трапиться, тобі також можна їсти.

Гульшен ще більше занервувала, її роздратований голос довго було чути то з кухні, то зі спальні. А Батир Азізович задумався. Так, обов'язково треба піти до управління

комунального господарства, домовитися про ремонт. Інакше, сам Бог знає, що може трапитись.

В управлінні комунального господарства Батиру Азізовичу сказали, що в них на вулиці старі будинки ремонтуватимуть нинішнього року. Порадили терпляче ждати. Легко сказати, але важко жити, дивлячись на рябі стіни і стелю, з якої посипалася побілка. Батир Азізович витримав, коли шматочок вапна упав до його чашки з кавою, як і вапно, що посипалося на нову зачіску дружини, але не витримав, коли побачив на ліжку єдиної доньки Найле вапняковий пил. Він пішов прямисінько до управління комунального господарства. Питання поставив руба. Дещо перебільшив становище. У розмові так, як повчала дружина, згадав імена впливових людей міста. «Учора до нас прийшли Емін Урманович з дружиною і ахнули, побачивши нашу квартиру. Емін Урманович сказав мені: «Як ви живете в цій квартирі? Негайно зверніться до управління комунального господарства, щоб вони позачергово відремонтували ваше житло!» І от я знову прийшов до вас після того, як шанований чоловік сказав про це», — закінчив він свої слова.

Монолог Батира Азізовича не справив абсолютно ніякого враження на начальника управління. Він навіть не подумав спитати «Хто такий Емін Урманович?» Продовжуючи переглядати папери, він кинув погляд на прочинені двері і погукав: «Фаніє, зайдіть!» До кабінету увійшла жінка з обличчям актриси.

— Фаніє, — сказав начальник і, показавши поглядом на Батира Азізовича, продовжив. — Ідіть з цим чоловіком, огляньте його квартиру і письмово подасте мені результат перевірки. Ми потім розглянемо...

Після того, як Фанія побачила тріщини на стелі і вологі плями на стінах, підсумувала: «Ваша квартира потребує негайного ремонту. Я так і напишу у звіті».

Подружжя зраділо. Батир Азізович «виріс» в очах дружини до певного рівня. Він увімкнув телевізор, взяв газету, розташувався на дивані і, не дивлячись у бік дружини, кинув: «Каву!»

Гульшен принесла чашку кави, накриту блюдечком, і поставила на журнальний столик, що стояв поруч з Батиром Азізовичем.

Батир Азізович повільно смакував каву. Зробить ковток і відразу накриє чашку. Так він любив насолоджуватися кавою. Завтра вранці прийдуть ремонтники. А Батир Азізович від сьогоднішнього дня у відпустці, працюватиме разом з ними. «Якщо вже ремонтувати, то треба, щоб квартира сяяла багато років. Батир Азізович витримає три дні. Гульшен також. Зате через три дні... усе буде інакше».

— Добре вчинили, що не купили той гарнітур, — сказала Гульшен, присівши поруч з чоловіком. У неї в руці — чашка з кавою на блюдечку і прикрита блюдечком також. Гульшен піднімає блюдечко, що закриває чашку, робить ковток, і, відразу накривши чашку, продовжує: — Зачекаємо два-три дні, поки скінчиться ремонт. Пофарбовані стіни і підлога повинні добре просохнути. Потім підемо до магазину і купимо той гарнітур, який нам сподобався.

— На допомогу покличемо Ружді і Ремзі. Допоможуть повантажити гарнітур, розвантажити і занести до квартири.

— Та хай їм грець, цим близнюкам, — сказала Гульшен, змахнувши руками. — Я їх весь час плу-

таю. І до того ж вони завжди усе роблять поспіхом. Як не глянеш — спішать. Я боюсь, що і з меблями вони будуть квапитись, і пооббивають свіжопобілені стіни. Краще візьмемо з меблевого магазину їхніх вантажників.

Чоловік і дружина ще довго розмірковували про ремонт, про нові меблі, будували світлі плани. І в цій квартирі усе свідчило про те, що завтрашній день тут усе поміняє, усе тут буде інакше.

Вранці подзвонили у двері. Гульшен вибігла з обідньої кімнати і відчинила двері. До квартири увійшли, не привітавшись, троє чоловіків. Вони були у брудному одязі, забризкані вапном, втомлені і суворі на вигляд.

— Сідайте, Батир Азізович зараз підійде, — промовила Гульшен бадьорим голосом. — Він пішов купити хліба.

Один з майстрів глипнув на Гульшен, начеб кажучи, «що ти тут робиш?». Гульшен помітила, що очі його були припухлими і червоними. А в решти робітників також обличчя були запухлі, очі якісь затуманені. Вони, не поспішаючи, пройшли і сіли на стільці довкола невеликого столу і сиділи мовчки, понуривши голови, час від часу глибоко зітхаючи.

«Ці люди здається усю ніч не спали, а вранці навіть не вмивалися», — подумала Гульшен.

До кімнати увійшов Батир Азізович. Помітивши гостей, він зрозумів у чому річ, і подумав: «Отже, розпочалося!» Потім звернувся до прибульців бадьорим голосом:

— Ласкаво просимо, хлопці! Ласкаво просимо!

Він з усіма поручкався, потім, присунувши стілець, сів поруч з гостями, з азартом потер долоні і поплескав ними об коліна. Майст-

ри не звернули увагу ні на його слова, ні на його рухи. Усі сиділи, понуривши голови, і диміли цигарками. Батиру Азізовичу стало незручно від такої ситуації.

— Нумо, хлопці, давайте щось поїмо, — сказав він приглушеним голосом. — Гульшен, підігрій, будь ласка, нам суп рисовий, перед початком роботи треба добре поїсти. Ану, хлопці, пригощайтесь!

Та майстри не доторкнулися до їжі, а продовжували сидіти, не міняючи виразу обличчя.

Не почувши ні від кого жодного звуку, Батир Азізович сказав:

— Як ви гадаєте, з якої кімнати слід починати роботи? На мою думку добре було б розпочати ось з цієї кімнати, у якій ми зараз сидимо. А поїсти можна на кухні. Там просторо.

Один з майстрів, повернувши голову вбік, хмикнув:

— Хм... поїсти...

Другий сказав, ніби сам собі:

— Що за холодна розмова...

Батир Азізович, ставлячи перед кожним тарілку з супом, почувши слово «холодний», відреагував:

— Ні, суп не холодний, тільки що підігріли. Беріть, їжте, добавте запашного перчику... Кажуть, якщо так зробити, то їжа стає ліками, зігріває грудну клітку і людина потіє...

Третій майстер, який досі мовчки сидів, раптом заворушився, зітхнув і, пхикнувши, промовив:

— Батире-ага, я в цій бригаді старший...

— Дуже добре, отже ви бригадир, чи не так?

— Авжеж... Можна й так сказати.

— Ну, товаришу бригадире, чому ви такий похмурий? Давайте їсти й розмовляти.

— Я хочу вам сказати, Батире-

ага, ми учора закінчили ремонт однієї квартири. Так от, господар цієї квартири такою доброю людиною виявився, на радіошах він усе наливав нам коньяк... Усе наливав... ух... ух! От тепер голова розривається... Які дивні усе-таки бувають люди... Ух-х... Ну, що ж тут незрозумілого?

— Ах, ось у чому річ, хлопці! Зараз ми вилікуємо ваші голови, — сказав Батир Азізович і, обернувшись у бік кухні, погукав: «Гульшен!»

— Чого тобі?

— Принеси з холодильника пляшку із зірочкою...

Гульшен з пляшкою в руці увійшла на кухню. Подала її чоловікові, і, взявши з серванта чистенькі чарочки, поставила їх на стіл. Батир Азізович налив у чарочки коньяк. Майстри мовчки випили і знову позирнули на пляшку.

Бригадир, глибоко зітхнувши, промовив:

— Батире-ага, нехай перша зустрінетесь з другою...

— Хто, де?

— Ну, там, в шлунку...

— Звичайно, звичайно, ану беріть, — і він знову налив у чарки коньяк.

Майстри випили і запалили цигарки. Батир Азізович і цього разу не доторкнувся до своєї чарки.

— Ой, гарно пішла, Батире-ага, — сказав бригадир, його голос трохи повеселішав. — От бачите, хлопці трохи пожвавішали, тепер можна і до роботи приступати.

— Ну, давайте, спершу поїжте, — сказав Батир Азізович і почав сам їсти суп.

— Так, — мовив бригадир, — але перш ніж почати їсти, давайте доп'ємо... Е-е-е, якщо ви не заперечуєте, я сам наллю.

Він простягнув руку до пляш-

ки, що стояла перед Батиром Азізовичем, узяв її і почав наливати коньяк у чарки. Вистачило на дві чарки, третя лишалася порожньою. Бригадир, зиркнувши на чарку Батира Азізовича, спитав:

— Ви це не питимете, Батире Азізовичу?

— Ні, ні, беріть, пийте.

Бригадир узяв чарку господаря собі.

— Нумо, друзі, — сказав він, піднявши чарку, — давайте вип'ємо за щастя тих, хто живе в цій квартирі, і за те, щоб її ремонт пройшов успішно. За те, щоб вікна, двері, підлога і стіни цієї квартири завжди сяяли чистотою!

— Дякую, дякую, — сказав Батир Азізович.

Майстри після третьої чарки пожвавішали і приступили до їжі.

— Батире-ага, кажуть весілля, про яке домовляються заздалегідь, відбувається без збитків, — сказав бригадир Батиру Азізовичу. — Тепер ми можемо разом порадитися і розпочати роботу.

— Звичайно, я знав, що ви прийдете і спеціально для цього узяв відпустку, — відповів Батир Азізович. — Буду завжди поруч і допоможу, коли виникне потреба. А обіди готуватиме моя дружина.

— Якщо так, Батире-ага, то запросіть і вашу дружину. Обговоримо з чого почати і як ремонтувати і за її згоди також.

Бригадир, якого нарешті прорвало після того, як прийшла Гульшен, продовжив:

— У старих людей є таке прислів'я, — почав він говорити, як людина бувала в бувальцях, — «по своєму ліжку простягай ніжки». І ми, друзі, повинні простягати ніжки по тому ліжку, яке маємо... Ось, наприклад, у нас зараз є жовта і зелена фарба. Жовтою ми по-

фарбуємо вікна і двері, а зеленою — стіни.

— Ой, та як же так, хіба можна фарбувати стіни в зелене? І для вікон з дверима жовтий колір не підійде. Чи немає у вас фарби світліших тонів? Наприклад, голубої.

— Господине, ми працюємо з тим, що у нас є, тобто, ми по своєму ліжку простягаємо ніжки... Ми нічого не приховуємо. Ми працюємо ось з цими двома кольорами фарби.

Він з благанням у голосі звернувся до робітника, який сидів ліворуч від нього:

— Послухай, а у нас від учорашнього ремонту здається лишилося трохи коричневої фарби, що ти з нею зробив?

— Та-а-а є там трохи, — прогугнявив той.

— Ну, от і пустимо цю фарбу для ремонту цієї квартири. Господарі виявились добрими людьми. Цю фарбу якщо змішати з жовтою, то вона буде трохи червоного кольору. Змішай обидві банки...

— Гаразд, змішаю, — пробурмотів робітник, не підводячи голову.

— Тепер до жовтої фарби для вікон і дверей треба додати коричневу. Вийде дуже гарний колір. Блищатиме, як золото. По-науковому цей колір називається вохра. А стіни будуть зеленого кольору? Домовились?

— Ні, ні! Двері і вікна мають бути пофарбовані в голубий колір, а стіни слід побілити вапном.

— Ви забуваєте прислів'я — по своєму ліжку простягай ніжки, — сказав бригадир повчальним тоном, — і до того ж, те, що ми називаємо зелена фарба, — це, насправді, і є вапно, по культурному його називають фарба.

До розмови долучився Батир Азізович:

— Ні, шановні, нам ваші науково-культурні кольори фарб не потрібні. Двері мусять бути пофарбовані у голубий колір, а стіни побілені білим вапном.

— Е, не забувайте про прислів'я... Трьох кольорів, яких ви хочете, у нас нема. Ми принесли те, що було на складі.

— Ні! — крикнула Гульшен. — Де ви бачили, щоб вікна і двері були жовтими, а стіни зеленими?

— Тоді давайте вчинимо так, — почав Батир Азізович, — фарби і вапно я куплю сам, а ви тільки пофарбуєте.

— Ні, — заперечив бригадир, — це нам категорично забороняє інструкція. Ми не маємо права нічого у вас брати. За кого ви нас вважаєте?

Й решта також, начеб на підтримку свого бригадира, закивали головами вправо-вліво і бурчали «ні, не вийде». Батир Азізович почав тихенько просити, умовляти:

— Та ніхто про це не дізнається. Ми між собою домовимось. Навіщо нам потрібна оця тяганина, офіційність? Між собою домо...

Бригадир дуже серйозним, навіть ображеним голосом, піднявши вказівний палець, почав чітко вимовляти слова:

— Рішення буває одне. Порухувати інструкцію ми не маємо права.

— Погоджуйтесь, — почала умовляти Гульнеш. — У моїх батьків є синя і біла фарби й дуже гарне вапно. Ми зараз швиденько поїдемо до них і привеземо. До білої фарби можна додати трохи синьої і вийде красивий голубий колір. Погоджуйтесь, ми зараз поїдемо й привеземо.

— Рішення буває одне. Є вказі-

вка з роботи: квартири фарбувати тільки наявними у нас фарбами. І все! — підсумував бригадир.

Батир Азізович і Гульшен відійшли убік і почали перешіптуватись. Гульшен то розмахує руками, то киває головою, Батир Азізович щось пояснює. Робітники продовжували обідати. Поміж трапезою звучали анекдоти, лунав сміх.

Бригадир раптом посерйознішав і промовив:

— Ану, хлопці, тепер давайте почнемо працювати.

Хлопці підвелися, вийшли в коридор, взяли до рук щітки і неквапом почали готуватися до роботи.

— Батире-ага, ви казали, що треба починати з цієї кімнати. Тоді ми починаємо, — сказав бригадир. — У нас дуже мало часу. Через три дні ми повинні усе це закінчити. Самі знаєте, скоро буде Наврез. Ми теж хочемо разом з народом його святкувати.

Батир-ага перестав шептатися з Гульшен і голосно промовив:

— Якщо у вас окрім цих двох фарб немає інших, ми не дозволяємо вам розпочинати роботу. Коли буде добра фарба, тоді й працюватимете.

— Що ви таке кажете?! — почав кричати бригадир. — За кого ви нас маєте? «Хочете ремонтуйте, хочете не ремонтуйте?!» Ну, ні, так справа не піде! У нас нема часу підлаштовуватись під кожного. У нас твердий графік. І за графіком ми сьогодні повинні у вас розпочати ремонт, і до післязавтра його завершити. Все. Ану відійдіть, не заважайте нам працювати!

Робітники пожвавішали, щітки застукотіли об відра, здійнявся шум.

— Послухайте, шановні, ми не згодні, щоб ви фарбували тими фарбами, які нам не подобаються. Це

наша квартира! — почав ремствувати Батир Азізович.

Бригадир незаперечно промовив:

— Це не ваша квартира. Це — державна. І ми — робітники, які виконують державну роботу. А тому давайте не будемо розводити теревені, а приступимо до роботи. У нас мало часу.

Робітники почали працювати. Один вмокав щітку в зелену фарбу, другий почав змішувати жовту з коричневою.

— Хлопці, що ви робите? — почала кричати Гульшен. — Забрудните килим. Батире, скажи їм щонебудь. Зараз вони геть усе забруднять. Стійте!..

— Стійте, є розмова, — сказав Батир Азізович.

Робітники на мить зупинилися і поглянули на господаря.

— Я відмовляюсь ремонтувати свою квартиру за рахунок комунального господарства і напишу вам розписку, що буду сам робити ремонт.

— Ваша розписка нам ніщо, — відповів бригадир. — Нам не за усілякі розписки платять, а за виконану роботу.

Батир Азізович як побачив, що робітники продовжують свою справу, сполотнів:

— Що треба зробити?

— Ми не кажемо вам, зробіть це, зробіть те. Просто не заважайте нам працювати. Час іде. Ви повинні зрозуміти: ча-ас-с! — Бригадир, витягнувши одну руку вперед, почав пучками пальців терти одну об одну. — Наша робота оцінюється часом. Скільки квартир ми ще повинні ремонтувати, усі вони чекають на нас. А ви на пустому місці морочите нам голови.

— Я зараз зателефоную до вашої контори і усе поясню вашому начальникові, шахраї безсовісні.

Батир Азізович здивувався, як ця думка не прийшла до нього раніше! Звичайно, начальство їм задасть прочухана і правильно зробить.

Відшукавши у своєму записничку потрібний номер, він тремтячими руками почав накручувати телефонний диск. Ніхто не брав трубку. Робітники, які на мить зупинилися, знову взялися за роботу. Стіни, вікна і двері вони почали фарбувати в зелений і жовтий колір.

Чоловік з дружиною геть сторопіли. Вони почали лементувати і метушитись.

— Стривайте! Зачекайте трохи!  
— Батир Азізович і Гульшен про щось пошептались, і потім Батир Азізович сказав:

— О, давай хутчіше!..

Гульшен зникла і невдовзі принесла чоловікові гроші:

— Ось, товаришу бригадир, візьміть ці гроші за півдня вашої роботи. Візьміть і йдіть геть. У нас до вас нема ніяких претензій.

Бригадир неспішно порахував гроші, потім, скривившись, кинув їх на стіл, промовивши:

— Ми що, сьогодні повинні йти на новий об'єкт і почати там нову роботу? А для цього ми повинні попередити мешканців тієї квартири, що ми прийдемо, а то їх може не бути вдома, і ми можемо лишитися без роботи. І таким чином, весь наш сьогоднішній день піде коту під хвіст. Ви ж запропонували нам гроші за півдня роботи. Це що ж, ми через вас маємо зазнавати збитків? Ні, так не піде. Ми хочемо працювати! Ану, хлопці, ворушіться, працюйте!

Робітники узялися за свої інструменти.

— Та-ак, я про це якось не подумав. Пробачте. Зараз... зараз...

Батир Азізович не встиг зиркнути на Гульшен, як вона миттєво принесла гроші. Батир Азізович взявши у дружини гроші, простягнув їх бригадиrowі.

— Ось, візьміть. Мені, здається, цього вистачить. Тепер будете задоволені.

Бригадир із серйозним виглядом порахував і ці гроші.

— Звичайно, це правильна оплата нашої праці, але ми за свій труд також одержуємо ще й преміальні, в розмірі половини нашої зарплати. Так що ваша пропозиція нам не підходить, ми хочемо працювати і, працюючи, заробляти.

Робітники продовжили роботу. Батир Азізович поглянув на дружину. Гульшен знову побігла і принесла гроші.

— Ось вам преміальні! Ось вам додаткові гроші! — вигукнув Батир Азізович. — Візьміть, і щоб духу вашого тут не було!

Бригадир порахував гроші і сказав примирливим тоном:

— Ну, тепер, здається, усе вірно. Але ви, Батире-ага, здається, на нас образились. Ми не маємо права образити своїх замовників. Ні, не вийде, ми хочемо працювати.

Подружжя, лагідно посміхаючись, відповіло:

— Ну, що ви, навіщо ви так кажете? Ми не ображаємось на вас... Ви виявились тямущими людьми, — промовив Батир Азізович.

— Нам дуже приємно, що ви виявились тямущими людьми, — сказала й Гульшен.

— Ну, що ж, якщо так, то ви казали, що напишете розписку, що відмовляєтесь від ремонту. Так пишiть же. Ми покажемо вашу розписку в управлінні, пояснимо ситуацію.

Батир Азізович узяв ручку і папір і почав писати.

— Ось, готово, візьміть!

Бригадир раптом різко відсторонив уже простягнуту руку.

— Що ж воно виходить? Це дуже делікатна справа. В управлінні на це відразу не погодяться. А якщо перевірять?

— Ой, якщо перевірятимуть, то пояснимо всю ситуацію. Скажемо, що ми самі відмовились, — сказала бадьорим голосом Гульшен.

— Ви не хвилюйтеся з цього приводу. Ми усе пояснимо, як слід, — підтвердив слова дружини Батир Азізович. І в його словах чулися нотки вдовolenня.

Бригадир махнув рукою, мовляв, «а, сталося те, що сталося», і, взявши гроші і розписку, поклав їх до кишені.

— Нехай буде по-вашому, ви схожі на тямущих людей. Гарзд. Ану, хлопці, збирайтеся, ходімо. Вони виявились тямущими людьми. Нехай буде так, як вони хочуть.

Робітники, узявши відра, фарби, щітки, потихеньку попрямували до дверей. Побачивши, що робітники от-от підуть, господарі радісно вигукнули:

— Дякуємо вам! Ви виявились тямущими людьми.

Їм обом здавалось, що може щось статися і робітники знову залишаться.

Гульшен, побачивши, як один з них уже переступив поріг, радісно докинула:

— Дякуємо! Приходьте ще!

Батир Азізович невдоволено зиркнув на дружину, потім, глянувши на останнього робітника, що вже був за порогом дверей, погукав услід:

— До побачення!

Нарешті робітники пішли. Чоловік і дружина присіли і зітхнули.

Батир Азізович і його дружина Гульшен захистили свою квартиру від майстрів-ремонтників. Наступного дня подружжя їздило по магазинах, купували фарби, вапно, щітки.

— Ремонт повинні закінчити до приїзду Найле з відпочинку, — сказала Гульшен.

— Ще є час, встигнемо закінчити, — відповів Батир Азізович.

Після таких бурхливих домовлян з робітниками про ремонт квартири у характері Батира Азізовича сталися деякі зміни. Він почав часто задумуватись, траплялося, що коли його гукала Гульшен, то він здригався і щось вигукував. А з часом у нього з'явилася звичка кивати головою — інколи на знак згоди — зверху донизу, інколи на знак заперечення — зліва направо. І начеб цього було ще замало, він почав ще й розмовляти сам із собою. І врешті-решт змушений був звернутися до лікаря.

Батир Азізович, узявши у лікаря виписаний ним рецепт на ліки, вийшов на вулицю і пішов шукати найближчу аптеку. Йдучи до аптеки, дорогою побачив знайомі ворота, які були пофарбовані змішаною коричневою і жовтою фарбою, що набула незрозуміло якого кольору. Вони були прочинені.

Ба, та це ж двері управління комунального господарства! У Батира Азізовича блискавично промайнула думка в голові — зайти!

Він упевненими кроками увійшов до приміщення. За столом начальника управління сиділа тендітна жінка. Батир Азізович упізнав її. Це була Фанія-ханум.

— Де начальник? — спитав Батир Азізович грубим голосом.

Жінка уважно глянула на нього і промовила:

— Ви Баталов Батир?



— Так, я Баталов Батир, а де ваш начальник? — запитав він гучно.  
— Я спочатку хочу йому пояснити, хто я.

— Начальник? Начальник... у в'язниці. Скоро відбудеться суд...

— А де ті робітники?

— Вони також... там. Їх також судитимуть.

Батир Азізович зітхнув з полегшенням.

— Значить їх арештували, отже, їх буде покарано?

— Поки що йде розслідування, — сказала Фанія-ханум. — І вас, мабуть, запросять, як свідка. Ви усе поясните судді самі.

— Поясню! — вигукнув Батир Азізович. — Ще й як поясню! Ми не тільки тямущі люди, а й люди, які можуть усе пояснити.

І вийшов з управління, розмахуючи руками.

*Переклав з кримськотатарської  
Данило КОНОНЕНКО*

# ІСТОРІЯ РІДНОГО КРАЮ

**Володимир ПРОЦЕНКО**  
(м. Севастополь)

## ЛЕТЮЧА ФОРТЕЦЯ КРИМНИ

За високим нагір'ям, аж до Чорного моря, ятріє в тумані рожевий чебрець. Далі, за високими скелями, на горизонті сивого моря червоним маком спадає сонце і тужно ховається в морі, повільно затаючи за собою з неба багрець.

А в таврійській заводі б'ються весла і ледь майорять вітрила, рухаючи довгі лодії і либіди. Вони час від часу щезають і потім знову з'являються. Що вони там шукають серед моторошної сивизни? Тут, над берегом, стоять непорушні кипариси, немов стражники, і море шумить, наче тупотить таврійська кіннота. Тут і досі хвиля викидає золоті роси античної епохи і згладжує пощерблені шаблі та захоронені під валунами кості.

Знову під вечір спадають спомини часу... Не минулися ще вони! Бачте, як над берегом од печалі жевріють гори і сіріють биті шляхи предків. То сутність таврійського народу, немов чебрець, проросла. Її чомусь забуває час. Тільки відчуття інколи стрілою зринуть і вразять серце, наплинуть на думку і оживуть в таврійських сагах.

Значну частину античних міст Криму і Причорномор'я поглинуло море. Зникло і місто Кримни, що вдруге зросло неподалік Кіммерійської протоки. Легенди стверджують, що його попередник два тисячоліття тому височів неприступним форпостом на схилах Тавриди, де нині впадає в око Божий Храм Вознесіння Христового. Ще

й досі там лишилися останки муру нижньої напівкруглої вежі, що дивом вбереглася від нищівного скелепаду.

Там я і зустрів старого татарина, дивного, високого з синіми очима. Щоправда він зізнався, що його прадід був отатарений, а пращури з племені місцевих аборигенів, які себе називали айданлянцями, що означало діти неба, гір і богині Дани.

Ось цей автохтон повідав, що в часи падіння Кіммерійської цивілізації від грецької експансії в Тавриді існували дружні провінції: Скифія, Сакія, Палакія і Дора. Володарі цих провінцій не тільки були кровними родичами, а й перебували в потужному об'єднанні Царської Скифії. По той бік Меотиди жили сарматські племена аорсів і сираків, на Гераклійській косі — відома колонія Херсонес, а в кіммерійській протоці — грецькі поліси Пантікапей, Тірітак і Мірмекій. Там і виникло Боспорське царство, володарі якого шукали в Тавриді свої життєві інтереси. В ті часи в Палакії жили кремезні, синьоокі таври і лістригони, у Дорі гірські райони населяли місцеві аборигени айданлянци, в Сакії — войовничі кіннотники саки, а в Скитії від міст Неаполя до Ору господарювали алани і роксолани. Всі ці народи поклонялись заповітам свого родоначальника батька Ора і вважали себе кінними арійцями.

За боспорських царів Савлетка і

його сина Левкона розпочались нові завойовницькі походи. На сході Палакії Левкон захопив приморське місто Телапіли, а потім біля мису Форос уподобав неприступну фортецю Кримни, відому ще від Геродота. Фортеця височіла на Крилатій скалі, навколо якої спадала глибоченна прірва. Над форпостом, з півночі, височіли гори із загрозливо крутими скелями. Античний світ лишив людству у спадок багато назв. Вони прості і рівнозначні в мовах багатьох народів, і легко розкривають зміст. Так, назва античного міста Кри-Мни створена з двох слів: Кри — крило і Мни — трясти, літати тобто летіти на крилах. Гори Тавриди ще зберігають непоодинокі міфічні скульптури та печерні божества, що шаблями карбувалися на античних шляхах і лишилися загадковими знаками давнини.

Одного дня 433 року до Різдва Христового боспорські греки причалили свої судна неподалік Кримни і почали розмірковувати, як захопити неприступне місто. Вони вгадали підступний план. Частина їх одяглася в балахони торговців і підійшла до неприступних стін. Кримничани, не підозрюючи лиха, спустили до прірви підмостя. Коли псевдоторговці дістались брами, вмить скинули балахони і напали на варту. Вхід для легіонерів став вільним, і вони захопили Кримни без бою. Вдоволені успіхом, боспорці підкорили весь Палакіон і вторглися до Скифії. Розправи і свавілля призвели до всенародного опору. Повстанці об'єднувались під проводом ватажка Таймира. Він був рішучим і відважним юнаком. Справжнього його імені ніхто не знав. Говорили, що його дід, родом із знатних саків, теж борюся за визволення

міста Кіммеріка, але сконав на боспорській шибениці. Тому у Таймира були з ворогом свої рахунки. Серед таврійських ратоборців Таймир щонайбільше прославився.

То ж ватага навколо Таймира помітно росла, визвольна боротьба набирала широкого розмаху, військові вилазки на ворога не мали поразок. У поході Скифією визволителів радо зустрічали місцеві землероби. Серед них Таймир зустрів старого скита на ймення Скіфай, який був письменною людиною, сповненою ідей і вигадок. Він розмовляв десятком мов, складав мапи, розумівся у військовій справі з ведення облоги, з виготовлення славнозвісних скитських луків та катапульта для руйнування мурів. Не зважаючи на свій вік, Скіфай був сповнений сил і не відрізнявся від жодного з повстанців. Він створив арбалетний загін, який першим вступав у бій і точно влучав у ворога на великій відстані. В облогах Скіфай завжди керував підкопами та торпедуванням мурів. Визволителі повертали один населений пункт за іншим. І ось нарешті Кримни — дійсно летюче місто. Таймир розглядав його із захватом і порівнював з фортецею Телапіли. Але ту фортецю він бачив лише здалеку. Будівлі ж Кримни височіли на превеликій скелі на рівні лету орла. Таймир розгледів, що будівлі і башти цього міста наче посріблені хмарами. Вони летіли в тумані, як пухинки... Просто летюче місто в небесах! Невже «небесний дух» все-таки існує і творить цей нерукотворний рай? Чи все ж... Можливо, Таймир все-таки помиляється, і могутні духи не існують? Ну, нехай їх нема зараз, але раніше вони були і перед тим, як зникнути, створили таке казкове диво? Недаремно ці літаючі будівлі так схожі

на гігантський човен серед моря і всім виглядом показують свою спорідненість з Небесами, з Верхнім Світом? Роздумуючи, він був впевнений, що подібні думки — явна дурість. але ніяк не міг викинути їх з голови. Час від часу він поглядав на рух обозу і прислуховувався до стукоту підків коней і дзенькоту зброї свого війська. Очевидні зміни в обороні і діях ворога не сховалися від спостережливого ока Таймира. Столо зрозуміло: ворог втрачав свій вояцький дух. «Тепер головне — думав Таймир, — тримати ворога в постійній напрузі, тоді зневолений противник буде подоланий.» Таймир вирішив змінити свою тактику і робити більше нічних вилазок.

— Скіфаю, добери-но мені два загони по сотні добрих молодців. Підемо в нічну вилазку.

Охочих поквитатися з ворогом зголосилося багато. Таймир відібрав сотню сміливців, а іншу частину війська доручив відважному Атару, наказав спорядити драбини і штурмувати опівночі.

Темніло швидко. Хоч весна вже й закінчувалася, до царювання світла і тепла було ще далеко. Як на зло, замість місяця в небі висіла лише тоненька підкова, від якої очікувати світла було нічого. Серед темряви дерева та кущі все ближче підступали до дороги здавалися ворогами, що зачалися. Темнішими ставали ночі, і Таймир хвилювався, як же вони розглядять чужих і своїх? Правда, він пам'ятав про смолоскипи, але у них було відразу дві вади: по-перше, в бою не вдавалося весь час перебувати спиною до факела, а це означає, що його яскраве світло буде сліпити і своїх, по-друге, воїни зі смолоскипами ставали легкими мішенями для лучників. Якщо вороги не бу-

дуть дурнями, а навряд чи вони круглі дурні, раз уже підкорили собі місто, то вони в першу чергу використають ці вади для оборони. Запалити смолоскипи — нашкодити самим собі. «Втім, — подумав Таймир, — нам видніше, як вчинити. Можна ці смолоскипи, як рогатини кидати на противника, але краще за їх допомогою пробратися через потайний тунель в Кримни».

Тим часом летюче місто наближалось. На шляху трапились кам'яні вали, що йшли обабіч у вигляді захисних смуг. Дивно! І зліва, і справа Таймир побачив лабіринти схожі на ті, які він пересікав у Габоні, провінції Доро, і довелося довгенько поморочитись з їх подоланням, але місцеві провідники вправно провели загін до підземного проходу. Він був прокладений в Кримни. Сотня сміливців на чолі з Таймиром зміїстою стежкою зникла в підніжжі Летючої скелі, освітлюючи прохід факелами. Коридор проходу виявився вельми вузьким, по ньому навряд чи змогли б йти поруч більше двох осіб. Підлога і стіни були кам'яними, необробленими, стеля мала нерівності. Ставало зрозуміло, як пробивали цей тунель. Під ногами траплялися надто великі камені і нерідко виходили на поверхню скельні породи. Хід вів до верху скелі, інколи повертаючи круто сходишками. Було добре видно, що найтвердіші шматки скелі завадили видовбати ширший прохід. Його пробували прорити в різні боки, але скелясті породи виявилася незламними. Зате праворуч від основного тунелю був «відросток» на три сажні і закінчувався тупиком, до можна було відпочити.

Коли стало далеко за північ Атар рушив з повстанцями на вихідну позицію. Тихо хлюпотіла морська

хвиля. Вітер з моря віяв теплом. Ще тиждень-два, і сонце зігріє землю, запишніють її весняні шати... Багатотисячне полчище через узліски наближалось до підніжжя скелі. Запалали факели, засвистіли стріли, задзвеніли шаблі. По периметру скелі, через кожні десять-двадцять кроків, були приставлені довгі дерев'яні драбини. Трохи вище верхнього краю стіни, біля бійниць, оборонялися боспорці. Там було багато-багато вояків. Майже всі вони були одягнені в кольчуги і не цілячись стріляли з луків. Але грізна зброя більше вражала пустоту тьми. В темряві визволителі по драбинах дісталися до брами і спробували її зламати. Зверху на них посипалося каміння. У відповідь передовий загін повстанців обстріляв укріплення з катапульта, скорпіонів, луків та арбалетів.

В цей час відважна сотня проникла в місто. Ця атака була блискавичною і вирішальною. Врешті, боспорці стали колом, прикриваючись щитами, але і цей маневр не допоміг. Повстанці прорвали кільце і завдали нищівного удару ворогам, потім опустили поміст і за годину господарювали в своєму місті.

З'явився з-за хмари місяць. Оглянувши невелике поле побоїща і радісно усміхнувшись визволителям. Міські бані височіли на висоті тридцяти сажнів і, здавалось, продовжували летіти в омріяну далечінь. Замайорів блакитний переможний стяг. Гримнула завзята повстанська пісня і покотилася в унісон з подихом кам'янистих Таврид.

Таймир зупинився на майдані біля триповерхового будинку зі світло-сірими баштами, біля якого вже стояло багато людей. Навколо майдану зводилися ще кілька сірих невисоких будівель, якихось масив-

них через свої квадратні форми і незвичних від суцільних вікон. З іншого ж боку височіли дві вежі. В центрі, між усіма цими будівлями, прямо посередині, двома грядками росли кипариси. Таймирові подумалося: «Невже ці дерева хтось тут посадив? Чи, можливо, ці будівлі споруджені так акуратно, що залишилися ці дерева у всій красі? Дійсно гарно...»

Проте Таймир не дав собі як слід намілюватися околицями. Піднявши до очей зап'ястя він раптом замахав руками:

— Підходьте, підходьте! Я скажу кілька обітниць!

Він розпочав урочисту промову, привітав одноплемінників з перемогою, а потім всім оголосив бойову готовність, особливо південному сектору постів, які розставлені по периметру і готові в будь-який час відбити напад.

Його слова, наче ті високі неприступні зубці мурів, що були оберегом всьому, сприймалися палкими серцями, і завдання, що стояли перед воїнством, нові завдання заради свободи сприймалися безумовно. Скіфай свій металевий загін залишив в резерві. Сам він невеликий на зріст, але кремезний, з бородою сніжної сивини, добрим обличчям і тонкими зморшками, які підкреслювали розважливість і мудрість. На майдан сходились городяни, вигукуючи вітальні кличі, і довго там торжествували. Таймир час від часу радився з побратимами, визначав зміну дозорців, давав доручення. Серед воїнства він помітив красуню з амforoю на плечі. Вона йшла з того будинку, до якого привів потайний тунель. Дівчина на мить зупинилась і пронизала його поглядом. В душі щось зворушилось. Таймир не міг відірвати погляд від її очей прозорості морської хвилі, сповне-

них подиву і щирості. Врешті він посміхнувся, підійшов до дівчини і тихо заспівав свою улюблену таврійську пісню:

Ой, небесна краса Альнара  
Мое серце від щастя згора...

Дівчина почервоніла і швиденько пішла до фонтану, що бив з похиленої над містом гігантської скелі. Звідки він знає її ім'я і цю пісню?

Воїнство квартирувалось, люд захоплювався розповідями про подвиги і в цьому переможному торжестві зазвучали фанфари, полилось вино, вдарили музики в домбри та литаври, заляскотіли кістяні ковбали. Місто стало веселим, голосним.

Скіфай оселився в домі гончара, батька тієї красуні з амфорою. Старий скит запросив Таймира поселитися з ним разом і відсвяткувати перемогу. Коли ватажок увійшов у будинок гончара, перше, що впало в очі, був довгий стіл з безліччю стільців й величезна кількість глиняних мис та амфор біля стіни. Біля протилежної стіни в торці столу примостився дідок. Обличчя його було худе, зморшкувате, з запалими щоками, а великий лоб здавався величезним через глибокі залисини і ріденько усіяне, схоже на щетину, сиве волосся. Напевно це був господар.

— О! Нарешті! — вигукнув дідок. — Ми вас зачекалися! Я дуже радий. Розташовуйтеся.

Він підвівся і відрекомендувався, змірявши Таймира гордовитим поглядом:

— Тутешній гончар..., а це моя донька Альнара. Вказавши рукою на дівчину, яка щойно з'явилась на дверях іншої кімнати. — Сідайте. — Сам він теж знову опустився на стілець.

— Влаштовуйтеся зручніше, —

метушливо підставив стільця Скіфай Альнарі і, взявся ще за один, підт, і запросив сісти поруч Таймира.

Коли дівчина намагалась сісти за стіл, господар звернувся до неї:

— Почастуй хлопців кваском! Та і я б теж випив.

— Взагалі-то ми б не відмовилися і від чого-небудь суттєвішого, — потираючи руки висловився Скіфай. — Цілу добу ані крихти в роті..

— Накривай стіл, — Замахав гончар руками доньці.— А мені тільки квасок!

На час приготування столу в будинку панувала мовчанка.

Потім господар запросив гостей до столу і частував добрими винами і вишуканими стравами. Скіфай грав на ліру і речитативним співом оповідав про славетні визвольні походи. Потім гончар взяв свою домбру і забриніла мелодія гір. До гостей, як лебідка, впливла в танці смаглява красуня. Таймир заворожено дивився на золотом мережаний одяг, на ритм рухів і ті морські очі, які нещодавно змусили горіти серце.

Наступного дня по місту точилися розмови про нову загрозу. Проти визволителів боспорці зібрали велике військо. Таймир наказав своєму воїнству і мешканцям міста присягу на вірність рідному краю. Потяглись дні остраху і напруження. До передмістя прибували все нові і нові загони греків, вливаючись у вороже військо. Зазвучали бойові кличі. Оборонці готувались до відсічі. Вороги тримали Кримни в щільній облозі. Одного дня боспорці з херсонеситами пішли на штурм.

Таймиру стало раптом цікаво: хто ж вони такі, ці вороги і чому

вони називають оборонців варварами? Певно, що вони варвари? Бути не може, що вони такі ж самі, як він і його одноплемінники? Правда, жителі рідної Тавриди ні на кого не нападали, але, з іншого боку, їм і нападати-то не було на кого, вони навіть не підозрювали, що десь за морем простягається величезний світ, який населений не злими духами, а людьми, інколи — не менш жорстокими. Хоча і добрі серед них теж трапляються. Як і красиві, і потворні, і похмурі, і веселі, і розумні. Всякі. Світ насправді великий, але ж він, Таймир, встиг побачити лише крихітну його частину. Після таких роздумів спало на думку: «Якщо всі люди настільки різні, то ж, напевно, і серед варварів є не тільки лиходії? Хто знає, що саме рухає ними в їх руйнівному марші? Адже ненавидіти до такої міри, щоб вбивати всіх підряд і троцяти все, що трапилось під руку, — це зовсім нерозумно. Потрібне благодійство, врешті-решт, побільше таких старійшин, як Скіфай. Він все життя живе захищаючись, а варвари вбивають.»

Це питання так і залишилося без відповіді. Навряд чи Таймир зумів би розв'язати його, не знаючи про варварів нічого. Але навіть якби в нього хоч якісь знання були про це він би все одно не встиг нічого придумати. Повстанцям нічого не залишалось, як зібрати всі сили і кинути на захист своєї волі. Захисникам помагали неприступні укріплення на яких дні і ночі чатував біля бійниць арбалетний загін, і щоразу, коли хто із легіонерів наближався, падав враженням. Осада затяглась в розрахунку на скорення голодом.

Минали дні, закінчувались припаси продуктів і Таймир знову зап-

росив своїх мудреців на раду. Викладений Скіфаєм план дав надії на життя цілому місту. Десяток сміливців печерними ходами пробирались за провізією в святилище Екклосі-Бурун та поклонитись богині Діві. Хто-хто, а богиня Діва завжди допомагала таврам. Вихід з печер, на щастя, був розташований за табором противника, і це дало змогу поповнити число захисників Кримни.

Минув рік. Усі спроби нічних штурмів щоразу наражались на град каміння і стріл. Боспорці так і не змогли підкорити Кримни. Вони не могли собі уявити, звідки у таврів беруться сили і харчі, і все нарікали на ту похилену скелю, що давала людям живу воду. Як не прикро було усвідомлювати, але кількість пришельців було більша, ніж оборонців. Звичайно, Таймир не знав і не міг знати всього, але деякі промахи все ж траплялися. Наприклад, та обставина, що не завжди воїнство справлялося з штурмовиками на південному периметрі і те, що резерви невчасно підходили на допомогу. Про що це говорить? Про те, що на південних постах недостає люду, щоб відбитися самим. Але й посланий туди резерв не міг похвалитися потрібною кількістю бійців. Тобто, сил для захисту якщо й вистачало, то лише ледь-ледь. Зате у захисників Кримни була висока скеля і мури, які давали переваги. Тому сили були рівними. А це означає, що легко прорватися за мури і взяти фортецю у ворога не вийде. А значить це що? А те, що облога може затягтися надовго, до того часу, коли боєприпаси у захисників закінчатся. І що тоді? .. Думати далі не хотілося.

Боспорський володар Левкон вдень і вночі водив легіони на штурм фортеці. Коли врешті він зрозумів, що містом не заволідити, вирішив

його знищити. Легіонери піднялися в гори до гігантської скелі, яка загрозливо звисала над містом. Скеля на середині мала тріщину і легіонери вирішили її розклинити. Частина агресорів почала будувати гігантську металеву машину, а інша запасатися дровами і водою. Коли грізна зброя була готова, легіонери вздовж скельної тріщини розвели багаття і щоразу, коли камінь червонів, поливали водою. Тріщина все більше заглиблювалась. Була запущена в хід металеві машина і кожного разу, коли гігантські камені летіли на вершину скелі, тріск зроставав. Таймир зрозумів намір загарбників обрушити скелю на місто і наказав воїнам і горожанам заглибитись в печеру. Похитнулось небо. На якусь мить зупинилось сонце і все завмерло. Гігантська скала репнула Заскреготіло, затріщало каміння, відгукуючись відлунням далеко в горах, і гігантський каменепад наклав Кримни, розтрощив і будівлі, і частину скелі та привалив камінням у прірві.

— Тож не діставайся ти нікому! — загорлав Левкон, переможно дивлячись на катастрофу.

Але рід Таймира і Альнари

продовжився. Вони вціліли і вибралися з печери разом з воїнством і людом. Вони дійшли руслом річки Салгир до Меотиди і в тих краях збудували місто, в пам'ять про рідний край. Кримничани ще два століття жили в новій Кримні були натхненниками визвольних змагань свого народу від грецьких колонізаторів. Коли вони з'являлись перед ворогом, ті з жахом кивали п'ятами, волаючи: «Кримничани! Кримничани!!!»

Так корінний народ отримав нове ймення.

Пам'ять про те славетне місто Кримни і його мешканців до цього часу не згасла. Корінний народ став називати себе кримчанами, Таврійські гори — Кримськими, а згодом і увесь півострів назвали Кримом, який дійсно став летючим острівцем серед Чорного моря.

Тільки через два тисячоліття плацдарм на тій гірській скелі, де височіли Кримни був розчищений. 1892 році на Летючій скелі постав православний храм Воскресіння Христового, а скеля, на якій пролита кров таврійського корінного народу, названа Червоною.



## Из жизни КРО НСПУ...



**28. 09. 2013 г.** Отчётная конференция Крымской республиканской организации Национального Союза писателей Украины. Выступает заместитель председателя НСПУ Михаил Каменюк (г. Киев). Справа — председатель КРО НСПУ Борис Финкельштейн.

Фото В. Басырова



**19. 09. 2013 г.** В аудитории им. А. Губаря Таврического национального университета им. В. И. Вернадского состоялась встреча друзей, соратников, коллег, бывших учеников члена НСПУ А. Губаря с нынешними студентами украинской филологии.

На снимке: Сабрие Кандымова, Даниил Кононенко, Виктор Гуменюк.

Фото В. Басырова



25. 09. 2013 г. На кафедре крымскотатарской и турецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета состоялось вручение первой премии имени Шамиля Алядина. Премию получили Урие Эдемова, Певат Зети и Закир Куртнезир. Дипломы лауреатам вручил председатель Крымской республиканской организации Национального Союза писателей Украины Борис Финкельштейн (в центре).

Фото В. Басырова



20. 09. 2013 г. В г. Алушка в музее дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана состоялась презентация книги Сервера Таирова «Тернистый путь становления крымскотатарского офицера». По поручению президиума КРО НСПУ Валерий Басыров передал музею первый номер журнала «Крым».

Фото В. Басырова



28. 09. 2013 г.  
Поэт Эдуард Абрамов (г. Феодосия) делится планами на будущее.  
Фото  
В. Басырова



27. 09. 2013 г. Празднование 55-летия Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина. Валерий Басыров презентует первый номер журнала «Крым» Крымской республиканской организации Национального Союза писателей Украины и два приложения к нему. Справа — директор библиотеки Татьяна Сегодина.



29. 09. 2013 г. Очередное заседание Крымского литературного клуба прошло в Русском культурном центре г. Симферополя. На заседании звучали стихи и рассказы в авторском исполнении. Поэты Юрий Поляков и Виктория Анфимова презентовали свои новые книги. Главный редактор журнала «Крым» Валерий Басыров представил первый номер журнала и приложения к нему — сборники стихов Виктории Анфимовой и Галины Литовченко.

На фото: члены НСПУ Ольга Голубева, Анатолий Масалов, Виктория Анфимова, Валерий Басыров и Юрий Поляков.

Фото А. Вакуленко




29. 09. 2013 г. Поэт Борис Марусич читает свои стихи...

Фото В. Басырова

КРЫМ • КРИМ  
КЪЫРЫМ 3 [34] 2013

Эдебий-бедий меджмуасы

Муаррир  
Аблязиз Велиев

Акъмесджит 

КЪЫРЫМ 3.2013

# ЗЕМАНЕ НЕСИРИ

МЕДИХА

*Медиха Мамбетова Ташкентте догъды. 1989 сенеси Низамий адына Ташкент Девлет педагогика институтынынъ къырымтатар тили ве эдебияты болюгини битирген сонъ, «Йылдыз» меджмуасында эдебий хадим хызметинде булунды. Анда чалышыр экен озю де икячиклер язып башлады. 1991 сенеси «Йылдыз» меджмуасында онынъ «Козьлеринъ яшланмасын, къызым», «Куньлернинъ биринде» адлы икяелери дердж олунды.*



*Ана-Ватанымыз Къырымгъа къайтып кельген сонъ, Акъмесджиттеки «Таврия» адына нешриятындаки къырымтатар эдебияты болюгинде уйкен муаррир олып чалышты. Бир сыра китапларгъа муаррирлик япты. 1998-2002 сенелери «Qasaba» газетасыны чыкъарды ве онынъ муаррири олды. 2004 сенесинден бу яна Къырым Мухтар Джумхуриети Ичтимаий сиясет назирлигинде баш мутехассыс вазифесинде чалыша. Иджадий ишнен де огъраша. Якъында о «Ватанда бир эв къурайым...» повестини язып битирди. Окъуйыджыларгъа онынъ шу повестининъ девамы теклиф олуна.*

## ВАТАНДА БИР ЭВ КЪУРАЙЫМ!..

Повесть

11

Эмирнен Ферат кениш азбарнынъ бир четиндеки къалын кевдели, гурь даллы истамбул дуты терегининъ узун, япалакъ далларынынъ талдасына комюли киби тургъан машинанен чокъ вакъыткъадже чекиштилер.

Шевкъие ишнен азбаргъа чыкъкъанда оларгъа козюнинъ къыясы-

*(Девамы. Башы кечкен саида)*

нен бакъып ала. Эллери, черелери мазутлы огъуллаары ишке джиддий сарылгъанлар. Тосат-тосат оларнынъ шакъылдап кульгенлери эшитиле. Базан исе чалыкъ Ферат не ичюндир агъасынен серт-серт лаф эте. Лякин Эмирнинъ сеси эшитильмей.

Демек, Ферат я пек ёрулды, я бу иштен пек безди. Бойле алларда онынъ сеси сертлеше тургъан. Ана чокъ тюшюнип отурмады, деръал эвге кирди, огъланларгъа къаве пиширди. Эмирнинъ бош фильджанына бир къашыкъ пиш-

кен къаймакъ къойды. Ферат къара къаве севе. Къавеге янъылып сютя да къаймакъ къоюлса, оны ичмей. Къавенинъ дадыны къачыргъансынъыз, дей.

Шевкъие табакънынъ устюне бош фильджанларны, къаве толуджезвени къойды. Топач шекер, бираз да къурабье алды. Къавени джезвенен дегиль де, фильджанларнен алып баргъан киби олса, не къадар мукъайт исе де, анда баргъанджа фильджанлардаки къаве табакъларгъа авуша биле. Бойле вакъытта Шевкъие озь-озюне ачулангъан киби, менден де олгъан бармен, деп фысылдай.

Ана огъулларынынъ янына баргъанда Эмир теренден нефес алды:

— Не исе де бир белясыз, къазасыз ерине къойдыкъ. Ёкъ исе мен шимди Ферат машинаны уруп парлар беллеген эдим, — деп кульди.

Ферат белини догъуртты. Билегинен кенъ манълайыннынъ терини сильди. Агъасына бакъты. Балабан тишлерини сытып йылмаиды:

— Эр алда яптым, я? Сен бу ишни беджаралмаз эдинъ. Я Аметни чагъырыр, я да Селимге чапар эдинъ. Коресинъми, мен озюм яптым, - деди, сия узун къашларыны манълайына котерген алда. Лякин къаверенкли козьлери гъает ёргъун эдилер.

— Сен, Ферат калям, даима онынънен бераберсинъ, бутюн къуйпалыкъларыны билесинъ. Шуннынъ ичюн де уста тамирджи олып кълалгъансынъ, — деди агъасы кинаенен.

— Кинае этмесенъ де олур. Сен онъа дикъкъатнен бакъ, чокъ чекишсек де, тамирден сонъ машина дегиль, масаллардаки, эфсанелердеки учакъкъа чевирилди. Къапысыны ачып башынъны ичери сокъсанъ, озюнъни музейге кир-

ген киби ис этерсинъ... Отургъычларнынъ узериндеки къылыфларгъа бакъ.

— О энди сенинъ дегиль де, анамнынъ чеберлигини косътерген шей. Бу дюльберликнен сенинъ алып береджегинъ ёкъ, — деди Эмир ве къардашына бакъып кульди.

— Вар, вар, огълум! Онынъ ичини мен сюслендирдим, лякин бу ишнинъ гъаеси Фератнынъ къафасындан чыкъты, — деди Шевкъие хошнот алда.

Эмир четте тургъан масачыкъны анасыннынъ огюне сюрди. Бир заманлар Ферат озюннинъ эллеринен япкъан отургъыччыкъларны масабашына тизди. Огъланлар эллерини ювып кельдилер, экиси бирден къаве тёкюльген фильджанларгъа узандылар.

— Арекетлерингизге коре яхшы да ёрулгъасынъыз, шаинлерим, - деди ана.

Эмир онынъ айткъанларыны тасдикъ эткен киби башыны саллады. Ферат къавени ашыкъмай ютты. Анасына гъурурнен бакъты. Шаинлерингиз саба алтыдан берли бир дакъкъа биле токътамай чалыштылар. Эм дегенлерини яптылар. О энди сизинъ, эскинен иш тутсанъ, эсинъ кетер, дениледжек машина дегиль де, бир учакъ. Онынъле энди Къырымгъа бармакъ мумкюн. Асылында Ибраим агъанынъ ешилъ «Волгас»ы да эски, амма коресингизми, эр сене бутн къоранта онъа юкленип, Къырымгъа баралар. Демек иш машинанынъ янъы я да эскилигинде дегиль, саибининъ тербиесинде, ишкирлигинде. Ёрулгъанымызнынъ баш себеби исе машинада дегиль, пек ашыкъып чалышувымызда.

Ана Фераткъа тааджиПЛенген киби бакъты.

— Я не ичюн о къадар ашыкъ-

тынъыз. Артынъыздан шейтан чаптымы ёкъса, — деди кулюмсиреген алда.

— Агъама келинни мен бу машинанен алып келеджегим, — деди Ферат ве бир козюни кымып, агъасына бакъты.

— Тойны ойле тез япаджакъсынъызмы, — деп сорады Шевкъие тааджиПЛенген киби.

— Оны созуп отурсанъ, ягъы чыкъаджакъмы, ёкъса? Агъам ашыкъмаса, мен ашыкъам. О менде де ёлумны къапата биле, — деди Ферат ве шакъыдап кульди.

— Эй, балам, кёрнинъ арагъаны бир козь, дегенлер. Манъа къалса, тойгъа бугунъ де азырым, лякин агъанъ якъа туттырмай, — деди Шевкъие яныкълангъан давушле.

Эмир башта анасына бакъты, сонъра Фераткъа чевирильди.

— Экинъиз де фурсатны эльден къачырмамагъа тырышасынъыз. Гъальба, Фератнынъ джаны бир шейлер дую, — деп ташлады.

Шевкъие апте Фераткъа суаль назарынен бакъты. Бу бакъышта, сен керчектен бир шейлер билесинъми, огълум, деген мана бар эди. Ферат элесленди, чересине джиддийлик алямети орьтюльди. Дудакълары сыкъылды. Козь къапакълары энди котерильдилер. Айван бойнузындан тутулыр, инсан сёзюнден, дегенлер. Инсаннынъ ичинде, юрегинде къытыкълагъан шей олса, о илле тилине чыкъа. Сонъки вакъытларда агъамнынъ юрегине атешли севги тюшкенини сиз дуймадынъызмы, ана? Азачыкъ дикъкъат этильсе етти. Инсаннынъ юрегиндеки тилине мытлакъа чыкъа. Эр шейни озю айта къоя.

Эмир Фераткъа, бакъ сен онъа, деген киби бакъты.

— Фельсефе корьсин козюнь, сени динълеген адам, бу йигит шеэрлерара автобус айдаджысы де-

гиль де, ким анги университетте фельсефе дерси берген йигиттир, деп тюшюнир.

— Бунъа фельсефе керекмей, агъа. Гонъюльден гонъюльге ёл бар, дейлер. - Мен агъамнынъ юрегиндекини бильмесем, насыл къардаш олгъаным?..

— Анълашылды, — деди Эмир. — Бу вакъыткадже агъызыны ачмай юрген къардашым, бугунъ экстрасенс кесильди. Сёзюнье, аркетинъе дегиль де, козюнье бакъкъанда юрегинъдекини коре.

— Я сен не, озю ичюн юкълагъан бирев ичюн тюш корьмез, беллеген эдинъми? Тюш де коремиз, япылгъан арекетлерни де, агъачыгъым, — Ферат ракъибининъ курегини ерге япыштыргъан гъалип курешчи киби къашларны котерди. Агъасына гъурурнен кулюмсиреген алда бакъты. Шевкъие эр шейни анълагъан киби мыйыкъ астындан кулюмсиреди. Фильджанларны табакъ устюне къойды.

— Айдынъыз, шаинлерим, сизлерни сабалыкъ софрасы беклей, — деди йымшакъ давушнен.

Емек вакъытында эки агъа къардаш сускъунлыкъ ичинде булундылар. Софра башындан биринджи котерильген Эмир анасына тешеккюр бильдиререк, озюнинъ ода сына кирип кетти. Андан кийинип чыкъкъанда Ферат энди бир ерде корюнемей эди. Машина азбар къапынынъ тюбюнде тура. Эмир тааджиПЛенген алда анасына бакъты.

— Ферат сизге бир шей айтмадымы? — деп сорады.

Шевкъие бир сание тюшюнип алды. Машина бугунъ агъама керек оладжакъ, деди, гъалиба. Озю шеэрге кетти.

Эмир машинанынъ къапысыны ачты, дюмен башына кечип отурды.

— Ана, машинамыз керчектен



де бир шейге бенъзеди. Энди онынъле мусафирликке де бармакъ мумкюн, — деди.

— Эй, балам, — деп Шевкъие башыны саллады. — Бу дюньяда инсаннынъ элинден кельмеген иш ёкъ. Тек истек олсун!

## 12

Эмир иштен баягъы эрте къайтты. Озь одасына кирмесинен чыкъмасы бир олды. Лякин иш урбаларыны денъиштирип етиштирген эди. Онъа тааджиПЛенген алда бакъкъан анасына:

— Ана, акъшама мен сизге мусафир кетиреджегим, — деди.

Шевкъие, яхшы, деген манада башыны къакъытты. Эмир бираз тюшюнди. Анасына кене нелердир айтмагъа ниетленген киби олды, лякин бир шей айтмады. Тез-тез барып машинанынъ дюмени башына отурды. Моторны кочюрди. Машина еринден кочкенинен тоз къопарып огге вызнен кетти.

Шевкъие онынъ артындан бакъаркен, я о да насыл мусафир, деп тюшюнди. Достларымы, ёкъса иш еринденми? Эллери темиз олса да, оларны оглюгине сюрте-сюрте, алма терегининъ тюрбюндеки маса башына барып отурды. Кениш азбарнынъ ичини козьден кечирди. Даа эрте кузь олгъанына бакъмадан, андамында тереклерден къопып тюшкен япракълар азбарнынъ ичиндеки темизликни бозгъан алда, тюркюлип ятмакъта эдилер. Деръал элине сипирткисини алып, ишке тутунды. Бираздан о якъкъа, бу якъкъа бакъаркен озь башына йылмаиды. Къомшусы Къундуз хола эвине мусафир келеджек олса, энъ эсас ишини азбар ичинде о якъ, бу якъта корюнген отчыкъларны юлкмакътан, темизлемектен башлай эди. Бу вакъытта Шевкъие онъа:

— Къомшу, мусафир келеджекми ёкъса, — деп эрише тургъан. Шимди озю де онынъ киби якъкъанына хошланды. Къомшунъ кюр олса, бир козюнъни къым, деп нафиле айтмагъанлар, деп тюшюнди. Сонъра эвнинъ ичини джыйыштырмагъа тутунды. Тозютарны баягъы вайвалатты. Лякин одаларнынъ табанларыны ювмагъа истемеди. Даа тюневин Фатма пек темиз ювгъан эди, деп озюни озю тынчладырмагъа тырышты.

Ашханеде долапнынъ ичини козьден кечирди. Къаве, шекер бар. Тюневин шекеркъыйыкъ, бойнузчыкълар пиширген эди. Эм олар ойле де гузель къабарып пишкен эдилер ки, демек къавелик бар. Я аш меселеси. Бираз тюшюнди. Фатмагъа телефон этмеге, оны ярдымгъа чагъырмагъа истеди. Сонъ токътады. Озюнинъ ишлери бардыр, деп тюшюнди. Ах, бу эркек миллетими?.. Артыны, огюни тюшюнмей. Айтты, кетти. Сенинъ къыркъ дереден сув кетиргенинъ онъа къач капик. Рахметли бабасы Азиз де ойле япа эди. Бир тюрлю хабер-теберсиз, акъшам иштен сонъ эвге бир топар мусафир ала келе эди. Сен не япанъ яп. Софраны ненен донатсанъ донат. О сенинъ ишинъ. Эвде ягъ, эт биткен вакъытлары ола деген киби. Сен эв бикеси олсанъ эр шейнинъ чаресини тапмакъ керексинъ, весселям!

Башында бойле олмайджакъ фикирлер долангъаны ичюн озюне озю дарылды. Ашчыгъа аш пиширмек не олсун, деп фысылдады. Дерсинъ онынъ эвине бугунъ мусафир биринджи кере кельмекте. Лякин не ичюн бугунъ бу къадар далгъалана?.. Деръал буздолапны ачып, эвельден чекилип къоюлгъан къыйманы алды. Азбар бибер джыйды, бир баш лахана къопарды. Шевкъие сарма, долманы пек лезетли пиши-

ре. Рахметли Азиз, Шевкѣие мен токъ олсам да, сен пиширген сармадан дѣрт-беш дане ашамасам, озюмни токътатып оламайым, деп куле эди. Огъуулары да, бабаларына бенъзейлер. Ашкѣа пек чылчыкъ Ферат биле анасы сарма, долма пиширген куню сесини чыкъармай. Къурсагъы къабаргъандже ашай.

Аш-сувнынъ меселесини чезген сонъ Шевкѣие буздолапны кене ачты. Пенир, зейтун... О къадарлыкъ эр шей бар, гонълю тынчланды. Асувлы тургъан сары джезвени бир даа ювды, йылтыратты. Сонъ ашханеде сет устюне отурып чай ичти, кене мусафир акъкъында тюшюнди. Сонъ озъ башына йылмайды. Мен не шашмалай берем я, деди озю-озюне. Асылында Шевкѣиенинъ мусафирченлигине чокъ адамлар сукълана тургъан. О бунъа та балалыкътан алышыкъ. Яш экенде газ дегиль де, одун биле тапмакънынъ чареси олмай эди. Гъозапая якъа тургъанлар. Ягъмур ягъса гъозапаялар бир ерде сарпан шекилинде джыйшыныкълы турсалар да, ягъмур суву усть ура тюп чыкъа эди. Бар да сылакъ шейнен аджеле суретте аш пишир.

Шевкѣиенинъ анасы эр шейнинъ чаресини тез тапа тургъан. Озъбек къомшулары базан оларгъа къомшумыз Хасан аканынъ хавлиси бедарвоза, дей эдилер. Яни ким кельсе, кельсин, къапылары ачыкъ, тѣрлери бош эди. Ойле эвде оськен Шевкѣие, озюнинъ эвинде де шу тертипте кетти. Алма терегинден узакъ тюшмез, Эмир онынъ огълу дегильми?..

Бу вакъыт эвнинъ огюне машина келип токътагъан киби олды. Сонъра азбарда Атеш ачувлы, ачувлы афырды. Шевкѣие тез-тез тышкѣа чыкъты. Эмир бир къызнен

машинадан тюшти. Ана оларны къаршылап алмакъ ичюн огге юрмек истеди, лякин босагъа устюнде къатып къалды. Эмирнен ян-янаша кельмекте олгъан къызны таныды. Йырджы. Ананынъ тенине къыгылчымлар урулды. Юреги сыкъ-сыкъ чапаланды. Чырайы агъаргъаныны атта озю де дуйды. Юткъунды, кулюмсиреди. Бу вакъыт онынъ янына кельген Эмир:

— Ана, иште къаршынынъызда Мавиле. Таныш олунъыз, — деди тебессюмле.

Мавиле бир шейлер айтты. Эгиллип Шевкѣиенинъ элини опыти. Шевкѣие бекленильмеген бу корюшювден шашмалады, козь къапакаларыны сыкъ-сыкъ ойнатты. Дерсинъ мусафирге гузель бакъмакъ ичюн онъа нелердир кедер этти. Сонъра озюни эльге алды.

— Хош кельдинъ, къызым, — деди алчакъ сеснен.

Бу, эльбет, анавы санада йырмагъан дал фидан бойлу гузель къыз. Къарылгъач къанатыны анъдыргъан узун къашлары астындаки сия, эля козьлер Шевкѣиеге джиддий бакъмакъталар. Ойма дудакълар азачыкъ сыкъылгъан. Сют киби без манълайына бир топ сия сачы саркъкъан. Токъ янакълар аллангъан. Без герданында, тегиз билегинде алтын зынджырчыкълар. Устюндеки сонъ модада тикильген индже шифон антериси, дюльбер къыяфетине пек ярашкъан. Озюнинъ бою юксек олгъанына бакъмадан, йылтыравукъ аякъкъаплаы пек юксек, демек мумкюн.

Шевкѣие шимди оны бедий авескярлар йырджысына дегиль де, кино артистине бенъзетти.

— Ана, бизге эвге кирмек мумкюнми?..

Эмирнинъ сеси Шевкѣиени хаял деръясындан чекип чыкъарды. Шевкѣие абдырады:

— Багъышланъыз, эвлятларым. Кирынъыз, — деди.

Эмир Мавиленинъ элинден тутты, залгъа кирдилер. Онынъ төрүндеки масанынъ башына кечип отурдылар. Мавиле о якъкъа, бу якъкъа бакъты, кулюмсиреди. — Эмир сен акъикъий яланджы экенсинъ, — деди. Башыны терсине къакъытты. Эмир бир шей анъламагъан алда онъа элесленип бакъты.

— Не ичюн яланджы экеним? — деди.

— Акъылынъдамы, бизим эвнинъ одаларыны долангъанда, сен манъа «бизим эвимиз кучюджик, бойле эвге алышкъан къыз бизим эвге ашсыныр экенми», деп сорагъан эдинъ. Анда о кучюджик эвчик?!

Эмир авучлары ичинде Мавиленинъ элини сыкъты. Онъа дикъкъатнен бакъты.

— Сен о заман манъа, йигитинъ йигит олса, межанынъ чалы туюбу исе де, зарар этмез, деген эдинъ. Лякин шимди башкъа тюрлю айтасынъ, — деди алчакъ сеснен. Мавиленинъ къашлары котерильдилер:

— Яни?

— Яни янъы эв битмегендже той япмайджакъмыз, — дейсинъ.

Мавиле кулюмсиреди.

— Инсан буюк бир иш япкъанда, кенардан онъа насылдыр бир кучъ тесир этмек зарур. Ёкъ исе ишлер ич де юрюшмез.

— Демек сен, Аметнинъ нишанлысы, Фериде, ойле къараргъа кельдинъыз, — деди Эмир Мавиле джаны агъыргъан адам киби.

— Къарарымыз къатты...

Софада Фератнынъ шенъ сеси эшитильди.

— Бизлер кеч къалмадыкъмы, джемаат?

Джезвени соба устуне къоймакъта олгъан Шевкъие бойнуны созып софагъа бакъаркен, Ферат-

нынъ янында Гульнарны коръди. О мында биринджи кере кельмекте. Лякин Шевкъие къызны бир къач кере шеэрде, анда-мында коръген ве лаф эткен эди, яни танышлар. Шевкъие бирден озюни сыкъынтылы вазиеттен къуртулгъан киби ис этти.

Гульнар Эмир ве Мавиленинъ селямлашты ве деръал ашханеге кирди. Шевкъиенен догъмуш къызы киби къучакълашып, опюшип селямлаштылар. Джезвени онынъ элинден алды.

— Къавени мен пиширеджегим, Шевкъие апте, — деди.

Шевкъие софра къоюв азырлыгъыны башлады. Гульнар бош фильджанларны чайкъаркен:

— Софраны мен озюм къоярым. Сиз манъа консультантлыкъ япып турсанъыз етти, — деди.

Эм о ойле чабикликнен ве енгилликнен чевириле эди ки, дерсинъ, чокъ йыллыкъ теджрибеси олгъан ана-къадын. Эльбет, анасы хаста олгъан сонъ эр шейни озю япып алышкъан, деп туюшунди Шевкъие.

Залдан йылмайып чыккъан Гульнар Шевкъиеге:

— Эмир агъа биревлерни даа беклей, гъалиба. Сыджакъ ашны сонъджа таба вермемизни риджа этти, — деди сакин давушнен.

Акъикъатен де чокъкъа бармай азбаргъа Фериденен Расим келип кирдилер. Оларны Эмирнинъ озю къаршылап алды. Мусафирлер Шевкъие аптенен буюк бир урмет ве ихтирамнен селямлаштылар.

Шевкъие, эльбет, бу эки генч акъкъында Эмирден чокъ мактав сёзлери эшиткен эди. Лякин не ичюндир тасавурындаки Фериде бунъа бенъземей. О Фериде кулерюзлю, ачыкъгонъюлли, чокъ хатыргонъюль бакъмагъан, догъру сёзлю, орта бойлу, сыджакъкъанлы адий

бир къыз эди. Шевкъие апте шимди таныш олгъан, яни корюп тургъан Фериде исе джиддий, магъ-рур, киббар корюнишли, беяз черели, козьлери денгиз киби масмавы, алтын сачлы, фышкъын киби инджечик эндамлы, ильк корьген инсанда гъает кучлю теэсурат къалдыргъан дюльбер бир варлыкъ. Расим исе онынъ акси, орта бойлу, толуджа кевдели, эсмери, айдын бакъышлы, корюништен гъает мерхаметли йигит.

Оларнен танышыр экен Шевкъие апте юрегинде хошнутлыкъ, мемнюнлик ис этти, чюнки огълунынъ достлары гъает ишанчлы, темиз къальбли инсанлар олып корюдилер. Шевкъие апте, эльбет, мусафирлернинъ ал-эхвалларыны, ана-бабаларыны сорады. Бираз лакъырды этип отурды, сонъ адже ле иши олгъаныны айтып, андан чыкъмакъ истеди. Буны дуйгъан Расим:

— Сонъ Шевкъие апте, биз муаббет къомшуларнынъ къурмакъта олгъан эвлерини бегендингизми, — деп сорады тебессюмле.

Шевкъиенинъ череси бирден джиддийлешти. Мусафирлерни бир даа козьден кечирди.

— Я учюнджингиз анда? — деп сорады.

Расим мыйыкъ туюбюнден кулды:

— Аметлерми? Аметлерде бугунъ иш буюк. Оларнынъ эвинде шимди сёз кесим мерасими кетмекте, — деди.

Шевкъие апте къашларыны кותרди:

— Дарысы сизге де олсун, эвлятларым, — деди.

Фериде гизлиден Мавилеге бакъып алды, кулюмсиреди. Мавиленинъ янакълары нар киби алландылар. Расим исе Шевкъие аптеге тешеккюр бильдирди:

— Къысмет олса, учъ тойны бирден япармыз. Эмирнинъ эви ортада олгъаны ичюн, онынъ огюнден кениш бир сундурма япмакъ истеймиз. Яни учъ келин киев ве оларнынъ мусафирлери шу сундурма туюбюнде отураджакълар.

Шевкъиенинъ чересини серин, хафиф ельчик сийпап кечти.

— Яхшы ниет, яры девлет, дегенлер. Эльбет, бизлер де онъа дуаджымыз. Эвлерингизни де, озьлерингизни де пек бегендим, эвлятларым, — деди сакин давушнен. — Эвлер даа япылып битмеселер де, шимдиден биле козьге сыджакъ корюнелер. Эр шей тертипнен, низамнен япылгъан. Эвлернинъ огюндеки бетон ёлчыкълар, оларны сарып алгъан къоралар... Анда бильгили мутехассыслар иш корьгенини дуймамакъ мумкюн дегиль.

— Я оларнынъ лейхаларыны кимлер япты? Мына бу гузеллер, — Расим элинен къызларгъа ишмар этти. — Олар ойле-бойле ишни бегенмейлер. Эм ялынъыз лейхасыны япмакъ дегиль, диварларгъа эр бир толанынъ насыл къоюлгъаныны биле незареттен къачырмайлар...

— Бу эвлерни къурмакъ бизим ичюн шимди буюк бир сынав ве репетициядыр. Мында бу саада яхшы бир теджрибеге малик олгъан сонъ акъикъий эвлерни Къырымда, озь догъмуш ана-Ватанымызда къураджакъмыз, — деди Фериде къатий давушле.

— Иншалла, чокъу кетти, азы къалды, — деди Шевкъие хошнут алда.

— Бунъа бизлер эминмиз. Халкъымыз мында кельгенден берли, занымджа бир кунъ биле эль къавуштырып отурмады. Яш-къарт Къырым адыны ташыгъан, ичинде джаны, иманы олгъан эр бир инсан озюнинъ ким олгъаныны ве анда яшамакъ кереклигини бир

нефес биле унутмады. Мен эминим ки, тезден Ватанымызгъа барыр ве озюмизге лайыкълы эвлер къуарармыз, — деди Расим джиддийликнен.

Софраны эп зенлештирмекте олгъан Гульнар Фераткъа бакъып йылмайды:

— Мен тар, басыкъ, кучюджик эвлерде яшагъан инсанларнынъ тасавурлары, фикир этиюв севиелери ойле тар, сай ола деп эшиткен эдим. Занымджа о догъру айтылгъан шей. Бизим халкъымыз чокъ йыллар сюрдюликте агъыр омюр кечирсе де, эв къурув меселесинде, мында ерли халкъкъа баягъы нумюне оладжакъ ишлер япа бильдилер. Къырымгъа баргъан сонъ исе, халкъымыз ойле бир эвлер къуарлар, козюнъ коръсин — деди.

Эмир анасына бакъып йылмайды. Чюнки Гульнар дерсинъ шимди Шевкъиенинъ огулларына айткъанларыны сёзю сёзюнен текрарламакъта.

Шевкъие апте огъланлары даа осьмюр бала экенде, оларнынъ фышкъын киби котерильген бойларына бакъып къуваныр экен, теренден кокус кечире ве: «Огъулларым, сизлер балабан йигитлер олуп, институтлар битиререк, яхшы ишлерде чалышсангыз, эвля юксек, эки къатлы ярыкъ бир эв къуарармыз, атта ятакъ одалары биле, кениш, ярыкъ олурлар», — дей эди.

Озюнинъ яшагъан эвини къаранлыкъ, басыкъ деп, бегенмей тургъан.

— Алла къысмет этип Къырымгъа барсам, ойле бир эв къурайым ки, тёпесине бакъкъан адамнынъ къалпагы ерге тюшсин. Эни ве боюны адымлап чыкъкъандже эсабыны джойсын. Дюльберликте мимар-

джылыкъ санатынынъ нумюнеси олсун! Къаттан-къаткъа котерильмек ичюн эмен агъачындан ясалгъан басамакълары йылым-йылым йылтырасынлар. Юксек, дюльбер пенджерелер, оймалы къапылар... Экинджи къаттаки Багъчасарайдаки Хансарайны анъдыргъан узун софадан бакъкъанда огюнъде Къара денъиз чайкъалып турсын!.. Эвнинъ дамында Айнен Йылдыз кунеш шавлеси алтында йылтырагъанына бакъкъан козьлер къамашсынлар, — деди Эмир джиддий давушнен.

Расим къашларыны котерди. Дудакъларыны сыкъты. Достуна хошнот алда бакъты. Сонъра азачыкъ йылмайды.

— Мен бир китапта «Эгер эв къурсанъ, оны пек балабан туттырма, зарур олгъанда озъ фиатыны алып оламазсынъ», деген насиатлы сёзлерни окъугъан эдим, — деди.

— Догъру, достум, мындаки эвлеримизни сен айткъан къаиде эсасында къурмакътамыз. Чюнки эв бизимки исе де о башкъасынынъ топрагъы узеринде котерильмекте. Эль атына минген тез тюшер, дегенлер. Мен Ватанда къураджакъ эвим акъкъында айтам. Оны мен сатмакъ ичюн дегиль де, ичинде омюрлик яшамакъ ичюн — бутюн несиль эджадыма эбедий мекян оларакъ къураджагъым. Энтъ эсасы онынъ темели бизим несиль-эждатларымызнынъ ана-Ватаны Къырымнынъ топрагъы узеринде эсасландырыладжакъ. Яни манъа ве бутюн келеджек несиллериме эбедий мекян оладжакъ. О мухтешем бинанынъ кениш одалары ичинде балаларымнынъ шенъ, къуванчлы, бахтлы селери янгъырайджакълар...

Шевкъие апте огълу Эмирнинъ сёзлерини динълеркен, ичине азачыкъ оюлгъан янакълары устюнден козьяшлары тыгъырып кетке-

нини дуймай кьалды. Къолайсызланды, козьлерини явлугъынынъ уджунен сюртти.

— Алла джумлемизни ниетимизге еткисин, — деди.

## 13

Къапыдан ичери кирген Абрек Абрамович башындан шляпасыны чыкъарып, аскъычкъа асаркен, маса башында нелердир язмакъта олгъан Эмирге, къашкъыр кьойгъа бакъкъан киби бакъты. Сонъра йымшакъ аякъкъаплы балабан аякъларыны яваш-яваш, сычан тутмагъа азырлангъан мышыкъ киби басып, Эмирнинъ янына келип токътады.

— Сен Къазахыстандан мында пек мертебели инсан олып къайттынъ?.. Япкъан марузанъ ичюн андан бизге тешеккюрнаме кельди. Сен буны, эльбет, озь достларынынъ ярдымынен яптынъ. Олар сенинъ шанынъны котердилер. Асылында манъа нисбетен куреш мейданыны эп кенишлеттинъ. Сени манъа мында джан достунъ — эски директор да, пек макътады. Тешеккюрнамелер ягъдырды. Сени эр кеске нумюне оларакъ косътерди. Сенинъ исе башынъ кокке тийди. Юрегинъ ат башы киби къабарды. Пек юксек далгъа асыласынъ, амма ерге насыл тюшеджегинъни тюшюнмейсинъ. Онъа акъылынъ етмесе ярдым этермиз, козюнъни ачармыз. Мен мында бу иште сенинъ кибилерининъ беш данесининъ пыртыны элине берип ёллагъан эдим. Энди невбет санъа кельди, сен алтындыжысы оладжакъсынъ. Алла манъа ярдым эткенине бакъ. Достунъ, эски директор буюк ишке котерилип кеткен олса да, санъа ярдым этип олмаз. Энди о узакъта. Тезден мында сенинъ кольгенъ биле олмаз.

Чюнки янъы директорымыз, яхшынен яманнынъ фаркъына баргъан адам, — деди чырайыны экшиткен алда.

Къырмызы козьлерини юмып, ачты. Къалын дудакълары сыкъылдылар. Эмирнинъ янына чёкеркен, балабан, бирер фынтлыкъ киби агъыр юмрукъларыны масанынъ ортасына кьойды. Дерсинъ, Эмир агъызыны ачкъан киби олса, фынтлыкъларнынъ бириси онынъ манълайына ерлешеджек.

Эмир онъа тикленип бакъты. Чересинде бир тюрюлю кьоркъу, я да эеджанланув алямети ёкъ эди. Факъат козьлеринде языкъсынув, ынджынув ислери сезильди.

— Сиз бу къавгъалардан, фитнелерден безмедингъизми, Абрек Абрамович, — деди алчакъ давушле. — Манъа ойле келе ки, сиз гедже-кунъдюз иш дегиль де, фитнеджиликнен огърашасынъыз.

Шорбаджы хошланып кульди. Бетинде чешит чизгилер ве къатмерлер о къадар чокъ эдилер ки, ангиси кулькю, ангиси кедер олгъаныны анъламакънынъ чареси ёкъ эди. сонъ бирден джиддийлешти. Эки къашы ортасында бир тююм асыл этти.

— Мен санъа экимизге анълашылгъан рус тилинде айтам, тезден мындан деф оладжакъсынъ. Яни сен алтындыжысысынъ...

— Ёкъ, мен дегиль, атынджысы сиз озюнъиз оладжакъсынъыз, — деди Эмир ачувнен. — Фитне яткъан йылангъа бенъзей, къуйругъына бассанъ, озюнъни урар.

Масанынъ ортасындаки юмрукълар къыбырдандылар, азачыкъ котерильген киби олдылар. Сонъра басылдылар. Шорбаджы оларгъа тирелип еринден турды. Оданынъ ичи титис, чешит давушларнынъ тертипсиз садалары ичине комюлип кетти, титреди. Бу шамата не

къадар девам этти... Эмир ода ичине чёккен сукюнетликтен озюне кельди. Неге огърагъаныны бильмеди. Баш ве ишарет пармагынен къашларынынъ тюбюнден бурнунынъ дирегини сыкъты. Онъа бир досту башы пек агыргъанда бойле япмакъны огреткен эди. Дагъыныкъ мучесини зорнен топлап, аякъкъа къалкъты. Озюни аджизлик ве умютсизлик ичинде ис этти. Тышкъа чыкъты. Этрафта онъа якъын олгъан адамгъа расткельмеди. Саатине бакъты. Иш куню чокътан биткен. Башта сыкъ-сыкъ адымларнен автобус дурагъына ашыкъты. Лякин онъа якъынлашкъанда токътады. Эллерини штанынынъ джеплерине сокъты, тюшюнди. Шимди бойле корюниште эвлерине кирип барса, анасыны насыл этип тынчландыра билер. Бу агъыр тюшюнджелерден куртулмакъ ичюн о къадар буюк олмагъан шеэрчикнинъ бирден-бир раатлыкъ багъчасына догъру ёл алды. Гурь даллы тереклер аллеясында тизилип тургъан бош скемлелерден бирине отурды. Онынъ мучеси эзик, къафасы думанлы эди. Баягъы хаялсырап отурды. Сыкъынтылы муит укюм сюрмекте. Бирден озь-озюне ачувланды. Мен не ичюн бир аягъындан багълангъан къонъуз киби, о адамнынъ этрафында долана берем, я? — деп тюшюнди. Дюнъяда башкъа ер къытылыгъымы? Лякин чокъкъа бармай юрегинде бу тюшюнджелерге акс дуйгъулар исъян котердилер. О ким олгъан? Бу надан адамгъа не ичюн бу къадар сербестлик бермек керек экен? Бакъ сен, о сербестликни озюне-озю ала. Сербестлик олгъан ерде, укюмдарлыкъ догъа. Бу инсафсыз инсан укюмдаргъа чевирильди. Я мен кимим? Бир аджиз инсаныммы? О меним такъ-диримнен истегени киби ойнай-

джакъмы? Эмирнинъ ичини къара мышыкълар тырнадылар. Янъы кельген директорны да акъсыз эсап этти. Янъы ерге келир-кельмез ишнинъ асылына етмеден бир адамы джезагъа акъсыз огъратты. Ич олмадым Эмирни узурьна чагъырмакъ, онынъ иле лаф этмек керек эди. О бу ишни япмады. Баш муэндиснинъ айткъанларына инангъан алда иш тутты. Демек, вазифеси юксек олса, оны акълы сая. Абрамович оны нафиле макътамагъан экен. Экиси бир терекнинъ тамыры, бир текненинъ хамыры экен. Юреги насылдыр адсыз-эсапсыз дуйгъуларнен рыкъма-рыкъ толгъан Эмир, къаршыдан эль тутушып кельмекте олгъан йигитнен къызгъа меракънен бакъты. Теренден кокюс кечирди. Онынъ шимдики алыны Мавиле коръсе не дер экен? Ёкъ, ёкъ! О бу вазиятини не Мавилеге дуйдурыр, ве не анасына! О эр шейни озю аль этмек керек.

Эртеси куню Эмир шорбаджысыны бир ерде расткетирмеди, ондан сонъ да. Лякин уйлеге якъын директорнынъ кятиби коридор бойлап кетмекте олгъан Эмирни корьгенинен, онынъ янына кельди.

— Эмир ака, шорбаджынъызны къыдырасынъызмы? — деди йылмайгъан алда.

Эмир онъа джиддий алда бакъты:

— Эльбет, ойле. Бир къыгъыткъа имза къоймакъ зарур эди, лякин оны бир ерде тапмакънынъ чареси ёкъ, — деди Эмир лякъайдлыкънен.

Кятип онъа тюшюнджели бакъты.

— Эм тапып оламазсынъыз. Яни бираз сабыр этмек керексинъиз, — деди ве кабинетке кирип кетти.

Бу вакъыт баш муэндис озь тюшюнджелерини омюрге кечирмек-

нен мешгъуль эди. Асылында онъа пек къолай олып корюнген меселени чезмекнинъ чаресини тапалмай. Кельген кеткенни анъдыра, дегенлери будыр даа, деп тюшюнди. Бу директор эвелькисинден де инат олып чыкъты. Хораз кубре къазгъалагъан киби къазгъалана бере. Нени анълайджакъ, нени исбат этеджек экен?.. Санъа айттылармы, динъле. Бойле гонъюль раатсызлыгъыны асыл эткен тюшюнджелер Абрек Абрамовичнинъ якъасыны ялынъыз иште дегиль де, озюнинъ тынч эвинде де, раат быракъмады. Юкъусыны къачырды. Озь дегенини яптырмаса, достларынынъ янында къач капиклик инсан оладжакъ. О бойле инсаннынъ шаныны акъаретлейиджи шейлерге алышыкъ дегиль. Онынъ ишлерине биринджи оларакъ озь досту, директорнынъ муавини аякъ чалмакъта. Ахмакъ досттан акъыллы душман яхшыдыр, дегенлери киби муавиннинъ къафасы чалышмай. Догърусы онда акъайлыкъ гъуруры ёкъ. Янъы директорнынъ озюнден дегиль, кольгесинден биле къоркъа, деп тюшюнди Абрамович.

Ишангъан досту, таянчы тюневин онъа, мен беллесем Эмирге нисбеттен сен акъсызсынъ Абрек, деди. Эй сени, надан адам! Абрек онъа бу сёзлери ичюн яхшы запарта чекер эди амма, бойле аль этиджи вакъытта онынънен де тутушмакъ олмаз. Иште бу тюшюнджелер оны кене директорнынъ къабулына алып кельди. Кабинетке сокъулгъанынен башлыкънынъ къаршысына барып отурды. Бу кересинде чокъ лаф этип отурмады. Директорнынъ огюне Эмирни иштен къувмакъны конделен этип къойды:

— Эльбет, иш ойле. Мен онынъ башлыгъым. Баскъан эр бир адымыны яхшы билем. Чалышмагъа севмей. Къайда бир тедбир олса,

анда чапа. Янъылыкъларнен меракълана эмиш. Бир сёзнен айткъанда мен эндиден сонъ, онынънен бир кунъ дегиль, бир саат биле чалышмакъ истемейим, — деди.

Директор онъа джиддий тавурда бакъты.

— Сиз манъа озь фикирингизни ве тевсиенгизни айттынъыз. Мен исе итиразынъызнынъ асылыны бильмек керигим, — деди йымшакъ давушнен.

— Онынъ несини бильмек керек экен, — деп къызышты баш муэндис. — Мен мында тюневин кельмедим. Яры омюрим бу дергакъта кечти. Ким насыл чалышкъаныны, неге къадир экенини беш пармагъым киби билем. О сизинъ биринджи эмирингизге бир тюрю итиразсыз имза чекти. Яни озюнинъ къач капиклик мутехассыс олгъаныны яхшы биле.

Директор айретке кельди. Баш муэндиске джиддий бакъты. Еринден турды. О къаршысындаки субетдешинден бир баш юксек эди. Козъ къапакъларыны ашагъы эндирди. Элиндеки къалемини пармакълары иле сыкъты. Озюни тынчландырмагъа тырышкъан алда:

— Сиз мында черик асырдан берли чалыша экенсингиз, лякин бу кабинетке кирер-кормез мени кимнидир джезаламагъа меджбур эттингиз. Бунынъ себебини бильмек керегим, — деди.

Бунынънен сёзюм битти, деген киби ерине отурды. Огюндеки къагъытларны козьден кечирип башлады.

Абрек Абрамович онъа манълайы тюбюнден бакъты. Лякин бир шей айтып оламады. Еринден акъырындан турды. Къапыгъа догърулды. Аякълары дерсинъ джансызлангъанлар. Саибини динълемеге истемейлер. Лякин кетмек керек. Директор онъа энди айтаджагъыны айтты.



Эртеси куню топлашувдан сонъ директор Эмирнинъ къалмасыны риджа этти. Кабинеттен эр кес чыкъып кеткен сонъ, аякъ устюнде тургъан Эмирге отурмакъны ишмар этти. Эмир онъа тешеккюр айтып, скемлени азачыкъ огге сюрди. Башлыкъкъа, даа менден не истейсинъиз, деген киби бакъты. Директор Эмирге джиддий козь ташлады:

— Сонъ, уста, ишлер насыл? — деп сорады алчакъ даушле.

Эмир къашларыны котерди, теренден нефес алды:

— Чалышамыз, занымджа ойле шикяетлениледжек киби дегиль. Иш график эсасында кете...

Директор эсас сёзни неден башласам экен, деген киби бираз тюшонди.

— Эмир сиз озь ишинъизни бегенесинъизми? — деп сорады, озю исе бираз къолайсызлангъан киби пенджереге бакъып алды.

— Эльбет, бегенем. О меним зенаатым, аятым.

Директорнынъ эсмери чересине азачыкъ къызыллыкъ алямети орътюльди. О Эмир акъкъында онынъ зенаатдашларындан ве идаре хадимлеринден чокъ сыджакъ сёзлер эшитти. Шунунъ ичюн де иши акъкъында башкъа суаль бермеди. Кресло ичинде бир къыбырданып алды. Эмирге чырайыны сыткъан алда бакъты.

— Айса не ичюн вазифенъизни алчалткъан эмирге имза къойдынъыз. Разылыкъ бильдирдинъиз? — деп сорады итиразлы даушнен.

Эмир директоргъа тааджиПЛенген алда бакъты, юткъунды, элесленди, не айтмасыны бильмеген адам киби тюшонди, сонъра:

— Сиз мында къапыдан киреркирмез башынъызгъа беля ачмакъ истемедим. Чюнки орта бир ерден о ойле къыямет, алекет къопарыр

эди ки... Базан ... талангъандже, чалыны долан дегенлер.

Директорнынъ токъалджа сия къашлары манълайынынъ ортасынадаже котерильдилер. Эмирге текрар джиддий назарлар быракъты. Нелердир айтмагъа ниетленген киби олды, тюшонди. Сонъра еринден турды.

— Бизим арекетлеримиз ве бири-биримизге олгъан мунасебетимиз япмакъта олгъан ишке тесир этмемек керек, — деди.

Эмир онынъ сёзлерини тасдикъ эткен киби башыны саллады. Озю исе шимди анасы сыкъ-сыкъ текрарлагъан сёзлерни хатырлады:

— Бир кунъ къавгъа, дава олгъан ерден къыркъ кунъ къысмет котериле экен.

## 14

Маса бышында тюшонджели отургъан Мавиле огюндеки къагытларны кенаргъа сюрди. Диварда эп чыкъылдамакъта олгъан саатке бакъты. Уйле тенефюсине вакъыт олгъан. Этрафкъа бакъынды. Къызлар эп чалышмакъталар. ТааджиПЛенмеге шей ёкъ. Къызлар бойле алгъа алышыкълар. Башлыкъ турмагъандже ич бири еринден къыбырдамаз. Мавиле кевдесининъ агъырлыгъыны скемленинъ даянчыгъына ташлады.

— Джемаат ашханеде бугунъ бизлерни джойгъандырлар, — деди азачыкъ кулюмсиреген алда.

Хадимлер, шукюрлер олсун, деген киби бири-бирине бакъып алдылар, Чюнки олар учь кунъден берли Мавилени ялынъыз тюшонджели алда корьмекте эдилер. Лякин себебини сорамагъа кимсе джесарет этип оламады. Биле ки онъа кедер этмектен къачынгъандырлар? Эр алда ортада суаль, джевап олмады. Одадан энъ сонъунда

чыкъяаткъан яш къыз Мавилеге тебессюмле бакъты:

— Сизге самса кетирейимми, Мавиле Сейдаметовна? — деди.

Мавиле, ёкъ, деген киби башыны къакъытты.

— Сагъ ол, — деди ачыкъ чере иле.

Къыз къапыдан чыкъар-чыкъмаз о телефон аппаратына козь ташлап алды.

— Сен не ичюн суса бересинъ, — деди озъ башына лакъырды эткен алда. Эмирни коръмегенине энди эки кунъ олды. Тюневин онъа телефон этти. Эмирнинъ сеси Мавилеге хужур кельди. Себебини сорагъанда о къыскъадан:

— Пек ёрулдым, Мавилем. Иш чокъ, — деп кестирген эди. Шу кунъден берли Эмирден сес-солукъ чыгъмай. Ниает, телефон аппараты еринден къыбырданды. Сонъра сеси-седа кетти. Тюшюнджели Мавиле деръал къулакълыккъа узанды. Анда Эмирнинъ дегиль де, къадын сеси эшитильди.

— Мавиле, уйледе де чалышсынъмы не, достум? — деп сорады Фериде шенъ давуш иле.

— Ишимиз чокъ. Давранмакъ керекмиз.

— Тааджиплениледжек шей. Эмирге телефон эткен эдим, о да сенинъ киби джевап берди. Экинъиз де иш тюбюнде къалдынъызмы? Ярдымгъа достларны чагъырайыммы? — деди Фериде.

— Ярдым этип олурсынъызмы, экен? — деди Мавиле алчакъ давуш иле.

Фериде чокъ тюшюнип отурмады.

— Ёкъ. Ярдым этип оламайджакъмыз. Буны озюнъ де анълагъансынъ. Бутюн къабаат озюнъде.

— О да насыл къабаат экен?..

— Тойнынъ муддетини соза бергенинъ не? О эвлерни бу алгъа ке-

тирмек къолай шей дегиль. йигитлер ёрулды, безди, тюнъюльдилер. Не раатлыкъ, не де инсан киби бир ерге чыкъмакънынъ чареси ёкъ. Иштен бош вакъыт тапты дегендже анда чапалар. Гъариплернинъ чырайларына бакъылмай. Олар энди эвлерини азыр саялар. Сен исе даа иши чокъ деп къылына бересинъ. Сонъ Мавиле о заваллылар бизге даа не десинлер, — деди Фериде.

— Сен де ойле беллейсинъми? — Мавиле теренден кокюс кечирди.

— Ойле беллемейим. Асылында ойле. Энди оларны дегиль, бизлерни де ачувландырып башладынъ, гъалиба, — деп кульди.

Мавиле бу сёзлерге эм инанды, эм тюшюнджеге далды. Къулакълыкъ ичинде кене Фериденинъ сеси янъгъырады.

— Сонъ, Мавиле, йигитлерге козь айдын айтайыммы? Не дейсинъ?

— Манъа ойле келе, Фериде, сизлер йигитлерден де зияде ашыкъ асынъыз, гъалиба?

— Гульни вакътында узъ дегенлер. Ёкъ исе япрачыкълары тёкюлир, — деди Фериде ве шакъылдап кульди.

Япрачыкъларнынъ тёкюльмеси ялынъыз манъа багълы олса, тёкмеге тырышаджакътырым даа...

— Эльбет, достчыгъым, отургъан еринъде санъа оларнынъ гуняхы керекми? Демек, манъа оларгъа козьайдын айтмакъ мумкюн, ойлеми? — деди.

— Ашыкъма, Фериде, — деди Мавиле. — Манъа къалса бираз вакъыт керек. — Мавиленинъ сеси инамсыз эшитильмекте эди.

Эки достнынъ субети баягъы девам этсе де, Фериде Мавиленинъ сеси не ичюн кедерли олгъаныны анълап оламады. Эмирнен корюшмек къарарына кельди.

Тамам бу вакыт директорнынъ кабинетинде Абрек Абрамович кене давалашмакъта эди. Асылында директор даа эки кунъ эвельси Абрек Абрамовичнен Эмирни кабинетине чагъырып, оларнен баягъы субетлешкен эди ве субетининъ сонъунда экисине де джиддий бакъып:

— Эгер тез кунъде бир сёзге келип олмасанъыз, экинъизни де иштен къуваджагъым, — деген эди.

Абрек Абрамовичнинъ этли омузлары о вакъыт къалкъып эндилер. Джагъ сюеклери тартылдылар. Къалын къашлары арасында фындыкъ аджиминде тююм пейда олды. Къырмызы козьлери директоргъа тикленип бакътылар:

— Сиз мында энъ эсас ишни ким япкъаныны даа анълап оламагъансынъыз, — деди языкъсынган алда зеэрли тильнен.

Шимди директоргъа лянетлер ягъдырмакъ, оны наданлыкъта къабаатлап, куфюр сёзлернен акъаретлемек истеди. Лякин ёлбашчы онъа озъ еринде пек къавий инсан олып корюнди. Сусмагъа меджбур олды. Яваштан еринден турды. Къапыгъа тараф кетти. Босагъагъа якъынлашты. Кери чевирилип бакъты. Директор озъ еринде отурмакъта. Эмир исе онынъ пешинден кельмекте.

Эртеси куню ишке эрте кельген Абрек Абрамович озюни къоймагъа ер тапалмады. Кимлергедир телефон этти. Оларнен акъыл танышты. Демирни къызгъын экенде дегмек керек деди, акъылдане достларындан бири. Бу къыйметли насиатны Абрек бегенди. Асылында озю де тыпкъы бойле фикирде эди. Вуджудында тазе кучъ, джесарет пейда этти. Озюнинъ бу гъаесини бегенген, онъа иман асыл эткен

Абрек диреторнынъ кабинетине якъынлашты. Анда эки-учъ къуруджы невбет беклеп турмакъта эди. Баш муэндис оларгъа къулакъ асмады. Эминликнен элини юксек къапунынъ туткъучына узатты. Невбетте тургъанларнынъ бири деръал еринден сычрап турды:

— Багъышланъыз, биз де директорге кирмек истеймиз, — деди къатий давушнен.

Абрек Абрамович онъа серт-серт бакъты.

Меним мында ким олып чалышкъанымны бильмейсинъми, — деди ачувнен.

Къапу ачылып, андаки адам чыкъар-чыкъмаз бир шейге бакъмай, ичери сокъулды. Догъру барып директорнынъ къаршысына кечип отурды. Макъсадыны ачыкъ айтты. Директор элесленди, еринден турды:

— Бойле япмакъ ичюн менде бир тюрю эсас ёкъ! — деди къатий давушнен.

— Меним мында сизинъ адынъызгъа язылган эки дане шикъет мектюбим бар. Олар да эсас ола бильмейлерми?

— Ёкъ, оларнынъ экиси де эсасыз олып чыкътылар.

Абрек Абрамовичнинъ чырайы морарды, дудакълары къалтырадылар. Узанып маса устюнден кягъыт ве къалем алды. Къалтыравукъ элинен тез-тез бир шей язып директорнынъ огюне къойды. Башлыкъ языларны ашыкъмадан окъуды: «Манъа он беш кунъ раатлыкъ берменъизни риджа этем».

Директор баш муэндиске джиддий бакъты.

— Мен шимди онынънен бир ерде чалышып оламам. Оны корсем бедениме эшкен таша. Ич олмадым бир аз раатланайм, о ягъы сонъ белли олур, — деди Абрек сертликнен. Сагълыгъым ич де уймай.

Ондан сонъ хастахенеге ятмагъа истейим, — баш муэндис директоргъа эп уджюм этмеге тырышты.

— Абрек Абрамович, сиз асылында энди нефакъаджысынъыз, яни эмеклисинъиз. Бир ариза язанъыз етер. Истегенинъиз къадар раатлана билесинъиз, — деди директор ве онынъ огюне бир темиз къагъытнен къалем къойды.

Баш муэндис ишнинъ бунъа барып чатаджагъыны акъылына биле кетирмеген эди. Бутюн вуджудыны бир къалтыравукъ сыйпап кечти. Эль-аягъы йиберильди. Директордан афу сорамакъ истеди. Лякин тили дерсинъ танълайына япышып къалгъан. Хаялсырады, сусты. Не япмалы? Афу сорамакъ керек! Бойле къйметли мутехассысны иштен къо-

лай-къолай бошатмакъ мумкюнми. Тюшюнди, башыны котерди.

— Я мени иштен бошатмакъ ичюн эсасынъыз бармы, директор аркъадаш? — деди гъает къасеветли даушнен.

Нелердир язмакъта олгъан директор токътады. Субетдешине тааджиПЛенген алда бакъты:

— Сизни иштен бошаткъан адам ёкъ. Ресмий оларакъ акълы раатлыккъкъа озгъараджакъмыз. Сиз бунъа бир тамам акълысынъыз...

Абрек Абрамович къайнакъ сув ичинде къалды. Тюшюнди. Лякин энди онъа бир тюрлю арекет ярдым этмейджегини яхшы анълады. Сонъки пешман, башкъа душман, кабинетни терк этмеге меджбур олды.

*(Девами бар)*

## СУДАКЪЛЫЛАР

Судакълылар эвель-эзель ог сырада олгъанлар,  
Къаерде бир оджакъ сёнсе, барып оны якъкъанлар.  
Джесаретли огълан-къызлар чыккъъан къадим Судакътан,  
Судакълылар къоркъмагъанлар не сувукъ, не сыджакътан.

Судакълылар бугунь кене ог сырада адымлай,  
«Ватан» дие, «миллет» дие, гедже-куньдюз чапкъалай.  
Судакълылар къартал киби даим азыр учмагъа,  
Керек куньде бир къалмайып мейданларгъа чыккъмагъа.

Мустафа, сен судакълысынъ, Рефат Чубар судакълы,  
Сизни сыфыр сайгъанларнынъ ич де ёкътыр акъылы.  
Экинъиз де судакълысыз, сёндюрменъиз атешни,  
Янъы кучънен гурьлетинъиз шанлы миллий курешни.

Тапылмасын «Судакълылар теслим олды» дегенлер,  
Бошамасын, къавий турсын элинъизде югенлер.  
Номан киби йигитлерден орьнек алып адымланъ,  
Ватан, деген зарур ишни ич ярынгъа къалдырманъ.

Тек къалкъ, денъиз, Судакъ азыр, миллет ичюн янмагъа,  
Ватанымыз Къырым ичюн гедже-куньдюз чапмагъа.  
Судакълылар «бездик» дие чекильселер кенаргъа,  
Билинъиз ки, ярын-бир кунь оладжакълар масхара.

Бугунь миллетнинъ дюмени судакълылар элинде,  
Арзу толу арабаны еткизейик ерине.  
Сонъ-сонъунда судакълылар къабаатлы олмасын,  
Эждатларнынъ сачкъан гулю эбедиен солмасын.

Мустафа, сен судакълысынъ, Рефат Чубар судакълы,  
Сизни сыфыр сайгъанларнынъ ич де ёкътыр акъылы.  
Ант этинъиз, сёз беринъиз миллет ичюн ольмеге,  
Номан киби халкъымызнынъ козьяшыны сильмеге.

### ЯЗНЫНЪ СОНЪУ...

Язнынъ сонъу, бошай Судакъ, бошай Ялта,  
Лякин юрегим бошамай къасеветтен.  
Белим къырылды чадырда ята-ята,  
Тура-тура джаным чыкъаджакъ пикетте.

Ана-топрагъыма саип оламайым.  
Кельмешеклер: олмасын! — деп къутуралар.  
Халкъым, сенинъ сабырынъны анъламайым,  
Анъламайым, къайда турналар учалар.

Язнынъ сонъу, бошай денъиз, бошай ялы,  
Бошамай тек юрегимнинъ агърылары.  
Къыйнай мени миллетимнинъ мушкюль алы,  
Яна атеш, ёкъ эте эп къырымларны.

Язнынъ сонъу, бошай базар, ёллар бошай,  
Эксильмей тек къырымларнынъ къасевети.  
Кельмешеклер турмай мени талай, талай,  
Файда бермей Ющенконынъ дедиклери.

Язнынъ сонъу, бельки даа юз бинъ кере  
Келир-кечер, бошар Судакъ, Ялта бошар.  
Бошамасын, толу турсын, манъа коре,  
Тек къырымлар гъам-къайгъыдан бошасынлар.

Тек къырымлар гъам-къайгъыдан бошасынлар,  
Барсын толу турсын Ялта, Судакъ, Кефе.  
Кельмешеклер озъарасы чарпышсынлар,  
Тек тиймесин олар олю ве тириме.

Къырымсыз мен кимим? Менсиз не Къырым?  
Ёкъ меним темелим, дагъ, денъиз, чёлком.  
Ёкъ меним миллетим, ёкъ меним коюм,  
Къырымны джоймакъ мен ичюн олюм.

Къырымсыз мен кимим? Тамырсыз къамгъакъ,  
Балкъурт сепетинде бош къалгъан солакъ.  
Мен кимим Къырымсыз? Менсиз не Къырым?  
Ёкъ меним темелим, ёкъ меним йырым.

Къырым бар — мен барым, Къырым ёкъ — мен ёкъ,  
Тюфеклер ичинде ерлешкен бош окъ.  
Къырым, деп яшайым, Къырым, деп янам.  
Къалса да сюргюнде бабамнен анам.

Къырым, деп козьлерим къурумай яштан,  
Дерсинъ ки, халкъымнынъ юреги таштан.  
Дерсинъ ки, биз ичюн догъмайджакъ кунеш,  
Бинъ девам этсе де, бу миллий куреш.

Бугунъ биз тирельдик демирге, ташкъа,  
Чаресин тапмаймыз, бир тюрлю башкъа.  
Йыл-йылдан эп Ватан дуйгъусы сёне,  
Ана-Юрт багърында къырымлар оле.

Эй, азиз миллетим, башынъны котер!  
Давранмай иш тутсакъ, оджакълар сёнер.  
Сонъ Къырым олса да, сен миллет дегиль,  
Биль, анъла, дюньягъа олурсынъ зелиль.

Биль, анъла, Къырымсыз сен къырым дегиль,  
Кетирип олмазсынъ салмакълы делиль.  
Къырымсыз биз киммиз, бизсиз не Къырым?  
Ёкъ олур адымыз, ёкъ олур йырым.

## ОХ ОЛДЫ

Коммунистлер ель сачып, огърадылар борангъа,  
Инджилъ, Къуранны басып, дёндилер бир шейтангъа.  
СССР деген девлет парча-кесек ёкъ олды,  
Коммунист партиясы зугюрт, масхара олды.  
КПСС деген фиркъа, не къувет, не кучъ энди,  
Атта булгъарлар биле, деди онъа: «Ох олды».

**ОЛАМАЗ**

Тениминъ эр ери Къырым,  
Къанымнынъ эр тамчысы.  
Мени ёкъ этип оламаз  
Шовинистлер къамчысы.

Мени ёкъ этип оламаз,  
Мен миллетим, мен къырым.  
Эр миллетте олгъаныдай,  
Бар байрагъым, бар гимним.

Алла-Таала изин бермез,  
Озь эвлядын джойдыртмаз.

Насыл пис чиркеф тѣкменъиз,  
Раббим сизни тоурмаз.

Мен миллетим, мен къырымым,  
Мен барым, мен оладжам.  
Раббим берген бу топракъта  
Мен эбедий къаладжам.

Тениминъ эр ери Къырым,  
Къанымнынъ эр тамчысы.  
Мени ёкъ этип оламаз  
Шовинистлер къамчысы.

**ЭСИМИЗНИ ДЖОЙМАЙЫКЪ**

Дюнъя насыл къарышмасын, эсимизни джоймайыкъ.  
Первасызлыкъ дерьясына, сакът олайыкъ, чоммайыкъ.  
Биз риает эталмаймыз, Алланынъ айткъанына,  
Джин, шейтанны енгалмаймыз чыкъып бол мейданына.

Буллюр сувнен абдест алып, динимизни кутъмесек,  
Джамиге бир къалмай барып, намаз, дуа этмесек.  
Багъ-багъчалар, азбарымыз, бааръде де ешермез.  
Ватанпервер несилимиз джан-юректен севинмез.

Барсын, парча-кесек олсун, халкъны эзген кучъ-къувет,  
Кунеш — кунеш, ай — ай олсун, олип кетсин мусибет.  
Дюнъя насыл къарышмасын, эсимизни джоймайыкъ,  
Сакът олайыкъ, первасызлыкъ дерьясына чоммайыкъ.

**НАСЫЛ ОЛМАСЫН**

Чокъу кетти, азы къалды, бугунъ, ярын  
Кечмишинъни истер унут, истер сагъын.  
Элли олды, олды алтмыш, кельди етмиш.  
Сексен де етип келеджек бугунъ, ярын.

Бугунъ, ярын келе бере, токътав ёкътыр,  
Чокъу кете, азы къала, козьлер сокъур.  
Айлар кече, йылар кече, къартлыкъ баса,  
Керек олмай къала санъа дюнъя асла.

Чокъу кетти, азы къалды, бугунъ, ярын,  
Мен олмайджам, сен олмайджанъ, о кетеджек.  
Сен океден истер патла, истер ярыл,  
Омюр сени о къапкъангъа тюшюреджек.



## ОЛАМАЙ

245

НАЗМ

Тилимни къртур ашай, гъарез ят къртуру,  
Мен ичюн гедже ве кунъдюз ёкъ юкбу.  
Юртумны тоймаз къртур бийлейип алды,  
Мен ичюн тардан-тар сокъачыкъ кълалды.

Шай кетсе, мен тезден дёнеджем рускъа,  
Миллетим оледжек! Патлайджакъ пуска.  
Сонъ манъа керекми дагъларым, чёлум,  
Шеэрлер ят тильде, ят тильде коюм.

Ят мени кемирип, семирди, шишти,  
Ят ойле алышкъан, ят ойле пишти.  
Тамыры шай ятнынъ, эджадады ойле,  
О зарар кетире эр къонгъан ерге.

О, хынзыр алышкъан хынзырлыкъ япып,  
Сагъ, солгъа анасын, бабасын сатып.  
О мени эки юз йылдан чокъ уруп,  
Оламай, оламай, оламай ютуп.

## КЪАБААТЛАВ

Икяе

1.

Севи́ль иш кягъытларыны кенаргъа сюрип, хайлы вакъыт кыбырдамай отурды, сонъ турып ода ичинде адымлады. Юкъусызлыкътан козьлери юмула эди. Одасы къарма-къарышыкъ, дивардаки китап рафы мыкъларындан къуртулып, ерге тюшкен, онынъ устюндеки чечек череплери де авдарылгъанлар. Китаплар шимди пендже-реде обаланып яталар, устьлерини тоз баскъан. О исе эвде низамсызлыкъны ич севмей. «Эр шейни тертипке къоймакъ керек, ишке комюльдим деп де, озюньни бойле йиберебермек олмаз», — деди о озюне ве ашханеге кирди. Атешни якъып, джезвени онынъ устюне къойды, къаве пиширди ве ашыкъмай кейфнен, сюзип ичти. «Энди бутюн гедже чалышмакъ мумкюн», — деди о аякъкъа къалкъып.

Кеченлерде саба ишке баргъанынен кимдир яваштан онынъ къапысыны къакъты.

— Кири́нъиз, — деди Севи́ль кягъытларыны кенаргъа сюрип. Одагъа орта бойлу къадын кирди. Кримплен антерининъ устюнде къаверенки орьме кофта, йылтыравукъ кыйыгынынъ кенарындан чаларып башлагъан сачлары корюне.

— Селя́м алейку́м, — деди къадын башыны азчыкъ къакъытып ве джуратсыз алда къапы янында токъталып къалды.

— Алейку́м селя́м. Кечинъиз бу якъкъа, отурынъыз, — деди Севи́ль

незакетле скемлени косьтерип. Лякин къадын кыбырдамай эп къапы янында тура эди.

— Ёкъ, ёкъ, кечинъиз мында, къапы янында турмакъ олмаз, — деди о текрар къадынгъа мураджат этип. О, къадыннынъ юзюне бакъты, онынъ недендир теляшлангъаныны ве ярдымгъа мухтадж олгъаныны анълады.

Къадын кечип отурды, чокъ чалышкъан эллерини тизлери устюне къойды.

— Мен сизге, билесинъизми, насыл ишнен...

— Мен сизни динълейим, айтынъыз.

— Мен... меним огълума... Къадын озюни тутаджакъ олып тырышса да, сеси къалтырап, онынъ эеджаныны дуйдырды. О, кофтасынынъ джебинден явлугъыны чыкъарды, озюни тынчландырмакъ истеп, оны авучы ичинде томарлады, - беш йыл бердилер. Тюневин прокуратурада олдым, меним огълумнынъ ишини тефтиш иле сиз мешгъуль олгъанынъызны айттылар. Риджа этемиз сизге, ишни айдынлатмагъа ярдым этинъиз, Рефатнынъ къабааты ёкъ, анълайсынъызмы, о къабаатлы дегиль, — деп битирди къадын сёзюни умют толу давуш иле.

Севи́ль анджакъ бу ишнен мешгъуль эди. Махкеме къабаатлы деп эсап эткен огъланнынъ анасы тарафындан бильдирильген къаршылыкълы риджагъа бинаэн, кунъ эвельден япылгъан тешкерюв материалларыны, къабаатлынынъ, шаат-

ларнынъ айткъанларыны ве прокурорнынъ фикирини — эписини этрафлыджа талиль эткен сонъ джи-най ишни янъыдан тешкерювге ёлламакъ лязим деген къарар чыкъарды. Иште, огълунынъ къабааты олмагъанына иманы къавий олгъан къадын шимди онынъ узуринда. Ондан исе тефтишчи оларакъ ишнинъ алай тарафларыны терен огренип, айдынлатып, догъру къарар чыкъармакъ талап олуна: къабаатлымы, къабаатсызмы?..

## 2.

Севиль ачыкъ пенджере огюнде отура. Тышарыда, эр шей озъ табиий къанунлары иле яшамакъта. Прокуратура янында балалар багъчасы бар, андан ич бир шейден зоры олмагъан балаларнынъ шенъ сеслери эшитиле. Къувурчыкъ сачлы огъланчыкъ машинасына къум толдырып алып кететкъанда, сачлары къырмызы лентанен багълангъан къызчыкънынъ къургъан эчигине токъунып, оны бозды. Къызчыкъ башыны ашагъы алып, агъламагъа башлады. Огъланчыкъ озъ къабаатыны танып, къызчыкънынъ янына барайыммы, бармайыммы деп, шашкъын алда бакъып тура. Севиль оларгъа бакъа, лякин мийинде: «Йигит ойле де агъызыны ачмай отураджакъмы, аджеба, мен оны шай да ачыкъ лакъырдыгъа меджбур этип оламайджакъыммы?» деген фикирлер долана. «Ёкъ, менде бунъа ич шубе олмалымы, — деп ойланды. Сонъ бирден: «Салкъын олды, гъалиба», — деди ве пенджерени къапатты, ода-нынъ ичине чевирильди: онынъ къаршысындаки скемледе башыны тобен алгъан алда алчаракъ бойлу йигит отура эди.

— Рефат, — деди Севиль онъа мураджаат этип, — ананънынъ ши-

кяетине банаэн сенинъ ишинъ махкемеде янъыдан бакъыладжакъ. Биринджи кере иш сонъунадже ве кереги киби тешкерилип, огренильмеген деп эсап этильди. Сен озюнъни эльге ал, фикирлеринъни топла ве олып кечкен вакъианы тафсилатлы суретте, олгъаны киби икяе этмеге тырыш. — Севиль, озюнинъ масасы башына кечеткъанда шунъа дикъкъат этти ки, йигит озюнинъ ири къолларыны къайда къоймагъа бильмей, озю исе скемле устюнде омузларыны ашагъы эндирген алда къамбурайып отура.

— Мен... Бутюн къабаат менде. Онынъ эляк олувында мен къабаатлым. Оны кездирмеге алып кетювде мен къабаатлым, ве манъа бир шей, ич бир шей керекмей. Эшитесингъизми, керекмей, Мен бунынъ ичюн джезаландым.

— Тынчлан, Рефат. Риджа этем, озюнъни эльге ал. Бойле олмаз. Махкемеге эсаслы, акъикъий фактлар керек. Сен бизге ярдым этмек борджлусынъ. Багъышла, мен суаллернен сени раатсызлайым. Лякин, шай керек. Бу зарур, англайсынъмы?

Одада бир къач дакъикъа сукюнет укюм сюрди.

— Сени соргъугъа биринджи кере июль 30-да чагъырдылармы?

— Эбет, — деп Рефат башыны саллады.

— Соргъуда сен мотоциклетни трактор къакъмады, о озю авдарылды, дегенсинъ, ойлеми?

— Ёкъ, ойле дегиль.

— Шай олса, не ичюн сен янълыш делиллер бердинъ?

— Олар, мотоциклетни трактор къакъты, дегениме разы олмадылар, инанмадылар. Манъа исе эписи бир, не олса оладжакъ деп тюшондим.

— Соргъу вакътында кимлер бар

эди, Рефат, хатырлап оласынгъмы? Бу пек муим.

— Соргъуда район милиция болюги башынынъ муавини Салиев, такъикъатчы Исмаилов ве бир милиция хадими даа бар эди. Онынъ сой адыны унуттым. Манъа эписи бир эди, — деди Рефат даушыны котерип. — Булар сизге неге керек я? Мен озъ джезамны алдым. Менден даа не истейсинъиз?! — О, биринджи кере башыны котерди, онынъ гуръ кирпичкери астындан Севильге къаверенки козьлер тикильдилер. Оларда насылдыр сергеклик ве ишанчсызлыкъ къатып къалгъан.

Бу козьлерден Севиль шуны анълады ки, йигит онъа ишанмай, бу вазиетте онынъ талийини денъиштирмек ичюн бир де-бир шей япабиледжегине ишанмай. Севиль озюнинъ кычырып йиберегини дуймай къалды.

— Неге керек дегенинъ не?! — деди о иддетли даушнен. — Мен акъикъатны бильмек истейим. Шу мешъум геджеде не олгъаныны, вакъианынъ там асылыны бильмек истейим, — деди о къатиетле ве йигитке бакъмайып, гуя озъ-озюнен сёйленди. — Индемейсинъ я? Индеме, сус. Бойле уйгъунджа эльбет. Оны анъламагъан, онъа инанмагъан экенлер. Джаныны агъырткъанлар. «Ишни озюнъиз янълыш алып баргъансынъыз, озюнъиз де тюзетинъиз, насыл тюзетсенъиз тюзетинъиз. Я мен? Мен исе сусып отураджам».

Севиль озюнинъ келиши гузель лакъырды эткенини анълай, лякин озюни идаре этип оламай. Ёкъ, не ичюндир, бугунъ иши юрьмей, «саба онъ аягынен турмадымы не?». Онынъ хатиринде, бала экенде къартанасы эр вакъыт: «Балам, саба онъ аягынынънен турсанъ, ишинъ онъ келир» дей тургъан. Бу

сёзлерни о вакъытта унутмайджакъ олып пек тырыша эди. «Ах меним битам, бугунъ мен сол аягъымнен турдым, гъалиба».

Севиль йигитни ачыкъ лакъырдыгъа джелъп этип оламайджагъыны анълады. Огъланда озюне ишанч догъурмакъ ичюн ёл тапалмай, онынъ рухий йипининъ уджуны тапып оламай. Энди Севильден козюни алмагъан огълан онынъ рухий эеджаныны, къарардан зияде асабийлешкенини сизди ве озъ-озюнден: — Сизге не олды, озюнъизни фена дуясынъызмы? — деп сорагъаныны сезмей къалды.

— Манъа? Ёкъ, зарар ёкъ. Шай, бираз ёрулсам керек, — деди Севиль ве гуя бир къабаат ишлеген киби, енгильден кулюмсиреди. — Рефат, сен меним суаллеримден, лакъырдымдан ёрулгъандырсынъ. Бар, раатлан. Бугунъге етер.

Рефат еринден турды ве къапыгъа догърулды. Токътады.

— Сиз меним чалышкъан еримде олдынъызмы?

— Ёкъ, олмадым. Бу кунълерде бараджагъым. Бир шей айтмакъ истейсинъми?

— Ёкъ.

— Сен бир шей айтмакъ истединъ, гъалиба...

— Ёкъ. Озюм шай... — деди о ве тюшкюн, кедерли алда одадан чыккып, къапыны къапатты.

### 3.

Апсхане одасынынъ ичи яры къаранлыкъ, о, тумбочка устюнден сигаретини алып якъты. Юрегинде насылдыр телаш, дургъунсызлыкъ сизди. Онынъ къапалгъаны энди бир йылдан зияде олды, ама бутюн бу вакъыт ичинде аля даа озюни тынчландырып оламады. Иште бутюн къуветини къойып, терлегендже озюни аджымай чалы-

ша, лякин кергин эмек биле оны шу к'асеветли фикирлерден арындырмай. О фикирлер оны бир дак'к'а биле бош к'алдырмайлар. Бир аз унутайым десе, кене олып кечкен вак'иалар козьлери огюнде джанлана... «Г'айрыдан махкеме оладжак', бундан не ден'ише биле, аджеба? Бир йылдан зияде вак'ыт кечти. Чок'усы шейлернин' устю орьтюльди. Ёк', энди бир шей япмак' мумкюн дегиль. Эр алда, о озюнин' к'асеветини, дертлерини ялын'ыз Севиль Бекировнаг'а айта биле эди, лякин сорг'у вак'тында, нечюндир, он'а да аг'ызыны ачмады. Бунын'ле к'адынны да ынджытты, г'алиба. Ама к'адын он'а эйилик япаджак'к'а бен'зей». Севильден эвельки так'ик'ятчыларнын' эписине о озь иш вазифелерини формаль суретте беджерген серт, к'аба бир хызмет адамлары деп бак'а эди. Оларнын' сорг'у вак'тында атта бак'ышлары ве чырайлары бирдайын фарк'сыз ола эди. «Я не, санг'а хошнутлык'ле бак'сынлармы, не к'олай шей, оларнын' элинден кун'де сенин' киби ве даа чешит онларнен киши кечкендир», деп кулюмсиреди Рефат озь-озюне. О, Севиль Бекировнанын' саделигини бегенди, к'адын озь ишини севе, огюнде тург'ан ве к'абаатлы сайылг'ан адамг'а биле хош мунасебетте булунып, он'а нисбетен самимиетлик косьтере. «Ойле исе мен не ичюн сустым? Бельки онын' так'ик'ятчы, меним исе махкемеге укюм олунг'аным ичюндир? Бельки де».

Бундан да башк'а он'а асыл оны аджыг'анлары, к'абаатсыз танымаг'а тырышк'анлары ич керек дегиль, о озюне лййк' джезаны булды. О, кровать устюне созулды: «Васфие, Васфие, не к'адар яшлай кеттин' сен бу дюньядан! Азиз, эля

козлю Васфие» — онын' бог'азына недир келип тык'ылды, окюрип аг'ламак' истеди, лякин козьлери к'уру эди. Онын' ичи-баг'ры к'атып, бузлап к'алг'ан киби олды. Бутюн вак'иа дерсин' даа тюневин олг'ан киби. Олар Тарханг'а кеттилер. Устюндеки к'оюмавы антери ве беяз як'ачыг'ы иле Васфие мектеп талebesини ан'дырмак'та эди. О, озюни ич тынчландырып оламай, чюнки чок'тан берли беслеп кельген азиз хаялына, Лермонтовнын' ватаныны зиярет этмек истегенине наиль олмак'та. Олар музей-эвден чык'ып, баг'чаг'а дог'рулдылар. Анда кеткен учь ёлчык'нын' биринден юрип, гурь ачк'ан эрылг'ан терекли, ак'ча аг'ачлы, акациялы аллеядан кечип, Орта баг'чадан оттилер ве буюктен-буюк эмен тереги янына келип чык'тылар. Эмен юксек демир чабак'лар иле к'ораланг'ан.

— Рефат, билесинг'ми, бу терекни бала экенде Лермонтовнын' озю отуртк'ан, — деди Васфие талг'ын сеснен. — Васфие, гуя тылсым тесири алтын'да к'алг'ан киби, эменге бак'ып тура. К'авий, юксек, гурь терек озюнин' к'алын далларыны джайдырып, азаматлык' ве маг'рурлык' сак'лап турмак'та. Тек серин ельчик онын' назик япрак'ларыны к'ыбырдатмак'та. — Бу эмен озь омюринде, ким бильсин, не к'адар шей корьгендир. К'ара козлю, ачык' бак'ышлы осьмюр Лермонтов мында чапк'алап ойнап юрьгендир.

Васфие чабак'лы к'ора янын'даки скемлечикке отурды ве тюшюнджеге далды. Сон' еринден турып, тар кечит бою тереклернин' эгильген даллары тюбинден огге юре берди. Бойле сакин, тынч кошелерде ялын'ыз кендин' олмак', талг'андже юрип, бир вак'ытта Лермонтов нефес алг'ан аванен коксюнг'

ни толдырып нефес алмакъ истейсинъ. О, бирден тереклернинъ талдасында, гурь япракълар арасында нидже юксек аячыгъы устуне сыранен уфачыкъ чангъыкълар тизили алда сыйыкълып тургъан чечекни эсledi.

— Рефат, Рефат, бакъса, пейгъамбер дѣгмеси! Бакъса бу муджизеге! — деди о ве чечекке эгильди. — Вай Аллам, не де аджайип къокъу! Буны ич бир дигер къокъунен къарыштырмакъ мумкюн дегиль, сезесинъми?!

— Эбет, — о Васфиенинъ янына барды, омузларындан къучакълап, онъа сыйыкълты. Инджечик, назик пейгъамбер дѣгмеси энди тааджипле оларгъа бакъмакъта эди.

— Эшитесинъми, Васфие, бойле аджайип кезинтиден эвге къайтып баргъан сонъ озъ ниетимизни мытлакъа ана-бабаларымызгъа сѣйлермиз. «Иште бойле, мына биз бир-биримизсиз яшап оламаймыз, эвленмек истеймиз», — деди Рефат эеджанле. — Азиз анамнынъ козьлерини, къуванчлы бакъышыны тасавур этем! Я сенинъкилер бу меселеге насыл бакъарлар?

— Менимкилер? Асыл бильмейим. Анам разылыкъ бильдирир, индемез беллейим. Бадам исе сертче адам, о сени корьмек истер. Эр шейни сорап билир: къайда догъдынъ, ананъ-бабанъ не ерлилер, кимлерден олалар, озюнъ не иле мешгъульсинъ ве иляхре. Тек бундан сонъ бир къараргъа келир: къызыны къоджагъа береджекми, бермейджекми? — Васфие бу сѣзлерни айтыр экен, юзюнде тюшюнджели тебессюм пейда олды ве о бирден лакъырдыны денъиштирди. — Рефат, мен кеченлерде худжур бир тюш корьдим. Тасавур этесинъми, теренден-терен чукъур, мен исе нечюндир, шу чукъурнынъ ичине йыкълылып кеттим, учам ве къы-

чырам, сен исе шу ерде турасынъ да, мени къуртарып оламайсынъ. Худжур тюш, догърумы?

— Тюш даа шу, Васфие, тюшюнде не олса коресинъ, эмиет берме, — деди Рефат ве онынъ кейфи бозулаяткъаныны корип, тынчландырмагъа тырышты.

— Мен тюшлерге инанам, — деди Васфие къатиетле. — Тюшюнде корьгенинъ чыкъа экен, буны илим де тасдикълай эмиш, бу хусуста якъында бир китапта окъудым. Яхшы, буны вазгечейик, анълаштыкъмы, ондан башкъа адам бир тюрю ола. — Васфие хош кулюмсиреди.

Васфиенинъ о вакъытта: «корьген тюшинъ чыкъа экен, буны илим де тасдикълай эмиш», дегенине о инанмагъан эди. Шимди исе бу аятта тасдыкъ олунгъан акъикъат эди, яхут такъдир мусибети оларны озъ панджасына алды. Рефат козьлерини юмып, башыны ястыккъа комъди, козьлеринден ийип чыккъан ири козь яшлары янагъыны сылатты. Я барып да оны къабаатсыз танысалар? Сонъ Мерьем аптенинъ козьлерине насыл бакъаджакъ, онъа не айтаджакъ?

Рефатнынъ хатиринде, сачлары чаларгъан, апансыздан башына тюшкен фелякеттен, яныкълтан азгъан-тозгъан, чырайы къачкъан Мерьем апте махкемеде зайыф, къалтыравукъ сеснен судьягъа мураджаат этип:

— Мен пек риджа этем, оны къатты джезаламангъыз, — деди, — не япайыкъ ойле олгъан. Оны къатты джезалагъандан бир шей денъишмез. Меним Васфиемни, меним джаным-джигеримни кимсе къайтарып оламаз...

Ёкъ, агъламагъа онынъ меджалы къалмагъан. Козьлери къуругъан, тек сабыры еткейди. — Ах, Аллам, не къадар адалетсизлик япты бу

такъдир баламны къара ерге кьойып, — о сёзлерини айтып битирамады, такъаттан кесильген алда скемле устуне чёкти. Мустафа агъа, Васфиенинъ бабасы, оны омузларындан къучакълады.

— Олды, Меръем, олды, — деди. Онынъ отуз йылдан берли машинанынъ дюменини къавий тутып кельген ири, берчли эллери шимди чаресиз эдилер. О, яныкътан зайыфлагъан бу назик къадынны, эр вакъыттаки киби къасеветтен къорчаламакъ, онъа теселли бермек истей ама, бугунъде оларнынъ яныгъы акърансыз, теселлисиздир. Рефат башыны котерип оламады, онынъ бутюн беденини насылдыр эскендже сыкъмакъта, тежран къыбырдайым десе, чыдамсыз агърылар пейда ола, гуя бедени насылдыр учурымгъа ёкъ олып кеткен киби келе, тек анъы чалыша ве онъа ачыкъ-айдын озь укюмини текрарлай:

— Сен эр шейде къабаатлысынъ, сен! Сени ич акъламакъ мумкюн дегиль...

#### 4.

Кузь. Япракълар озь пытакъларынен сагълыкълашыр киби, айланып-уюрилип ерге тюшелер. Ёлларда, къалдырымларда, тёшеллип яткъан сары, къонъур, къоюкъырмазы, портакъал тюс япракълар гуя чаресизленип, оксюз алда ерден озьлерине имдат къыдыралар. Айны вакъытта олар, адети узре,этрафкъа аджайип ренк берелер. Севиль йылнынъ бу мевсимини, онынъ хусусий дюльберлигини, табиий тынчлыгъыны севе эди. О, акърансыз кузь манзарасына сукъланаракъ, канал боюндан ашыкъмай кетмекте. О, эки къатлы энергия теминаты идареси янына кельгенини дуймай къалды.

Невбетчиден идаре башлыгъыны насыл тапмакъ мумкюнлигини сорап бильди ве тар аят бойлап кетип, «Идаре башлыгъы» деп язылы къапы огюнде токъталды. Къапыны ачты.

— Мумкюнми?

— Мумкюн, киринъиз, — деди маса башында отургъан орта яшлы, тазе черели адам еринден турып ве Севильни къаршылап алды. Дюльбер къаснакълы козьлюк ичинден ири къара козьлер онъа тааджипнен тикильдилер.

— Исаев, Аким Тимурович, — деп киши онъа элини узатты.

Севильнинъ бекленильмеген келюви бу адамны тааджиплендирсе керек, чюнки о шу алда бир къач сание къыбырдамай къатып къалды. Севиль озюнинъ бир кереден бойле къатиетле кирип кельгенинден озюни бираз къолайсыз алда ис этти ве о да кабинетнинъ ортасында бир анъ токъталып къалды ве:

— Аметова Севиль Бекировна, — деп озюни танытты.

— Отурынъыз, — деди башлыкъ незакетле.

— Аким Тимурович, манъа сизинъ ярдымынъыз керек.

— Мен сизни динълейим.

— Хатиринъизде олса керек, сизинъ идаренъизде электрикчи Рефат Умеров чалыша эди.

— Эбет, хатиримде, билем.

— Бильсенъиз керек, о шимди бастырыкъта, бир йылдан берли джеза чекмекте.

— Акъылымда, гъалиба насылдыр бир къызнен берабер мотоциклетнен кеткенде тракторгъа барып урулгъанлар... Онъа беш йыл бердилер, гъалиба.

— Меселе шунда ки, Аким Тимурович, олар урулгъанлар дегиль де, аксине, трактор оларны къакъкъан олса керек. Лякин шимдилик бу даа меним шахсий тахминий

фикирим, — деди Севиль кедерли даушнен. — Аким Тимурович, сиз айтып оламазсынъызмы, Рефат иште насыл эди, озюни насыл тута эди?

— Билесинъызми, онынъ хусусында ич бир тюрлю фена фикир айтмакъ мумкюн дегиль ве махкемеге де тюшкени биринджи кередир. Он дёрт яшыннан берли чалыша. Даа не айтмакъ мумкюн? Дефаларджа мукаяфатлар иле къайд этильди, ресими даима «Шурет тахтасы»нда турды, къач керелер Фахрий ярлыкъларнен такъдирленди. Иште бойле, — деди Исаев эллери-ни джайдырып. Сонъ иляве этти: — Гузель огълан эди.

— Аким Тимурович, Умеровнынъ анасы тарафындан шикяет эсасында онынъ иши янъыдан тешкерильмекте, гъайрыдан махкеме оладжакъ. Сизге топлашув яшып, ишчи ве хадимлернен берабер къабаатлав ишини музакере этмек керек олур. Бу, джиддий иш, йигит бефтан къабаатлангъангъа ошай. Эбет, махкемеде мытлакъа, сизинъ векиллеринъиз де олмакъ керек. Эгер сиз ляйыкъ танысанъыз, махкемеге Умеров хусусында тафсилятлы ресмий характеристика да берсенъиз яхшы олур эди.

Исаев кятиб къызгъа риджа этип, идаре профсоюз комитетининъ реиси Сергееваны чагъыртты.

— Таныш олунъыз, бизим профком реисимиз Валентина Григорьевна Сергеева. Бу къыз прокуратурадан: Севиль Бекировна, — деди Исаев оларны таныштырып. — Севиль Бекировна эвельде бизде чалышкъан Рефат Умеровнен меракълана.

— Умеровнен? Я о къапавлы да, — деди Сергеева айретленип. — Билесинъызми, яхшы йигит эди, — деди о Севильге чевирилип. — Лякин къазагъа къалды. Хатиримде,

о вакъытта профсоюз топлашувны кечирген эдик...

— Не, топлашувда огълангъа ярдым къолуны узаткъан бир адам тапылмадымы? Озюнъиз шимди яхшы йигит эди дединъиз де. Махкемеде де сизден кимсе ёкъ экен, келип анда шу адам хусусында бир къач сёз айтмагъа киши тапылмадымы? Билесинъызми, анда марузаджи керекмей, ялынъыз бир къач эйи, джыллы сёз айтмакъ керек эди. Бу сёзлер энъ олмагъанда озь-озюне ишанчыны пекитир эди. Англайсинъызмы? — Севиль Исаевгъа бакъты.

— Ёкъ, тапылмады. Сиз озюнъиз англамакъ керексинъиз, Севиль Бекировна, о махкемеге тюшти, онъа беш йыл тюрьме джезасы берильди. Эр альде биз суднынъ адалетлигине шубеленмеймиз...

— Яхшы, ойле зан этйик. — деди Севиль ве бу адамгъа меселени англамакъ къыйын олгъаныны англады, чюнки о башкъасынынъ дердине янып кюеджек, биревлернинъ къайдыны чекеджек адамгъа бенъземей. Онынъ бутюн тышкъы къияфети, урдумдуймазлыгъы бундан делялеттир. — Ве сиз шундан сонъ онынъ такъдири-нен ич де меракъланмадынъыз, ойлеми?

— Ёкъ, меракъланмадыкъ, эсимизден чыкъып кетти, — деди Исаев, пармакъларынен масаны такъылдатып. — Я о менде бир дане дегиль де, Севиль Бекировна, ана Умеров кибилер даа чокъ бизде. — Исаев пенджерере янына барды. Идаре азбарында мавы иш урбалары кийген огъланлар топлангъан ве эллери-ни джайып эджанлы суретте лакъырды этмектелер. Янларында, ерде, резина къолчакълар, кельпеденлер ве дигер алетлер яталар. Олар даа янъычыкъ подстанциядан къайтып кельгенлер, гедже анда авария олгъан экен.

— Гедже кучлю рузгяр котери-



лип, электрик теллерини узьген. Иш етерлик, Севиль Бекировна, элинъни къайда узатмагъа бильмейсинъ. Сиз исе манъа тенбиенен мешгъуль олмакъны теклиф этесинъиз, — деди Исаев, нечюндир, кулюмсиреп. — Мен сизни ойле анъладым, догърумы?

— Бельки мешгъуль олмакъ да керектир, — деп кулюмсиреди Севиль.

— Я смета, план, мукъавелелер, эсабат?! Буларны не япмалы, Севиль Бекировна? Мен сабадан богъурдакътан ишке комюлем, анълайсынъызмы, ишнен мешгъулим!

«Не япыштым я мен бу адамларгъа?» — деди Севиль озь-озюне. Лякин айтаджагъыны айтты:

— Языкъ, Аким Тимурович, бизлер эксери алда, ишнен мешгъульмиз деп, энъ эсас шей, белягъа къалгъан адамгъа вакътында ярдымгъа ашыкъмагъа унутамыз. Этрафымыздаки адамларнынъ такъдири ичюн эр дакъикъа, эр саатте месулиетли олгъанымызгъа бакъмадан, зарур дакъкъада ярдым ичюн вакъыт тапамаймыз. Языкъ, чокъ языкъ. Ама сонъ, киши не ичюн яман ёлгъа минди деп, себеплерини къыдырып башлаймыз. Бунынъ себебини озюмимзден къыдырмакъ керекмиз. Бутюн меселе шунда. Ама Рефатнынъ анасы Эдие апте тынчланып оламады: юрьди, чапты-чапкъалады, чешит идарелерге барды ве меселени еринден къозгъамагъа наиль олды. Ярын о сизге келеджек, къыйметли Аким Тимурович. Бу къадын, олып кечкен къазада огълунынъ къабааты ёкълыгъына буюк ишанч бесплеп яшамакъта ве эм яхшыны, эм яманны барометр киби сезмеге икътидарлы, мераметли, назик, сезгир ана юреги огълунынъ бефтан куйгенине къаний олмакъта. Сиз о къадынгъа не дейджексинъиз, аджеба...

Айдерге телефон этти. Корюшеджек олдылар. Айдернен олар он йыл бир рале башында отурдылар, сонъ университетнинъ адлие факультетине берабер кирдилер. Чокъ йыллыкъ достлукълары ве якъынлыкълары атта достлукъ дереджесини де кечип кетти ве эр кес оларны окъувлары биткен сонъ эвленирлер деп беллей эди. Лякин беклемеден Айдернинъ аятына башкъа къыз сокъулды ве оларнынъ йылларнен девам эткен достлукълары узюльди. Айдер сонъундан эсини башына топлады ама, Севильни эбедий джойгъаныны анълады. Чюнки онынънен чокъ йыллар берабер булунаракъ, шуны яхшы биле эди ки, Севиль чокъ шейни афу эте биле, лякин озюне нисбетен япылгъан ашшалыкъны ич бир вакъыт афу этмей. Бунъа бакъмадан, Айдер онъа чокъ керелер барды, къапысыны къакъмагъа джесарет эталмай саатлернен тура эди. Сонъ къапыны ачтырып, Севильден афу сорай, лякин ич бир тюрлю джевап алмай айланып кетмеге меджбур ола эди. Севиль тек бир кере лакъырды этти:

— Риджа этем, бир даа кельме, етер, ёрулдым, мен раатланмакъ истейим, — деди о. Сонъ исе озюнинъ инат, гъурурлы табиатына лянетлер ягъдырып, башыны ястыкъ ичине комюп, аджджы-аджджы агълагъан эди. «Оладжакъ шей олды», — деди Севиль терен кокюс кечирип ве саатине бакъты. Саат тамам он эки эди. «Айдер кечик-мез» деп тюшюнмеге етиштирмедиди, янында енгиль машина чаналап токътады. Андан устюнде къоюмавы тюсте костюм кийген отуз яшларында киши тюшти ве айдавджыгъа нелердир айтып, онъа та раф чевирильди:

— Севиль, бу сенсинъми? Козьлериме инанмайым. Телефонда сенинъ сесинъни эшиткенде кчулакъларыма инанмадым, инанмадым! — деп текрарлады о ве эеджанлы алда Севильнинъ арыкъ омузларыны кчулакълады. — Тап йырлайджагъым кельди.

Кок гогерджин олайым,  
Азбарынъа кюнайым.  
Айлыкъ да дегиль,

йыллыкъ да дегиль,

Омюрлик яренъ олайым, —

деп Айдер бар сесинен йырнынъ сёзлерини эберден айтты ве кчызыны незакетле кокусине басты.

— Севиль! Севильчигим, меним энъ инсаний эски достум. Не кчадар сагъындым мен сени. Меним кчыскъачыкъ бенекли басма антерли кчыраличем. Сынъырсыз гчурурлы ве кчарардан зияде саде достум. Мен сени бутюн вакъыт хатырлайым. Не кчадар кчыйметли о хатырлавлар, Севиль! Сен эшитесинъми, мен бахтлы адамым, менде о кчадар чокъ аджайип хатырлавлар бар... — Айдер токътап оламай, эп сёйлей, гуя чокътан берли гонъюлинде топлангъан сагъынч дуйгчуларыны бир кереден оны та балалыкътан билген, онынъ эр бир фикирини бир сёзюнден англамагъа алышкъан кишиге ягъдырмагъа ашыкъа.

— Етер даа шуны, Айдер, валлаий гуя кчашанмагъа севген кичкене бала кибисинъ. Эйиси, сен озюнь акъкчында сёйлечи, насыл яшайсынъ, насыл чалышасынъ? — деди Севиль онынъ аятынен меракъланып. — Токътачы, унутаяздым, сени янъы вазифенен хайырлайым, прокурор аркъадаш!

— Э, сен эп шойле шакъаджысынъ, сагъ ол!

— Ёкъ, Айдер Асанович, шакъа этмейим. Я сен не ичюн меним мында насыл себепнен кельгенимни сорамайсынъ?

— Мен белледим, — Севильнинъ юзю тюшонджели олгъаны ве онъа дикъкъатнен бакъса да фикирини башкъа тарафта олгъаныны сезип, о шу анъ Севильнинъ апансыздан кельгени онынъле дегиль де, башкъа шейнен багълы экенини бутюн вуджудынен ис этти. Ве Севиль гуя онынъ бу фикирини англагъан киби: — Айдер, мен мында ишнен кельдим, — деди. — Меселе шунда ки, мында, шеэрде кчапалып, махкемеге чекильмезден эвель Рефат Умеров деген яхшы бир йигит, илери истисалджы яшай эди. Билесинъми, он дёрт яшыннан берли бир ишханеде чалыша, озю шимди йигирми секиз яшында, Фахрий ярлыкълары бар, ресими «Шурет тахтасы»ндан тюшмеген. Шимди исе о беш йыл кчапалувгъа укюм этильген, бир йылы энди кечти. Мен онынъ чалышкчан ерине бардым, эписи бир агъыздан: «Эбет, яхшы йигит эди, ишкир йигит эди...» дейлер. Ама беш йылгъа кчапалгъан, лякин бундан кимсенинъ зоры ёкъ. Бу не, эхмаллыкъмы, ташюрекликми? Ёкъса, адам белягъа огърагъанда, онынъ такъдирине козюнъни юмып, лякчайд бакъувмы? Тасавур этесинъми, ойле ола экен. Не профсоюз тешкиляты, не истисал реберлеринден бири огъланнынъ талийинен меракъланмагъан. Яхшы экен, бир кереден яман олгъан. Бойле олмай, Айдер, догърумы? — Севиль айткчан сайын, эп кейфи бозулды, кунештен текяран кчараргъан беяз бети кчызарды, эеджанлангъанындан эллерини кокусине басты, де ашагъы эндирди.

— Яхшы, Севиль, тынчлан бирраз, сен акълысынъ, лякин тап о кчадар эеджанланмакъ олурмы? Бу сенинъ биринджи ишинъ дегиль де, гчалиба...

— Айдер онынъ табиятыны яхшы биле эди, о тек тыштан саде,

тынч олып корюне, ама ичтен о асылында тез эеджанлангъан, назик сезгирли къыз эди. О этрафтаки эр тюрлю эеджан ве теляшны озюне сунгюр киби синъирип ала, ама ичини тез бошатып, енгиллешип оламай.

— Айтчы манъа, Айдер, сен амелиятынъда махкемеге чекильген адам сонъундан «мен махкемеге догърусыны айтмайып, къабаатны озюме алдым» деген алгъа расткельдинъми?

— Эр шей олды, Севиль, я сени не теляшландыра?

— Меселе бойле, — о, ерге эгиллип, чѐпнен топракъ устюнде эки сызыкъ чызды, — ёлнынъ четинде мотоциклет тура, устюнде къыз отура, сол тарафында исе огълан эгиллип, моторны къарыштыра. Апансыздан келип чыкъкъан трактор мотоциклетни къакъып кете. Огълан бираздан сонъ озюне келип, къычырыкълай ама, тракторны къаранлыкъта тапсанъ ал.

— Севиль, я бу вакъианы исбат этиджи насылдыр делиллер бармы?

— Меселе де шунда даа, эльбет бар. Вакъиа олгъан ерде мотоциклет къакъылып авдарылгъанынынъ изи бар. Ёлда иотоциклетнинъ базы къысымлары, эляк олгъан къызнынъ папучлары ята экенлер. Энъ эсасы исе, шу ерде эскирген, кирли, ягълы, къара шапке де ята экен. Бесе-белли мотоциклетни къакъып кеткен тракторджы, къоркъып токътамай айдап къачаджакъ олса да, не олды экен деп, кабинасындан башыны чыкъарып арткъа бакъкъан вакъытта шапкеси тюшип кеткен, энъ худжурлы ери де шу ки, шапке джинает ишинде исбат ичюн делиль сыфатында къайд этильген шей олгъанына бакъмадан, сонъундан гъайып ола. О шапке къайда гъайып олып кете биле, айт? Шап-

кени такъикъатчы Исмаилов тапып ала ве шу ерде къызнынъ папучларынен берабер къошып къоя. Я сонъундан оны не ичюн ёкъ эте ве затен шапке барлыгъыны не ичюн гизлей?

— Демек, такъикъатчы Исмаилов акъикъый джинаетчини къуртармакъ макъсадынен ишни янълыш алып баргъан, ойлеми?

— Ойле суаль догъа, ама айтмакъ кыйын.

— Мотоциклетнинъ анги тарафы уруп кыйыштырылгъан?

— Сагъ тарафы, «Восход-2» деп язылгъан ери.

— Демек мотоциклет сол тарафына авдарылгъан?

— Эбет. Зан этсем, тракторнынъ тиркемеси олмакъ керек. Мотоциклетни тракторнынъ озю дегил де, тиркемеси къакъкъан олса керек.

— Шаатлар бармы, Севиль?

— Эбет, бар. Автобазанынъ айдавджысы. О, махкемеде къаранлыкъта чыракъларыны якъмайып кельген тиркемели тракторны ве 400–500 метрден сонъ авдарылгъан мотоциклетни ве джайылып яткъан къызны коръгенини тасдыкълады.

— Демек трактор ярыкъсыз кете экен, эбет, къаранлыкъта ёл янындаки мотоциклетни коръмеген ве тиркемесинен оны къакъып кеткен. Севиль, трассалогик экспертиза не косътерди?

— Экспертиза къабаатланылгъан Умеровсыз япылгъан, яни къануннынъ 144-нджи маддеси бозулгъан. Айны вакъытта экспертке вакъиаларнынъ эписи берильмеген. Меселе, иш папкасында мотоциклетнинъ чокъ фото-суретлери бар, ама онынъ сагъ тарафынынъ сурети ёкъ. Демек, такъикъатчы мотоциклетнинъ сагъ тарафы къакъылып кыйыштырылгъаны фактыны гизлемек истей.

— Севиль шу ердеки тахтадан япылгъан скемленинъ кенарына отурды ве чантасыны ачып, ичинден экспертизанынъ хулясасы язылгъан кягъытны чыкъарды.

— Къана, окъучы, — деди Айдер даа зияде меракъланып.

— Мына. Глушительнинъ сагъ тарафтаки трубасы майышкъан, глушительнинъ деформациясы сагъ тарафта.

— Ангълашылды, бу хуляса мотоциклетни трактор къакъып кеткенини тасдикълай. — Айдер иддетли алда о якъкъа — бу якъкъа юрди.

— Сен ойле деп эсап этесинъми? — деди Севиль онынъ ачувлы чырайына бакъып ве назикликле кулюмсиреди. «Эп баштаки Айдер, атта йыллар биле оны денъиштирмегенлер», деп тюшюнди о. — Сагъ ол, Айдер, ама буны даа исбат этмек лязим. Ашыкъмакъ керек. Ярын къапавлы Умеровнен субетлешеджегим.

— Севиль, сен не, бугунъ къайтасынъмы?!

— Эбет.

— Иште, эр вакъыт ойле, меним къуванчым ойле аз ола, кельмеге етиштирмединъ, энди къайтасынъ, — деди о хошнютлыкънен.

— Ойле керек, Айдер, сен бизим ишимизни билесинъ де, — деди Севиль озюни акълагъан киби ве элини енгильден онынъ омузына къойды.

— Мен санъа келирим, Севиль, эшитесинъми?

— Эшитем.

## 6.

Рефат кечмиште къалгъан шу джыллы яз акъшамыны бугунъкиси киби хатырлай. Анасы Эдие апте азбарда чиберек пиширив экен, Рефатнынъ эвден ашыкъып чыккъаныны корип:

— Къайда кетесинъ, огълум, — деп сорады.

— Васфиеге барып келеджегим. Ана, бурнунъа ун якъкъансынъ.

— Эй даа, хамырнен огърашып башласам эр ерим унъа былана, — деп опкеленди Эдие апте озь-озюне, оглюгининъ уджунен бурныны сюртерек. — Огълум, Мерьемге ве Мустафага айт, дуаны джумаакъшамы куню япармыз, той кунюне къалмасын, алекет чокъ олур.

— Яхша, анам, айтырым.

— Сакът ол, огълум, пек кечке къалма, — Эдие апте огълуну сукъланып бакъып къалды. «Гузель огълум бар: акъыллы, мераметли, дикъкъатлы. Иште де макътайлар», — деди ичинден онынъ Фахрий ярлыкъларыны хатырлап. «Бегенген къызы да пек гузель, дал фидан бойлы, козьлери ачыкъ ренкли, юзю гуль киби. Бир афтадан той, вай даа не къадар ишимиз бар! Эписини етиштирмек керек...».

Рефат Васфиелерге кельгенде энди къаранлыкъ чекебашлагъан эди. Васфие устюнде енгиль сарафан, элинде къопкъачыкъ, чечеклерини сувармакъта эди.

— Васфие, Васфие, бакъ анда Рефат кельген, — деп чагъырды оны кучюк къардашы Сейяр.

— Мераба! — деди о севинчли тавурнен Рефатнынъ янына келерек. — Я мотоциклетинъ къайда?

— Ёлда къалдырдым.

— Ананънынъ кейфи яхшымы?

— Яхшы, селям сёйледиди. Я сизинъкилер къайдалар?

— Телевизор бакълалар. Зейнеп Люманованынъ йырлагъаныны бакъаджакъ олып отуралар. Олар онынъ йырлагъаныны пек бегенелер. Юрь, биз де барып бакъайыкъ.

— Юрь!

— Рефат, бугунъ мени мотоциклетте кездирисинъми? Пек истейим, — деди Васфие ялварыджы давушнен.

— Кездирим, әбет, тек концерттен сонъ.

Концерттен сонъ... шундан берли Рефат ичюн гуя вакъыт токътап къалды. О, Севиль Бекировнаһынъ кабинетке киргенини биле дуймады.

— Селям, Рефат къардаш.

— Алейкум селям.

— Кейфинъ насыл?

— Бир джорукъ.

Севиль маса башына кечип отурды.

— Сонъ насыл, башлаймызмы?

— Әбет. — Рефат терен кокюс кечирди.

— Къана энди айт, не олды, насыл олды, эписини тафсилятлы суретте икяе эт.

— О вакъытта акъшам саат докъузнен он арасында эди. Гъалиба, энди телевизорда «Вакъыт» программасы бериле эди. Биз Васфиенен «Первомай» совхозы тарафкъа кезмеге кеттик. Онынджы километрде токътадыкъ. Манъа моторнынъ давушы худжур олып эшитильди. Мотоциклетни ёлнынъ кенарына чеккенде мен трактор давушыны эшиттим, ама онъа эмиет бермедим. Моторнен мешгъуль олгъанда, къулагъыма бирден кучлю давуш, тасырды эшитильди, янбашыма бир шей урулып агъыртты, мотоциклет авдарылды. Озюме кельгенде трактор энди баягъы авлакъта айдаштырып кетмекте эди. Мен онынъ артындан: «Токъта! Токъта!» деп кычырдым, ама о токътамады. Сонъ чапып Васфиенинъ янына кельдим, о эссиз алда ята эди. Кечип кеткен машиналарны токътата башладым. Олардан бириси токътады ве айдавджысынен берабер Васфиени онынъ кабинасына ерлештирип, хастаханеге алып бардыкъ. Сонъ къаза олгъан ерге ДАИ хадимлери кельдилер.

— Рефат, хатырлап оламайсынъ-

мы, тракторнынъ тиркемеси бар эдими?

— Ёкъ, хатырлап оламайым, сонъ такъикъатчы Исмаилов кельди, эр шейни бакъты ве шу ерде яткъан къара шапкени чантасына къойгъаныны коръдим. Мени башта милициягъа, сонъ андан хастаханеге алып кеттилер. Хастаханеде Васфиенинъ эси башына кельмей кечингенини эшиттим...

— Я сенинъ махкемеге берген янълыш малюматларынъа не демек мумкюн? Бунынъ себеби не? Мен анълайым, әбет, сенинъ рухий вазиетинъ о вакъытта фена эди. Севген адамынъны ёкъ эттинъ. Бу яныкъ сени уруп йыкъты, алсыландынъ, башынъа дюнья авдарылды. Эр алда озюнъни тутмакъ, бу агърыгъа даянмакъ керек эди.

— Васфиенинъ эляк олувындан о вакъытта меним козюме дюнья корюнмеди. Башымда: «Мен буны барып Мерьем аптеге насыл айтырым» деген аджджы фикирлер доланды. Анълайсынъызмы, мен ичюн эр шей токътап къалды, мен шу яныкътан олерим белледим. Хатиримде, мен, бизни трактор къакъып кетти, деп айттым. Лякин такъикъатчы Исмаилов бутюн вакъыт мотоциклет кететкъанда озю авдарылды, ич бир тюрлю трактор ёкъ эди, деп текрарлап турды. «Ёкъ олса, ёкъ да», Васфие эляк олгъан сонъ, къалгъаны манъа бир капик. Мен озь элимнен, такъикъатчы язгъан малюматкъа имза чектим.

— Сонъуны ве бунынъ акъибетини тюшонмединъми?

— Ёкъ, тюшонмедим.

— Яхшы, етер. Шимдилик сагълыкънен бар.

— Сагълыкънен къалынъыз.

Умеровнынъ артындан къапы орытълуген сонъ, Севиль хайлы вакъыт эллеринен юзюни къапатып, кыбырдамай отурды. О атта кабинетке про-

курорнынъ киргенини биле дуймады.

— Сизге не олды, Севиль Бекировна? Кейфинъиз ёкъмы?

— Ёкъ, Станислав Кириллович, озюм шай, тюшюнджеге далдым, — деди Севиль сескенип.

— Сиз эп Умеровнынъ ишинен мешгъульсинъизми?

— Э.

— Сонъ, насыл хулясагъа кельдинъиз?

— Зан этсем, Станислав Кириллович, Умеровнынъ о вакъыттаки пашкынлыкъ, асабий вазиеги озю хусусында, этрафында не оляяткъаны акъкъында догъру тюшюнге имкян бермеген олса керек. Билесинъизми, протоколда къайд этильгенине коре, милицияда япылгъан соргъу вакътында район милиция болюгининъ башлыгъы Салиев де бар экен ве о, Умеровнынъ трактор хусусында айткъаныны, лякин онъа инанмагъанларыны къайд эте. Умеров да бутюн вакъыт бу фактны текрарлай, шунунъ ичюн меселе мени айрыджа раатсызламакъта. Махкеме де бу муим факткъа эмиет бермей кече ве такъикъатчы Исмаилов тарафындан уйдурылгъан янълыш версияны укюм къарарына эсас этип ала.

— Демек, сизинъ фикиринъиздже, Севиль Бекировна, такъикъатчы Исмаилов акъикъий джинаетчини гизлеп, оны къуртармакъ я да къабаатлав ишини ортъмек истеген, ойлеми?

— Бильмейим, инанмакъ истемейим, ама бу иште онынъ къолы темиз олмагъаныны ичим дую.

— Ёкъ, Руслан Исмаилович ойле адам дегиль, менимдже о джиддий такъикъатчы. Ама бильмейим, не ичюн бойле олып чыкъа.

— Мен де шекленем, лякин маддий исбатлар буны тасдикълайлар. Шимдилик даа кесен-кес бир шей айтып оламайым, лякин асыл олгъан вазиегте къабаат ... ёкъ, Станислав

Кириллович, буны айтмакъ даа эрте.

— Мувафакъиет сизге, Севиль Бекировна.

— Сагъ олунъыз.

## 7.

Махкемеде Умеровны беш йыл азатлыкътан марум этюв хусусында укюм къарары чыкъарылгъан сонъ, такъикъатчы Исмаилов озюне ер тапамады. Озь ишини даима догърулыкънен алып баргъан бу намуслы адамнынъ прокуратура хадимлери арасында итибары буюк эди. «Не керек эди манъа бу иш? Барсын оны башкъа такъикъатчы бакъкъайды ве акъикъий, догъру укюм къарары чыкъарылгъайды» — деп тюшюне эди о даима бир озю къалгъанда. Базыда о барып прокуроргъа эр шейни айтайым деп ынтыла, лякин «сонъу не олур?!» деген фикир оны токътата эди. Шимди о, «Умеровнынъ иши» янъыдан бакъылгъаныны ве онынъле Севиль мешгъуль олгъаныны биле. Ама о, Севильнинъ тутунгъан ишни мытлакъа сонъуна чыкъаргъаныны да яхшы биле. Руслан Исмаилович бу ишнинъ сонъу неге барып чыкъаджагъыны анълай ве шунунъ ичюн де онынъ акъибетинден къоркъа. Эр кунъ акъшам яткъанда «барып эр шейни олгъаны киби айтайым» деген къараргъа келе, лякин саба тургъанда бу фикирден вазгече. Эр алда о бир кунъ Севильнинъ кабинети янына бара, яваптан къапыны ачып кире, ама анда кимсе ёкъ. «Беклерим, бир якъкъа чыкъкъандыр» деп озюни тынчландыра ама, озю сыкъылгъанындан къан-терге бата. «Ёкъ, ёкъ, не япасынъ сен, ахмакъ...» — онынъ къан тазийыгъы котерильди, козюнинъ огюне къаранлыкъ чёкти ве башы айланып кабинеттен чыкъты. Аятта токъталып, явлугъынен юзюнинъ терини сюртти, диварни тутуп ашыкъмай бинадан чыкъып кетмеге

ынтылды. Шу арада Севиль прокурорнынъ кабинетинден чыкып, озь одасына догърулды. Оны корьген Руслан Исмаилович тез-тез аятнынъ кошеси артына чекилип гизленди. Элинде папкасы иле Севиль онынъ янындан кечип кетти. Исмаилов: «Ёкъ, о мени корьмедим», деп терен кокюс кечирди ве азбаргъа чыкты. Ачыкъ кунешли авада бол-бол нефес алып, озюни тынчландырмакъ истеди, лякин онгъа нефес етишмей эди. Ёлдан чешит адамлар кетелер, бири-бирлеринен лакъырды этелер, кулюшелер, юзьлеринде къуванч. Ама онынъ гонгюлю тюшкюн, озю къасеветли алда. «Не олур экен?», «Не япайым экен?» деп тюшюне. Олып кечкен вакъиалар онынъ козьлери огюнден кетмей ве онгъа бир дакъкъа биле раатлыкъ бермей эдилер. Шу огъурсыз кунню о олгъаны киби хатырлай. Джыллы июль акъшамы эди. Иштен къайтып кельгенинен ашыны ашады ве газета окъумагъа тутунды. Къадыны Алиме: — Сен кене газетагъа япыштынъ, балаларнынъ не япкъанларынен меракъланмайсынъ, бар бакъ, сенинъ де баба олгъанынъны бильсинлер тежяран. Саба кете, акъшам келесинъ, бутюн эв меним бойнумда, — деп опкеленди.

— Шимди, шимди назлым, чайны ичейим де, барып бакъарым оларны, — деди ве апайына диъкъатнен бакъты. Козьлерининъ тюбинде бурюшиклерни эслеп: «Эй, вакъытлар кече, ама насыл дюльбер къыз эди! Этрафында йигитлер сюрю-сюрю айлана эдилер, лякин о мени сайлады». Ёкъ, о онгъа кереги киби аиле бахты берип оламады, эбет, балаларнынъ да тербиесини бутюнлей онгъа юкледи, балалар чапкъалай, ойнакълай, эвни башларына киелер. Ёкъ, Руслан Исмаилович балалар ичюн раатсыз олмай, оларнынъ къашанлыгъы башкъа балалардан зияде дегиль, сёз туталар, мектепте де яхшы окъуйлар. О, ерин-

ден турды ве папучларыны кийип, балаларнынъ одасына догърулды. Бу арада къатты-къатты пенджерекъакъылды, азбарда копек авлады. О, азбаргъа чыкып етиштирмедим, бо сагъада онынъ эки догъмуш къардашы Рустем пейда олды. Рустем эеджанлы, чырайы кедерли, кольмеги былашыкъ, сачлары чыбалгъан, перишан алда, эллери къалтырай.

— Рустем, сангъа не олды? Хайыр ола...

— Не япайым? Не япмалы, Руслан? Эшитесингъми, не япайым? Мен адам бастырдым, — о, телашлы кокюсини юмрукънен деге. — Меним башыма бу беля неден, аджеба? Мен куню-кунюне сабадан акъшамгъа дже чалышам, чалышам. Мени Алла урар, мен токътамадым. — О, Исмаиловнынъ якъасына япышып силькиндирди.: — Эшитесингъми, мен корьмедим оны. Ах, энди не япарым мен? Руслан, тюшюн, акъай, бир шей уйдур... Я меним балаларым, беш бала! — О авучыны джайып Исмаиловнынъ юзю огюнде беш пармагъыны косътерди.

— Токъта, тежяран, тынчланчы шуны, инсан шекильде айт, ангълат, не олды?

— Ёкъ, ёкъ, эшитесингъми, Руслан, анда ёлда меним шапкем къалды. Шимди барып оны тапарлар, алырлар. Сонгъ мени тапарлар. Ах, не япайым мен?

— Токъта даа шуны, тынчлан!

Шаматаны эшитип эвден Алиме чыкты ве Рустемни бойле алда корип, о да атешке одун къошты: — Вай, не олды сангъа, Рустем, юзюнде ренк къалмагъан...

— Вай, Алиме, не олур меним алым?! — деди Рустем онгъа чевирилип ве басамакъ устюне чёкип агъламагъа башлады. — Ах, бильген олсам, тракторнынъ чыракъларыны тюзетмей чыкъмаз эдим. Къаранлыкъ эди де, корьмедим...

— Юрь, эвге кирейик, тур, Рус-тем,— деп Алиме онынъ элинден тутып чекти ве одагъа озгъарып, диван устуне отуртты. — Мен шимдичик къаве пиширим. — Бу арада телефон чынъылдады.

— Сейяр, ал телефонны, огълум, динъле ким экен, — деди Руслан Исмаилович, огълуна мураджаат этип.

— Баба, сизни чагъырлар.

— Бу да ким экен?

— Чалышкъан еринъизден, гъалиба, — деди Сейяр устюндеки джинсини тюзетип. — Ёлда насылдыр къаза олгъан, сизни чагъырлар, — деп къошты о.

Одагъа элинде табакъ иле Алиме кирди. Руслан Исмаиловичнинъ ишке чагъырылгъаныны эшитип, табакъынен берабер оданынъ ортасында къатып къалды, сонъ озюне келип, табакъны масачыкъ устуне къойды да, фильджанны Рустемге узатты: — Ич, енгиллепирсинъ бир аз.

— Ёкъ, истемейим.

Руслан Исмаилович тез-тез кийинип, азбаргъа чыкъты, анда оны энди хызмет машинасы беклей эди. — Не олды? — деп сорады о айдавджыдан. — Ёлда къаза олгъан гъалиба.

Олар къаза олгъан ерге етип баргъанда, анда энди район милиция болюгининъ башлыгъы Шавкат Анварович Салиев ве ДАИ хадими Олег Борисович Васильев этрафны козьден кечирмекте эдилер.

— Селям аркъадашлар. — О ердекилер башларыны къакъытып селямлаштылар.

— М...гм. Къыз эссиз ята,— деп меракъланды о.

— «Аджеле ярдым»ны чагъырдынъызмы?

— Эбет, чагъырдыкъ.

— Я онъа не олгъан? — Исмаилов кенарда яткъан огъланнынъ янына барды.

— Аягъым, аягъым пек агъыра, — деп ынъранды огълан. — Я къыз насыл, сагъмы о?

— Мен котерилип оламайым, не япайым? Онъа ярдым этинъиз, мен озюмнинъ чаремни озюм корерим, тек о сагъ къалсын. Бар бакъынъыз, нефес аламы? — бутюн вуджудынен къыз яткъан тарафкъа ынтылды.

— Раатсызланма, эр шей еринде олур. Мына, «Аджеле ярдым» да кельди, — деди Руслан Исмаилович. — Олар ярдым этерлер.

— Я трактор?

— Озюнъиз авдарылдынъызмы? — деди Исмаилов сёз сырасы.

— Ёкъ, бизни трактор къакъып кетти, гъалиба, — деди йигит анълашылмаз зайыф сеснен. Барынъыз, къызгъа ярдым этинъиз, къызгъа...

Исмаилов «Аджеле ярдым» тарафкъа адымлады, озю исе эп ойланды: «Не ичюн гъалиба дей, демек, йигит оларны трактор къакъкъаныны ишанчнен айтып оламай... Демек, мумкюн... Ёкъ. Ёкъ, токъта. Сен такъикъатчысынъ да. Сен намус, видждан, адалетлилик темсильджисинъ де. Санъа урьметле бакъалар, санъа ишаналар, сен исе...» Ве бир кереден: — «Эшитесинъми, Руслан, ярдым эт, бир шей уйдур! Меним балаларым, беш бала!» — Рустемнинъ къалтыравукъ пармакълары онынъ козьлери огюнде джанландылар. Къулагъына исе: — Къыз озюне келеджегине ишанч пек аз, недир онынъ башына къатты урулгъан...» деген давуш эшитильди. — Я йигит не ерде?

— Мында ята.

— Алып келинъиз оны мында.

Йигитни къолтукъларындан тутып, етеклеп кетирип машинагъа отурттылар. Руслан Исмаиловичнинъ мийинде исе эп: «Мумкюн, Рустемни къртармакъ мумкюн» деген фикир доланды ве о энди не япмакъ кереклигини ойлана башлады...



## 8.

Севи́ль прокурор Сафроновнынъ кабинетинден чыккында аятта Руслан Исмаиловични корип къалды. О исе Севи́льни корьгенинен аятнынъ кошесинде гизленди. «Манъа кельгенми экен, аджеба?» деп ойланды Севи́ль. Онынъ пешинден етмек истеди, ама озюни тутты. «Ёкъ, бойле алда адамгъа тиймек мумкюн дегиль, онынъ озю келир, мытлакъа келир», деди о озю-озюне. О, иш одасына кирип, маса башына кечер-кечмез, къапыны ачып кирди. Бакъса, онынъ къаршысында чырайы ап-акъ, юзю азгын Руслан Исмаилович тура: — Мен кельдим, Севи́ль... Мен санъа эписини айтаджагъым...

— Отурынъыз, Руслан Исмаилович.

— Ёкъ, мен аякъ устюнде тура-рым. — О, элинен биджагъынынъ этегини уфкъалай. — Мен аякъ устюнде турмакъ кереким.

— Сизинъ кейфинъиз бозукъ, чырайынъыз къачыкъ, отурынъыз.

— Ёкъ, мен аякъ устюнде турмакъ истейим, — деди о къатиетле ве иляве этти. — Севи́ль, сен Умеровнынъ ишинен мешгъульсинъ, — деди о къалтыравукъ даушнен. — Сонъ бир нетидже чыкъамы?

— Не айтайым, Руслан Исмаилович, базы бир нетиджелер бар, базы меселелер даа бакъылмакъ керек... Сиз манъа бир шей айтмакъ истединъиз, ойлеми?

— Эбет, айтаджагъым. Сен къыйналма, Севи́ль, Умеровнынъ ишинде бутюнлей мен къабаатлым. Мен о вакъытта насыл месулиетли вазифеде булунгъанымны, такъикъатчы олгъанымны унуттым. Мен къабаатлым. Иште, ойле. Не япсанъыз япынъыз, мен сизинъ узурынъыздам... козьлери огюне къаранлыкъ чёккен алда о, къапыгъа тараф адымлады ве: — Иште, ойле, веселям, — деп текрарлады.

Севи́ль узурна озю къабаатыны танып кельген бу кишиге бир шей айтып етиштирамады, Асыл айтмакъ да керекми эди? Ве о не айтабиле эди. Гонъюлини аладжакъ эдими? Ёкъ, о бунгъа мухтадж дегиль. Бельки, онынъ агъырыны енгиллештиреджек шей, мында келип, озю къабаатыны танувдыр. О, буны япты. Севи́ль гонъюлинде насылдыр енгиллик сезерек, узерине «Умеровнынъ иши» деп язылы папканынъ устюне эллерини къойды: — Шукюр, бу ишнинъ де сонъу хайырнен битти.

# ЭДЕБИЙ ХАТЫРЛАВЛАР

**Аблязиз ВЕЛИЕВ**

*Эм шириетте, эм несирде семерели кзале м ишлеткен язиджы Аблязиз Велиев 1939 сенеси октябрь 23-те Судакъ районы, Къоз коюнде догъды. Украина язиджылары Миллий бирлигининг азасыдыр. Сонъки девирде «Къырымтатар муаджир тюркюлери», «Фашизм махбюслери», «Къараманлар ольмейлер», «Дженк офицерлери», «Герои бессмертны», «Муаребе аскерлери» киби китаплары нешир этильди. Онъа, Къырымда нам къазангъан санат эрбабы намы берильди, о, Бекир Чобан-заде мукъяфатынынъ лауреатыдыр.*



## Шакир Селимнен дюньяны кездик (Шаир акъкъында хатырлавларым)

*Шакир Селимнен чокъ йыллар девамында кзонуштыкъ. Онынънен берабер чокътан-чокъ корюшювлерде, ресмий медбирлерде, мерасимлерде, сеятларда олдыкъ. Зан этсем бу хатырлавлар белли бир дереджеде онынъ эдебий суретини толдурмагъа ярдым этер.*

*А. Велиев.*

2008 сенеси ноябрь 18, акъшам саат 6.10. Девримизнинъ улу шаири Шакир Селимнинъ ёргъун юреги урувдан токътады. Арадан ярым саат кечер-кечмез онынъ эви энди сой-акърабалары, дост-эшлери, алимлер, сиясетчилер, эдиплернен толу эди.

Шаирни ярын сонъки ёлгъа дегерли озгъарув акъкъында фикир пайлашылды ве догъмушлары, энъ якъын адамларынынъ истеклеринен разылашылды.

Экинджи куню мерхумнен ведалашмакъ ичюн бир чокъ адам Шакир Селим яшагъан эвге кельди.

О, озъ азбарында ювулды, онынъ сув селясыны окъугъан учъ адамдан бириси мен эдим. Мында кельгенлер шаирнен шу ерде ведалаштылар. Шундан сонъ о, Кебир джамиге алып кетильди. Анда топлангъан халкъ мерхумнен ведалашып, дженазе намазы къылынган сонъ, эвельден къарарлаштырылгъаны киби, Миллий Меджлисимизнинъ бинасы янына къадар котерип алып кетмек ве о ерде махсус машинагъа къойып, Абдал къабристанына ёл алмакъ керек эди. Амма Шаирни башлары узеринде котерип алып кеткен адамлар къарарлаштырыл-

гъан ерде токътамадылар, ёлларыны девам эттирдилер ве бир къач километр месафеге — тап Куйбышев адына мейдангъа къадар котерип бардылар...

Бу, адамларнынъ Шаирге олгъан сайгъы-уръмети эди. Оны сонъки ёлгъа озгъармакъ ичюн тек семетдешлеримиз дегиль де, гъайры дин адамлары да кельдилер ве Шаирнинъ огюнде баш эгдилер.

Шакирнен биз 37 йылдан берли таныш эдик. Чокъ йыллар бир газетада чалыштыкъ. О, газетамызнынъ Самаркъанд, Бухара ве Навоий виляетлери боюнджа мухбири эди. О вакъытта телефоннен чокъ багъланатургъанмыз. Эбет вакъты-вакътынен Ташкентке де келип кете, япаджакъ ишлери акъкъында вазифелер ала, япкъан ишлери боюнджа эсабат бере тургъан. Бойле вакъытларда кимерде меним мусафирим олып къала эди. Субетлеримиз гедженинъ дер маалинедже сюрерди. Шакъалар айта, иджат акъкъында, эдиплер акъкъында, келеджектеки ниетлеримиз хусусында фикир пайлашатургъанмыз. Бизим эвде Шакир озюни гъает сербест, озъ эвиндеки киби ис эте эди.

#### «Джиддий» субет

Бир кере баш муарриримизнинъ чагъыртувынен Самаркъанддан Ташкентке редакциягъа кельгенде Шакир кене бизде къалды. Акъшам софра башында отурыр экенмиз, кунъдюз муарриримиз Абселям Ислямовнен тет-а-тет олгъан лакъырдыны куле-куле шойле икяе этти:

— Абселям агъагъа кирсем чубугъыны тартып, ненидир окъуп отура. Янына барып къолуны алдым. Мангъа козьлюгининъ тёпесинден бакъып, селямлашты ве

отур, деп теклиф этти. Ал-эхвал сорапкъан сонъ: «Шакир! Сен къайда чалышкъанынъны билесинъми», — деди. — Эбет билем, — дедим.

— Я бильсенъ не ичюн оладжакъ-олмайджакъ шейлернен огърашасынъ? — деди. — Татар топлашувларына бара экенсинъ, миллий арекетнен огърашкъанларгъа къошулып юре экенсинъ. Бойле шей олмаз. Я оны куть, я буны. Анъладынъмы?..»

Шай дей де, мангъа козь къыпып ала. Мен башта анъламадым, эеджанланып, онгъа тельмирип, тельмирип бакъам.

— Бакъ, — дей о кене мангъа тикилип, эгер бойле девам этсенъ сеннен сагълыкълашмагъа меджбур оладжакъмыз, анъладынъмы? Буны яхшы этип мыйыгъынгъа сар!»

Шай дей де, кене козюни къыпып ала.

— Ангълаштыкъмы? — деди Абселям агъа кестирип.

— Ангълаштыкъ! — дедим.

— Бар айса чалыш, мукъайт ол, — деди кене козюни къыпып.

— Вот мужик, оля! Бунынъ манасыны сонъ анъладым, — деди Шакир куле-куле. — Демек, мени, мукъайт ол, деп усталыкънен тенбиеледи... Къуй, шунунъ ичюн юзер грамм патлатайыкъ! — деди шакъылдап кулере.

#### «Алим»нен Къырым ве Москвада

Шакир 1989 сенеси Къырымгъа къайтып кельди ве «Достлукъ» газетасында чалышып башлады. Шу йыллары биз Ташкентте Исмаил Гаспринскийнинъ адына къырым-татар медениет ассоциациясыны майдангъа кетирдик. Москвадан «Алим» киносыны реставрация яптырып сатып алдыкъ ве Озьбе-

кистаннынъ бир сыра шеэрлеринде семетдешлеримизге нумайыш эттик.

1991 сенеси апрель 15-те халкъымызнынъ медений омюринде буюк вакъиа олды. Шу куню Акъмесджитте къырымтатар театри тантаналы суретте ачыладжакъ эди ве «Ленин байрагъы» редакциясындан мен ве Озбекистан Языджылары бирлигинден Сафтер Нагаев бу мерасимге даветли эдик.

Мени Акъмесджит аэропортында театримизнинъ янғы етекчилери Дилявер Бекиров ве Решат Ахтемов къаршылап алдылар. Кетирип «Москва» мусафирханесине ерлештирдилер. Бираз раатланып театрге кеттим. Саат 15.45-те театримизнинъ тантаналы ачылув мерасими олды. Бир чокъ адамнен бир сырада биз де Сафтернен чыкъышта булунып, халкъымызны медений омюримиздеки буюк вакъианен – театрини ачылувынен хайырлап, адрес папкалары такъдим эттик.

Ташкенттен келир экеним, мен айны вакъытта озюмнен берабер «Алим» кинофильмини де кетирдим. Бу ерде мени, ассоциациямызнынъ реиси Исмаил Хатипов ве продюсеримиз Мидат Аблялимов беклей эдилер. Макъсадымыз бу фильмни Къырымда да косътермек эди. Театрини ачылув мерасими арфесинде, бир къач куньден сонъ Акъмесджитте нумайыш этиледжек эки сеанскъа бутюн билетлер сатылып битти.

Бу ерде мен Шакирнен Юнус Къандымны да бу ишке джелъп эттим. Нетиджеде, 30 кунь девамьнда «Алим» фильмини 33 ерде косътердик. Оны джеми 17 бинъ адам сейир этти.

Шакирнен Юнус «Достлукъ» газетасында чалышкъанларындан себеп меннен берабер Къырымнынъ бутюн кошелерине барып ола-

май эдилер. Лякин шунъа бакъмадан бир чокъ ерде берабер олдыкъ. Эбет о куньлер бизим хатырамызда унутылмайджакъ из къалдырдылар.

Адети узьре, эр сеанс алдындан шириет акъшамы откере эдик. Сонъра мен къырымтатар киносыннынъ тарихы, шу джумледен 1906 сенеси чыкъарылгъан «Алим — Къырым айдамагъы» («Алим — Крымский разбойник») ве 1926 сенеси чыкъарылгъан «Алим» фильмлери, оларнынъ мундериджеси ве фильмлерни яраткъан иджаткъярлар акъкъында икяе эте эдим. Шундан сонъ Алим акъкъындаки эки фильм де нумайыш этиле эди.

Шакирнен Юнус манъа: «Сагъ ол, сен келип бизге бутюн Къырымны косътердинъ», — деп шакъалаша эдилер. Он бинълернен ватандашларымыз иле олгъан корюшювлерни айтмайсызми. Эр бири акъкъында меракълы икяелер язмакъ мумкюн.

Акъмесджит, Къарасувбазар, Булгъанакъ, Токъ-Эли, Тавбадракъ, Эфенди-кой, Зуя, Гъавр, Сеит-Эли, Джумели, Яркое поле, Багъча-эли, Акътабан-корпе, Эски Къырым, Карагозь, Сакъ шеэр ве койлеринде олувымыз бу корюшювлернинъ биринджи ярысы эди.

Бу корюшювлерден мен тек бир къач левханы хатырламакъ истейим.

Меселя биз Гъавр коюне апрель 23-те акъшам барып чыкътыкъ. Умумен корюшювимиз Албатнынъ Медениет сарайында олмакъ керек эди. Кой шурасынынъ реиси разылыкъ берсе де, лякин шу ердеки Ленин адына колхознынъ реиси эм де партком секретары разы олмагъанлар. Гъавр коюндеки 400 адамлыкъ клубнынъ директоры Якъуб Аппазов эр шейни азырлап, бизге бутюн шараитни догъурды.

Клуб янында турып вадиге козь тикемиз. Ойле тазе авасы бар ки, санки дерсинъ дженнет кошеси. Нефес алып тоймайсынъ. Бу ерден рухланып сонъ Шакир «Гъавр» деген шиир де язды. О сонъундан шаирнинъ «Тюшюндже» китабына да кирди:

Гъавр! Гъавр! Эй, Къырымнынъ  
Тылсымлы бир кошеси!

Гъавр! Гъавр! Эй, юртумнынъ  
Саф авалы нешэси!

-----  
Корьдим сени, эрылгъанлар  
Топ-топ олып ачкъанда.

Корьдим сени, къырымтатар  
Ерге урлукъ сачкъанда...

Тек Гъаврнынъ озюнден дегиль де, Албат, Айрыгуль, Коккозь, Таттар Осман, Кучюк Озенбаш, Буюк Озенбаш, атта Багъатыр ве Махульдюрден де адамлар ягъылдылар. Биз – Шакир, Юнус ве мен клубгъа киргенде санагъа ерлештирилген маса устюнде чешит ренкли дюльбер лялелер тура эди. Халкъ бизлерни девамлы эльчырпмаларнен къаршылады.

Биз шиирлер окъудыкъ, чокътан-чокъ суаллерге джевап бердик, сонъра мен къырымтатар киноларынынъ, шу джумледен 1906 сени яратылгъан «Алим айдамакъ» ве 1926 сени чыкъарылгъан «Алим» фильмлери акъкъында икяе эттим. Сонъра фильм нумайыш этильди.

Апрель 26. Ораза байрамы куню. Киров районнынъ Яркое поле коюндеки Медениет сарайына кельдим. Тешкилятчымыз Мидат Абляимов мында эр шейни азырлагъан. 800 адамлыкъ сарай рыкъмарыкъ толу. Бизни беклейлер. Шакирнен Юнус иштен эртедже чыкып, расткельген машинанен келип чыкъмакъ кереклер. Олар Акъмесджиттен кечче чыккъанлар. Эски Къырымгъадже кельген-

лер, амма Киров районуна машина ёкъ.

— Этрафта не машина, не инсан корюне, — дей Шакир. Анда чапкъалагъанлар, мында чапкъалагъанлар, ниает, бирисининъ азбарында машина корип, анда киргенлер. Бакъсалар къырымтатары.

— Акъай, биз къырымтатар халкъынынъ ёлда къалгъан эки шаиримиз, пек ялварамыз, бизни бир шейлер этип Яркое поле деген ерге алып барса, бизни анда беклейлер, — дедим дей сонъундан Шакир куле-куле.

О адам да бизим фаальджилеримизден Ибраим Бай экен. Иште о, «ёлда къалгъан» шаирлерни кетирди. Мен исе оларнынъ кельмесини беклеп, ерли «Хоран», «Къаранфиль» ансамбллерине кучюк бир концертнен чыкъмагъа имкян догъурдым. Сонъра невбет бизге кельди. Учюмиз шиирлер окъудыкъ, чокътан-чокъ суаллерге джевап бердик ве эр кес беклеген «Алим»ни косьтерип, къувандырдыкъ.

Къырым бойлап сеяатымыз майыс айына къадар девам этти. Чокътан-чокъ меракълы корюшювлер, къонушувлар олды.

Майыс 2-де куньдюз саат 1-де продюсеримиз Мидат, мен ве Шакир Москвагъа кетеджекмиз. Мидатнен мен эрте-ярыкъ келип поездгъа ерлештик. Мына-мына поезд ёнейджек. Шакир исе ёкъ. Ёне мемизге эки дакъкъа къалгъанда, ниает, о келип чыкты. Багъчасарайдан 40 дакъкъада кельген. Ава булутлы, ягъмур ягъа. Биз не исе ерлешип, Москвагъа ёл алдыкъ. Биз кеткен купеде Ялтада раатланып къайтаткъан бир рус субайы де бар эди. О, Дима деген огълунен берабер. Онынънен кеч маальгедже субетлешип кеттик. О, биз къырымтатарлар олгъанымызны бильмесе де, халкъымызгъа гонъ-

юльдешлик бильдирип, яхшы лафлар айтты. Къырымнынъ байгъуш алы акъкъында айтып, тамыр халкъны юртуна къайтармакъ кереклиги хусусында айтты. Онынъ лакъырдысындан баягъы рухландыкъ.

Саба саат 10.40-та Москванынъ Курск вокзалында бизни анда яшагъан яzydжымыз Эмиль Амит къаршылап алды. Мусафирханеге ерлештик ве Эмильнинъ машинасынен о чалышкъан ерге кеттик. О, иште къалды, биз исе — Шакир, Исмаил Хатипов ве мен Арбаткъа бардыкъ. Бир ерде авескъарлар спектакль косьтерелер, бир ерде яш бир шаир озь шиирлерини окъуй, кене бир ерде дигер шаир Горбачёвгъа тийсетип, тенкъидий фикрлер айтып шиир окъуй, кене бириси озюнинъ самиздат ёлунен чыкъаргъан китабыны сата...

Саат дёрт бучукъта «Советский писатель» нешриятына Эмильге кирдик. Яzydжы Ямиль Мустафин де анда эди. Биз Ямиль агъагъа 1988 сенеси биз акъкъымызда яхшы шейлер язгъаны ичюн онгъа тешекюр бильдирдик. Мустафин, иште, о макъалени бастырувда расткельген къыйынлыкълар акъкъында айтты. Эпимиз Эмильнинъ машинасына отурып Яzydжылар эвине кеттик. Анда бирер къаве ичип (белли мизахчы шаир Александр Иванов да бу ерде эди), шеэрнинъ Сокольники медениет ве истраат багъчасында ерлешкен Некрасов адына шеэрнинъ меркезий китапханесине ёнедик. Шу куню саба Москва радиосы бугунь бу ерде къырымтатар эдиплеринен корюшюв оладжагъы акъкъында хабер бергенинден себеп халкъ пек чокъ эди. Бизлерни Москвадаки яzydжымыз Эрвин Умеров ве Энвер Байрамов, Олимпия чемпионы Рустем Казаков ве дигерлери къаршылап алдылар. Сонгъра корюшюв баш-

ланды. Шакир озюнинъ «Багъчасарай» ве «Къайтув» шиирлерини окъуды. Эки бучукъ саат девам эткен корюшювде Эрвин журналист Рефат Ахтемовнынъ рус тилине чевирильген мектюбини, Эмиль исе «Звезда Востока» меджмуасында чыкъкъан публикациясына тюрмеден кельген мектюпни окъуды.

Корюшюв екюнленген сонгъ Москвадаки зиялыларымыздан Джафер Сейфуллаев, Шефикъа Уланова ве башкъаларынен субетлештик.

Экинджи куню акъшам Демир ёлджулар Медениет сарайынынъ 940 ерлик буюк залында чыкъыш яптыкъ. Мында тек къырымтатарлар дегиль де, караимлер, къазантатарлар ве дигер миллетлернинъ векиллери де бар эди. Рыкъмарыкъ толу залнынъ огъ сыраларында Вильдан Шемьи-заде анасынен, Рустем Казаков апайынен ве даа чокъ белли адамларымыз отура эдилер. Биз Шакирнен занымджа яхшы чыкъыш яптыкъ ве сонгъра «Алим»ни косьтердик. Мен бойле дегенимнинъ себеби корюшювден сонгъ чокътан-чокъ адам янымызгъа келип озь тешекюрлерини айттылар ве акъшамдан гъает мемнюн олгъанларыны бильдирдилер.

Майыс 5-те Шакирнен Пушкин мейданына, Къызыл мейдангъа бардыкъ. Сонгъра мен оны Къырымгъа озгъармакъ ичюн Курск вокзалына бардым. Поезд ёнемесине он дакъкъа къалгъанда Ыргъат Къадырнынъ апайы Фатма апте огълу Эмильнен келип чыкъты. Олар да Шакирни озгъармагъа кельгенлер. Бираз субетлешкен сонгъ Шакир бизнен сагълыкълашып, ана-Ватангъа ёл алды.

Биз исе — Фатма апте, Эмиль ве мен яzydжымыз Джемилъ Сейдаметнинъ къыз къардашы, белли адлиеджи Усние Сейдаметованынъ эвине кеттик. Чюнки Фатма апте

бугунь 85 яшыны толдургъан Усние апте меннен пек корюшмек истегенини айтты.

Свердлов мейданында бир топ къаранфиль чечеги алдым. Эмиль де алды. Усние апте Кремльнинъ къапа-къаршысында, Москва озенининъ дигер ялысында Укумет эвинде (дом на набережной) яшай экен. Онынъ эки пенджереси азбаргъа ачылса, эки пенджереси Кремльге таба ачыла. 3 ханели эвде яшай экен. Оны 85 йыллыгынын хайырладыкъ, мени опип, козылеринден яш кельди ве пек мемнюн олгъаныны айтты. Ригадаки къызы Абибе, Ленинабаддан торуны, Ригадан торуны да кельгенлер. Отурып бирер къаве ичтик, субетлештик. Саат 12 олаяткъанда сагълыкълашып къайттыкъ...

Мен экинджи куню — майыс 6-да «Алим»нен Новороссийскке кеттим. Анда Денъизджилер Медениет сарайында «Алим» фильмини эки кунде дёрт кере косътерип, анда яшагъан шаиримиз Сеитумер Эминнен Къырымгъа ёнеп кеттик ве Керчътен башлап, чыкъышларымызны девам эттирдик. Чюнки, Шакирнен Юнускъа ишни ташлап Къырымнынъ узакъ районларына бармакъ кучъ эди.

### Унутылмайджакъ бир сеят

1996 сенеси сентябрь 24-те Шакир мангъа телефон этип: «Тюркие языджылары бирлигинден сенинъ адынъа факс кельген, кирип Гаспринский китапханесинден ал» — деди. Барып алдым. Онда бойле язылгъан эди:

“Sayın Abdulâziz Veli!

Türkiye Yazarlar Birliği her yıl bir başka ülkede düzenledi i Türkçenin Uluslararası şiir şoleni'nin dördüncüsünü bu yıl 16-22 Ekim 1996 tarihleri arasında Ankarada ve Girne'de gerçekleştirecektir.

Şolene katılan şairler şiirlerini okuyacak ve “Türk Diliyle yazılan şiirlerin başka dillerde tanıtılması” konulu bir de açık oturum düzenlenecektir.

Davetlilerin Türkiye'ye geliş-gidiş yol ücretleri ve şolen süresince yeme-içme, konaklama masrafları Türkiye Yazarlar Birliği tarafından karşılanacaktır.

Sayın davetlilerin Türkiye'ye gelişlerinde karşılayabilmemiz için geliş tarihlerini aşağıdaki telefon veya faks numarasına bildirmeleri gerekmektedir.

Şolenimize teşekkürinizi diler saygılar sunarız.

Dr. Lütfi Şehsuvaro lu  
*Genel Başkan”.*

Факсны алып окъугъан сонъ Шакирге телефон эттим ве: «Шакир! Бу тедбир Тюркие ве Къыбырызда отъкериледжек экен, экевлешип кетейик де, мен янъгъыз озюм анда нешлейджем», — дедим.

— Даветнаме бир адамгъа, яни сангъа, — деди Шакир.

— Телефонлашып риджа этейик, бизге эки ер берсинлер, керек олса мен телефон этейим, — дедим.

— Занымджа разы олмазлар, онынъ масрафлары буюк, — деди Шакир.

Мен эр альде телефон этип бакъаджагъымны айттым ве Халкъара шиир шоленининъ координаторы, Тюркие Языджылар бирлиги Истанбул болюгининъ баш кятиби Ирфан Чифтчиге (факста шоленининъ координаторлары ве атта шиир шолени кечеджек октябрь 15-24 кунълери аванынъ арарети Анкъарада 13, Гирнеде 18 дередже сыджакъ оладжагъы биле язылгъан эди) телефон эттим.

О, бу меселени озь башына чезип оламайджагъыны, башкъанынен меслеатлашкъан сонъ джевабыны айтабиледжегини сёйледи ве экинджи куню телефон этип, шорбаджы разы олгъаныны бильдирди ве даа

ким бараджагыны сорады. Мен Шакирнинъ адыны ве сойадыны айттым. «Айса экинъиз келирсинъиз», — деди.

Биз, Шакирнен экимиз, Тюркиеге кетмек муддети якъынлагъанда самолёткъа билет алдыкъ ве Лютфи Шехсуварогълунынъ адына шойле факс ёлладыкъ:

“Sayın Genel Başkan, Sizin 24 Eylül 1996 tarihinde Uluslararası şiir solenine davet etip yolladığınız faksa cevap gönderiyorum:

14 Ekim 1996 tarihinde saba saat 9-da Bosfor-Kırım uçağı ile (reys 53-54) Simferopoldan uçacaız. Istanbulda karşılamlarını lütfen rica ediyoruz.

Saygılarımızı sunarız.

Abdulâziz Veli  
Şakir Selim”.

Ниает, 1996 сенеси октябрь 14, базарэртеси куню кунъэвельси анълашкъанымыз киби саба саат едиде Акъмесджит аэропортында корюштик. Билетлерни ресмийлештирдик ве вакътында учтыкъ.

Самолётымыз (кучюк, АН-24 самолёты) Тюркие ялыларына якъынлашкъанда стюардесса: «Сайгъылы ёлджулар! Самолётымыз кене бир къач дакъкъадан сонъ Истанбул аэропортына къонаджакъ, риджа этемиз, отургъычларны тик алына кетиринъиз ве къушакъларынъызыны багъланъыз, самолёт толусынен токътамагъандже ерлеринъизден турманъыз. Дикъкъатынъыз ичюн сагъ олунъыз!» — деди. Эр кес шакъыр-шукъур къушакъларыны багълай. Иллюминатордан тышкъа бакъамыз. Тюркие ялылары корюне. Лякин самолёт акъырындан яй киби бурулып учабашлады. Сёзде 5-10 дакъкъа ичинде къонмакъ керек эдик. Лякин самолётымыз эп уча. Де денъиз устюнде, де орманлар, голлер устюнде уча. Стюардесса салонда о якъкъа — бу якъкъа къатнай. Эр кесте насылдыр раат-

сызлыкъ башланды. Эр кеснинъ козю иллюминаторларда.

Арадан 20-25 дакъкъа кечкен сонъ стюардесса: «Сайгъылы ёлджулар, самолётымыз бир къач дакъкъадан сонъ Бургас ава лиманына къонаджакъ» — деп илян этти. Бургас — бу, Булгъаристаннынъ шеэри. Тюркиеден узакъ дегиль, билем, 1975 ве 1979 сенелери анда олгъан эдим.

— Айды, Булгъаристанны да корип кетермиз. О ерден Истанбулгъа бельки автобуснен алып кетерлер, — дедим.

Лякин самолётымыз эп уча. Бургаскъа чокътан барып къонмакъ мумкюн эди.

Хаялымызгъа чешит фикирлер келе. Я учакъны ава къаракъчылары эльге кечирдилер, я аэропорт къабул этмей, я да учакъта техникий бир илле бар. Эр альде рухтан тюшмеймиз. Амма акъылыма олмайджакъ фикирлер келе. Шакирнинъ Тюркиеге кетмесине мен себепчи олдым. Алла косътермесин, бир шей олса къабаатлы мен оладжам, деп озюмни къабаатлайым.

Бир-биримизнинъ гонгълюмизни котермек ичюн чешит шакъа-къораталар япамыз, кулюшемиз. Этрафымыздакилер бизге ачувнен бакъкъан киби олалар. Догъру, бир шей айтмайлар, лякин сытыкъ чырайларындан корюнип тура.

— Шакир! Эр ихтималгъа, бир васиетнаме язып къалдырайыкъмы? — дейим кулип.

— Давай! — дей Шакир.

Мен язып башлайым:

### Татнен ногъай адагъы

Тат ве ногъай —

Эки шаир

Учалар Истанбулгъа.

Ёлджулыкълар кече эйи,

Етиширлер къабулгъа.



– Къушакъларны багъланъыз, – деп

Айта стюардесса.

Тюркиенинъ ялылары

Якъынлай, анълашыла.

Учакъ уча, уча, уча,

Къайда къалды Истанбул?

Ярым саат, къыркъ беш дакъ-къа

Учтыкъ, амма, денъиз, сув...

– Дикъкъат, дикъкъат, – деди къызчыкъ,

Къабул этмей Истанбул.

Учагъымыз къонаджакътыр

Бунъа Бургас пек макъбул.

Учагъымыз эп долана

Дагъ, адалар устюнде,

Эр кес раатсыз, эбет биз де...

Чырайлар да кускюндже.

– Бу майда бир къыл болмасын? –

Дей таткъа ногъай шаир –

Кок айдуты бельки бизни

Исраильге айдайдыр?

Бургас мындан узакъ тувул,

Тез барыр эдик бурса,

Амма учакъ эп долана,

Нешлермиз бир шей болса?

Меселе пек анълашылды,

Кель язайыкъ васиет.

Чюнки корюне, бу иште

Ёкъ яхшы бир фасиет...

Иште, шу ерге кельгенде токъталып къалдым. Башкъа адам акъыллы бир фикир башыма кельмей. Шу вакъытта кулип, Шакир девам эттирди:

Шевкъиенинъ самсаларын

Ашар денъиз хамсалары...

Шай дей де, шакъылдап куле.

Чюнки мен ёлгъа чыкъаджакъта, ёлунъыз узакъ экен, ач олурсынъыз, деп апайым Шевкъие бир талай самса пиширип бергенини Акъмесджитте экенде Шакирге айткъан эдим. Иште, о акъылына кельген.

Эм яза, эм кулемиз. Шу вакъытта бир кереден салонда стюардессанынъ сеси янъгъырады:

«Сайгъылы ёлджулар! Кене бир

къач дакъкъадан самолётымыз Истанбул аэропортына къонаджакъ. Самолёт толусынен токътамагъандже лютфен ерлеринъизден къалкъманъыз. Дикъкъатынъыз ичюн тешеккюр эдиёруз!»

Эр кес енгиль нефес алды. Адамларнынъ чырайы кульди.

Биз шай да самолётнен не олгъаныны анълап оламадыкъ. Аэропорттан чыкъаяткъанда исе ёлджуларны къаршыламагъа чыкъкъан юзлернен адамлар арасында буюк арифлернен: «Къырымдан Абдулазиз Вели ве Шакир Селим» деген сёзлер язылгъан таблоны башы узеринде котерип тургъан йигитни корьгенимизнен онъа таба адымладыкъ. Заваллы чокъ беклеген. Себебини айтып, ондан афу сорадыкъ ве онынъ машинасына отурып шаматалы Истанбул сокъакъларындан мензильге ёл алдыкъ.

Тюркие Языджылар Бирлигининъ Истанбул болюги ерлешкен Мехмет Агъа медресесинде бизни мааллий языджылар болюгининъ башы Ахмет Кот, баш кятип Ирфан бей Чифтчи, языджылар бирлигининъ кятиби Альпэр Чекер, болюк азасы Ирфан Чалышан къаршыладылар.

Альпэр эфенди кунъ бою бизлерни Истанбулнынъ дикъкъаткъа ляйыкъ ерлеринен таныш этти.

Сонъра богъаз ялысында ерлешкен Шималий Къыбрыз Тюрк джумхуриетининъ векялетханесинде о мемлекетке бармакъ ичюн виза ачтырдыкъ. Акъшам комфортабель автобуснен Истанбулдан Шималий Къыбрызнынъ Гирне шеэринге ёл алдыкъ. Автобуста чешит мемлекетлерден кельген эдиплер бири-бирлеринен лафете, танышалар. Къызгъын субет кете. Кимдир бизге «Къырагъы» деген шиир дергисининъ бир къач саныны багъышлады. Бу, Адана виляетининъ Ос-

мание шеэринде кыркъ беш кунде бир кере чыккыан дерги экен.

Орталыкъ къарангыкылашты. Салонда бир кыач эр киши бераберликте йырламагъа башлады. Биз башта бунга эмиет бермедик. Сонъра динъленсек бизге таныш йыр:

...Мезар ташларыны, Асан,  
Къююнмы сандынъ,  
Къююнмы сандынъ.  
Адам ольдюрмесин, Асан,  
Оюнмы сандынъ,  
Оюнмы сандынъ...

Эбет, бу биз бильген «Дебрели Асан» халкъ йыры эди.

Онынъ артындан «Бир далда эки кираз» йыры башланды:

Бир далда эки кираз,  
Бири ал, бири без.  
Ялварырым мен санга,  
Севдигинъи манга яз...

Шакир олдурамады ве йырлап башлады:

Салласана, салласана, мендинъи,

Акшам олса ёлласана севдигими...

Топ олып йырлагъанлардан бириси шу даккыасы бизим янымызгъа кельди ве: «Я сиз нереденсинъиз?» – деп сорады.

– Къырымдан! – деди Шакир ве: «Я сиз озюнъиз нереденсинъиз?» – деди».

– Косоводан, мен Эскендер Алтайым, – деди.

– Я бизим йырларны кыайдан билесинъиз? – деди Шакир.

– Насыл сизинъ йырлар?

– Я шимди сиз сёйледигинъиз шаркылар бизим халкъ йырларымыз! – деди Шакир. Эскендер кулды: «Я олар бизим де халкъ йырларымыз...»

Эпимиз кулюшти.

– Бельки бу да сизинъ йырынъыздыр? – деп, Шакир «Дегирменджи» йырыны башлады. Мен де онга зиль туттым. Бизим артымыздан Эскендер де кыошулды.

– Вай, Аллам, сиз бизге бир шей кыалдырмайджакъсынъыз гъалиба, – деди Шакир кулюп.

– Косовода 1389 сенесинден берли тюрк культуры яшай, 43 шаир ве язджымыз вар, – деди Эскендер бей.

Сонъра, бу автобуста босниялылар, булгъаристанлылар, македониялылар, гагаузлар да олгъаныны бильдик. Бири-биримизнинъ тиллеримиз де, йырларымыз да пек якъын экенине даа бир кере эмин олдыкъ.

12-13 саат кеткен сонъ Шакир раатсызланып башлады. Чокъ саркытып отургъанындан себеп аякълары шишкен. Мен оны автобуснынъ арт тарафына алып барып отургычлар устуне яттырттым. Ойле де о Ташуджу деген ерге баргъандже шай, ятып кетти.

Аман-аман 19 саат ёл юрип, 1000 километрден зияде месафени кечип, Тюркиенинъ дженюбинде Акъ денъиз ялысында ерлешкен Ташуджу шеэринде барып чыккытыкъ.

Ташуджу – сынъыр шеэри. О ерде уйлелик ашадыкъ ве гумрюкте весикъаларымызны ресмийлештирген сонъ гемиге отурып Шималий Къыбырызгъа ёл алдыкъ. Эбет анда энди нисбетен раат эди. Учъ саат ялдагъан сонъ Шималий Къыбырызнынъ Гирне деген шеэринде барып чыккытыкъ. Бизни автобусларгъа миндирип отеллерге алып кеттилер. Биз Акъ денъиз ялысында ерлешкен «Самилер» отелинде Шакирнен экимиз эки ерлик одагъа ерлештик.

– Ёрулдым, бираз раатланайым да, – деди Шакир ве башы агъыргъаныны айтты. Мен онга илядж кетирмек ичюн ашагъыгъа портъеге тюштим. Къзахыстандан кельген шаир Къайрат Джумагалиев портъенен лакъырды эте, амма не истегенини онга анълатып оламай,

пармакъларынен ишмар этип бир шейлер анълатаджакъ ола.

Мени корьгенинен Къайратбей Алмаатагъа эвине телефон этмек истегенини, лякин бу ерден Къазахыстангъа чыкъмакъ ичюн насыл кодны алмакъ кереклигини бу эрифке анълатып оламагъаныны айтты. Мен буны портъеге анълаттым.

Къайратбей къолай-къолай эвине телефон этти. О, апайына Къыбырызгъа келип чыкъкъаныны айтып анълатты.

Лякин не ичюндир чырайы бозулды.

– Хайырлысымы? – дедим мен.

– Сен Кипрге бараджам деген эдинъ, шимди исе Къыргыздаман деп не ичюн меним башымны кутесинъ, – деп, Къыргыз дегил, Къыбырыз десем де анъламагъа биле истемейип телефон трубкасыны ташлады, – дей.

Мен портъеден баш агърысы иляджыны алып, тѳпеге, озъ одамызгъа котерилдим.

– Не эглендинъ я, иляджханеге бардынъмы шу? – деди Шакир.

Къазах шаиринен олгъан вакъианы онъа тариф этим. Шакир кульмектен озюни токътатып оламай, тап козьлеринден яш кельди. Мен онъа иляджны узаттым.

– Ёкъ-э олды, яхшы кульдюдинъ, баш агърысы да кечип кетти, – деди Шакир.

Бир афта девамында Къыбырызда чокъ ерлерни кездик, чокъ шейлерни корьдик, чокъ меракълы шейлерни эшиттик. Оларнынъ эписини икяе этсем чокъ вакъыт аладжакъ. Онынъ ичюн мен тек Шакирнен биваста багълы вакъиаларгъа токъталаджам.

Шималий Къыбырызгъа кельгенимизнинъ экинджи куню автобуснен аман-аман бинъ метр юксекликте олгъан Бешпармакъ дагъла-

рынынъ богъаз уджундан кечип Гирнеден 22 километр авлакъта олгъан Шималий Къыбырызнынъ пайтахты Лефкошеге (эвельки ады Никосия) бардыкъ. Бу шеэр эвельден бир бутюн мемлекет олгъан Къыбырызнынъ пайтахты эди. 1974 сенеси мемлекет экиге болюнди. Онынъ мейданынынъ учтен эки кысымы Шималий Къыбырызгъа, къалгъаны исе урумлар яшагъан кысымгъа къалды. Мемлекет эалисининъ бештен бир кысымы яшагъан пайтахт да экиге болюнген. 1996 сенеси октябрь 16-да Шималий Къыбырызнынъ пайтахты Лефкошеде ерлешкен Ататюрк адына Медениет меркезинде тюркий тиллерде язгъан 22 мемлекет шаирлерининъ шиир шолени тантаналы суретте ачылды.

Форум иштиракчилерини Шималий Къыбырыз Тюрк Джумхуриетининъ о вакъыттаки Президенти Рауф Денкташ селямлады. Сонъра Туркменистан, Къазахыстан, Азербайджан векиллери чыкъышта булундылар. Бешинджи оларакъ сѳзни Къырым векили Шакир Селимге бердилер.

– Сайгъылы достлар! Мен Къырымтатар Миллий меджлисининъ реиси Мустафа Джемилев адындан, бутюн язарларымыз адындан сизлерге тешеккюр бильдирмек истейим. Дильде, фикирде, иште бирлик шиарынынъ атасы Исмаил Гаспралынынъ юртундан сизге селям кетирдим, – деди Шакир. – Къазах шаири Къалайбек Турсункъулов биз агъыр шараитте яшадыкъ, деди. Биз 50 йыл сюрюнликте даа бетер яшадыкъ. Биз мектеп корьмедик. Мына бу ерде меним достум Аблязиз Велиев отура. Биз тильни ана-бабамыздан огрендик. Халкъымызнынъ даа 50 файызы ана юртуна къайтмады. Яшлардан шаирлеримиз ёкъ. Бунынъ себеби

– яшларымыз русча окъуйлар, – деди ве Челеби-Джихан акъкъын-да айтып «Ант эткенмен» шииринден дёрт сатыр окъуды.

Шоленнинъ экинджи куню саба урумлар тарафындан харабеге че-вирильген Алан ичи, Мурат агъа, Сандаллар, Мормелевше койлеринде олдыкъ. Отельге къайтыр экенмиз, бизим эдебиятымызны, музыкамызны, языджыларымызны яхшы бильген тюрк шаири Якъуб Гунъдемир бизлерни де микрофонгъа давет этип къырымтатар лятифелерини, йырларыны иджра этмемизни, шиирлеримизни окъумакъны риджа этти. Эльбет де биз онынъ риджасыны ред этмедик. Якъуб бейнинъ озю де микрофонны элине алып, бизим «Эй, гузель Къырым», «Шу Ялтадан» киби тюркюлеримизни йырлады. Учюмиз бир олып «Ант эткенмен»ни йырладыкъ. Шакир озюнинъ «Эльвида, анам» шиирини азербайджан тилинде окъуды.

Октябрь 19-да Магъоса шеэриндеки Догъу Акъденъиз университетинде мушаире олды. Бу сефер анда чыкъмакъ меним небетим эди.

Бу этрафта бир къач саат девамында къадимий шеэрни Шакирнен берабер кездик. Отелло къалесинде олдыкъ, Намыкъ Кемал зинданыны, Лала Мустафа Паша ве Синан Паша джамилерини зиярет эттик, о ерлерде берабер ресим чыкъарттыкъ.

Лефкедеки Авропа университетинде, Лефкошедеки Якъын Шаркъ университетинде отъкерильген мушаирелерде чыкъышта булунып шиирлер окъудыкъ. О корюшювлер эр сефер концертлернен бите ве мытлакъа къырымтатар йырлары да иджра олуна, олар бизим рухумызны котере эди.

Къыбырзда олгъанымызнынъ

сонъки куню Лефкоше университетинде башта буюк мушаире, сонъра шиириет шолени иштиракчилерине дипломлар такъдим этильди. Экинджи куню Тюркиеге къайттыкъ.

Октябрь 21-де Анкъарадаки Гъазы университетинде шиириет байрамы девам этти. Онда Тюркиенинъ корюмли девлет эрбаплары Альпарслан Тюркеш, Тансу Чиллер ве дигерлери де булундылар. Гъазы университетининъ ачыкъ салонунда шиирлер окъулды. Сонъра шоленге екюн чекилип, Мухаммад Захир Шах мукъяфаты туркменистанлы шаир Атамурад Атабековгъа, Бедиль мукъяфаты Америкада яшагъан афгъанистанлы озбек шаири Эргаш Учкъунгъа ве Ариф Нихат Асия мукъяфаты къырымтатар шаири Шакир Селимге берильди.

Акъшам Тюркие Языджылары бирлиги ве Анкъара беледие башкъанлыгъы мухтешем Ат спорты Сарайындаки «Метрополь» ресторанында шолен иштиракчилерине зияфет берди. Анда Анкъара Буюк шеэр беледие башкъанынынъ ярдымджысы, саметдешимиз Чынгъыз Оджакълы чыкъышта булунып: «Меним ана-бабам да къырымлы ве мен сизинъ бу топлантынъызда иштирак эткенимден гъает мемнюним», – деди.

Бу зияфетте косоволы Эскендер Алтайдан сонъ Шакир сёз алып, тюрк халкълары шаирлерининъ бу нуфузлы шиириет байрамыны тешкиль эткен, пек яхшы отъкерген ве, ниает, бугунъки зияфетнинъ тешкилятчыларына джан-юректен тешеккюр бильдирди. Шундан сонъ къырымтатар йыры янъгъырады.

4-нджи халкъара тюрк халкълары шаирлерининъ шиир шолени, иште, бойле екюнленди. Бундан эвель о, Тюркиенинъ Бурса ве Конья шеэрлеринде (1992 с., 21-24

майыс), Къазахстаннынъ пайтахты Алмаатада (1993 с., 15–51 сентябрь), ве Туркменистаннынъ пайтахты Ашхабатта (1995 с., 18–21 майыс) отъкерильген эди.

### Измирде бир афта

1998 сенеси октябрь 26-31 куньлери Шакирнен берабер Тюркиенинъ Измир шеэринде отъкерильген «Улусларарасы тюрк дюньясы бильги, медениет ве санат афта-лыгы симпозиумы»нда иштирак этмеге къысмет олды.

Биз анда кетеркенмиз ёл бою Бурсада да йигирми дакъкъа токътадыкъ. Гедженинъ дер маали олгъанына бакъмадан бизни Бурса къырымтатар дернегининъ ёлбашчысы Аднан Сюен ве анда окъугъан къырымтатар студентлери гульдестелернен къаршылап алдылар. Корюшювимиз къыскъа олгъанына бакъмадан эпимиз пек мемнюн къалдыкъ. Измирге исе тап гедже саат 4-те барып чыкътыкъ. Анда да бизни озь семетдешлеримиз – Измир къырымтатар дернегининъ ёлбашчысы Зеррин Къуртулуш ве онынъ ярдымджылары къаршылап алдылар ве мусафирханегедже озгъарып бардылар.

Симпозиумда 23 мемлекеттен 80-ден зияде векиль иштирак этти. Анда Австралия, Пакистан, Македония, Босния, Югославия, Алмания, Иракъ, Ингильтере, Голландия, Юнанистан, Къытай, Шималий Къыбырыз, Романия, Булгъаристан ве бир чокъ дигер мемлекетлернинъ векиллери бар эдилер.

Къадимий Измирде кечирген куньлеримиз бизде унутылмайджакъ хатыралар къалдырды. Анда октябрь 28 куню уйледен сонъ Шакир «Къырымтатар эдебиятыннъ кечмиши ве бугуньки вазияти» мевзусында, мен исе «Кочъ дев-

ри къырымтатар эдебияты» мевзусында йигирмишер дакъкъалыкъ чыкъышлар яптыкъ. Чыкъышларымызны яхшы къаршыладылар. Шакирнинъ, тюркий эдебиятыннъ энъ къадимий язма абиделеринден бири олгъан, XII асырнынъ сонъу ве XIII асырнынъ башында иджат эткен къадимий девир къырымтатар эдебиятыннъ векили Махмуд Къырымлынынъ «Хикъет-и Юсуф ве Зулейха» дестаны акъкъындаки чыкъышы форумда иштирак эткен мусафирлерде къырымтатар эдебиятына нисбетен пек буюк меракъ догъурды.

Романияда ана тилимизде чыкъкъан «Къара денъиз» газетасынынъ хадимлери Алтай Керим ве Сельма Хасаннынъ чыкъышлары да меракълы эди. Бизим дёртюмизни де симпозиум кетишатында межлис диванына сайладылар. Буны биз къырымтатар халкъына, онынъ эдебиятына, ве эбет, бизим эдилеримизге косьтерильген урьмет деп эсапладыкъ.

Акъшамлардан биринде романиялы достларымыз бизни озь одаларына мусафирликке чагъырдылар. Субетимиз девамлы ве меракълы кечти. Романиягъа къайткъан сонъ Алтай Керим бу корюшювимиз акъкъында озю баш муаррир, Сельма исе баш муаррир ярдымджысы олгъан «Къара денъиз» газетасында аман-аман эки саифели макъале ве ресимлер бастырды.

О зияретимизде бизге пек тесир эткен кене бир шей шу олды. Симпозиум Измирнинъ ярым миллион адам яшагъан Къаршыякъа беледieselнинъ меркезинде къурулып, шу куню тантаналы ачылувы олгъан Зия Гёкальп адына санат сарайында отъкериледжек эди. Бизлерни автобусларнен шу ерге кетирдилер. Сарайнынъ огюнде емшиль аланлыкъта бем-беяз скем-

лелер кьоюлган. Бизлерни де андаки ог сыраларгъа буюр эттилер. Ерлеримизге отурдыкъ. Шу ерде топланган халкъны тантаналы маршлар ве аваларнен эглендирмекте олган уфюрип чалынган алетлер оркестри бир кереден токътанды ве кырымтатар «Къайтарма» сыны чалып башлады. Биз озюмизни тутып оламадыкъ, эльчырптыкъ. Башкъалар да бизге кьошулдылар. Гонъюллеримиз котерильди, ифтихарландыкъ. Шу дакъкъадан башлап симпозиум биткенге къадар бутюн вакъыт Къаршыякъа беледиесининъ башкъаны, сайгъылы Кемаль Байсакъ озь ярдымджыларынен бизлернен бераберликте олдылар. Симпозиум кунълеринде ильхамланып мен «Къаршыякъа», «Нериман», «Селиме», «Мен шиир окъуйым санада» киби бир къач шиир де яздым. Эки кунъ симпозиум черчивесинде шиириет акъшамлары откерильди. Анда биз де чыкъып шиирлер окъудыкъ.

Медений программамыз да зенгин олды. Мустафа Кемаль Ататюркнинъ анасы Зубейде ханымнынъ къабрини зиярет эттик, Тюркие укюметининъ 75 йыллыгъы мунасебетинен шеэр стадионында откерильген байрамда булундыкъ, шеэрден 100-120 километр месафедде ерлешкен тарихий Сельджукъ, Эфес, Къушадасы деген ерлерни зиярет эттик.

Къуш адасы – ультраземаневий курорт шеэрчиги олса, Сельджукъ Иса Пейгъамбернинъ анасы – Меръем ана яшагъан ве бир чокълары ичюн зиярет ерине чевирильген шеэрчиктир. Меръем ананынъ къабрини биз де зиярет эттик. Бир саат девамында къадимий Эфесни доландыкъ. Бир вакъытлар Византия девлетининъ меркези олган бу шеэр бугунде юзлернен гектаргъа сачылып яткъан олю шеэрдир. Эра-

мыздан эвельки XII асырда къурулып башлагъан ве юзлернен йыл девамында къурулган, озюнинъ мухтешем сарайлары, девлет идарелери, кутюпханелери, бугунде биле акъраны олмагъан 25000 адамлыкъ ачыкъ театри ве эбет дюньядаки еди аджайибатнынъ бириси сайылган, мермерден япылган Артемиди китапханеси, Домитиан чешмеси, меджлис бинасы, хаммамлары, Поллио мезарлыгъы, Диониснинъ эйкели, мермер сув кемерлери, Эфеснинъ ерасты каналлары инсанны шашыра. Биз Шакирнен Бульбуль дагъы этегинде къурулган бутюн бу шейлерни къадимий шеэрнинъ мермер таштан япылган ёллары бойлап кезрек, сейир этик, айретлендик ве хатыра ичюн ресимге чыкътыкъ.

Симпозиумнынъ сонъки куню бизге Югославиянынъ Призрен шеэринден Румели тюрк театрининъ коллективи кетирген «Эшшек мухаббети» деген пек меракълы спектакльни косьтердилер.

Измирден къайтыр экенмиз, биз Бурсада кене токътандыкъ. Чюнки Аднан бейге, къайткъанда кирермиз, деп ишандыргъан эдик.

Ноябрь 1-де шеэрдеки кырымтатар дернегининъ бинасында шу ерде окъугъан алтмыштан зияде кырымтатар студентинен корюштик. Оларгъа Измирде олган тедбирлер акъкъында айттыкъ, шиирлер окъудыкъ, субетлештик, суальджевап олды. Бу хусуста корюшювде иштирак эткен «Заман» газетасынынъ мухбири Огъур Озьдемир де кенди неширинде макъале ве ресимлер чыкъарды ве бизге де ёллады.

Затен бизим Измирдеки симпозиумда япкъан чыкъышларымыз, иштиракимиз, симпозиумнынъ иши акъкъында Тюркиенинъ «Газета Эге», «Асыр», «Хурриет», «За-

ман», «Хурриет Эге», «Тюркие» газеталары да макъалелер, хаберлер бастылар.

Бурсадан Истанбулгъа кельдик. О ерде бизни ватандашымыз, белли иш адамы Герай Мавке къаршылап алды ве акъшам «Хан емеги» ресторанына алып кетти. Сонъ бильсек, о ресторан озюнинъ кебапларынен мешур экен. Бизге ардысыра 5-6 чешит кебап, салкъын айран ве эбет дигер емеклер де кеттидилер. Адети узре Тюркиеде кебаплар аджджы бибернен азырланыла. Шу себептен Шакир кебап ерине башкъа ашлар ашады.

Гедженинъ дер маалинде отельге алып кеттилер. Дёрт йылдызлы отель. Яхшы, эр шей текмилъ. Невбетнен душта ювундыкъ, амма кучлю емеклерден сонъ сувсадыкъ. Номерге озюмизнен сув алмагъанмыз. Портъеге телефон этсек кимсе сесленмей. Ашагъыгъа тюшмеге ушендик.

– Саба ола, хайыр ола, – деди Шакир. – Бакъ, Абляз, бизим совет мусафирханелеримизде ич бир онъайтлыгъы олмаса да, маса устюнде бир графин сувнен эки стакан олатургъан эди. Бу исе дёрт йылдызлы отель. Душта ювунмакъ ичюн эр бир адамгъа дёртер без къойгъанлар. Амма бир шише сув къоймакъ кимсенинъ акъылына кельмеген...

Не де олса яттыкъ. Мен эрте уяндым. Бакъсам телевизорнынъ тюбюндеки «тумбочка»нынъ ашыкъ-машыкълары бар. Демек о ачыла. Ачып бакъсам о, буздолап экен. Ичи чешит емеклер ве ичимликлернен рыкъма-рыкъ толу.

– Эй, огъайны, бу якъкъа къаранъ. Биз ахмакъ, биз дуррак, акъшам сув къыдырып нелер-нелер айтмадыкъ, – дедим Шакирни уянттып. О, мыйгынынъ астындан кулип: бу халадильник деган нар-

са дыр-дыр-дыр деп ишлап, хой, акалар, мен бу ердаман, демайди-ми? – деди кейфнен кулерек (Бу ерде шуны да айтмакъ истейим ки, биз Шакирнен озъара шакъалашакъ, чокъусы озъбек тилинде лакъырды эте тургъанмыз. Чюнки аския озъбек тилинде пек джанлы чыкъа).

– Сабакътан сувукъ шей ичмек олмаз, айды аэропорткъа кеткенде ёлгъа алырмыз, – деди Шакир. – Кене яхшы акъшам портъеге телефон этип оламагъанмыз. Масхара олур эдик.

Душкъа кирип, ювунып чыкъкъандже «къавалтыгъа буюрынъыз!» – деп саба емегине чагырып кеттилер. Маса башында Шакирнен экимиз ашаймыз. Эки йигит башымызнынъ уджунда хызметке азыр олып туралар. Ашап-ичип, йигитлерге тешеккюр бильдирдик ве: «биз барып эшьяларымызны азырлайыкъ, ава лиманына кетмек керек», – дедик.

– Шейлерингиз энди арабада, эфендим!» – деди йигитлерден бири.

Шакир мангъа, мен онгъа бакътым. Кулюштик ве кене сувсыз аэропорткъа ёл алдыкъ.

### Хатыра кунюни нишанларкен...

Номан Челебиджиханнынъ хатыра кунюни нишанламакъ анъанеге чевирилди. Чокъ йыллардан берли эр сене февраль 23-те онынъ догъгъан кою – Сонакъкъа барамыз, онынъ хатырасыны анъамыз. 1999 сенеси де шай олды. Биз бир группа эдиплер Шакир Селим ёлбашчылыгъында Сонакъкъа кеттик. Нузет Умеров, Юнус Къандым, мен ве Шакир кельгенимизде кой клубында баягъы адам бар эди. Ерли мектепнинъ талебелери оджалары Л. Зейтуллаеванынъ ре-

берлигинде шу куньге багъышлап махсус программа азырлагъанлар. Чокъ чыкъышлар олды. Шиирлер окъудыкъ. Илериде мында музей, китапхане, джами къуруладжагъы, медений оджакълар ишке тюшюриледжеги акъкъында айтылды.

Тедбирден къайтыр экенмиз, Шакир, аякъларына резина чызма, устуне куфайка кийген бир къадыннынъ ёл четинде мал айдап келейткъаныны корип афакъанланды.

– Иште, мына бизим къадынларымызнынъ алы, деди. Гъалиба къайткъанынен язгъан олмалы. Арадан бир къач кунъ кечкен сонъ «Янъы дюнья» редакциясына «Авашерфе» деген шиирини кетирди. Бакъсам онынъ тюбюне 26.02.99 деп язылгъан. Онда шойле сатырлар бар эди:

Мен Сонакъта кордим онынъ балчыкъларгъа баткъанын,

– Бу балчыкътан чыкъты Номан, – деп гъурурнен айткъанын.

Дудакъларын, тырнакъларын бояларнен ашламай,

Бостан асрай, эллеринден къазма-курек ташламай...

Шу дакъкъасы Сонакътан къайткъанымызда ёл четинде корьген къадынны хатырладым. – Прототиби о дегильми? – деп сорадым Шакирден.

– Эльбет о да себеп олды, – деди шаир.

Дейлер: Ава яратылгъан Адам къабургъасындан,

Ёкъ, бу Ава яратылгъан Чатырдагъ къаясындан!

Ёкъ, бу Ава яратылгъан чёллер къасыргъасындан!

Яратылгъан Ана-юртнынъ Аналар Анасындан!

Бу шииринде шаир бинъ-бир агъырлыкъкъа, акъсызлыкъкъа, ёкъсузлыкъкъа, адалетсизликке

даянгъан аналарымызнынъ, меляике киби къадын-къызларымызнынъ образыны яратты.

### «Ха-ха-ха»нынъ гъайрыдан догъувы

Исмаил Гаспринскийнинъ 150 йыллыгъы мунасебетинен буюк халкъара конференция отъкерильди, башкъа бир сыра тедбирлер кечирильди. Иште, о кунълерде Шакир меннен корюшип:

– Абляз, бир гъае догъды, – деди.

– Не экен? – сорадым мен.

– Исмаил атамиз 1906 сенеси «Терджиман»гъа иляве оларакъ «Ха-ха-ха» аджвий веракъасыны чыкъаргъан. Шунъа тамам 95 йыл олды. Шимди Гаспринскийнинъ ишини девам эттирип, «Йылдыз» меджмуамызгъа иляве оларакъ «Ха-ха-ха» деген ренкли бир журнал чыкъарып башласакъ, не дейсинъ? – деди.

– Пек яхшы! – дедим. Савап иш олур.

– Айса шунунъ муаррирлигини сен бойнунъа ал...

Иште, бойлеликнен 2001 сенесининъ январь айындан башлап эки айда бир кере чыккъан он эки саифели «Ха-ха-ха» адлы аджвий меджмуаны чыкъарып башладыкъ. Зан этсем о миллий матбуатымыз тарихында озуне дегерли ер алыр. Бугунъгедже «Ха-ха-ха»нынъ 29 саны чыкъты. Ве бу неширнинъ дюнья юзю корьмеси Шакир достумызнынъ тешеббюсине багълы экенини адамлар бильмек кереклер.

Лякин теэссюф ки, 29-нджы сандан сонъ «Ха-ха-ха» токътап къалды. Чыкъмай. Онъа маддий къолтуткъан адам да, тешкилят да ёкъ.





Къырымдан Украина язджыларынынъ съездинде иштирак эткен эдишлер Украина халкъ депутаты Мустафа Джемилде мусафирликте. *Киев, 2001 с.*



А. Валиев Акъмесджитте отъкерильген шириет поленининъ иштиракчилери арасында. *2005 с.*

\* \* \*

2002 сенеси апрель 10-да Шакирининъ догъгъанына 60 йыл толаджакъ. Шу мунасебетнен онынъ

юбилейини отъкерюв акъкъында лаф ачкъан эдик, ёкъ демеден данмады.

– Айса шириет акъшамы япармыз, озюнь халкъ огюнде ши-

ирлеринъни окъурсынъ, экинджи къысымы концерт олур, – дедим Шакирге. Бойле варианткъа разы олды.

Эбет, юбилей акъкъында Къырым муэндислик-педагогика институтынынъ ректоры Февзи Якъубовнен кунъ эвельси лакъырдымыз олгъан ве атта азырланып да башлагъан эдик. Мен онынъ насыл шекильде кечириледжегини Февзи агъагъа анълаттым:

– Шакир тек шириет акъшамына разы, ресмий ич бир шей олмайджакъ, озюмиз сонъундан айрыджа меним догъгъан коюме барып, анда шенъленирмиз дей, – дедим.

2002 сенеси апрель 9-да Февзи Якъубовчининъ иш одасында топланып, мен азырлагъан сценарийни бакъып чыкътыкъ ве акъшамны апрель 18-де джумаакъшамы куню университетнинъ буюк Меджлислер залында отъкермеге къарар бердик.

Юбилей юбилейнен, догъгъан кунъ озь ёлунен.

Апрель 10-да «Янъы дюнья» газетасынынъ баш муаррири Нузет Умеровнен экимиз меркезий базаргъа барып дюльбер бир къаве такъымы, чечеклер ве даа оны-буны алып Шакирнинъ эвине кеттик. Оны джан-юректен хайырладыкъ. Бу кунълерде Февзи агъа бестекяр Сервер Какурагъа телефон этип, Шакир Селимнинъ шириет акъшамында онынъ сёзлерине язгъан «Дюнья» тюркюсини иджра этмеге азырланмасыны, Рустем Меметовгъа телефон этип, Шакирнинъ сёзлерине язылгъан «Яралангъан тюркюлер» йырыны азырламасыны риджа этти.

Апрель 15-те саба саат 10-да И. Гаспринский адына китапханеде Шакир, Айдер Эмиров ве мен кене Шакирнинъ 60 йыллыгъы меселе-

синде корюштик. Акъшам насыл кечеджегини анълаштыкъ. Февзи Якъубовичнен багъланып университетнинъ бир къач студенти Шакирнинъ шиирлеринден ифадели окъусалар яхшы олур эди, деген истекни бильдирдик. Бу меселени о, озь узерине алды.

Сёз устасы Риза Юсуфовнен редакцияда корюштик. Мен онъа Шакирнинъ юбилей акъшамында онынъ «Балалыгъым» деген шиирини эзберден ифадели окъумасыны риджа эттим. Шу ерде редакция хадими Муневвер Меджитова о шиирни компютерде джыйып, Риза устагъа берди.

Апрель 17, чаршенбе куню акъшам къырымтатар театринде Риза Фазыл ве Сафтер Нагаевнинъ «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» китабынынъ такъдимиди оладжакъ эди. Онынъ башланмасындан бир саат эвельси, театрнинъ директоры Решат Ахтемовнынъ одасында топланып, яринки тедбир меселесини кене бир кере лакъырды этмекни кунъ эвельси Февзи Якъубовнен анълашкъан эдик. Шай да яптыкъ. Там бельгиленген саатте, бельгиленген ерде Февзи Якъубов, университетнинъ медений ишлер боюнджа проректоры Ремзи Девлетов, Риза Юсуф, «Учансув» ансамблининъ рехбери Али Алимов ве мен топландыкъ ве яринки тедбирге бутюн шей азыр экенине эмин олдыкъ.

Бу ерде шуны да айтмалы ки, бу тедбирден Шакирнинъ хабери биле ёкъ эди. Албу ки, бугуньки китап такъдимини о алып бараджакъ эди. Шай да олды. Акъшам меракълы кечти. Мустафа Джемилев, Идрис Асанин, Тимур Дагъджы, Меръем Озенбашлы, Муслим Шейхаметов, Бейе Ильясова, Сейран Сулейман чыкъышта булундылар ве китапнынъ дегерлиги акъкъында айттылар.

Апрель 18-де биз редакцияда Шакир Селимге юбилей адрес папкасыны азырладыкъ, ичине онынъ ренкли ресимини япыштырдыкъ, редакция хадимлерининъ юбияргъа истеклерини беян эттик ве меним Шакирнинъ 60 йыллыгыны багъышлап язгъан «Судакълы ногъайны кыдырып» деген шиirimни яздыкъ. Чюнки о, меним 60 йыллыгымда мангъа багъышлап «Судакълы ногъай» деген шиир язып, Судакъта меним 60 йыллыгым мунасебетинен отъкерильген корюшювде окъугъан эди.

Шу куню уйле маалинде Шакир бизге редакциягъа кельди. Отурып берабер чай ичтик ве саат 3-ни кечкенде берабер пединституткъа кеттик.

– Барып залны бир бакъайыкъ, – деди Шакир. Шай да яптыкъ. Залгъа кирсек санада буюк алтын арифлернен «Шакир Селим – 60» деп язылгъан ве онынъ астына муэллифининъ:

Не заман халкъ боладжакъсынъ, миллетим?..

Къачан миллет боладжакъсынъ, эй халкъым?..

Бирлешмесенъ, не миллет, не халкъ дермен,

Хорлукъларда джылай-джылай олермен. –

деген сатырлары битильген.

Шакир мангъа: «Абляз, эгер о шей алып ташланмаса мен шимди бу ерден чыкып кетерим», – деди.

Мен Рефикъ Къуртсеитовнен Ремзи Девлетовгъа мураджаат этип: – дёрт сатыр шиир къалса къалсын, башкъасыны алып ташлангъыз, – дедим.

– Оны айрыджа алмакъ мумкюн дегиль, – деди Ремзи.

– Айса бутюнлей алып ташлангъыз, – дедим. Перде ортюльди ве сана артына ерлештирилген пано алып ташланды.

Зал халкънен рыкъма-рыкъ толды. Корюшюв саат 16-да – тамам бельгиленген саат ве дакъкъада башланды. Дилявер Бекиров ёлбашчылыгындаки чалгъы такъымы Сервер Какура ве Аблязиз Веллевнинъ «Кузь кейфи» йырыны акъырындан чала. Риза Юсуф Шакирнинъ «Балалыгым» шиирини окъуп башлай. О:

Балалыгым кечти – кетти,

Яшынлы бир кунь киби.

Мына, алтмыш яшкъа еттим

Санки балам дюнь киби...

Бу мысрадаки учюнджи сатыр аслы да:

«Аман – аман къырккъа еттим» эди. Лякин меним риджамнен Шакир онынъ «Мына, алтмыш яшкъа еттим» деп окъулмасына разылыкъ берди. Шиир 13 мысра. О:

Балаларым – балалыгым,

Мени раат къоймангъыз!

Балалыгым – балаларым,

Тойып – тойып ойнангъыз! –

Деген сатырларнен бите. Лякин мен Шакирге: «достум, Риза шиирни шойле сатырларнен битирсин де, мен буны сангъа багъышлайым, – дедим:

Алтмыш баарь, алтмыш сене

Къалдырдым мен кериде.

Къалгъаныны Тангъры биле,

Такъдир онынъ элинде.

Шакир йылмайды, разы олды ве: «Сагъ ол!», – деп элимни сыкъты.

Бойлеликнен акъшам башланды. Оны мен алып бардым. Илък сёлерим шойле эди:

– Селям алейкум, сайгъылы достлар! Хош сефагъа кельдингиз! Бугунъ биз эпимиз поэзия акъшамына топландыкъ. Онынъ себепчисибундан тамам 60 йыл эвельси, бойле баарь куньлеринде Къырымнынъ ювшан къокъулы уджсызбуджакъсыз чёллерининъ Буюк-Ас

коюнде дюньягъа кельген, бугуньде белли шаиримиз Шакир Селимдир.

Биз бугунь эски анъанелерни бозып, шаматалы юбилей акъшамы япмакъ дегиль де, шаирнинъ истегине бинаэн шириет байрамы отъкермек къарарына кельдик. Чюнки халкъымыз чокътан бойле байрам корьмеди. Бугунь сёз усталарымыз, шаирлеримиз, студентлеримиз ве эльбет де, бу акъшамнынъ себепчиси Шакир Селим озь шиирлерини окъурлар. Шакир Селим бутюн суаллеринъизге джевап берир. Эгер бу суаллер эдебият, иджат, поэзия акъкъында олса даа да яхшы олур эди. Бойлеликнен шириет акъшамына хош кельдинъиз!

Иште, шундан сонъ, эвельден къарарлаштырылгъаны киби, Сервер Какура ве Рустем Меметов Шакирнинъ сёзлерине язылгъан йырларны иджра этилер, студентлерден Эльвина Абдулазизова, Руслан Меметов, Севиля Алиева Шакирнинъ «Ана кыймети», «Къырым дженнет дегиль достлар», «Мераба, генчлик!» шиирлерини окъудылар.

Сонъра аман-аман бир саат Шакир шиир окъуды, суаллерге джевап берди, акъшамдан кейф алды. Шириет байрамыны «Учан сув» ансамблининъ санатчылары яраштырдылар. Къыскъасы юбилей акъшамы Шакирнинъ истегени киби олды. Шаир мемнюн къалды.

Сонъундан Шакир мени ве Февзи агъаны алгъышлап, акъшамдан мемнюн экенини бильдирди. Онынънен берабер биз де севиндик.

\* \* \*

Майыс 14-ке бизни – Шакир Селим, Алие Велиуллаева, Алиме Яева ве мени Первомай районнынъ Калинин коюне давет этилер. Анда кой клубында район мектеплериндеки оджаларнынъ семинары олып кечти. Оны Шакир Селимнинъ 60 йыллыгъына багъышлагъанлар. Оджалар, талелелер концерт бердилер, Шакирнинъ адына тебриклер олды, шаирнинъ шиирлери окъулды. Сонъра Шакирнен экимиз чыккъышта булунып шиирлер окъудыкъ. Корюшюв яхшы кечти.

Тедбир биткен сонъ кой меджлисининъ реиси бизни озь эвине бир фильджан къавеге давет эти. Ёкъ деп оламадыкъ.

Къадынлар ичериде софра донаткъан арада къонакъбай бизни азбаргъа давет этип, озюнинъ пек тантиминен багълангъан асмалыкъ юзюмлерини, гуллерини, чечеклерини, тереклерини косьтерди. Къонакъбайнынъ дамы артындаки къаралтысы да балабан. Къаралтыннынъ сонъунда отуртылгъан тереклер эппейи оськенлер, аскерлер киби сыранен тизилип туралар.

– Я о тереклерни ким отуртты? – деди Шакир къонакъбайгъа мураджаат этип.

– Озюм! – деди гъурурнен эв саиби.

– Я бутюн чёльни хараплагъансынъ да! – деди Шакир. – Ондан о якъкъа бир шей корюнемей...

Эпимиз кулюштик. Къонакъбай мусафирнинъ шакъасыны шу дакъкъасы анълап, о да шакъылдап кульди...



Солдан: Шакир Салим, ро-  
маниялы язвджы Алтай Керим  
ве Аблязиз Велиев Тюркие-  
нинть кьадимий Эфес шеэрин-  
де. 1998 с.



Киевде отькерильген Авразия  
язвджыларынынть форумьнда.  
Бемли Азербайджан язвджысы  
Анарнен бирликте. 2007 с.



Язвджынынть 60 йьылдыгында.  
Октябрь, 1999 с.



Багъясасарайда И. Гаспринский-  
нинть эйкели отьонде.

Майыс 26 – базар куню Шакир сой-акърабасыны, достларыны, юрекке якъын адамларыны догъгъан кою – Буюк-Аскъа мусафирликке давет этти. Буюк бир автобускъа толушып Акъшейх районуна ёл алдыкъ. Баарънинъ сонъки айы битетята. Авасы кунешли, орталыкъ ем-ешиль.

Ёлда къызгъын субетлер, лакъырдылар, шакъа-къораталар. Эр кеснинъ, хусусан Шакирнинъ кейфи пек гузель. Я о озюнинъ догъгъан чёлуне кете де! Автобусымыз дюльбер манзаралы бир ерде токътады.

– Перекур! – деди кимдир. Эпимиз тышарыгъа тёлюлдик. Ёл четинден башлап та уфукъкъадже созулып кеткен ал-реван тюсли патлакъчанакъ тарлалары.

– Оля, Абляз, бираз кечиккенмиз! Коресинъми, патлакъчанакълар энди тёлюлип башлагъанлар! – деди Шакир. – Ничего, бизге къалгъаны да етер. Келинъиз, хатыра ичюн бир ресимге чыкъайыкъ.

Шу ерде бутюн фотоаппаратлар ишке киришти.

Сонъра ёлумызгъа реване олдыкъ ве арадан он беш-йигирми дакъкъа кечер-кечмез Акъ-Шейх къасабасынынъ дживарында ерлешкен балабан бина огюне келип токътадыкъ. Бу ерде бизни энди беклей экенлер. Эпимизни экинджи къаткъа давет эттилер. Бу, китапхане экен. Ярыкъ софада сыранен тизильген масалар устюнде емеклер, къавалтылар, ичимликлер. Эпимизни отурмагъа давет эттилер. Къокъулы къавенен сыйладылар. Бу ерде койдешлери, юрташлары Шакирни хайырладылар. Мен де чыкъышта булундым. Сонъра, бир вакъытлар абадан кой олгъан, энди там-такъыр чёлъге чевирилген сабыкъ Буюк-Ас кою-

не кеттик. Эр ер теп-тегиз. Бир тюрлю эв-баркъ къалмагъан. Биз автобустан тюшип чёлъге яйылдыкъ. Кимдир ёлнынъ ызларыны, кимдир эвнинъ темели олгъан ерлерни, кимдир къырыкъ кирамет парчаларыны тапа. Мен де 2-3 кирамет парчасыны алып: «Буюк-Астан хатыра оларакъ алып кетеджем» деп джебиме къойдым. Бир ерде, демек эвель о ерде мезарлыкъ олгъан, йыкылып яткъан баш ташыны расткетирдик. Шу дакъкъасы йигитлер котерип, оны тиклеп къойдылар.

Шакир яваштан башташ янына чёкеледи, сагъ элининъ авучынен эски арап языларыны, онынъ тёлесиндеки насылдыр бельгини сильди.

– Къара, Буюк-Аснынъ тамгъасы! – деди кедерленип, – бу ташны къорумакъ керек. Биз яваш яваш къорайлар, инсанны саргъошлатыджы ювшанлар ичинден огге таба кеттик. Анда, узакъта насылдыр бир иншаат тура эди.

– Иште, Буюк-Астан къалгъан шу къую, – деди Шакир ве эгилип къаранлыкъ теренликке тикильди. Санки дерсинъ о ерден койдешлери, кечмиш эждатлары сесленеджеклер. Къую пек терен эди. Онынъ ичюн бир шей кюрюнемеди. Амма о ерден мотор аркъалы сув чыкъа. Айванларны суваралар.

Бираздан сонъ къуюдан пек узакъ олмагъан ерде токъталдыкъ. Тёшемелер тёшельди, софралар до-натылды, емеклер къоюлды ве... «Къырым» ансамблининъ солисти, аккордеондчы Юсуф Сулейманнынъ юреклерни агълатыджы, сызлатыджы, эеджанландырыджы эски къырымтатар халкъ нагъмелери, Дилявер Османовнынъ ногъай йырлары бутюн чёлъге янъгырады. Базы биревлер терс бакъып козьяшларыны силе эдилер.

– Амма да иш яптынъ Шакир, – дедим, – сенинъ ресторанларынъ къач капик, мына кейф къайда!

– Мен де шуны арз эте эдим, акъай, мырадыма еттим, – деди Шакир ве бир кереден лакъырдыны денъиштирип, онынъ сеси о къадар гурь дегиль эди, лякин олгъан сесинен багъырып:

– Къана, софрагъа буюрынъыз, – деди. Шуны да айтмакъ керек ки, бугунъки бу «чёлъ рестораны»ны тешкилятландырувны «Буюк-Ас» фирмасынынъ ёлбашчысы, Шакирнинъ джиени Лятиф Мусав толусынен озъ бойнуна алгъан эди. Бу ерде бираз огге кетип шуны да айтмакъ истейим ки, Лятиф бей Шакир ичюн чокъ шей япты. Ондан Алла разы олсун.

Музыка янъгъырай, Юсуф чала, сонъра Сервер Какура йырлай, адамлар да онъа зиль туталар. Дюльбер лафлар, юректен чыккъан сёзлер, бу ерлерде яшагъан аджайип адамлар, Шакирнинъ сой-акърабалары, догъмушлары, кой тарихы, ве эльбет де, бу койден чыккъан белли адамлар акъкъын-да чокъ лафлар айтылды.

Манъа пек тесир эткен кене бир шей шу олды. «Маарифчи» ассоциациясынынъ реиси Сафуре ханым Каджаметова сёз сорады. Затен онынъ озю де, чёлъ дегенде тиз чёкмеге азыр олгъан къадын.

– Шакир агъа! – деди Сафуре яваш сеснен. Орталыкъ тым-тырыч. Биз, маарифчилер Шакир агъамызгъа не багъышласакъ экен деп чокъ тюшондик. Ве занымджа таптыкъ. Бу бахшышны шахсен мен пек бегендим, беллейим ки, Сиз де бегенирсинъиз...

Шай деди де, Сафуре ханым джебинден ешилъ къадифеден тикильген учъ кошелик назарлыкъ дуасыны чыкъарды.

– Мына бу дуанынъ ичинде

Буюк-Ас топрагъында оськен ювшан бар. Мен беллесем, боюнынъызгъа такъып юрген бу дуадан таралгъан тувгъан коюнъизнинъ ювшан кюкюсы эр даим Сизге Буюк-Асны хатырлатыр...

Шай деди де, Сафуре ханым дуаны Шакирнинъ бойнуна асты. Ондан берли къач кунъ, айлар, йыллар кечти. Лякин аля бугунъ о дуанынъ ювшан кюкюсы меним де бурнума уруп тургъан киби ола...

\* \* \*

Сонъ йылларда китапларны редактирлемей (яни «муэллиф муаррирлигинде» деп) чыкъарув адет олды. Бу, озъ невбетинде бир чокъ янълышылыкъларгъа алып келе. Сонъки корюшювимизден биринде Шакир де бунъа пек афакъанланьп: «Абляз, янъы дерсликлер чыккъан, корьдинъми? Оля, масхаралыкъ. Топланьп буны музакере этмек, бир чаре корьмек керек», – деген эди. Теэсюф ки, сагъ олгъанда бу шейни япып оламадыкъ.

Шакирнинъ озю бир де-бир китабыны азырлайджакъ олса манъа берип: «бир бакъып чыккъса, фикиринъни айтырсынъ», – дейтургъан эди. «Къырымнаме»сининъ биринджи китабыны шай, манъа берип окъуткъан эди. «Махмуд Къашгъарлы»нынъ юбилейине багъышлап отъкерильген региональ конкурснынъ жюри азалары Шакирнинъ эвинде топлашып, екюн чыкъаргъанда да лаф кене эсерлернинъ редактирленюви хусусында кеткенде Шакир: «Меселя мен невбеттеки китабымны Абляз редактирлегенини истейим», – дегенине о ерде булунгъан жюри азалары шаатлар. Мен буны не ичюн айтам? Эдип не къадар уста язды олмасын, озюнинъ эксикликлери озюне корюнмей, оны башкъа

бир адам бакъып чыкъса, бундан тек файда ола.

Меним озюм Омар Хайямнынъ «Рубайлер» ини ана тилимизге терджиме эткен сонъ, сагълыгъы пек яхшы олмаса да Шакирден «бакъып чыкъмагъа чаренъ олурмы» дегенимде: «Эбет, кетир, о манъа эглендже олур» – деп, разылыкъ берген эди. Эм пек дикъкъатнен бакъып чыкъкъан. Невбеттеки шиирлер китабымны неширге азырлагъанда да шай олды. О, джыйынтыкъны окъуп чыкъкъан сонъ ашагъыдаки рецензияны язды:

«Аблязиз Велиевнинъ «Ватан тюркюси» адлы китабына тевсие-наме.

Аблязиз Велиев къырымтатар эдебиятынынъ чешит жанларында махсулдар чалышып кельген истидатлы эдиплеримизден биридир. Хусусан, ана Ватанымыз Къырымгъа авдет олгъан сонъ онынъ иджады публицистика, несир, хадживе ве шиириет жанларында гъает салмакълы иджадий енъишлерге иришмекте.

Аблязиз Велиев бедий эдебиятымызнынъ шиириет жанрында озюне хас услюбинен, саде ве окъунакълы лирик ве халкъчан эсерлеринен айырылып турмакъта. Онынъ бир чокъ шиирлери саде ифаделиги ве гонъюльге якъын маневийлигинен бестекярларымызнынъ дикъкъатыны чеке. Шу себептен олса керек, онынъ чокъ шиирлери йыргъа чевирильди.

Муэллифнинъ янъы азырлагъан китабы «Ватан тюркюси» деп адландырылгъан. Бу онынъ мундериджесине уйгъун келе. Китапкъа аман-аман сонъки он йылда язылгъан тамамен янъы шиирлер ве йыр текстлери киритильген. Янъы китап чыкъараджакъ эр анги муэллиф ичюн бу пек муимдир.

«Ватан тюркюси» мевзу итиба-

ры иле бир къач болуктен ибарет. Муэллиф эсерлерини сечип алуvgъа да джиддий эмиет бергени корюлип тура, чюнки анда къыскъа омюрли шиирлер ёкъ. Ватандашлыкъ ве ватанперверлик, саф севги-муаббет, Ватангъа авдет олгъан миллетимизнинъ бугунъки ве ярынки тюшюнджелери китапнынъ эсас мотив ёлагъыны тешкиль эте.

Мен эминим ки, оны яхшы бильген окъуйджыларымыз «Ватан тюркюси» ни мемнюниетликнен къаршылап алырлар.

Шакир Селим,

Украина языджылары миллий бирлигининъ азасы,

«Йылдыз» междмуасынынъ муаррири.

15 апрель, 2008 с.»

\* \* \*

Мен бугунъ истидатлы шаир ве журналист, нашир ве муаррир, корюмли джемаат эрбабы, бир чокъ нуфузлы мукъяфатларнынъ лауреаты Шакир Селим акъкъында тек бир къач хатырлавларымнен пайлаштым. Олар исе гъает чокълар. Эгер эписини язсанъ, къалын бир китап оладжакъ. Не бермеген Алла, эгер сагълыкъ олса, бельки илериде къалгъанларыны да язарым.

**P.S.** Бу йыл шаирнинъ 70 йылыгъы онынъ озъ иштиракисиз кечти. Лякин кеткен сайын онынъ ёкълугъы, не дереджеде истидатлы эдип олгъаны даа зияде корюне, сезиле.

Тюшлериме киресинъ, Шакир!  
Амма узюле субетлеримиз.

Бир шейге эминим,

буны пек сезем,

Гъает факъырлашты

бу дюнья сенсиз.

Аблязиз Велиев.



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вячеслав Килеса. Миры взрослых и детей. Предисловие</i> .....	3
<b>ПРОЗА</b>	
<i>Нузэт Умеров. Бейбарс — султан Египта. Роман</i> .....	7
<i>Борис Финкельштейн. Взойти на сцену. Рассказ</i> .....	51
<i>Вячеслав Килеса. Веселое событие. Тили-тили тесто.</i>	
<i>Дети командира. Торт. Рассказы</i> .....	71
<i>Галина Грановская. Цикада-певунья. Одуванчик. Рассказы</i> .....	77
<i>Ольга Иванова. Можно ли влюбиться в третьем классе? Рассказ</i> .....	87
<i>Шасне Сулейманова. Лужа. Рассказ</i> .....	90
<i>Эдуард Угулава. Афанасьева беда. Рассказ</i> .....	97
<i>Владимир Горбань. Рыбалка по интересам. Рассказ</i> .....	99
<b>СТИХИ</b>	
<i>Сергей Овчаренко</i> .....	44
<i>Владимир Орлов</i> .....	60
<i>Юрий Поляков</i> .....	64
<i>Лидия Огурцова</i> .....	68
<i>Татьяна Корниенко</i> .....	81
<i>Людмила Гусельникова</i> .....	83
<i>Любовь Сивельникова</i> .....	86
<i>Леонард Кондрашенко</i> .....	93
<i>Инна Козеева</i> .....	95
<b>ГОСТИ ЖУРНАЛА</b>	
<i>Александр Мардань. Разгрузочный день. Рассказ</i> .....	103
<i>Виктор Вилеко. Стихи</i> .....	115
<b>ПАРОДИИ</b>	
<i>Владимир Клерман-Вильямс. Стихи</i> .....	119
<b>ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ</b>	
<i>Александр Маленко.</i>	
<i>«Приют спокойствия, трудов и вдохновенья»</i> .....	127
<i>Валерий Мешков.</i>	
<i>Анна Ахматова и Николай Гумилев: свидание в Евпатории</i> .....	131

## ЗМІСТ

## ПРОЗА

*Віктор Стус. Потолочена трава-мурава. Оповідання* ..... 142

*Галина Литовченко (Мороз).*

Ранково-сільський «променад». Самотність. Душевні перепетії.

*Оповідання* ..... 166

*Борис Нестеренко. Новорічне побачення. Ну то й що?*

*Оповідання* ..... 178

## ПОЕЗІЯ. ПЕРЕКЛАДИ

*Віктор Виноградов. Вірші* ..... 160

*Валерій Басиров. Вірші.*

Переклад Д. Кононенка, В. Латанського ..... 160

*Катерина Степчин (Гнесь). Вірші* ..... 185

*Віра Пальоха. Вірші* ..... 190

## ГІСТЬ ЖУРНАЛУ

*Олександра Ванжула. Вірші* ..... 196

## СМІХ КРІЗЬ ПРОЗУ

*Айдер Осман. Тямуці люди. Гумористичне оповідання* ..... 209

## ІСТОРІЯ РІДНОГО КРАЮ

*Володимир Проценко. Летюча фортеця Кримни* ..... 218

**МУНДЕРИДЖЕ****ЗЕМЕНЕ НЕСИРИ**

*Медиха.* Ватанда бир эв къурайым! *Повесть*..... 226

*Гульнар Зиядинова.* Къабаатлав. *Икяе* ..... 246

**ШИИРИЕТ**

*Рефат Чайлакъ.* *Шиирлер* ..... 241

**ЭДЕБИЙ ХАТЫРЛАВЛАР**

*Аблязиз Велиев.*

Шакир Селимнен дюнъяны кездик ..... 262

*Литературно-художественное издание*

КРЫМ • КРИМ  
КЪЫРЫМ

№ 3 (34) 2013

Верстка — *Валерий Басыров*

Дизайн обложки — *Александр Иванченко*

Корректор русского блока произведений —  
*Марина Рязанова*

Формат 70x100  $\frac{1}{16}$ . Бумага Munken 90  $\frac{r}{m}^2$ .  
Печать офсетная. Усл. п. л. 23,22

Издатель: КРО НСПУ  
Свидетельство о государственной регистрации печатного средства  
массовой информации:  
серия КМ № 3171-1823 Р от 26 декабря 2012 г.

© Оригинал-макет и верстка подготовлены в издательстве «ДОЛЯ»:  
95022 г. Симферополь, ул. Виноградная, 22. E-mail: vbasurov@mail.ru

Отпечатано на полиграфическом оборудовании ЧП «Эльинь»:  
95006 г. Симферополь, бульвар Ленина, 5/7